

М. И. Артамонов

Сокровища саков

Аму-Дарьинский
клад
Алтайские
курганы
Минусинские
бронзы
Сибирское
ЗОЛОТО

Москва
„Искусство“
1973

Памятники
древнего
искусства

Оригинальная тоновая фотосъемка осуществлена специально для этого издания *А. А. Александровым*, а также *Д. В. Белоусом* (№№ 44, 223, 227, 240, 265, 273).

Цветная фотосъемка для этого издания произведена *Э. И. Стейнхартом*; №№ 77, 78, 79, 81, 298, 306 — съемка *С. Г. Гасилова*.

Кроме того, издательство воспользовалось негативами Государственного Эрмитажа и Института археологии АН СССР (Ленинградское отделение).

I

Ираноязычное население Средней Азии и Южной Сибири в I тысячелетии до н. э.

Событием большого исторического значения было возникновение во всей степной полосе Евразии кочевого скотоводства как особой формы не только специализированного производства, но и быта. В эпоху бронзы скотоводство развивалось как пригородное, пастушеское, связанное с земледелием и оседлостью, хотя и тогда уже существовали племена, жившие по подвижному образам жизни, часто менявшие место своего обитания в поисках корма для скота. Однако носители основных культур эпохи бронзы в степной Евразии, таких, как срубная и андроновая культуры, во II тысячелетии до н. э. характерны были относительно долговременные поселения с жилищами, вырытыми в земле в виде ямы, перекрытой досками на столбах. В таких землянках, достигавших 20 м в длину и 8—9 м в ширину, в одной части помещались люди, а другая служила для содержания скота, в особенности молодняка, в зимнее время.

Хозяйственная деятельность обитателей таких жилищ была направлена, с одной стороны, на выращивание злаков: пшеницы, ячменя, проса и других растений на возделанных участках земли, преимущественно в речных долинах. Песчано-илистые почвы последних более доступны для обработки

примитивными орудиями, нежели тяжелые степные черноземы и суглинки, а главное, лучше увлажнены, чем окружающая засушливая степь. Другим видом хозяйственной деятельности было разведение крупного и мелкого скота, лошадей и свиней, содержание которых при ограниченности кормозаготовок требовало выпаса на подножном корму в течение круглого года. В условиях отгонного содержания животных увеличение стада неизбежно вызывало необходимость использования пастбищ, находящихся на все более и более значительном расстоянии от поселения, что в конце концов и привело к отказу от оседлости и переходу к кочевому образу жизни, тем более что к этому времени средства передвижения в виде запряженной волами повозки со сплошными колесами, закрепленными на вращающихся вместе с ними осях, уже давно существовали, а лошади были освоены для верховой езды.

Условия для перехода от пастушеского пригородного скотоводства к кочевому существовали давно, однако этот переход не мог произойти сам по себе, в результате простого увеличения числа домашних животных. Этот переход и связанная с ним перестройка быта стали возможными и необходимыми

только тогда, когда скот и продукты скотоводства приобрели меновую стоимость, когда скотоводы включились в широкую систему общественного разделения труда. Кочевое скотоводческое хозяйство — хозяйство специализированное, не способное удовлетворять все насущные потребности производителей; оно не может быть замкнутым, самодовлеющим. Больше всего кочевники нуждались в хлебе, металле и вообще в изделиях несовместимого с их бытом развитого ремесла, получить которые можно было только путем обмена или грабежа у народов с другим направлением хозяйственной деятельности. Подвижность кочевников, связанная с развитием средств передвижения, во много раз сократила время, необходимое на преодоление расстояния между различными общественными группами, открыла возможность контактов и в целях мирного обмена и для ведения войны.

Новый для своего времени тип хозяйства очень быстро занял господствующее положение в степях и повлек за собой серьезную перестройку экономических и социальных отношений. Еще в докочевой период скот стал мериллом и символом богатства, а вместе с тем и социального значения его владельцев. С возникновением кочевого быта ценность скота еще больше возросла, и как следствие этого умножились случаи его похищения, участились столкновения из-за пастбищ. Все это вызвало необходимость упорядочения и укрепления общественной организации и повысило роль военного дела. У кочевников появляются огромные, хотя и недолговечные, объединения племен в виде конфедераций или империй, но в том и другом виде на основе военной организации со сложной иерархией наследственных и выборных вождей.

Еще на пастушеской стадии своего развития экстенсивное, не обеспеченное кормозаготовками скотоводство требовало обширных пастбищных угодий. Уже по одному этому скотоводческие племена нуждались в больших территориях и в своем распространении придерживались только географических условий. Слабо расчлененные евразийские степи с их необозримыми просторами представляли в этом отношении особенно благоприятные возможности. Вследствие этого на всем протяжении степей Восточной Европы, Сибири и Средней Азии возникает культура, обязанная своим единством не только однородности хозяйственного и бытового уклада ее носителей, не только наличию тесных связей и взаимодействий между племенами, но и общности их происхождения. Сходство европеоидного расового типа представителей этой культуры на всем ее

протяжении подтверждает такое заключение. Это, как теперь можно считать признанным, были ираноязычные племена, которые, при всей своей общности, все же различались между собой отдельными исторически обусловленными этнографическими признаками. В соответствии с этим внутри указанной культурной общности в бронзовом веке существуют родственные, но более или менее отличающиеся друг от друга по второстепенным признакам археологической культуры, такие, как срубная в Причерноморье и в Поволжье, андроновская в Южной Сибири, тазабагьябская в Средней Азии с их более мелкими подразделениями.

Многолетнее изучение андроновской культуры Южной Сибири показало, что на занятой ею огромной территории существовало несколько центров, из которых один, наиболее восточный, находился в Минусинской котловине, на Алтае и в Восточном Казахстане, второй охватывал Центральный Казахстан, а третий обнимал Западный Казахстан, Притоболье и Южное Приуралье. Вместе с тем установлено, что в разных областях своего распространения эта культура появляется не одновременно. Так, в Средней Азии тазабагьябская культура оказывается сходной не с ранними, а с поздними формами андроновской и вместе с тем срубной культур, результатом смешения которых, по всей вероятности, она и является. Только в последней четверти II тысячелетия до н. э. эта культура в позднейшем своем варианте подходит к древним земледельческим оазисам Южной Туркмении.

В южной части Средней Азии, в северных предгорьях Копет-Дага еще в V тысячелетии до н. э. возникла земледельческая культура, основанная сначала на паводковом, так называемом лиманном, а в дальнейшем и на искусственном орошении. Эта культура, однородная с земледельческими культурами Северного Ирана, также характеризуется расписной керамикой. Памятниками ее являются более или менее высокие холмы — дэпе, образовавшиеся на местах долговременных поселений, состоявших из глинобитных построек. Позже, в эпоху бронзы земледельческие поселения этого рода появляются в бассейне реки Мургаба, в Ферганской долине и еще дальше на восток — в центральной части Синьцзяна. Тогда же элементы южной земледельческой культуры проникают на север — в пустыни Каракумов и в Приаралье, где вместе с местной керамикой находятся сделанные на гончарном круге сосуды и бронзовые вещи южных типов.

Еще американской экспедицией Р. Пумпелли и Э. Шмидта в 1908 г. на Южном холме Анау близ

Ираноязычное население Средней Азии и Южной Сибири

Ашхабада в среднем ярусе отложений III культуры была выделена лепная „варварская“ керамика, отличающаяся от сделанной на гончарном круге¹. В дальнейшем того же рода керамика была найдена и на некоторых других поселениях той же культуры. Особенно интересные наблюдения сделаны на поселении Теккем-депе², где варварская керамика перекрывала остатки погибшего в огне поселения типа Намазга VI — одного из наиболее изученных поселений Мургабского оазиса — и в свою очередь была перекрыта отложениями того же типа. Еще выше снова находился слой с лепной керамикой, свидетельствующий о вторичном заселении этого места представителями варварской культуры. В поселении Намазга-депе, стратифицированные отложения которого служат эталонами относительной хронологизации других поселений той же культуры, варварская керамика связывается с верхней частью слоя VI, относящегося к концу II тысячелетия до н. э. Что же касается слоя „варварской оккупации“, то его время определяется X—VIII вв. до н. э.

Варварская керамика в древних земледельческих поселениях Южной Туркмении представлена различными видами, соответствующими разным этапам ее развития у степных племен, что свидетельствует о длительности контактов между степняками и земледельцами Южной Туркмении, начавшихся, по видимому, еще в третьей четверти II тысячелетия. Пожарище на Теккем-депе говорит о том, что эти контакты не всегда были мирными. Упомянутый слой, или период, „варварской оккупации“ означает не только нарушение местной культурной традиции, но и вторжение в древнюю земледельческую область нового этнического элемента со своей собственной культурой. Смешение туземцев с пришельцами привело к некоторому общему огрублению культуры в области орошаемого земледелия и к изменению хозяйства, выразившемуся в увеличении роли скотоводства. Этот процесс не ограничился Южной Туркменией, а охватил Иранское плоскогорье, где жили такие же земледельцы, как в Южной Туркмении, и где наблюдаются сходные явления, обязанные вторжению нового этнокультурного элемента. Проникновение среднеазиатских кочевников в северо-восточную часть Иранского плато и возникновение сначала Мидийского племенного союза, а затем и Мидийского царства должны были усилить связи иранского населения Средней Азии и Сибири с культурным миром Ближнего Востока, что мы и видим на примере возникновения так называемой скифо-сибирской, или просто скифской, культуры. В I тысячелетии до н. э., как и позже, население

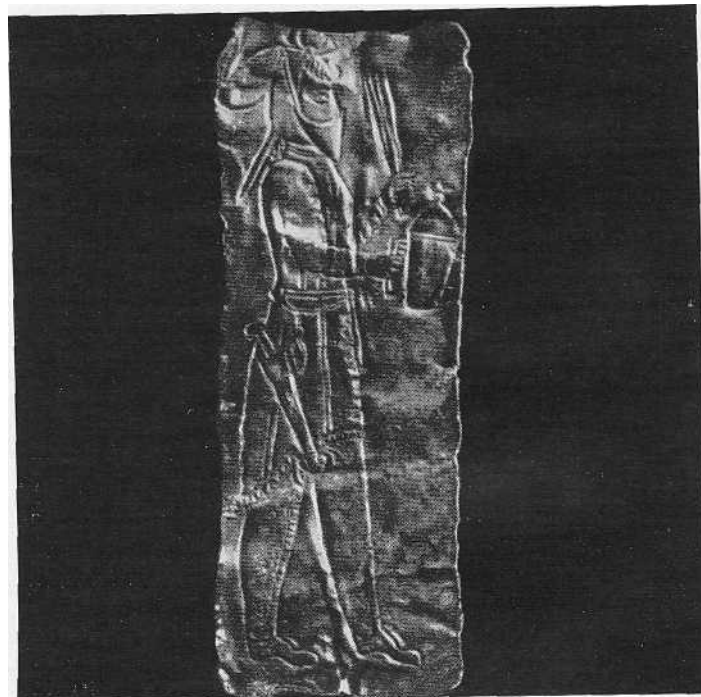
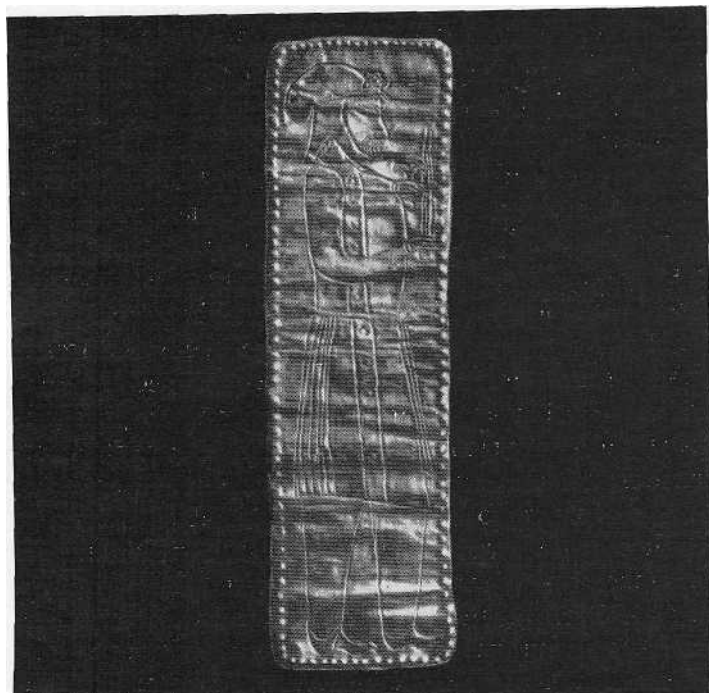
Средней Азии по хозяйству и образу жизни делилось на две части: одна занималась скотоводством и вела кочевой или полукочевой образ жизни, другая жила оседло в оазисах и вела земледельческое хозяйство на основе искусственного орошения. Со временем у оседлого населения появились не только поселки, но и города с развитыми ремеслами и торговлей. Мощные оборонительные стены вокруг них должны были обезопасить жителей от грабительских набегов кочевых соседей. Создание крупных ирригационных сооружений и защита от кочевников рано привели к возникновению в оазисах государственных образований, таких, как Бактрия, Согд и Хорезм. При всем том оседлое и кочевое население Средней Азии было одинаково ираноязычным и близко родственным между собой, хотя в культуре того и другого существовали различия. Греческий историк V в. до н. э. Геродот имел сведения о двух больших группах среднеазиатских кочевников — массагетах, живших в необозримой степи за Каспийским морем, вероятно, в северных Каракумах и низовьях Аму-Дарьи, и саках, местожительства которых он не указывает. Первые, по его словам, по одежде и образу жизни походили на причерноморских скифов, жили в повозках, занимались скотоводством и ловлей рыбы в Аму-Дарье. Женщинами они пользовались сообща, стариков убивали, почитали солнце, в жертву которому приносили лошадей. Сражались массагеты конными и пешими, пользуясь луками, копьями и секирами. „Все, что требуется для копий, стрел и секир, — говорит Геродот, — они готовят из меди; головные уборы, пояса и перевязи украшают золотом. Подобным же образом у лошадей они покрывают грудь медными панцирями, а уздечки, удила и привески украшают золотом“³. Железа и серебра, добавляет к этому Геродот, они вовсе не употребляют, так как этих металлов нет в их стране, а золото и медь имеются в изобилии.

Последнее сообщение Геродота не соответствует действительности, так как в его время железо широко вошло в быт степняков не только в Европе, но и в Азии. Распространение его несколько запоздало в восточной части Сибири, как и в Китае, но не потому, что его не было, а потому, что население там располагало богатой сырьевой базой для изготовления бронзы, которая по качеству не только не уступала железу, а, наоборот, превосходила до того времени, когда люди научились превращать его в сталь.

Еще меньше Геродотом сообщается о саках. По его словам, саками назывались племена амюргейских

¹
Вотивная пластинка
с изображением мужчины
с цветком и копьем в руке.
Аму-Дарьинский клад

Вотивная пластинка
с изображением мужчины
в башлыке с закрытой
нижней частью лица.
Аму-Дарьинский клад

Геродот опять называет в нем саков и отмечает их как особенно отличившихся в битве при Платеях (479 г.)¹⁰.

Саки упоминаются и в персидских клинописных памятниках. В надписи на гробнице Дария в ущелье Накш-и-Рустам близ Персеполя названы три группы саков: саки-тиграхауда (носящие остроконечные

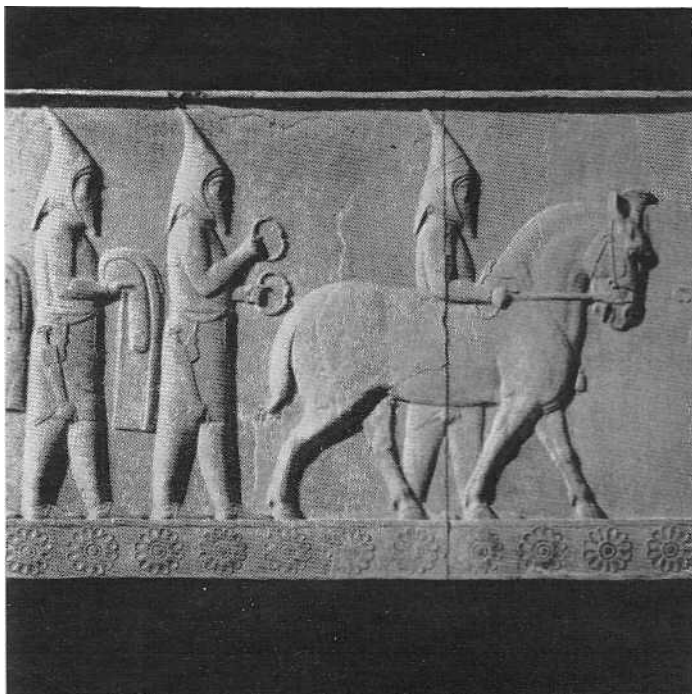
скифов, носившие высокие остроконечные шапки из плотного войлока и длинные штаны. Вооружены они были луками, короткими мечами и секирами⁴. По сведениям современника Геродота Геланика, амюргейскими саки назывались по местности, которую занимали⁵. Вслед за В. В. Григорьевым В. В. Струве сближает название амюргейских саков с именем наиболее значительной реки Туркмении— Мургаб⁶, в соответствии с чем их следует помещать в степях юго-восточных Каракумов, между этой рекой и Аму-Дарьей. По-видимому, это они поддержали восстание маргианцев под руководством Фрада против персидского царя Дария, жестоко подавленное в 522 г.⁷. По Геродоту, саки входили в состав XV сатрапии Дария и выплачивали вместе с каспами 250 талантов подати⁸. Кроме того, они были обязаны поставлять контингента в персидское войско. В Марафонском сражении в 490 г. они вместе с персами находились в центре боевых порядков⁹. Описывая разноплеменное войско сына Дария Ксеркса, собранное для похода на Грецию,

шапки), саки-хаумаварка¹¹ и саки-тарадарайя (заморские или заречные). Представители этих групп, так же как и других народов, подвластных персам, изображены в рельефах над входом в гробницу Дария поддерживающими трон царя, изображения сопровождаются пояснительными надписями.

Вопрос о местонахождении трех групп саков остается спорным. Можно предположить, что саки-хаумаварка жили поблизости от Бактрии или даже входили в состав населения этой страны, так как они отождествляются со скифами амюргейскими, территориально связанными с рекой Мургаб. На многочисленных вотивных золотых пластинках из знаменитого Аму-Дарьинского клада с грубо выгравированной (в одном случае рельефной) фигурой человека с цветком, пучком прутьев или копьем в руках, а также и без них, имеются персонажи, одетые так же, как саки, на рельефах гробницы Дария (илл. 1, 2).

Аму-Дарьинский клад, в основе своей представляющий храмовое сокровище, составившееся из прино-

Саки, подносящие дары.
Рельеф на лестнице
в ападану в Персеполе

шений верующих, найден в верховьях Аму-Дарьи, в пределах древней Бактрии, владения ее в пору расцвета простирались на южную часть Средней Азии от Памира до Каракумов. Кроме занимавших горные оазисы бактрийцев, которые в персепольских рельефах изображены в таких же, как саки, кафтанах, но с напущенными на голенища мягких сапог складчатыми штанами и в круглых низких шапочках типа тибетейки, в бассейне Аму-Дарьи могли жить и саки, проникавшие в своих кочевьях в горы Памира до верховий этой реки, но в большей своей части обитавшие в степи и составляющие самостоятельную административную единицу Персидской империи.

Фигуры мужчин и женщин на золотых пластинках Аму-Дарьинского клада изображены в различных одеждах. Одни мужчины представлены в кафтанах до колен и в мягких башлыках с заломленным назад верхом, иногда с открытой, а в ряде случаев с закрытой нижней частью лица, другие — в длинном меховом или с меховой опушкой халате с декора-

тивными рукавами, который носился внакидку. Все эти типы одежды представлены и в рельефах персепольского дворца, где, кроме того, часть персонажей в шаровидных шапках, характерных для мидян, тогда как мягкие башлыки носились, по-видимому, персами и обычно завязывались так, что закрывали нижнюю часть лица. Саки на тех же рельефах изображены с открытыми лицами (илл. 3). У слуг — длинные одежды со складками, а в халаты с декоративными рукавами одеты знатные персы, представленные на рельефах вдоль лестницы трипилона.

Поскольку одежда являлась устойчивым этническим признаком и именно с таким значением выступает в персепольских рельефах, изображенных на аму-дарьинских votивных пластинках следует считать представителями персов и саков. Принимая во внимание близкое родство этих народов между собой и нахождение Аму-Дарьинского клада в области, входившей в состав Персидского царства, где персы представляли центральную власть, а саки местное население, вполне естественно соединение их в почитании одного святилища.

Из аму-дарьинских votивных пластинок наиболее замечательна пластинка 15 см длины с рельефным изображением человека в таком же, как в других случаях, заломленном назад башлыке, из-под которого видны завитые кудри волос над лбом и у плеч за шеей (илл. 4). У него, как и у персонажей на других пластинках, орлиный нос, усы и клиновидная борода. Одет он в кафтан до колен с узкими рукавами и с продольными прошивками по бокам, на плечах и по подолу, опоясан в два оборота узким кушаком, спереди стянутым узлом с двумя длинными концами. На нем узкие штаны и мягкие сапоги, подвязанные у щиколоток ремнями. У пояса с правой стороны характерный акинак — короткий меч в ножнах с боковой лопастью для подвешивания, совершенно такой же формы, как акинак, золотая обкладка ножен которого имеется среди вещей Аму-Дарьинского клада или какие представлены у мидян, персов и саков на персепольских рельефах. Все они одинаково подвязывали нижний конец ножен меча к правой ноге специальным ремнем, что показано и на пластинке Аму-Дарьинского клада и на персепольских рельефах. В правой согнутой руке изображенный на аму-дарьинской пластинке держит перед собой пучок прутьев, так называемый „барсом", или „брасман", употреблявшийся, по словам Геродота, скифами при гадании¹² и вместе с тем служивший для разжигания священного огня. Считается, что это либо маг, либо жрец. Для нас

Маг с прутьями в руке.
Вотивная пластинка.
Аму-Дарьинский клад

в данном случае важно, что это, как показывает способ подвязывания башлыка, скорее всего сак, а не перс.

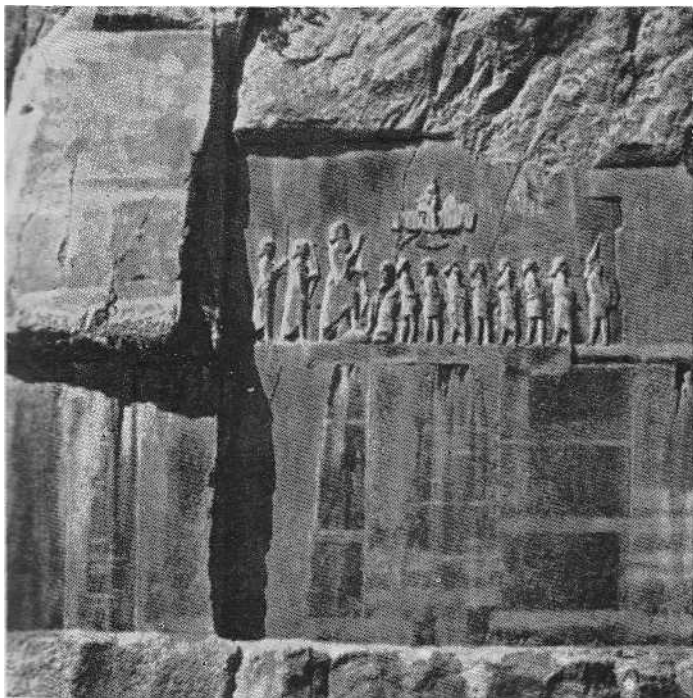
Аму-дарьинские изображения очень близки к персепольским рельефам не только иконографически, но и по стилю, а следовательно, относятся к одному времени с ними, то есть к концу VI—V вв. до н. э. Согласившись с локализацией саков-хаумаварка в южной части Средней Азии, мы, естественно, должны будем искать две другие группы саков к северу от них. Это те группы саков с остроконечными шапками („ортокорибантии“), из среды которых вышел побежденный Дарием сак Скунха и которые в рельефах на стене лестницы, ведущей к ападане персепольского дворца, изображены среди представителей подвластных персам народов, подносящих дары царю царей, в виде особой группы людей; один из них ведет прекрасного коня, другой несет, вероятно, золотые браслеты, а трое остальных — части сакской одежды: кафтан и штаны. Сильный конь с выгнутой шеей, тщательно расчесанной гривой и

с узлом на конце хвоста ничем существенным не отличается от других изображений коней в той же процессии, кроме, разве, султана, укрепленного над его лбом. Но так как каждый народ подносил царю лучшее из того, чем он располагал, то можно думать, что в данном случае изображены саки, разводившие ценную породу лошадей, что заставляет вспомнить о славившихся в древности конях вклинившейся глубоко в горы Ферганской долины.

Так как одна из групп саков, живших севернее саков-хаумаварка, называлась „заречными“ — тарадарайя, то вполне резонно помещать ее за Сыр-Дарьей. В таком случае ферганские саки, саки, жившие за Согдом, окажутся саками-тиграхауда. Саки-тарадарайя одинаково локализируются к северу от Сыр-Дарьи, толковать ли их название как „заречные“ или „заморские“; Аральское море в древности считалось частью Каспийского, и определение „заморские“ могло означать только саков за этим морем, то есть вместе с тем и за Сыр-Дарьей.

Начало покорения Средней Азии персами относится к царствованию Кира II (558—530 г.), причем первой должна была пасть Бактрия, занимавшая ключевое положение. Ктесий сообщает, что после подчинения Бактрии Кир вел войну с саками и взял в плен царя их Аморга, в имени которого, вероятно, следует видеть название возглавляемого им племени, то есть амюргиев, или хаумаварка. Жена Аморга, узнав о пленении мужа, собрала новое войско, нанесла поражение персам и захватила в плен нескольких родственников Кира. Это заставило последнего обменять их на Аморга, а затем и заключить с ним союз. Кир фактически не сумел подчинить саков, обитавших вблизи Бактрии. В рассказе Ктесия о войне Кира с Лидией и с дербиками саки во главе с Аморгом выступают союзниками, а не подданными персов¹³. Сохранилось сообщение, что Кир II погиб в борьбе со среднеазиатскими кочевниками в 530 г. По Геродоту, массагеты заманили его в глубь своей страны и, когда персы, захватив лагерь противников, торжествовали победу, неожиданно напали на них и перебили¹⁴. При Дарии I (522—486 г.) Средняя Азия уже прочно входила в Ахеменидскую державу. В надписях, заложенных в основании дворцов Дария в Персеполе и Экбатане, крайние восточные границы Ахеменидской империи определены „от саков, которые за Согдом“. То же самое означает и выражение: „Страна саков, достигающая пределов земли“ в надписи на стеле Дария, открытой В. С. Голенищевым на Суэцком перешейке. В. В. Струве отождествляет саков этой страны с саками заморскими — тарادا-

Рельеф
на Бехистунской скале.
Последний справа сак Скунха

райя, полагая, что текст надписи можно истолковать как „проживающие у моря на краю земли“¹⁵, — то мало вероятно, так как проживающих у моря, представляющего границу окруженной им земли, никак нельзя назвать заморскими.

3. В. Струве обратил внимание на то, что в ранних списках подвластных Дарию народов — Бехистунском и Персепольском — саки упоминаются только „о одному разу, и притом в общей форме, без указания их частных наименований. В Сузианском списке значатся два сакских народа — хаумаварка тиграхауда, и только в самом позднем Накширустемском списке, кроме того, появляется третий народ саков — тарадарайя¹⁶. На этом основании можно полагать, что эти последние саки были покорены позже других и только при Дарии Повествование Бехистунской надписи о походе Дария з 519 г. на саков с острыми шапками, чья страна находится за морем или за рекой, относится к саккам-тарадарайя, так как именно последние жили за водной преградой — то ли морем, то ли рекой, —

через которую надо было переправляться, о чем говорится в надписи; ею могла быть Сыр-Дарья. В надписи далее сообщается, что саки были разбиты и что вождь их Скунха был захвачен Дарием, назначившим правителем саков другое лицо, по видимому, из местных вождей¹⁷. Здесь речь идет явно не о подавлении восстания, а о первом завоевании, которому Дарий придавал очень большое значение. Фигура Скунхи в остроконечной шапке со связанными руками и веревкой на шее была добавлена к первоначальным изображениям на Бехистунской скале после покорения этих саков (илл. 5). В первоначальном рельефе ее не было, как не было и надписи в 5-м столбце, повествующей об этом событии.

Массагетов персидские источники вовсе не упоминают, вероятно, потому, что они не входили в состав Ахеменидской державы и после неудачной попытки Кира персы никогда не старались распространить на них свое господство. Некоторые ученые даже сомневаются в самом существовании массагетов как особого племени, полагая, что их название значит „большие саки“ или „большая сакская орда“¹⁸, что, по сути дела, ничего не меняет, так как, если массагетов как племени не существовало, то было в дальнейшем распавшееся объединение сакских племен под этим или сходным наименованием. По весьма вероятному заключению В. В. Струве, массагеты — это приаральские саки, известные, как уже указывалось, под общими наименованиями: „ортокорибантии“, то есть носящие острые шапки, а позже под именем „даев“ или „дахов“, которые, по Аммиану Марцеллину, были предками алан¹⁹. Важно, что большинство состоявших в массагетском союзе племен не было подчинено персам и только хорезмийцы, по преданию, принадлежавшие к массагетам, значатся в надписях Дария наряду с бактрийцами и согдийцами в числе подданных персидского царя. Впрочем, владычество персов над ними было не продолжительным. В IV в. они становятся независимыми.

Соседями массагетов Геродот называет исседонов, под давлением которых часть азиатских скифов якобы была вынуждена переселиться в Причерноморье, откуда они, в свою очередь, изгнали обитавших там ранее киммерийцев. Если следовать за этим писателем, то исседонов надо помещать в Центральном или Западном Казахстане, так как Восточный Казахстан принадлежал саккам-тарадарайя. Однако, исходя из общей картины расселения кочевников Евразии, данной Геродотом и скорректированной археологическими наблюдениями, более вероятным

представляется помещение исседонов в Южном Приуралье. Археологически эта группа кочевников, по ряду признаков близкая к массагетам Приаралья, отличается как от савроматов-сарматов Нижнего Поволжья и Подонья, с одной стороны, так и от так называемой тасмолинской культуры Центрального Казахстана — с другой²⁰.

Последняя же, в своих наиболее существенных признаках распространенная далеко на восток, до Алтая и Саянских гор включительно, принадлежала, по-видимому, сакам, в общем называемым персами заречными или заморскими (тарадарайя).

Свои сведения об исседонах Геродот заимствовал у Аристея Проконисского, поэма которого „Аримаспия“ до нас не дошла и который будто бы сам побывал у исседонов. Согласно этим сведениям, исседоны, как и массагеты, поедали тело умершего отца вместе с мясом убитых для поминального пира животных, а череп его покрывали золотом и употребляли как священный сосуд при жертвоприношениях. Вместе с тем они считались справедливым народом, и женщины у них пользовались одинаковым положением с мужчинами²¹.

Сведения о народах, живущих за исседонами, Геродот сам считал не заслуживающим доверия баснословием. Рядом с ними он называет одноглазых аримаспов, похищавших золото у неких стерегущих его грифонов²². Кроме них он называет занимавшихся охотой иирков²³, плешивых аргипеев и простиравшихся до самого Океана гипербореев²⁴. Все они, кроме гипербореев, по словам Геродота, постоянно воевали между собой. Все эти сведения относятся, по-видимому, к населению Западного Приуралья и Урала (Рипейских гор), сведений же о находившемся за саками населении Сибири в распоряжении Геродота вовсе не было.

Данные о населении восточной части степей Евразии, а в особенности Центральной Азии, в середине которой простирается песчаная пустыня Гоби, содержатся в китайских источниках. Кроме тюркоязычных хунну (гуннов или хуннов) в Монголии и Прибайкалье и занимавших Саяны и Минусинскую степь загадочных динлинов в китайских хрониках, повествующих о событиях III в. до н. э., появляются юэчжи. Клапрот, Абель Ремюза в начале XIX в., а в наше время С. П. Толстов отождествили их с массагетами, полагая, что китайское название да-юэчжи — большие юэчжи — соответствует наименованию масса-геты — большие геты, — что, следуя С. П. Толстову, якобы подтверждается наличием в хорезмской культуре некоего фракийского слоя²⁵. Китайские источники указывают юэчжэй в Хэси

от Дунь-Хуаня — на север, от Великой стены при Ордосе — на северо-запад до Хами и считают их одним из подразделений народа сэ, то есть саков²⁶. Это была наиболее восточная часть ираноязычных кочевников, этнически родственная не только со среднеазиатскими саками, но и с такими же кочевниками Южной Сибири. К границе Китая они придвинулись не позже V в., но уже к концу III в. были изгнаны оттуда хунну (гуннами) на свою основную территорию в степной Джунгарии. Там они оставались до тех пор, пока гунны не оттеснили их еще дальше на запад — в Среднюю Азию, куда они прошли через проходы, и раньше и позже связывавшие кочевников по обе стороны Тянь-Шаня.

Средняя Азия после смерти завоевавшего ее Александра Македонского досталась во владение одному из его полководцев, Селевку, и была превращена в сатрапию Селевкидского государства, включавшую Бактрию и Согдиану. Сохранивший свою независимость при Александре Македонском Хорезм продолжал оставаться самостоятельным государством. В середине III в. до н. э. (247 г.) вожди кочевого племени парное, или дахов, Аршак и Тиридат образовали на территории нынешней Туркменской ССР независимое Парфянское царство. Тогда же (около 250 г.) и сатрапия Бактрия отделилась от Селевкидов, превратившись в Греко-Бактрийское царство с потомками греческих завоевателей во главе. Оно распространило свои владения не только на весь Афганистан, но и на северо-западную часть Индии. Но затем часть провинций этого государства была отнята Парфией, а Согдиана, отделившись от него, вошла в состав вновь возникшего царства Кангха (Канкюй). Окончательный же удар по Греко-Бактрийскому царству был нанесен вторгшимися в Среднюю Азию юэчжами. На краю гибели оказалось и Парфянское царство; только с большим напряжением сил ему удалось отстоять свое существование²⁷. По китайским сообщениям, да-юэчжи — большие юэчжи — прошли в Среднюю Азию через Давань (Фергану). Разбив и оттеснив саков (сэ) в Гибинь (долину Кабула), они заняли Согд и к 128 г. до н. э. покорили Греко-Бактрийское государство, образовав несколько самостоятельных владений, позже объединенных в Кушанское царство.

Вслед за юэчжами в восточной части Средней Азии — в Семиречье — появились усунь, племя, неизвестное по происхождению и этнической принадлежности, наряду с юэчжами жившее в области Хэси между Дунь-Хуанем и Циньяньшанем в западной части современной китайской провинции Ганьсу. Юэчжи вытеснили его оттуда в Западную

Аксу, где оно подчинилось гуннам и прикрывало западную границу. После разгрома юэчжей гуннами усунь, преследуя побежденных, вторглись в Семиречье, этот естественный коридор, соединяющий Восточный Туркестан со Средней Азией, где, мешавшись с саками, образовали самостоятельное государство, просуществовавшее там до III в. н. э.²⁸. История государственных образований Средней Азии в эллинистическое время, таких, как Согдиана и Бухара, а также полностью или частично возникших на ее территории, но затем распространившихся далеко за свои первоначальные пределы, подобных Греко-Бактрии или огромной Парфянской империи, ушедшей на место Ахеменидской Персии, выходит за рамки нашей темы. Но при рассмотрении культуры саков и других ираноязычных кочевых племен Евразии эти государства необходимо иметь в виду, так как многие явления в культуре и искусстве очевидны находились в столь же тесной зависимости от воздействия как со стороны данных государств, так и со стороны предшествовавшей им возникновению Ахеменидской империи. С течением времени важным фактором культурной истории евразийских кочевников становится также Китай. Тем не менее ираноязычные племена Евразии и в это время сохраняли своеобразие и единство своей культуры. Общими для них, как и прежде, оставались оружие, конское снаряжение и искусство звениного стиля — то, что в археологии получило название „скифской триады“. Отдельные элементы их культуры в большей или меньшей степени охватывали и соседние области, занятые другими этническими группами, однако этнографическая общность ираноязычного населения Евразии оставалась достаточно четкой за все время его существования.

II

Художественные памятники саков Средней Азии и Западной Сибири

Археологические памятники Средней Азии сакского времени известны в весьма ограниченном числе и до сих пор не дали находок, по ценности и художественному совершенству сравнимых с комплексами, обнаруженными в скифских курганах Северного Причерноморья. Исключением является знаменитый Аму-Дарьинский клад, найденный в 1877 г. на границе с Афганистаном на правом берегу Аму-Дарьи, по всей вероятности, на месте развалин, находящихся между устьями рек Кафирниган и Вахш, носящих в настоящее время название Пахта-Каяд вместо древнего Тахти-Кобад — Трон Кавада¹. Точное место и обстоятельства находки этого клада остаются неизвестными. Входящие в его состав золотые и серебряные вещи были в 1880 г. приобретены А. Кунинхемом и В. Фрэнксом в Пешаваре у бухарских купцов, скупивших их у нашедших сокровище местных жителей. В кладах насчитывается более ста восьмидесяти различных предметов, часть из них О. М. Дальтон считал персидскими ахеменидского периода V—IV вв. до н. э., а часть — мидийскими, относящимися еще к VI в. до н. э. В некоторых вещах он усматривал греческое влияние, а два кольца признал греческими произведениями. Остальные изделия он рассматривал как варварские,

по большей части скифские². С вещами Аму-Дарьинского клада в Британский музей поступило около тысячи пятисот монет различных типов, но принадлежность их к кладу является весьма сомнительной³. Кроме упомянутых уже пластинок в числе до пятидесяти экземпляров с гравированными изображениями людей и нескольких того же рода пластинок с фигурами животных в составе клада имеются золотые и серебряные статуэтки, изображающие людей и животных или же только их головы. Сюда же входит золотая запряженная четверкой коней двухколесная повозочка с двумя человеческими фигурками на ней. Часть другой такой же повозочки свидетельствует, что это было не уникальное изделие. Следующую большую группу вещей в кладах составляют золотые браслеты (30 экземпляров) и кольца или перстни (15 экземпляров). Далее сосуды — кувшин и чаши, — бляшки с различными изображениями, подвески. Особо следует отметить золотую обкладку ножен меча (акинака) и оригинальную эгретку в виде лежащего грифона. В этом своем виде клад, по всей вероятности, представляет собой храмовое сокровище, составившееся в течение длительного времени из votивных приношений верующих и спрятанное в землю ввиду

движущейся опасности, возможно, перед приближением войска Александра Македонского в 329 г. Не исключено, что в Аму-Дарьинский клад в том виде, в котором он попал в Британский музей, вошли какие-то предметы иного происхождения и более позднего времени. Выделить их сейчас не представляется возможным. Среди связываемых с кладом монет довольно много чеканенных при Александре Македонском (более 200) и бактрийских царях Евтидеме и Агафокле, поэтому зарытие клада принято датировать временем между 200 и 180 гг. до н. э. Однако, как уже отмечалось, связь монет с кладом мало вероятна и даже при признании такой связи в число этих монет, собранных путем покупки у разных лиц и в разное время, могли попасть многочисленные экземпляры, не имеющие к нему никакого отношения. В основном же своем составе Аму-Дарьинский клад, несомненно, относится ко времени не позже IV в. до н. э.

Особую группу среди вещей Аму-Дарьинского клада составляют ювелирные изделия с цветными инкрустациями или только с ячейками для вставок из лазурей или эмали. Наиболее замечателен из них золотой браслет с фигурками орлиных грифонов на концах (илл. 6). Оба грифона совершенно одинаковые и представлены в положении прыжка с плотно поджатыми передними и оканчивающимися птичьими когтями вытянутыми задними ногами. Закругленные крылья грифонов загнуты вперед, а S-видно изогнутые козлиные рога заканчиваются чашечкообразным расширением. Все части этих изображений покрыты гнездами для инкрустаций, имеющими разнообразные формы, соответствующие структуре этих частей. Характерная форма браслета с вогнутостью посредине кольца известна по ряду находок в других областях Персидской империи, в частности, в Сузах, и представлена в изображениях сирийцев, приносящих дары персидскому царю, в рельефах на лестнице ападаны в Персеполе. Эти браслеты, как и аму-дарьинский, украшены по концам скульптурными фигурками животных, тогда как браслеты, приносимые саками на тех же рельефах, обыкновенные круглые, без таких украшений. Судя по изображениям стрелков на фризе во дворце в Сузах, браслеты с вогнутым кольцом носили на обнаженной плечевой части руки, чем и объясняется большая величина аму-дарьинского экземпляра — 12,3 см в диаметре.

Инкрустациями была украшена также так называемая эгретка Аму-Дарьинского клада (илл. 7), представляющая собой рельефное изображение лежащего в профиль львиного грифона с повернутой в фас

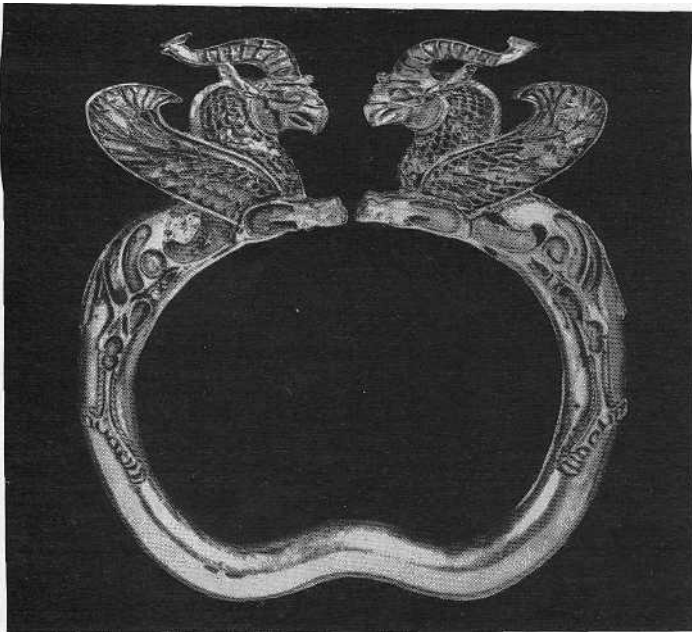
скульптурной головой с раскрытой пастью, возвышающейся на толстой шее. По сторонам шеи симметрично раскинуты крылья с загнутыми концами, на голове длинные острые уши и завернутые полукругом назад козлиные поперечно-рубчатые рога с шариками на концах. Пропущенный между задними ногами хвост, изгибаясь, поднимается над туловищем и заканчивается большой листовидной фигурой. В основании крыльев, на плече и на бедре грифона имеются обведенные довольно широкими бортиками ячейки для инкрустаций, у крыльев листовидные, а на плече и бедре в виде кружка с одним или двумя криволинейными треугольниками по сторонам. В отличие от грифонов на браслете, где мелкие ячейки на голове, шее и крыльях образованы посредством напаянных тонких перегородок, а углубления сделаны только для сравнительно больших вставок на туловище и ногах фантастического зверя, на эгретке все гнезда для инкрустаций углубленные.

Таким же способом выполнены ячейки для инкрустаций на щитке золотого перстня из Аму-Дарьинского клада⁴, на котором изображен львиный грифон в бурном движении — с повернутой назад головой, изогнутыми по окружности щитка туловищем и шеей, с крылом в форме завитка и с ногами, вытянутыми за пределы щитка по поверхности кольца. Инкрустациями были украшены и части других вещей Аму-Дарьинского клада. Ячейки для вставок есть на нескольких золотых браслетах этого клада или в виде поперечных выемок по наружной стороне на концах, или перегородок на орнаментированных наконечниках (илл. 8).

Значительно выше места находки Аму-Дарьинского клада, в бассейне верховий Аму-Дарьи, в горах Восточного Памира, экспедицией А. Н. Бернштама обнаружены курганы сакского времени. Запратанные глубоко в горах на высоте более 4000 м, эти курганы оказались не тронутыми грабителями. В кургане № 10 в урочище Тамды на правом берегу реки Памир, притока реки Пянджа, под каменной насыпью в 5 м высотой в могильной яме при скорченном скелете старика обнаружены: обшитый кожей деревянный колчан с набором разнообразных стрел, лежавшие на нем два железных меча (акинака), а под колчаном остатки кожаного же налучья (горита) с нашитыми на нем бронзовыми бляшками в виде профильных фигурок стоящего горного козла со сближенными ногами (илл. 9). Здесь же оказались остатки инструмента для добывания огня — кусок дерева с полусферическим углублением и круглая палочка для сверления. Рядом с головой

Золотой браслет
с грифонами на концах.
Аму-Дарьинский клад

Золотая эгретка.
Аму-Дарьинский клад

погребенного были собраны бронзовые украшения и части одежды — пряжки и бляшки, из которых наибольший интерес представляют бляшка — протом медведя с ушком на обороте (илл. 10) и такие же бляшки в форме целой фигуры того же зверя (илл. 11). У стенки могилы находились бронзовые удила с трехдырчатыми псалиями, украшенными рельефным зигзаговидным орнаментом. А. Н. Бернштам датирует это погребение V—IV вв. до н. э.⁵ и особо отмечает сходство найденных в нем вещей с формами, известными в Семиречье, на Алтае и в Минусинской котловине. Он полагает, что могильники в горах Памира принадлежали восточной ветви саков — саков заяксартских (тарадарайя), хотя по их географическому положению вероятнее считать, что это были саки-хаумаварка, кочевавшие в бассейне реки Аму-Дарья. По аналогиям в скифских курганах Северного Причерноморья погребение в кургане № 10 относится к VI в. до н. э. Исследованный в 1952 г. второй могильник в южной части Восточного Памира (Горно-Бадахшанская авт.

обл. Таджикской ССР) находится близ урочища *Кызыл-Рабат около гор Акбеит, что значит: „Бел могилы“*, на правом берегу реки Оксу, вливающейся в реку Мургаб. *Здесь насчитывается около сот курганов. Наибольший интерес представляют могилы воинов со скелетами, прикрытыми щитами с деревянной основой и кожаным верхом, с оружием в виде*

топора, клевца, меча и кинжала, с бронзовыми деревянными сосудами с жертвенной пищей и бронзовыми украшениями одежды. Особенно замечателен один железный меч с бронзовой рукояткой вдоль нее с обоих краев расположены рельефные головки козлов, а верхний конец украшен фигуркой лежащего козла с рельефными кружками на плече и бедре и с треугольной выемкой на копыте (илл. 14). Бронзовые бляшки по большей части имеют форму заполненного двумя полукругами ажурного кольца с головкой животного с одной стороны и стилизованного рога с противоположной стороны. У части их широколопастный рог примыкает непосредственно к голове животного. Есть бляшки S-видной формы и более сложных очертаний, напоминающие лягушку, рыбу и др. (илл. 15а—е). А. Н. Бернштам датирует этот могильник в пределах VI—IV вв.⁶ и связывает его с племенем, к культуре которого примешались тибетско-китайские элементы. На самом деле различия между художественными произведениями из могильников Тамды и Акбеит

ранее всего, хронологического порядка и соответ-
ствуют общему направлению в развитии скифо-
сибирского искусства в сторону схематизации.
Если вещи из могильника Тамды не позже VI в.
до н. э., то Акбеит представляет формы, характер-
ные для скифо-сибирского искусства V—IV вв.
до н. э.

В дальнейшем, в 1959 и 1960 гг. археологические
исследования в горах Восточного Памира вел Б. А.
Литвинский. Среди раскопанных им курганов осо-
бого внимания заслуживает курган № 7 в могиль-
нике Тегерман-Су II на речке этого имени, впадаю-
щей справа в Оксу близ Кызыл-Рабата. При скелете
нашлись железный акинак с бронзовой обивкой
рукоятки и с бронзовым же бабочковидным пере-
крестьем и набор бронзовых блях, среди которых
вызвалась одна в форме лежащего оленя с рогами
из растительных завитков, и вторая в виде лежа-
щего фантастического животного с большой лоша-
диной головой, поднятым над спиной S-видным хвостом
и с кружками на концах лап. На шее этого
животного находится фигура не то птицы, не то
зверя с клювовидной мордой. Б. А. Литвинский по-
лагает, что это деформированный образ птицы и
что композиция в целом представляет хорошо из-
вестную в скифо-сибирском искусстве сцену напа-
дения орла на какое-либо животное⁷. По-видимому,
это так и есть. Обращает на себя внимание другое,
а именно необычная для скифо-сибирского искус-
ства стилизация изображения, лишь отдаленно со-
поставимая с некоторыми образцами поздних ордос-
ских бронз. Круглые бронзовые бляшки — розетки
с пламенеvidным выступом сбоку — напоминают фор-
мы, известные по находкам на Алтае, где они по-
являются еще в VI в. Следует отметить также най-
денный в могильнике Иличур II на реке Гупт брон-
зовый котелок с выступающей сбоку ручкой в виде
головы грифона на изогнутой шее. По указанию
Б. А. Литвинского, почти реплика этого сосуда про-
исходит из Гильгита в Индии. И тот и другой он
датирует позднесакским временем (III—II вв.) и вы-
водит из Хорезма или Ферганы⁸.

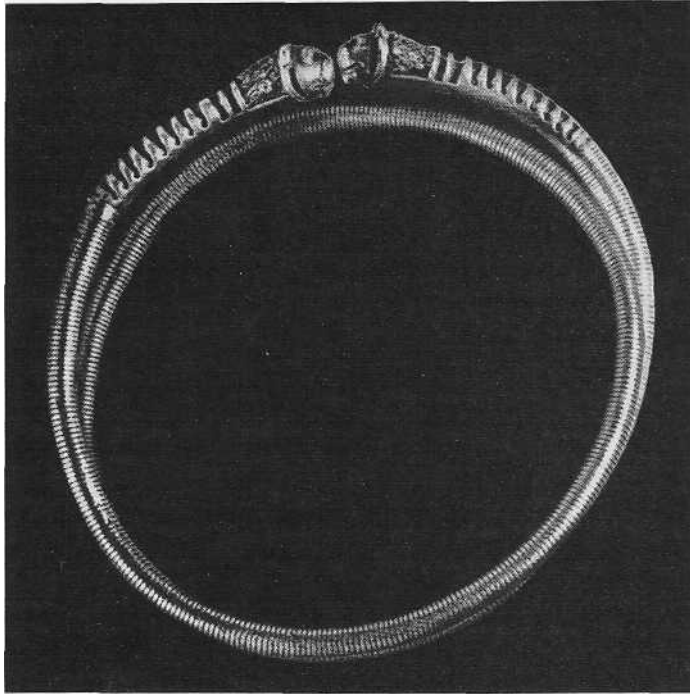
Значение памятников сакского типа в горах Во-
сточного Памира трудно переоценить. Самое глав-
ное заключается в том, что они свидетельствуют
о глубокой древности заселения этой высокогорной
области с прекрасными пастбищами и подтверждают
известную по письменным данным ее роль в связях
Средней Азии с Восточным Туркестаном и Индией.
Хотя число найденных в памирских могилах про-
изведений искусства очень невелико, они опреде-
ленно относятся к тем же типам, которые были ши-

роко распространены в области бытования скифо-
сибирского искусства и, что особенно важно, обна-
руживают особую близость к формам, характерным
для Восточной Сибири и Северного Китая. Послед-
нее обстоятельство позволяет предположить воз-
можность прямых связей Памира с названными об-
ластями через неизвестные в археологическом отно-
шении территории Северо-Западного Китая.

К концу I тысячелетия до н. э. в горах Памира,
как и повсюду в Средней Азии, получают широкое
распространение подкурганые погребения в моги-
лах с подбоем. В большом Тулхарском могильнике
с погребениями этого рода, раскопанном А. М. Ман-
дельштамом в Бишкентской долине вблизи Коба-
дианского оазиса в Юго-Западном Таджикистане,
среди малочисленного и однообразного инвентаря
найденно несколько золотых украшений. Особенно
замечательны серьги с амфоровидными подвесками,
ручки которых трактованы в виде изогнутых стили-
зованных дельфинов (илл. 12) и пара подвесок — в
форме птицы с развернутыми крыльями, украшен-
ной геометризированным узором из вставок бирюзы
с белым овальным камнем посередине (илл. 15). То-
го же рода украшения имеются на золотой фибуле
со щитком в виде кружка и полукружия и на кон-
цах золотой же диадемы. Наряду с этими образ-
цами геометрического инкрустационного стиля в мо-
гильнике найдены: золотой наконечник, составлен-
ный из профильных головок животного с изогнутой
мордой и длинным ухом, и латунная пряжка с внут-
ренними концами, оформленными в виде протом
фантастического крылатого животного (илл. 14). В не-
скольких погребениях обнаружены монеты, позво-
ляющие датировать их второй половиной I в. до
н. э. — началом I в. н. э. В общем же могильник,
по заключению А. М. Мандельштама, относится к пе-
риоду от последней трети II в. до н. э. до начала
I в. н. э.⁹ Появление в бассейне средней Аму-
Дарьи могильников тулхарского типа, по всей ве-
роятности, связывается с вторжением туда кочевых
племен, положивших конец Греко-Бактрийскому
царству.

В противоположной стороне среднеазиатского Меж-
дуречья важные открытия сделаны в древней дельте
Сыр-Дарьи экспедицией С. П. Толстова. Там иссле-
дованы два могильника — Тагискен и Уйгарак. Ма-
териалы раскопок опубликованы лишь частично и
известны пока по предварительным сообщениям.
Тем не менее о них нельзя не упомянуть, так как
это первые погребальные памятники раннего сак-
ского времени в Приаралье, давшие сравнительно
большой и яркий инвентарь.

Золотой браслет
с инкрустациями
на концах.
Аму-Дарьинский клад

Могильник на возвышенности Тагискен, расположенный близ древнего русла Сыр-Дарьи — Инкар-Дарьи, состоит из двух групп погребальных сооружений, древнейшие из которых представляют собой сложенные из сырцовых кирпичей и дерева круглые мавзолеи с трупосожжениями и относятся к периоду поздней бронзы, так называемой дындыбай-бегазинской стадии Центрального Казахстана, датируемой первыми столетиями I тысячелетия до н. э. (IX—VIII вв.). В том же могильнике и в находящемся в 25 км от него другом курганном могильнике на бугре Уйгарак раскопаны и более поздние погребения с трупоположениями в грунтовых ямах под остатками нередко сожженного перекрытия из деревянных балок и камыша или же на грунте без следов сожжения, но окруженных кольцом (иногда двойным) ямок от столбов деревянного погребального сооружения. По углам земляных могил также обнаружены небольшие круглые ямки, в некоторых случаях соединенные между собой вдоль стен канавками. Хотя в угловых ямках следов столбов не

обнаружено, они, как и канавки, по мнению С. Толстова и М. А. Итиной, по всей вероятности, связаны с традицией устройства в могиле деревянной камеры¹⁰. Для более поздних могил (V в.) характерны наличие дромоса (входного коридора) и особый порядок положения покойника по диагонали, что встречается в сарматских погребениях, которые К. Смирнов едва ли основательно связывает с романами¹¹.

Несмотря на то, что раскопанные курганы оказались ограбленными, в них сохранились некоторые принадлежности одежды, вооружения и конского снаряжения, в ряде случаев с украшениями, выполненными в зверином стиле. Из находок в Тагискенских курганах отметим золотые обкладки меча с гравированными изображениями. На золотом листе, покрывающем перекрестье, представлена профильная голова горного барана с симметрично расположенными по ее сторонам спиральными рубчатых рогов (илл. 17). На пластинке, уцелевшей от обкладки ножен, изображены две фигуры лежащего зверя с приоткрытой зубастой пастью и закрученной нижней челюстью и носом. Плечо его заполнено несколькими рядами выемчатыми треугольниками, когтистые лапы показаны парами (илл. 18). Фигуры близко сходны с изображениями волка, характерными для сарматского искусства. Это местная работа, заимствованного с Востока хищного зверя — льва или пантеры — и притом настолько основательная, что от оригинала осталась только общая схема. Характерные для гравировки по рогу или кости приемы изображения этого зверя на золотой пластинке из Тагискена свидетельствуют, что он мог возникнуть у приаральских массагетов, хотя широкое распространение получил у родственных сарматов (исседонов) и мог существовать у турков и других с самого раннего времени, то есть с V до н. э.

Из кургана № 59 Тагискенского могильника исходит обломанная по краям золотая пластинка с сильно схематизированным рельефным изображением свернувшейся пантеры с когтистыми лапами. По этому признаку отдаленно напоминающей та же зверя на набалдашнике меча из Саккызского клада в Курдистане и значительно больше — матскую бляху из села Пьянковки на реке Саганак Оренбургской области¹³.

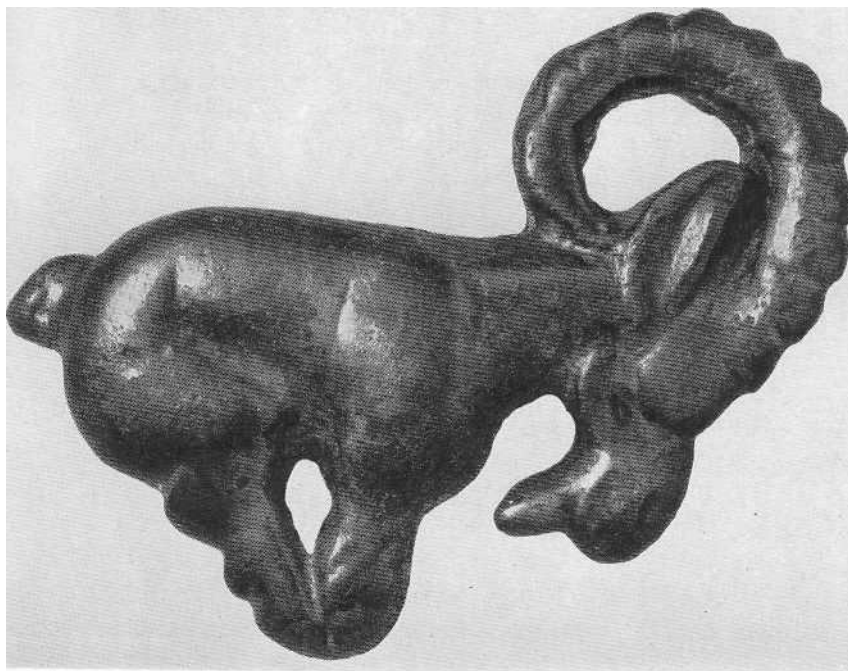
Там же, в кургане № 66 найдена золотая бляха в виде лежащего с подогнутыми ногами козла с вытянутой вперед головой с закинутым на спину чатым рогом (илл. 19). Таких изображений в Причерноморье, где козел обычно да

Художественные памятники
саков Средней Азии
и Западной Сибири

9
Бронзовая бляшка —
головой козла.
Тамды, курган № 10

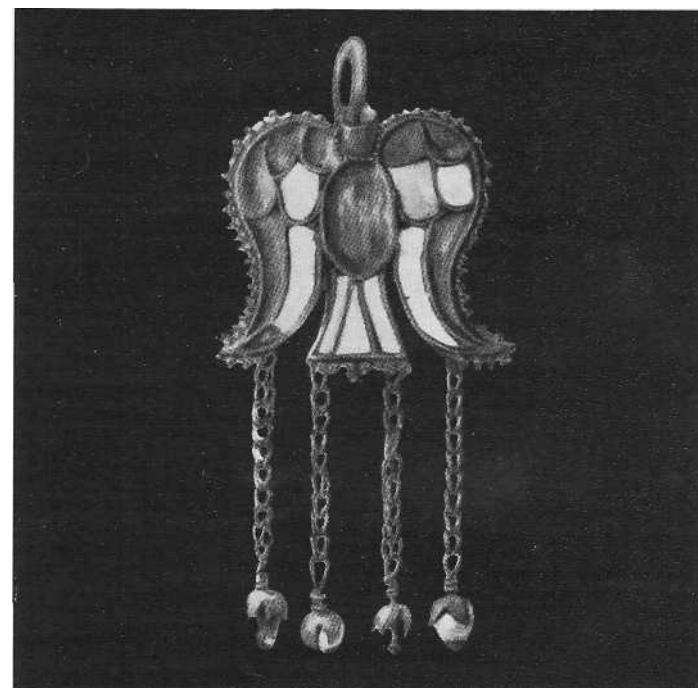
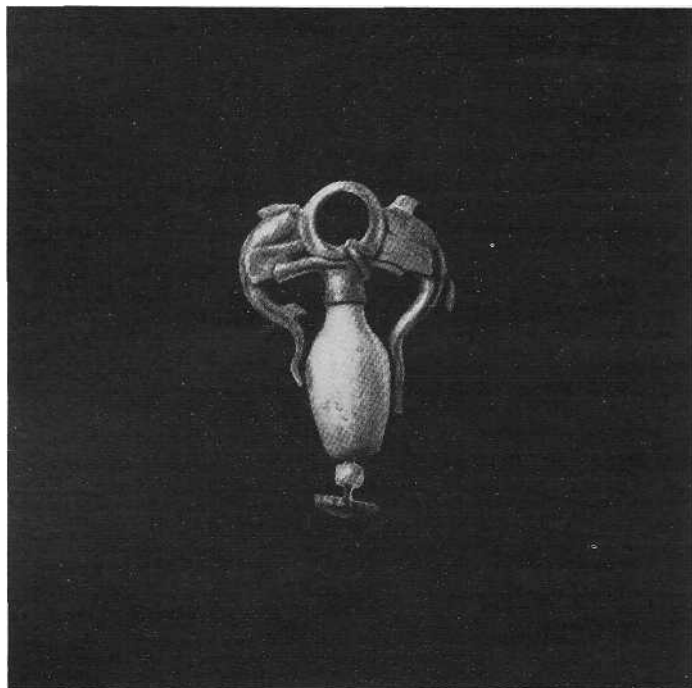
10
Бронзовая бляшка —
протина медведя.
Тамды, курган № 10

11
Бронзовая бляшка —
медведь.
Тамды, курган № 10

12
Золотые серьги
с амфоровидной подвеской.
Тулхарский могильник

13
Золотая подвеска
в виде птицы.
Тулхарский могильник

застегивания сильно сжатой рельефной фигурой этого животного (*илл.25*). Издавна известные в искусстве Древнего Востока изображения идущего или лежащего льва с повернутой в сторону головой появляются в Ульских курганах конца VI — начала V вв. В этот же период они становятся известными в Средней Азии и Сибири, где ведут свое проис-

с повернутой назад головой, неизвестно, за исключением похожего на тагискенского, но представленного в ином стиле козла на золотой обкладке рукоятки келермесского топорика.

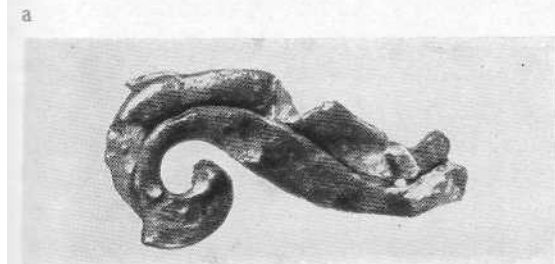
Это восточный мотив, не привившийся в Северном Причерноморье, но проникший в Среднюю Азию.

Другие золотые бляшки из Тагискенского могильника имеют форму лежащего или идущего льва (*илл.20–22*), причем лежащий представлен с головой то в профиль (курган № 31), то повернутой в фас (курган № 53). Во всех этих вариантах лев изображен с большой головой на короткой толстой шее и с могучими когтистыми лапами. У лежащего профильного льва вместо когтей на концах лап иногда появляются кружки с выемкой в протооригинале, вероятно предназначенной для цветной вставки. Длинный хвост у всех этих фигур оканчивается завитком. В находках того же могильника мотив лежащего льва с повернутой в фас головой повторяется на бронзовых подпружных пряжках в виде кольца с возвышающейся по краю напротив шпенька для

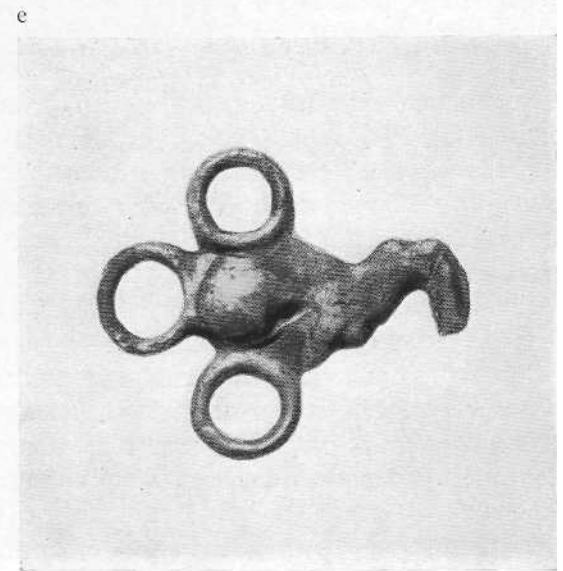
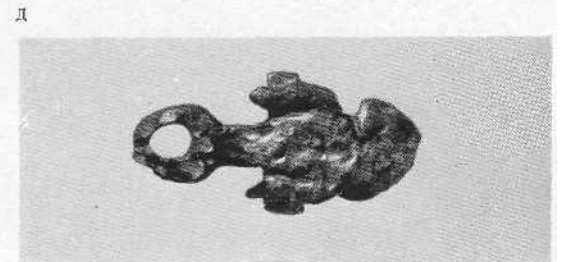
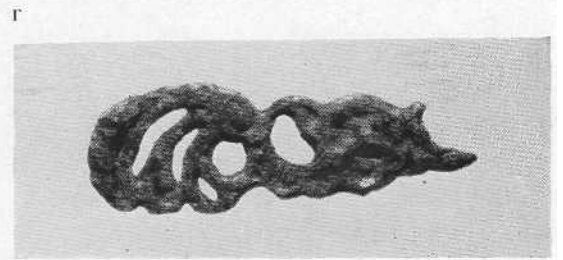
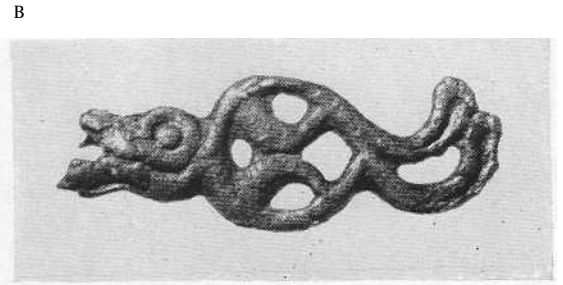
хождение непосредственно от восточных образцов. Оригинальные бронзовые пряжки найдены в кургане № 55. Они состоят из соединенной перемычками пары обращенных в противоположные стороны профильных лошадиных головок на слегка изогнутых шеях (*илл. 23*).

Больше таких пряжек не обнаружено, хотя пряжки той же схемы довольно широко распространены в сибирских и сарматских комплексах и в другом приаральском могильнике, Уйгарак, представлены замечательным экземпляром в виде профильной фигуры оленя, с висящими ногами, между копытами которых находится перемычка со шпеньком. Голова оленя поднята, и от нее назад отходит рог в виде стержня с рядом направленных вверх дугообразных отростков со смыкающимися вершинами (*илл. 24*). Похожий олень, тоже с висящими ногами из находок на Алтае — в коллекции Пашкевича в Эрмитаже, а ряд изображений оленя со сходными рогами известен по бронзовым бляшкам из Минусинской котловины и Ордоса, но они со всеми четырьмя ногами

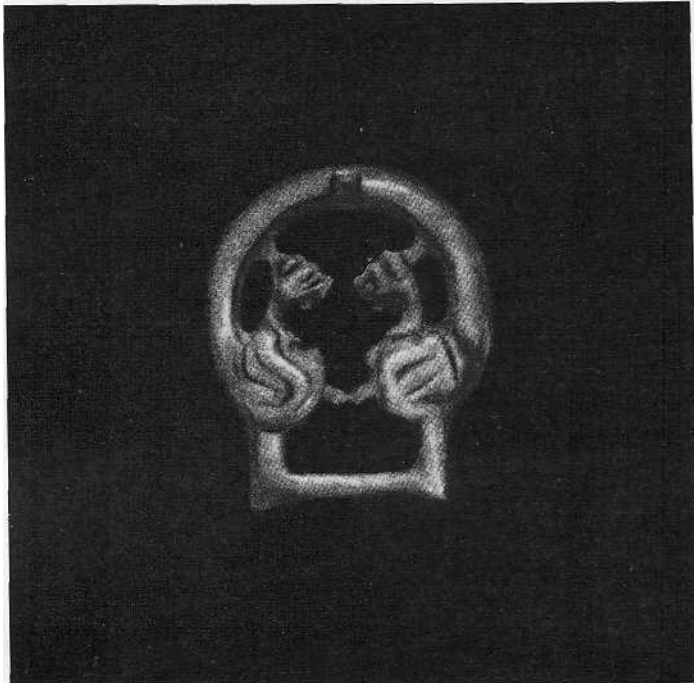
14
Железный меч
с бронзовой рукояткой
с изображением животных.
Акбент

15 а, б, в, г, д, е
Бронзовые бляшки.
Могильник Акбент

16
Латунная пряжка
с протомами
фантастических животных.
Тулхарский могильник

или с другими деталями, исключаящими возможность прямой увязки с оленем из Уйгарака.

Из находок в могильнике Уйгарак привлекают внимание такие же, как в Тагискене, бронзовые пряжки с фигуркой лежащего льва и тоже кольцевидные орнаментированные пряжки со стилизованной до утраты всякого сходства с действительностью головкой, видимо, горного барана вместо льва (илл. 27) и пряжки, у которых то ли эта, то ли какая-то другая головка превратилась в завиток. Имеются и напоминающие тагискенские с головками лошадей пряжки, составленные из пары сохраняющих еще изобразительность повернутых одна к другой бараньих головок с обращенным вперед изогнутым дугой рубчатым рогом (илл. 26).

Особенно же интересны бронзовые бляшки в виде свернувшегося кольцом зверя с обычными для этого мотива признаками, но в более засушенном и орнаментализированном исполнении, нежели в ранне-скифских образцах¹⁴. Замечательно, что у них появляются открытые пасти волка. Отметим также

бронзовые бляшки, состоящие из пары обращенных в противоположные стороны головок с расположенными в ряд concentрическими кружками, означающими ухо, глаз и ноздрю.

Из других вещей, найденных в могилах Приарала следует назвать железный акинак с топориком на конце рукоятки и с перекрестьем в виде двух кружков, чекан с обушком в форме головки какого-либо животного, архаические черешковые и втульчатые наконечники стрел ромбовидной и листовидной формы в ранних погребениях преобладают черешковые наконечники стрел, каких нет в скифских комплексах Северного Причерноморья, но которые широко распространены в Сибири и лишь поздно и то частично, вытесняются наконечниками стрел с втулкой.

Среди удил преобладают бронзовые со стремевидными концами и трехдырчатыми псалиями, среди них хорошо представлены удила, у которых в основании стремевидного конца находится небесное кольцо. Такие удила типологически предшествуют удилам, кончающимся одними стремечками) соединяют их с еще более ранней формой двухдырчатых удил, мало представленных находками в Северном Причерноморье, но зато распространенными в Сибири и Азии. Тот факт, что в Северном Причерноморье нет удил со стремечком и кольцом на концах, а двухкольчатые непосредственно сменяются удилами со стремевидными концами свидетельствует, однако, не о том, что этот последний тип удил в готовом виде проник из Средней Азии в Северное Причерноморье, а о том, что процесс превращения двухкольчатых удил в удила со стремевидными концами, отраженный в Средней Азии и Сибири, не охватил Северное Причерноморье. Там удила со стремевидными концами появились вместе со скифами, вернувшимися из Передней Азии в конце восьмидесятих годов VI в. Среди удил из Тагискена и Уйгарака найдены удила, у которых псалии имеют настолько широкое отверстие или вместо него скобку, что в них не вается стремевидный конец удил. У других удил псалии вместо среднего отверстия снабжались тремя отверстиями рем или крюком, которым они и скреплялись со стремевидным концом. Такого рода удила известны у коней на персепольских рельефах и на основании датируются VI — V вв. Едва ли можно сомневаться в том, что эти удила представляют собой усовершенствование удил со стремевидными концами и что они появились в Иране после завоевания скифов из Передней Азии, так как в Северном Причерноморье они неизвестны. После возвраща-

я обкладка
крестия меча
ражением
барана.
кен, курган № 53

я обкладка
леча
ражением волков.
кен, курган № 53

скифов их связи с Передней Азией порвались, тогда как связи среднеазиатских саков с Ахеменидским Ираном продолжали крепнуть.

Погребения Тагискенского и Уйгаракского могильников относятся к VII—III вв. до н. э., причем произведения звериного стиля в них не древнее VI в. Большинство же последних по стилистическим признакам, характерным для Северного Причерноморья, датируется V—IV вв. Сопоставление же этих произведений с причерноморскими вполне правомерно не только ввиду их близкого сходства между собой, но и потому, что они общего происхождения.

Находящаяся севернее Аральского моря и озера Балхаш территория Казахстана остается еще слабо изученной в археологическом отношении. Однако в последнее десятилетие в Центральном Казахстане было раскопано значительное число курганов сакского времени, среди них выделяются своеобразные надмогильные сооружения в виде каменной или каменно-земляной насыпи, с восточной стороны которой имеются две выложенные из камней дуги, так называемые „усы“, длиной в несколько десятков метров и шириной в 1,5—2 м. С обоих концов эти дуги завершаются круглыми курганообразными насыпями небольшой величины, а сами они в длину распадаются на звенья, иногда разделенные между собой рядами вертикальных плит. Под насыпью кургана находится овальная могильная яма, перекрытая массивными каменными плитами, с останками ориентированного головой на север человеческого скелета вместе с сопровождающими его вещами и одним или несколькими черепами лошадей и овец.

В насыпи над могилой или под специальным курганом, находящимся возле основного кургана с восточной или реже южной его стороны, располагается погребение коня или его частей (головы, ног), положенных на поверхности древней почвы, в сопровождении одного или двух грубых сосудов. Хотя все раскопанные курганы оказались ограбленными, в них сохранились некоторые вещи; наиболее замечательными из них являются две одинаковые бронзовые фигурки козлов (*илл. 28*), представленных стоящими со сближенными ногами на кольце, в свою очередь возвышающемся на другом овальном и уплощенном кольце. У козлов тонкое туловище, склоненная книзу голова на тонкой шее и большие поперечно-рубчатые рога, изгибающиеся до спины. Назначение этих своеобразных предметов с фигурками козлов остается неопределенным. Они находились в могиле под курганом № 2 в могильнике Тасмалы V вместе с семью конскими черепами, при

которых, кроме того, обнаружены части узд в виде стремевидных бронзовых удиц, рогов трехдырчатых псалий, прорезных колокольчи пронизок и других предметов, датируемых в нем не позже VI в. до н. э. По всей вероятности оригинальные предметы с фигурками козлов являются тоже частями уздечного набора, вроде начельных. Близких аналогий тасмолинским козлам неизвестно как художественный мотив скульптурные фигурки стоящих со сближенными ногами козлов характерны для Алтая и Минусинской котловины, они помещались по большей части на колпачках на вершинах. Встречаются они и в Ордосе. Но во всех этих находках фигуры козлов пустотелые, тогда как тасмолинские скульптуры цельные, уплощенные. В Казахстане имеются еще скульптуры козлов. Они найдены при строительстве плотины в урочище Мурзашоки под Каркараумском, Карагандинской области. Одна из них мана, а другая, сохранившаяся в целости, помещена на конусовидном навершии с лопастью, перпендикулярной к его боковой поверхности. Козел представлен в том же положении, что и тасмолинский, но он более реалистичный, приземистый и пустотелый. Еще одна пустотелая скульптурка, но не коза, а барана (архара или аргали), украшает бронзовую чекан, случайно найденный в районе озера Борле в Кокчетавской области (*илл. 29*). От енисейских и алтайских это изображение отличается трактовкой рогов в виде объемной спирали и живой, реалистичной передачей образа животного с гордо поднятой головой. М. П. Грязнов считает чекан с фигуркой барана местным производением, характеризующим своеобразное древнее искусство Казахстана¹⁵. В другом кургане № 3 того же могильника Тасмолин в разграбленной могиле в одном из позвонков похороненного торчал бронзовый трехгранный черешковый наконечник стрелы — вероятно, он и явился причиной его смерти, — а у плечевой кости лежала вырезанная из оленьего рога застежка в виде стилизованной головы грифона, на наружной стороне ее выпукло выгравирована фигура стоящего со сближенными ногами оленя, окруженного головками козлов, волка и, видимо, лося. Волнистый край пряжки с рядом отверстий-колец представляет собой стилизованную олений рог. Автор раскопок М. К. Кадырбаев упоминает в голове оленя морду кабана с выступившим клыком¹⁶. В той же могиле находились лошадиных и пять бараньих черепов и скелет барана. На лбу одного из лошадиных черепов найдена лотая рельефная бляшка в виде профильной фигуры хищника с длинным закрученным на кривую

Художественные памятники
саков Средней Азии
и Западной Сибири

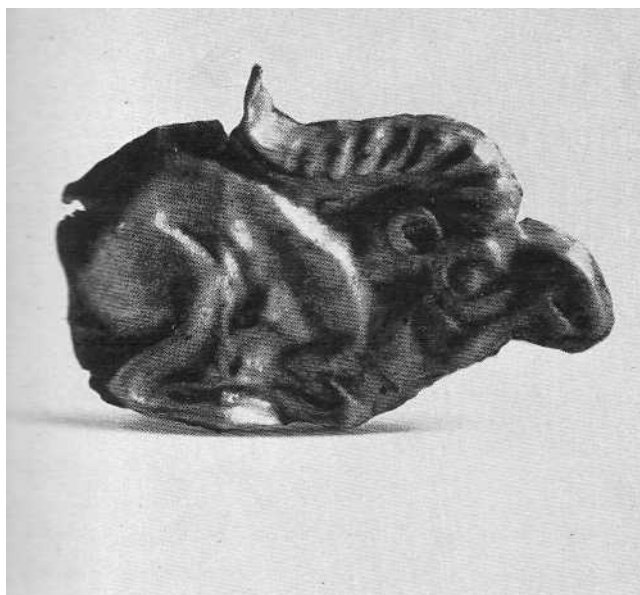
20
Золотая бляшка —
лежащий козел.
Тагискен, курган № 66

21
Золотая бляшка —
лежащий лев
с профильной головой.
Тагискен, курган № 53

25

21
Золотая бляшка —
лежащий лев
с профильной головой
Гискен курган № 53

22
Золотая бляшка —
идуший лев.
Тагискен, курган № 31

Сокровища саков

23
Бронзовая пряжка
из пары лошадиных головок.
Тагискен, курган 55

24
Бронзовая пряжка —
стоящий олень
Уйгарак, курган № 41

26

25
Бронзовая бляшка
с выступом
в виде лежащего зверя.
Тагискен, курган № 45

26
Бронзовая пряжка
из пары бараньих головок.
Уйгарак, курган № 66

Бронзовая пряжка
с головкой барана.
Иссык-Куль, курган № 66

хвостом, мощными когтистыми лапами и повернутой в фас или три четверти головой (*илл. 30 б*) В зубах лошади были бронзовые стремевидные удила с остатками железных псалий, украшенных зигзагообразным орнаментом из накладного золота, а возле черепа собрано одиннадцать круглых железных бляшек с таким же вихревым орнаментом. Такие же удила были у второго лошадиного черепа. Кроме того, возле них и костей человека обнаружены бронзовые ворворки, пряжки, бляхи и роговые поделки— всего тридцать четыре предмета.

Такие же бляшки в виде фигуры хищника обнаружены в курганах № 4 и № 6 того же могильника (*илл. 30 а*). В последнем их было две разной величины. Кроме того, в этом кургане оказался еще один золотой предмет вроде навершия из свернутого в трубку листа с восьмеркообразной фигурой наверху. В обоих курганах найдены каменные и пастовые бусы, а в кургане № 6 и части уздечки того же рода, что и в кургане № 2. Изображения хищника на бляшках из Тасмолинских курганов близко схожи с того же рода изображениями на золотых бляшках Тагискенского могильника и с бронзовой бляшкой из кургана Кумуртук на реке Чулышмане на Алтае¹⁷. Эту последнюю С. В. Киселев сближает с находками С. М. Сергеева у сел Быстрянское и Березовка и относит к последним векам до н. э., тогда как золотые бляшки из могильника Тасмола М. К. Кадырбаев датирует концом VI — началом V в. до н. э.¹⁸, что больше отвечает стилистическим признакам этих произведений и характеру другого найденного вместе с ними погребального инвентаря. Из других находок в Центральном Казахстане следует отметить бронзовую двухстороннюю бляшку в виде стилизованной головы лося с изогнутым к концу морды отростком рога (*илл. 31*), происходящую из кургана № 19 в могильнике Тасмола I, где она обнаружена среди принадлежностей конской узды: бронзовых стремевидных удил с трехдырчатыми псалиями, пронизей со спиральным орнаментом, бочонковидных бус, пряжек и других вещей. При скелете человека уцелело бронзовое зеркало с бортиком, петлеобразной ручкой и орнаментом из ряда дуг вдоль края на обороте. Из кургана № 3 в могильнике Нурманбет на берегу реки Шидерты происходит фигурная пронизь от узды, вырезанная из маральего рога в форме головы кабана с частью туловища и плотно прижатými к нижней челюсти передними ногами (*илл. 32*). Другое изображение кабана в виде бронзовой рельефной бляшки представляет собой целую профильную фигуру с низко опущенной головой и торчащей над

шеей щетиной. Оно очень схематично, хотя, щем, повторяет формы ранних изображений животного в скифо-сибирском искусстве. Обижена эта бляшка вместе с указанным выше ншием со скульптурной фигуркой козла, близ Кралинска. Из кургана № 1 в могильнике Нуфбет IV происходит бронзовый кинжал с фигурной рукояткой, покрытой затертыми рельефными рисунками. В сводке памятников Северного Казахстана М. П. Грязнов перечисляет восемь бронзовых жалов, найденных в разных местах Казахстана. Ближайшие аналогии для них, по его заключению, относятся не в Скифию или на Енисей, а на (ананьинская культура) и в Узбекистане¹⁹, что указывает на направление культурных связей, уже в то время существовавших между Средней Азией и Приуральем.

К позднему времени в Центральном Казахстане относятся такие находки, как медалевидное и бронзовое зеркало из кургана № 10 в могильнике Кумуртук I. Выступающая сбоку фигурная часть с петлей на обороте трактована у него в виде головы козлов, обращенных в противоположные стороны. Точно так же оформлена найденная вместе с ним запонкообразная бронзовая бляшка. В том же женском погребении находились две костяные шпательки и каменный сковородкообразный жертвенник с низкими бортиками. Из кургана № 4А того же могильника происходит костяная игла со стилизованной птичьей головкой на конце. Две бронзовые бляшки с изображением пары противопоставленных головок козла с общим ухом и сливающимися в одну лукружие рогами были обнаружены в разграбленном кургане на озере Кайракуль Кустанайской области. Эти бляшки отдаленно сближаются с золотой пронизкой с изображением головки сайги из могильника гайской страны, доставленной в Археологическую комиссию вместе с каменным блюдом на трех ножках типа „оренбургского типа“. Представленная в коллекции головка сайги завершается лирообразными рогами с завитками на концах, пространство между которыми заполнено елочным орнаментом (*илл. 33*). Эта вещь замечательна прежде всего тем, что совершенно такая же пронизка находилась в коллекции Н. Витзена, составленной из находок в Сибири еще в начале XVIII в. и содержащей произведения тех же типов, что и входившие в состав знаменитой Сибирской коллекции золотых вещей Петра I²⁰. Из этого можно заключить, что какая-то часть вещей той же другой коллекций может происходить из местной, расположенной западнее Иртыша, в бассейне реки Тобола.

29
Древнейшие
памятники искусства
Средней Азии
и Западной Сибири
Ташкент, музей № 2

29
Бронзовый баран
на обушке чекана.
Озеро Боровое

30 а, б
Золотые бляшки —
фигуры лежащего льва.
Тасмола курган № 3

Известные по многочисленным образцам характерные ажурные застёжки из золота в составе Сибирской коллекции и из бронзы в находках из Минусинской котловины, Забайкалья и Северного Китая (Ордоса) представлены и в Казахстане. В кургане № 1 могильника Карамурун II у скелета в области таза найдена литая бронзовая застёжка в гладкой рамке прямоугольной формы с закругленными углами и с одним обломанным концом. Очень грубое, плохо сохранившееся изображение на этой застёжке представляет павшего на передние ноги верблюда, на вытянутую шею которого вскочил хищник, кусающий его за передний горб (илл. 34). Сходная композиция терзания верблюда тигром имеется на бронзовой бляхе, найденной восточнее Челябинска при застройке железной дороги²¹. В Сибирской коллекции Петра I находятся золотые застёжки со сценой борьбы тигра с верблюдом, но они существенно отличаются от казахстанских. Для них также нет аналогов в бронзовых образцах застёжек из Минусинской котловины, Забайкалья и Ордоса. По-видимому, застёжки данного типа являются специально казахстанской формой. Отдельная рельефная фигура верблюда происходит из района Актюбинска. Больше всего она напоминает золотую фигурку этого животного в коллекции Н. Витзена²².

В кургане № 2 могильника Нурманбет I найдена ажурная бронзовая накладка; в центре ее представлена птица с поджатой под туловище ногой и повернутой назад на длинной шее головой с круглым глазом и изгибающимся клювом с прорезью. Концы накладки украшены парами таких же симметрично расположенных птичьих головок, между которыми образуется сердцевидное отверстие (илл. 35). Своим схематизмом эта бляха напоминает бронзовые пластины с ажурными орнаментальными изображениями с Северного Кавказа, а по формам не отличается от застёжки со сценой нападения хищника на верблюда и может, как и она, относиться к концу I тысячелетия до н. э.

Находки художественных произведений в Центральном Казахстане дают возможность составить некоторое представление об искусстве этой обширной области в сакское время. Вместе со своеобразными чертами погребений они позволяют выделить в ней особую, так называемую тасмолинскую культуру одной из групп сакских племен, этнографически отличавшихся от приуральских исседонов Аристея и Геродота.

Слабо изученным остается и Восточный Казахстан. Географически и исторически этот край тесно связан с Алтаем, с одной стороны, и с Семиречьем —

с другой. Какая-то часть золотых вещей Сибирской коллекции, по-видимому, происходит из этой области. Здесь была распространена культура, сходная с культурой других частей Южной Сибири, хотя и с еще не вполне ясными локальными особенностями. Как уже отмечалось, в некоторых курганах Тагискенского могильника погребение находилось в глубокой яме с дромосом. Того же рода могилы с дромосами открыты в Восточном Казахстане в Чиликтинской долине (северные отроги Тарбагатайского хребта). Здесь в могилах сохранились деревянные склепы с деревянным же перекрытием. Наиболее замечательные находки сделаны в кургане № 5. В их числе имеются золотые бляшки в виде профильной фигуры лежащего оленя со стилизованным S-образными завитками рогом, заполненным голубой пастой, приставным ухом и с круглым глазом (илл. 39), вырезанная из золотого листка фигурка кабана с характерными, как бы висящими в воздухе ногами (илл. 36а), золотые бляшки в форме свернувшегося в кольцо хищника (илл. 37), ажурная бляшка в виде головы хищной птицы с отростками, один из них напоминает головку зверя (илл. 38), бляшки в виде птички с раскрытыми в стороны крыльями (илл. 40) и другие.

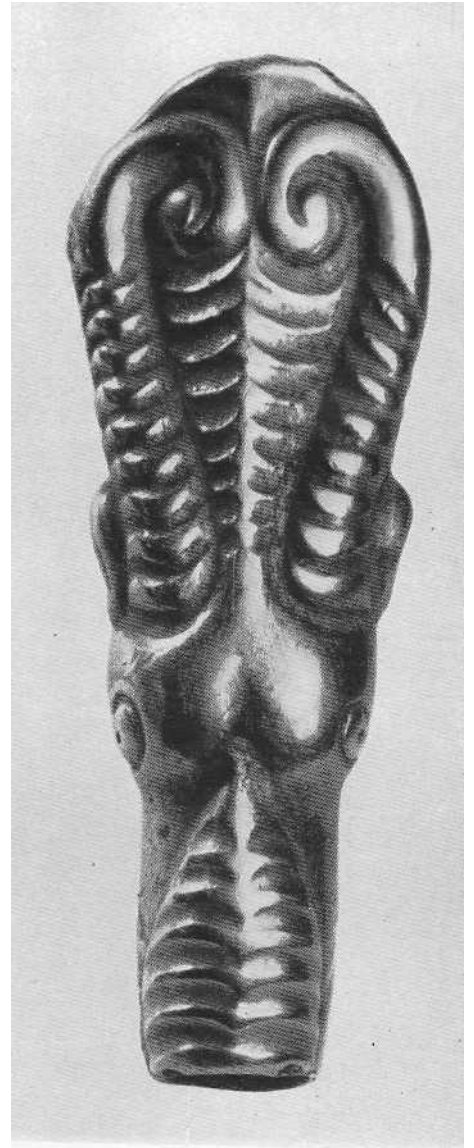
По ряду признаков чиликтинский олень очень близок к изображению того же животного на защитной бляхе Костромского кургана на Северном Кавказе, но рог у него другого рисунка. S-образные отростки у него с острыми концами, направленными вверх, а не замкнутые внутрь завитком. Кроме того, в соответствии со строго профильным положением фигуры, у его рога только один обращенный вперед отросток, а не два, как было бы при изображении пары рогов и как обычно изображается рог оленя в Северном Причерноморье. В Сибири вообще не встречаются рога, стилизованные отростками в форме веток урартского древа жизни, распространенные в Северном Причерноморье, из чего можно заключить, что в Сибирь и Северное Причерноморье проникли формы, дифференцированные уже в области своего происхождения.

Другой мотив, представленный золотой бляшкой Чиликтинского кургана, — профильная головка птицы с сильно загнутым клювом, обведенная отходящими от нее дугами, приобретающими ниже ее зигзагообразные очертания с острыми выступами, один из которых заканчивается кружком. В основе этого изображения лежит фигура, известная по бронзовой бляшке Минусинского музея, представляющая птицу с повернутой назад головой на длинной шее, отходящим от нее широким крылом и с согнутой

31
Бронзовая бляшка —
голова дося.
Тасмола, курган № 19

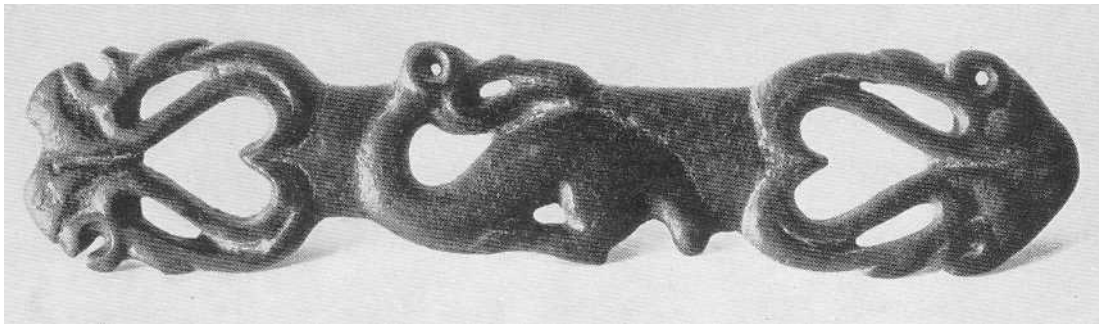
33
Золотая пронизка —
голова сайги.
Тургайская страна

32
Роговая пронизка
с протомой кабана.
Нурманбет II, курган № 3

Бронзовая ажурная бляха
с изображением нападения
волка на верблюда.
Шармурун II, курган № 1

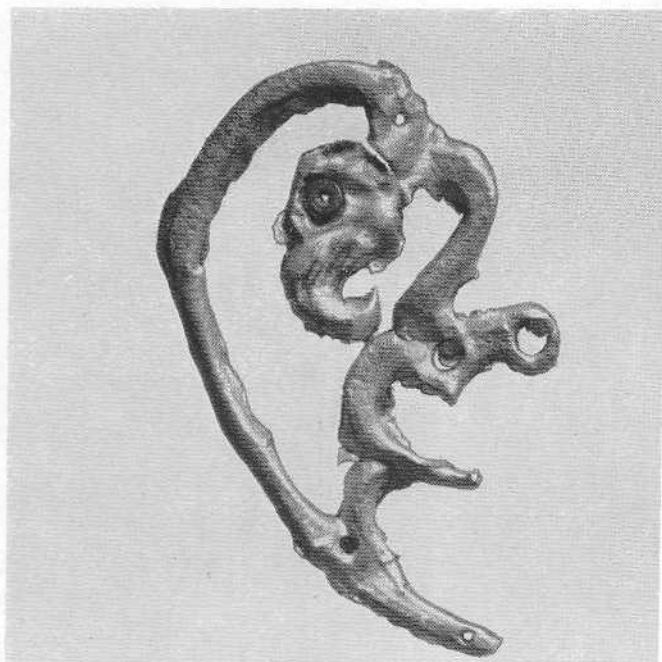
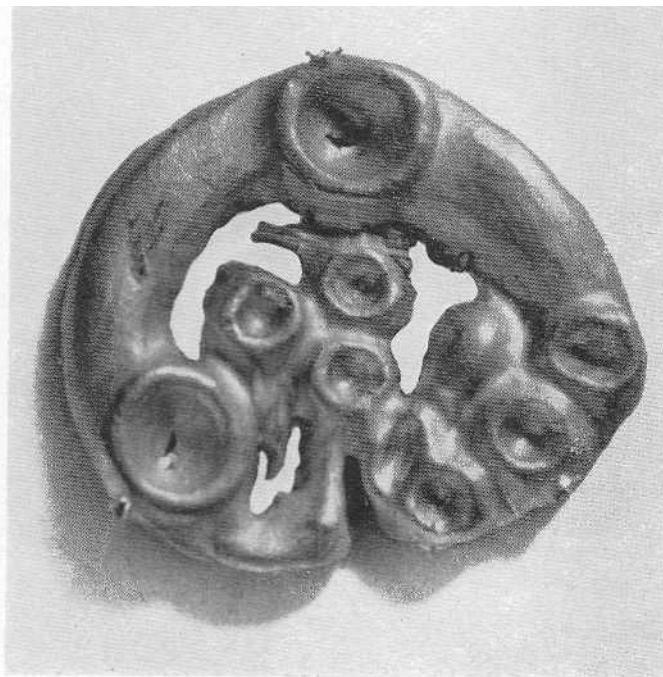
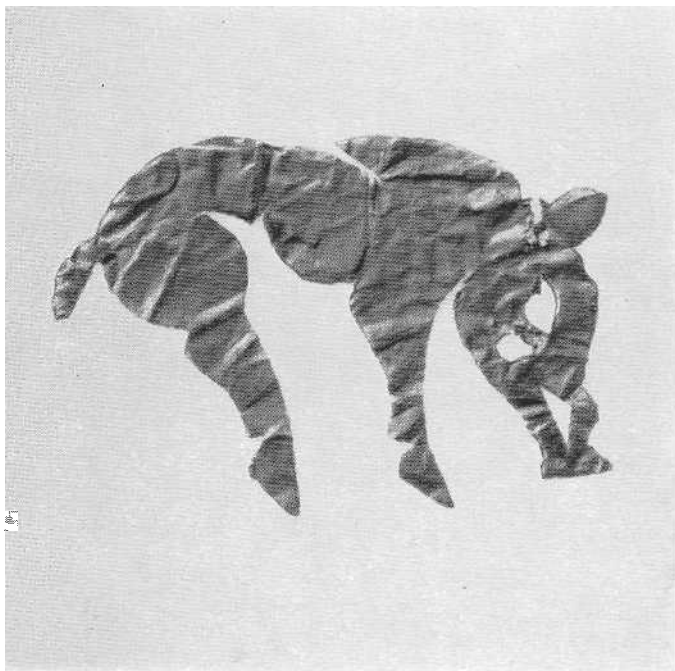
Бронзовая накладка
с изображениями
птиц.
Иртышбет I, курган № 2

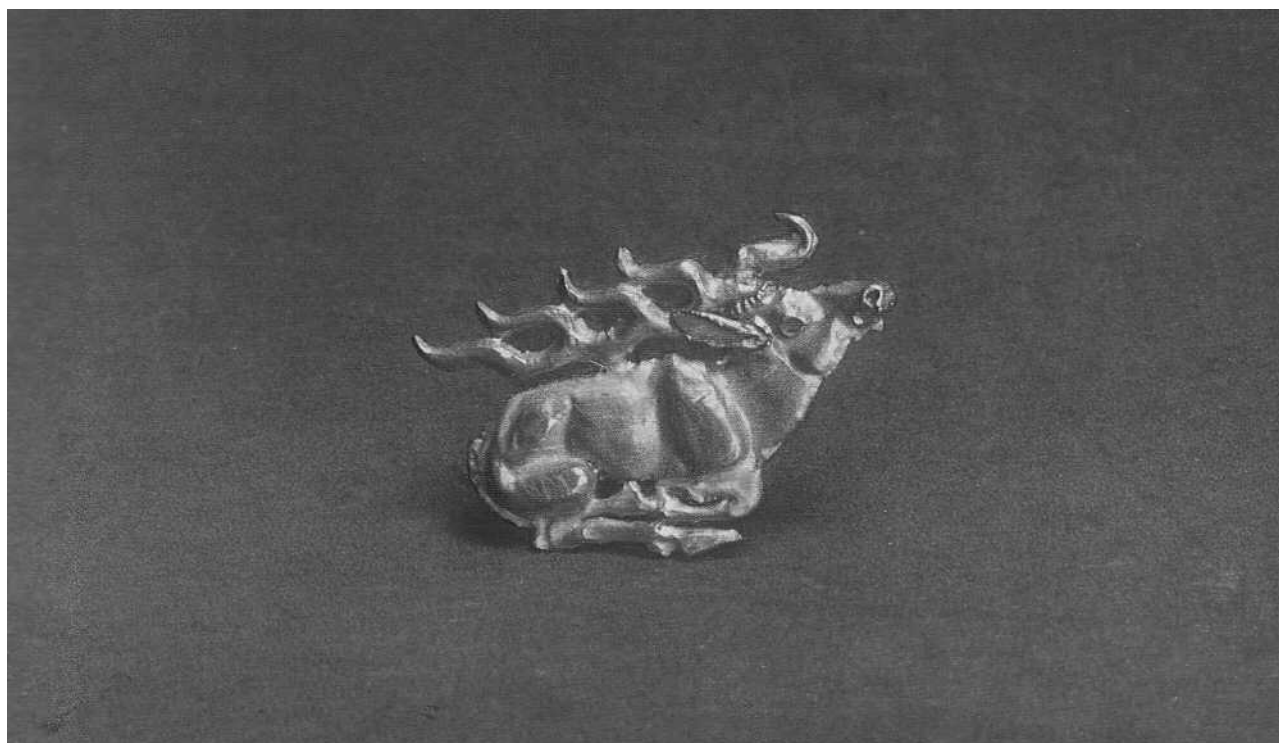
36 а, б
Золотые бляшки —
фигурки кабана.
Чиликты, курган № 5

37
Золотая бляшка —
свернувшаяся пантера.
Чиликты, курган № 5

38
Золотая бляшка —
голова птицы с отростками.
Чиликты, курган № 5

Издательство —
Москва, журнал № 5

углом ногой с кружком на месте лапы. Чиликтинское изображение настолько стилизовано, что от первоначального образа, сохраненного минусинской бляшкой, уцелели только голова на изогнутой шее да нога с кружком на конце, тогда как крыло превратилось в утративший изобразительное значение зигзаг. Схематизация образа вплоть до утраты его реалистических признаков, как правило, указывает на длительный процесс видоизменения и в данном случае противоречит предложенной С. С. Черниковым слишком ранней хронологии Чиликтинского кургана — VII в. до н. э.

В другом кургане (№ 7) того же могильника сохранились от разграбления золотые бляшки со сходными изображениями птицы и лежащего с поджатыми ногами животного, оленя или козла (илл. 41). От бляшек из кургана № 5 они отличаются более грубым исполнением одной штамповкой, без дополнения в виде отдельно изготовленного и затем припаянного к основной фигуре уха и без вставок в глазах и ушах соответствующей формы кусочков бирюзы. Лежащее животное представлено не с вытянутой, а с приподнятой толстомордой головой с маленьким торчащим кверху ухом и изогнутым дугой рогом, образованным рядом птичьих головок. Коротенький хвостик у него также трактован в виде птичьей головки. В обоих курганах найдены редкие в скифо-сибирском искусстве изображения рыб. В одном случае (курган № 5) это золотая обкладка объемного предмета неизвестного назначения (илл. 42), а в другом (курган № 7) — фигурка, вырезанная по контуру из тонкого золотого листка.

С. С. Черников, датируя Чиликтинский курган № 5 концом VII в., относит курган № 7 той же группы к середине V в., не имея никаких существенных оснований для столь значительного отдаления их друг от друга. Золотые бляшки Чиликтинских курганов близко сходны с причерноморско-скифскими произведениями звериного стиля, относящимися к VI в. до н. э. Для бляшек в виде головы птицы единственная аналогия имеется в Зуевском могильнике ананьинской культуры Прикамья²³, где она, как и многие другие формы этой культуры, является вкладом скифо-сибирской культуры более южных областей. Судя по аналогиям, Чиликтинские курганы относятся к VI в., один (5-й) к первой, а второй (7-й) ко второй половине этого столетия, и вместе с наиболее ранними вещами сакского периода в Приаралье представляют культуру того же типа, что и скифская в Причерноморье, распространившуюся из общего с последней источника, каким, как показывает знаменитый Саккызский клад, найденный

у селения Зивие в Иранском Курдистане, может быть северная часть Передней Азии.

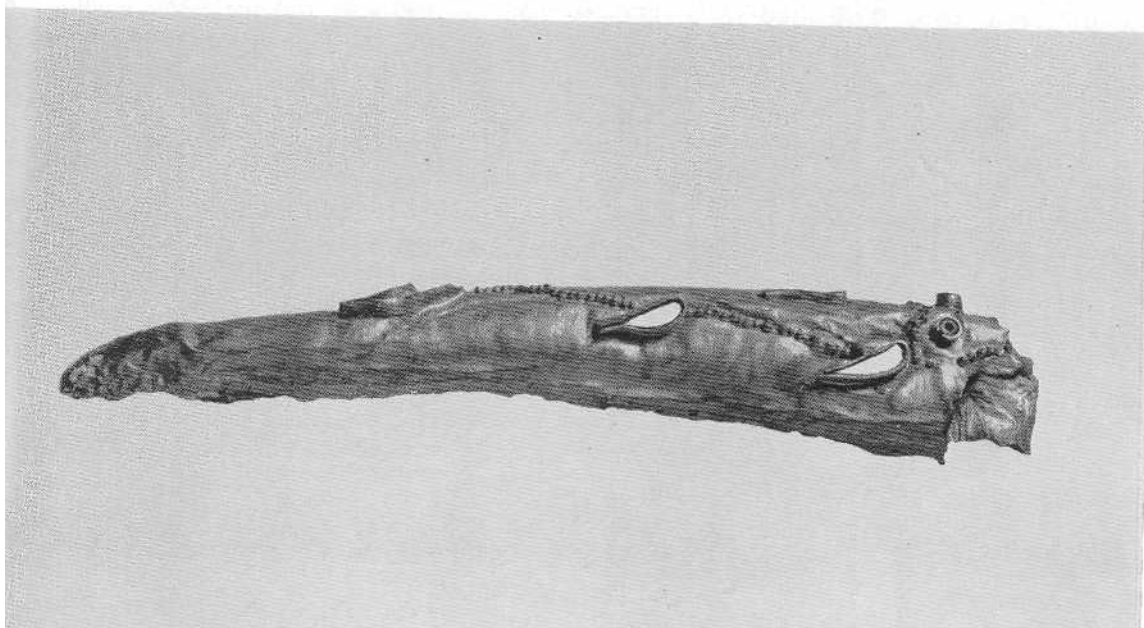
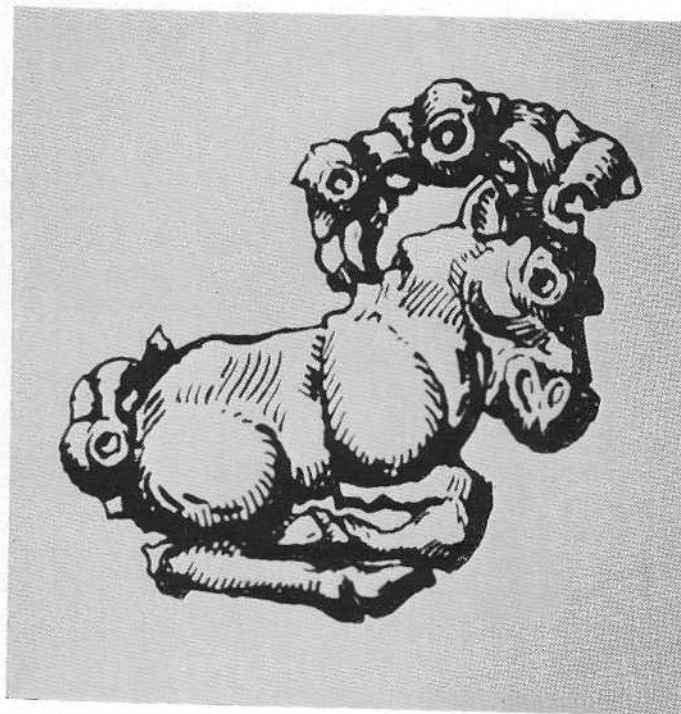
Того же рода, что и Чиликтинские, но еще более величественные курганы открыты в Семиречье в Илийской долине. Кроме обычных грунтово-каменных могил, иногда с вложенными в них каменными ящиками, а позже с подбоем под небольшими каменными насыпями, в Илийской долине в Беатырском могильнике раскопано несколько грандиозных насыпей, достигавших 17 м в высоту и более 100 м в диаметре. Они состояли из камней и глины, обведенные глиняными стенками, а вокруг в нескольких метрах от основания были обведены каменной стенкой, превратившиеся в вал 30—60 см высотой и 2—3 м шириной. Глиняная насыпь на грунте находилась наземная бревенчатая камера в виде четырехугольника в плане с более или менее длинным коридором — дромосом. Стены этих камер были сделаны из плотно пригнанных бревен, горизонтально уложенных между вертикальными столбами. Точно так же устроен и коридор. Две из лучше сохранившихся камер имели размеры 3,6 X 3,3 и 4,7 X 4,2 м при высоте в 4 и 3,3 м. Входы камеры перекрыты накатом из нескольких рядов бревен, у коридоров перекрытий не было. Гробища не проникали в эти камеры по несколько раз, причем не только сверху, через яму в насыпи, но и снизу посредством подземных ходов, вырытых в материковом грунте от основания насыпи к ее середине. Ввиду полного отсутствия датированных находок невозможно поставить точное представление о хронологии Беатырских курганов. По данным радиоуглеродного анализа, они относятся к первым векам н. э., в данном случае показания этого метода вызывают особенно сильные сомнения, так как в том же могильнике среди малых курганов нашелся один с разграбленным погребением. В небольшой могильной яме этого кургана (№ 25) лежали два скелета, при каждом из них находилось по короткому железному акинаку с бабочковидным перекрестием, колчану с бронзовыми наконечниками стрел, которые не могут быть позже V в. до н. э. Сходные рядовые погребения сакского времени известны в ряде пунктов Алма-Атинской области, например, в могильнике Джувантобе Чиликтинского района, где в том же случае рядом с человеческой могилой оказалась отдельная могила коня. Вещи, найденные в той и другой, датируются VI в. до н. э.

В последние годы (1969—1970) возле города Иссык-Куль в Алма-Атинской области Казахстана сделана замечательная находка единственного пока в Средней Азии, да и в Сибири неразграбленного богатейшего погребения. Оно еще не опубликовано и извест-

Золотая бляшка —
птица с раскрытыми крыльями,
Чиликты, курган № 5

41
Золотая бляшка —
лежащий козел
(штриховой рисунок),
Чиликты, курган № 7

Золотая обкладка
в форме рыбы,
Чиликты, курган № 5

лишь по предварительному сообщению автора раскопок К. А. Акишева²⁴. В кургане высотой более 7 м находилось два погребения: одно в центре оказалось полностью разграбленным, зато второе, боковое, сохранилось нетронутым. В могиле с деревянным срубом лежал скелет молодого человека, с головы до ног усеянный золотыми бляхами, бляшками и пластинками в виде фигурок лошади, барса, архара, горного козла и птиц. Всего их собрано около 4 тысяч, они чуть ли не сплошь покрывали его одежду. По их расположению и характеру можно было составить представление, например, о головном уборе в виде высокого конусообразного башлыка, золотые бляшки украшали шаровары и сапоги. Кроме того, на скелете находились: золотая спиральная гривна с головками тигра на концах, два массивных перстня, один с печаткой, и наборный пояс с многочисленными бляхами в виде фигуры бегущего лося. При погребенном было оружие в виде инкрустированных золотом меча и кинжала, а в могиле размещалось около тридцати сосудов, главным образом деревянных и глиняных, один бронзовый, два серебряных и серебряная же ложка. На одном из серебряных сосудов — небольшой чашечке выцарапана двухстрочная надпись из двадцати шести знаков. Предварительно это погребение относится к V—IV вв., но его полную характеристику возможно будет дать только после опубликования.

В том же географическом районе близ города Алматы найден еще в 80-х гг. прошлого столетия большой бронзовый жертвенный стол, известный в археологической литературе под названием „Семиреченского алтаря“. Он прямоугольной формы на четырех низких ножках в виде копыт, с горизонтальными полукруглыми ручками с каждой стороны. Вдоль широкого горизонтального бортика этого стола было поставлено тридцать совершенно одинаковых скульптурных фигурок фантастических животных (сохранилось двадцать пять фигурок), шествующих в одном направлении (справа налево) (илл. 43). Грубо моделированные фигурки характеризуются массивной тупорылой головой с полукруглыми ушами, выступающими по сторонам головы, толстой шеей, по-видимому, передающей гриву льва, резко отчлененную от туловища и переходящую в возвышающийся над фигурой зверя обращенный вперед завиток, соответствующий крылу. Две отдельные фигурки крылатого хищника, происходящие тоже из Семиречья, вероятно, являются фрагментами такого же, как алтарь, предмета. Они представляют зверя лежащим с повернутой в сторону

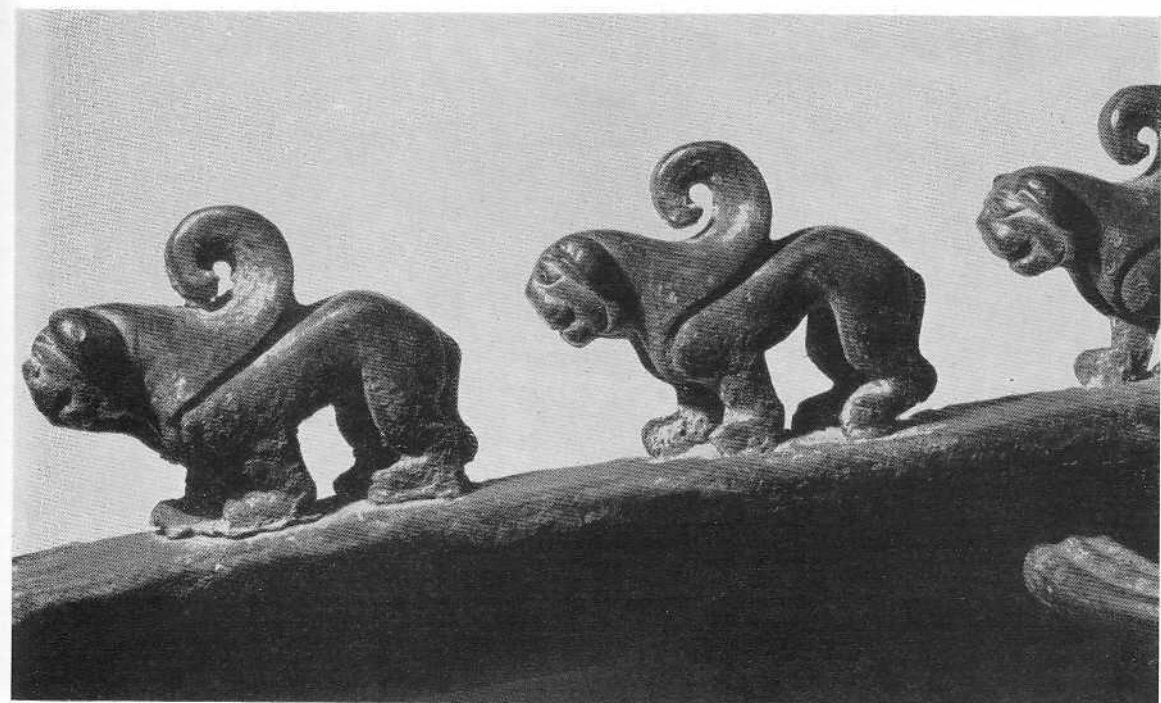
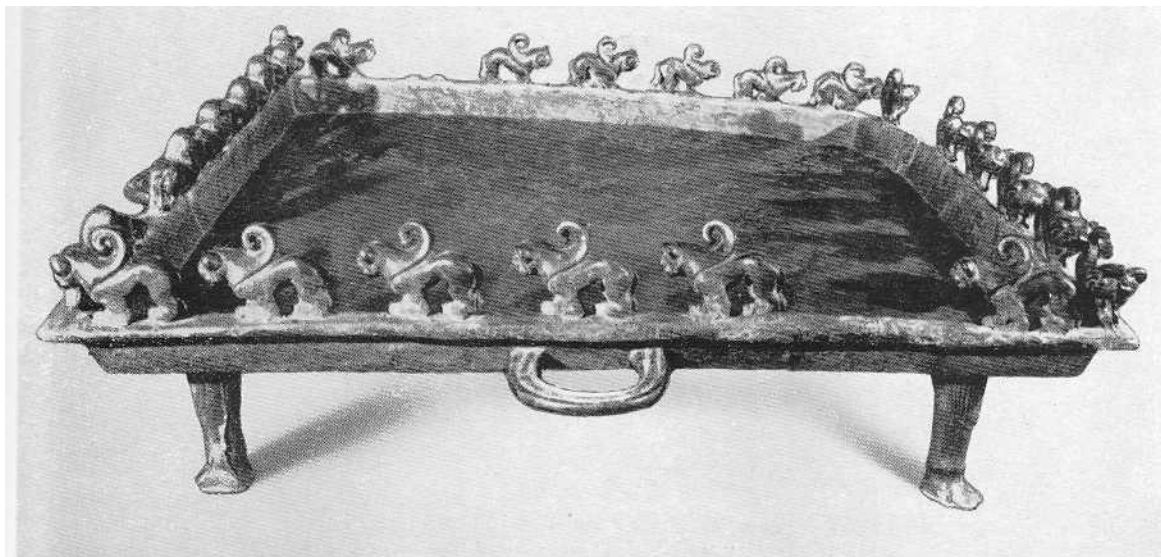
головой, у него отчетливо выделенные, хотя и сливающиеся с шеей, крылья, луновидные ребра на туловище и полукруглая выемка у бедра (илл. 49). В Центральном музее Казахстана в городе Алма-Ате хранится найденный в 1912 г. в распаханном кургане близ этого города светильник с подобными же фигурками крылатых хищников (илл. 45). Он имеет вид квадратного подноса на усеченно-пирамидальной подставке со слегка вогнутыми гранями. По углам подноса по диагоналям расставлены четыре фигурки крылатых хищников, обращенных головами к центру. Возле середины одной из сторон возвышается вертикальная трубка с вазообразным завершением, напоминающая А. С. Стрелкову ручку зонта на рельефе с изображением Ксеркса в Персеполе²⁵. В той же географической области, в пределах Киргизской ССР на северном берегу озера Иссык-Куль близ села Семеновского в 1937 г. найден замечательный комплекс бронзовых предметов. Он состоит из двух жертвенных столиков, скульптурной фигурки яка, двух светильников и полусферического котла. Второй котел был разбит кладоискателями.

Эти предметы представляют собой два комплекта ритуального назначения. Столы имеют форму четырехугольного подноса с широкими горизонтальными бортами, стоящего на четырех невысоких ножках. У одного из них сбоку сохранилась полукруглая ручка и следы такой же с противоположной стороны. По углам на бортах имеются отверстия, служившие для прикрепления скульптурных фигурок, из них уцелела только одна в виде яка, лежащего на подогнутых ногах со слегка повернутой в сторону головой с длинными направленными вперед рогами (один отломан) (илл. 50). Ноги его моделированы продольными врезами, а на плечах и бедрах помещены рельефные спирали.

Светильники, которые, вероятно, ставились на эти столы и в соответствии с размерами последних различаются между собой величиной, подобны — один, большой, четырехугольному подносу на конической ажурной подставке, а второй круглому блюду на того же рода подставке. У первого светильника (илл. 47) вдоль подноса по диагонали расположены две вертикальные трубочки с двумя сквозными отверстиями посередине каждой из них. На борту этого светильника сохранились две скульптурные группы, представляющие экспрессивную сцену нападения льва на козла. Другие подобные украшения отломаны и пропали. Как показывает сохранившийся рисунок, сходный светильник с двумя стоящими на задних ногах зверями с повернутой назад головой посередине и со

43
Семиреченский алтарь.
Общий вид

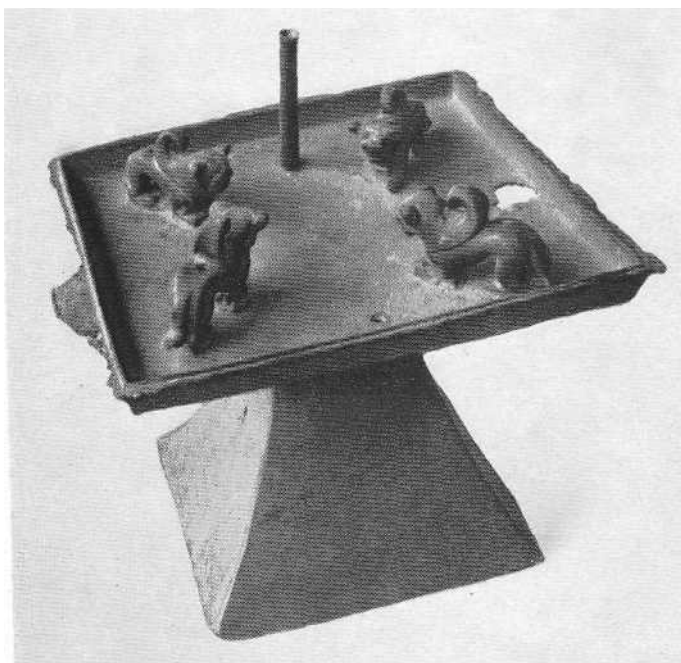
Семиреченский алтарь
Лыгатын зверь — деталь

Сокровища саков

45
Квадратный светильник.
Алма-Ата

46
Четырехугольный
светильник.
Село Семеновское

40

47
Круглый светильник
с фигурками животных
по борту.
Село Букюп, Восточный Казахстан

48
Светильник
со скульптурами
человека и лошади.
Поселок Иссык

Изваянная фигурка
из золота хищника

Изваянная фигурка
из серебра яка,
по Семеновское

51
Светильник
с двумя верблюдами
посредине и восемью
хищниками по борту

Дожественные памятники
саков Средней Азии
Западной Сибири

пел с тремя ножками
в виде протом архара.
аргалы

43

53
Бронзовое навершие
с фигурой зверя,
кормящего детенышей.
Хумсан

скульптурными сценами схватки быка с напавшим на него спереди тигром по борту находился в Петровской кунсткамере²⁶. На середине блюда второго семеновского светильника возвышаются две, но не вертикально стоящие, а изогнутые дугой трубочки с отверстиями (илл. 46). По бортам здесь расставлены одна за другой тринадцать фигурок кошкообразных хищников со стройным, легким телом и длинным загнутым на конце хвостом. Все они обращены в одну сторону (слева направо). Сохранившийся котел снабжен с четырех сторон ручками — парой полукруглых горизонтальных и парой вертикальных меньшей величины, что является характерной особенностью семиреченских котлов.

В 1953 г. близ поселка Иссык Алма-Атинской области обнаружен замечательный клад: три медных котла, железный котел, части кованого железного жертвенника, два медных блюда и медный же жертвенник или светильник.

Наибольший интерес представляет последний из названных предметов (илл. 48). Он состоит из четырех отдельно отлитых частей: блюда, фигурок человека и лошади и ажурной подставки из нескольких ярусов дуг. Фигурки человека и лошади укреплены на дне блюда. Человек представлен сидящим с поджатыми скрещенными ногами. У него ярко выраженные монгольские черты. Левой рукой он опирается на бедро, а в правой держит что-то вроде цилиндрического сосуда без дна — вероятно, трубку для фитиля. Он одет в головной убор наподобие шлема, в короткую куртку, перетянутую на талии широким поясом, в узкие штаны и мягкую кожаную обувь. Лошадь низкорослая, с большой головой. На ней узда с псалиями, но без налобного и подгубного ремней. На холке пучок волос, а хвост завязан узлом. Железный жертвенник этого клада состоял из квадратного подноса с декоративными бортиками по углам в виде ступенчатых зубцов и ажурной подставки в форме четырехгранного раструба с древовидным орнаментом. Не менее интересна другая находка, сделанная близ города Алма-Аты в 1948 г. Один из шести находившихся здесь котлов был украшен по краю обручем с скульптурными протомами крылатых горных козлов на концах. Козлы с реалистически трактованной головой, с бородкой и большими изогнутыми дугой рогами с зубцами по переднему краю. Другой котел из урочища Каргалы близ Алма-Аты стоит на трех ножках, оформленных в виде передней части фигуры горного барана (архара) с головой, также отличающейся реалистичностью моделировки (илл. 52). Оригинальный котел найден

54
Золотой браслет
с орнаментаризированными
фигурами зверей
на концах.
Ану-Дарьинский клад

в Фергане при строительстве Большого Ферганского канала в 1939 г. У него цилиндрическое тулово с закругленным "днищем". По краям стенок, наполовину возвышаясь над краем, расположены четыре ручки в форме дисков с концентрическими бороздками, чередующиеся с таким же числом расставленных по краю литых, слабо расчлененных фигурок стоящих козлов²⁷.

Подобного рода предметы известны и по другим находкам. Так, в коллекции в Эрмитаже существует светильник, точное место обнаружения его неизвестно, но он так же, как и описанные выше, имеет вид блюда на конусообразной ажурной подставке, упрощенного, сравнительно с предшествующими, образца (илл. 51). Она состоит из трех плоских расширяющихся внизу стоек, переходящих в кольцообразное основание, также из плоской подставки. Центр блюда здесь занят двумя обращенными в разные стороны фигурками двугорбых верблюдов с непропорционально большими круглыми бубенцами на шее. В горбах этих верблюдов круглые

Художественные памятники
саков Средней Азии и
Западной Сибири

Золотой браслет
с фигуркой волка на конце.

45

56
Золотой пластинчатый
браслет на шарнирах.
Дуздык

57
Золотой перстень
с фигуркой
лежащего верблюда (увеличено).
Каргалы

отверстия, вероятно, для той же цели, что и трубочки на других светильниках, то есть для фитилей. По отогнутому горизонтальному краю блюда расставлены один за другим слева направо восемь фигурок львов с тяжелой, тупой мордой, суммарно намеченной гривой и слегка изогнутым хвостом. Другой такого же рода светильник с выломанной серединой и десятью фигурками хищников с легким тонким туловищем и закрученным спиралью хвостом, размещенных друг за другом справа налево, происходит из села Буконь близ города Зайсана в Восточном Казахстане²⁸ (илл. 47).

Рассмотренные жертвенники и светильники, вместе с которыми встречаются и котлы, обычно связываются с зороастрийским культом, что вполне вероятно, принимая во внимание известную роль Средней Азии в развитии этой религии. Для зороастризма были характерны дуализм, культ огня и высокое положение жрецов. К сожалению, хронология семиреченских памятников остается точно не установленной. Они в целом датируются второй половиной I тысячелетия до н. э. и при всем своем сходстве явно не синхронны. Типологическая расстановка их, однако, не решает задачи уточнения хронологии. Эти памятники принято называть сакоусунскими, хотя часть их, вероятно, относится еще к собственно сакскому времени. Г. С. Мартынов высказал весьма правдоподобное предположение относительно того, как эти ритуальные вещи оказались зарытыми в землю²⁹. При подъеме на горные пастбища скотоводы прятали громоздкие ритуальные предметы в предгорьях Заилийского Алатау на месте весеннего праздника с тем, чтобы взять их осенью при возвращении, что в силу разных причин не всегда удавалось сделать.

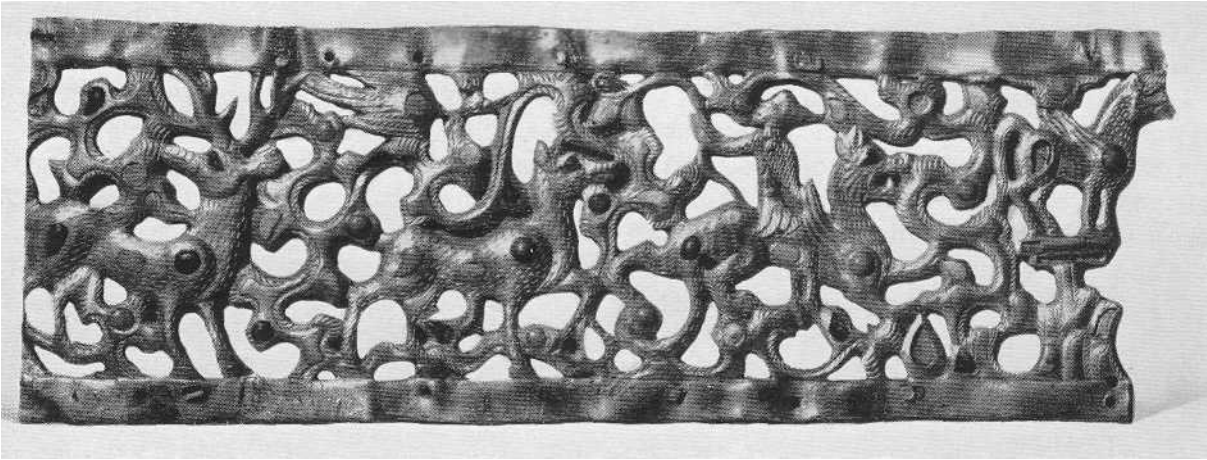
Из случайных находок в Средней Азии большой интерес представляет бронзовый нож из кишлака Турбат в бассейне средней Сыр-Дарьи³⁰. На нем барельефное реалистическое изображение птичьей головки с длинным изогнутым клювом, характерной для раннего скифского искусства (VI в.). В селении Хумсан к северу от Ташкента найдено своеобразное бронзовое навершие в виде толстостенного ажурного цилиндра, по окружности его представлены танцующие нагие женские фигурки, а на вершине скульптурная группа в виде грузного зверя с короткой головой, к брюху которого с обеих сторон припали полуприсевшие на задние лапы детеныши (илл. 55). Все это дано в грубых обобщенных формах, близко напоминающих животных на некоторых жертвенниках и светильниках, что и дает основания относить навершие к одному с ними времени. Из

окрестностей Душанбе происходит электрическая серва с фигуркой крылатого сфинкса. К женскому бюсту сзади примыкает крыло с чашеобразными ячейками для инкрустаций. Того же рода, но более удлиненными ячейками оформлен конец фигуры, переходящий в жгутообразный стержень. Спереди сфинкс наделяется миниатюрными лапками³¹. Все изображенное с его искаженными пропорциями и непонятными мистическими формами производит впечатление отдаленной реплики греческого образца, трактованного в традициях инкрустационного стиля, известного по ряду произведений Аму-Дарьинского клада.

Пара золотых браслетов была найдена в каракумских песках в местности Дуздак, или Туздак, в Каразинском районе в низовьях Сыр-Дарьи. Один из них, свернутый из толстой проволоки, украшен по концам вытянутой схематизированной фигурой фантастического зверя — волка с поджатыми к шее передними и вытянутыми назад задними ногами (илл. 55). На кончике носа у него головка грифа, а вдоль спины помещен ряд из восьми таких же головок, означающих рога. На конце длинного хвоста две головки грифа. Вдоль туловища чешуйчатые выемки — ребра. Глаза и уши с ячейками для вставок. Второй браслет из двух соединенных шарнирами половинок образован двумя кольцами (илл. 56), между ними дважды повторено одно и то же ажурное изображение павшей на передние согнутые ноги лошади с перевернутой задней частью туловища. Опущенная голова ее на вытянутой шее касается мордой земли. Стилизованная фигура лошади характеризуется округленными выпуклостями плеча и бедра, схематизированной головой, на которой геометризованными формами обозначены ухо, глаз, ноздря и рот, и преувеличенными листовидными копытами. Вдоль шеи лошади свернуто три ячейки с инкрустациями, вместе с таким образом инкрустированными копытом и лодыжкой задней ноги образующие цветное обрамление фигуры с этой стороны. С противоположной стороны ему соответствуют крупные цветные вставки на переднем копыте лошади и на дугообразной фигурке помещенной между мордой лошади и ее передними ногами. По бокам вдоль шарниров вертикальные стойки украшены круглыми и треугольными инкрустациями.

Оба браслета из Дуздака относятся к тому же инкрустационному стилю, что и вышеописанные предметы Аму-Дарьинского клада, причем фантастический зверь на первом из них, представленный в положении прыжка с поджатыми передними и вытянутыми задними ногами, своей динамичной позой

Ботая диадема (?).
фрагмент,
бронза

и орнаментальной трактовкой сближается с фигурами зверя на одном из аму-дарьинских браслетов (*илл. 54*). Вместе с тем дуздакский фантастический зверь существенно отличается от аму-дарьинских своим схематизмом и усложненностью образа, добавочными головками грифа в качестве рогов и на хвосте, что, как мы в дальнейшем увидим, типично для сибирских образцов того же стиля.

Характерной чертой второго браслета является его двучленность при наличии скрепляющих обе части шарниров. Браслеты и гривны на шарнирах известны по сибирским и боспорским находкам, из которых последние определенно не старше эллинистического времени, из чего можно заключить, что и среднеазиатский браслет того же рода относится к последним векам до н. э. Заметим также, что в Аму-Дарьинском кладе нет разъемных браслетов, а тем более браслетов с шарнирами, равно как и произведений инкрустационного стиля с такими же специфическими признаками, которые характеризуют находку из Дуздака, что следует учесть в качестве указания на более раннее время Аму-Дарьинского клада по сравнению с дуздакскими браслетами.

Для истории ювелирного искусства в Средней Азии существенное значение имеет инвентарь погребения, найденного в расщелине скалы в Каргалинском ущелье в Алма-Атинской области. Необычные условия этого погребения явились для А. Н. Бернштама основанием считать его погребением шамана⁸². Среди множества золотых вещей, сопровождавших покойника, особенно важна разломанная на две части длинная золотая пластинка с ажурными изображениями различных животных и фантастических существ среди растительных побегов, вероятно, служившая диадемой (*илл. 58*). Здесь же были два перстня со скульптурными фигурками двугорбых верблюдов (*илл. 57*), десять бляшек в виде козлов, инкрустированные бирюзой серьги со схематическим изображением какого-то показанного сверху животного, впившегося в грудь человека, сидящего с поджатыми ногами. Все эти предметы с цветными инкрустациями. Кроме того, имеются бляшки, инкрустированные камнями в ободках из зерни, бляшки в виде древесных листков и шаровидные пуговицы.

Животные на диадеме отличаются реалистической трактовкой и представляют: оленя с раскинутыми в стороны рогами с остроконечными отростками, копытное животное без рогов, крылатую лошадь на подставке в виде гриба, дракона с человеко-птицей на спине, козерога, медведя, барана и летящих птиц. Почти все животные изображены с крыльями

и с крылатыми же всадниками на спине, все инкрустировано камнями, наиболее крупными на плечах и бедрах животных в круглых или листовидных ячейках.

А. Н. Бернштам, указав на сходство сюжетов на пластинке с фризом на китайском бронзовом блюде ханьского времени, изданном М. И. Ростовцевым, отметил среди них мотивы китайского происхождения, такие, как дракон и грибовидные подставки, и отнес ее, как и погребение, в котором она найдена, к I в., может быть, ко II в. н. э.³³. Эта датировка, как мы увидим ниже, вполне вероятна. Каргалинское погребение вместе с браслетами из Дуздака и золотыми украшениями из Тулхарского могильника показывает, что инкрустационный стиль, появившийся в ювелирных изделиях Аму-Дарьинского клада, существовал в Средней Азии до начала I тысячелетия н. э., то есть до периода, когда он получил широкое распространение не только в восточных провинциях Ирана, но и во всей Передней Азии и в Европе, не говоря уже о тесно связанных с Ираном евразийских степях, где он известен со времени возникновения скифо-сибирского искусства. Вместе с тем следует заметить, что изображения на каргалинской пластине и на золотых браслетах из Дуздака стилистически существенно различаются между собой. Последние более схематичны и условны, что, вероятно, зависит не столько от общего хода развития искусства Средней Азии, сколько от различия в направлениях, существовавших в искусстве этой страны. Первое из них, представленное каргалинской пластиной, сохраняет античные традиции в трактовке образов и, вероятно, восходит к формам греко-бактрийского происхождения, тогда как второе развивается в духе варварского звериного стиля, родственного искусству Сибири.

Первое из этих направлений особенно яркое выражение получило в знаменитых ритонах из слоновой кости, найденных в развалинах парфянской столицы — Старой Нисы близ Ашхабада³⁴. Свыше сорока собранных из обломков ритонов украшены по концам фигурками грифона, человека-быка, кентавра, обнаженной богини и другими изображениями, а по верхнему краю фризами с греческими сюжетами, представляющими олимпийских божеств, жертвоприношения и вакханалии. Эллинистические мотивы трактованы в восточном духе: фигуры статичные, приземистые с негреческими деталями и суховатой графической моделировкой. Особенно интересны грифоны на концах ритонов. У них характерные изогнутые рога с расширением на конце и крылья с загнутыми вперед концами, разделенные в осно-

вании чешуеобразными перьями, и другие черты, восходящие к типам ахеменидского времени. Эти ритоны, вероятно, относятся к III — II вв. до н. э. и являются произведениями местного парфянского или греко-бактрийского искусства, в основе которого лежат греческие образцы. Чертами еще более далекого от эллинских прототипов местного художественного стиля характеризуется серебряная статуэтка в виде прыгающего грифона из Старой же Нисы, датируемая II — I вв. до н. э.³⁵. У него горбоносая орлиноклювая морда, козлиная борода, конская грива и загнутые вперед схематически оперенные крылья; подставка под грудь делает фигуру статичной, лишая ее динамизма, свойственного прыгающему животному.

Дуздакские браслеты представляют другую линию художественного развития, тоже восходящего к персидскому искусству ахеменидского времени, но отличающуюся большей самобытностью и независимостью от эллинистического влияния, хотя и не наглухо отгороженную от образцов, идущих из основных художественных центров своего времени, какими были, с одной стороны, Греко-Бактрия, а с другой — Китай. Наиболее полное и яркое представление об этой линии дают произведения, собранные в Сибирской коллекции Петра I, и восполняющие имеющиеся в ней лакуны бронзовые воспроизведения золотых оригиналов из Минусинской котловины Забайкалья и Ордоса.

III

Алтайские курганы

Если об археологии сакского времени в Средней Азии и Западной Сибири можно сказать, что она остается еще делом будущего, то находки в алтайских курганах представляют сегодняшний день советской науки. Они открыли новую страницу в культурной истории кочевников Евразии и благодаря своей необычности и действительно высокой художественной ценности получили всемирную известность.

Еще в конце XVIII—первой трети XIX в. прекрасную коллекцию найденных на Алтае художественных произведений составил алтайский инженер П. К. Фролов (*илл. 59–62*). Среди них особенно замечательны хорошо сохранившиеся резные изделия из дерева, какие известны в скифских комплексах Причерноморья. В 1865 г. В. В. Радлов раскопал два больших кургана: один в пределах современной Горно-Алтайской автономной области в долине реки Катунь — в Катанде, другой — в бассейне верхнего течения реки Бухтармы в границах Восточного Казахстана — Берели. Это были первые научные раскопки в горах Алтая. Среди находок оказались меховые одежды хорошей сохранности и различные украшения, вырезанные из дерева, подобные тем, которые уже были известны по собранию П. К. Фро-

лова (*илл. 63*). Долгое время эти вещи оставались уникальными и вызывали удивление своей сохранностью, так как обычно предметы из органических материалов исчезают в могилах без следа.

В 1911 г. в южной части Западного Алтая А. В. Адрианов раскопал два кургана в Майэмирской степи на реке Майэмире, левом притоке реки Нарыма, три кургана им были раскопаны под Солнечным Белком близ села Алтайского и четыре на верхней Бухтарме у деревни Черновой — все в современном Восточном Казахстане. В могилах под каменно-земляными насыпями у них были срубы с остатками разграбленных человеческих погребений, а рядом со срубамы скелеты одной или двух лошадей. Кроме курганов А. В. Адриановым была раскопана на реке Майэмире кольцевая выкладка из валунов, под самым большим из которых оказались бронзовые части уздечки и вместе с ними семь сильно смятых золотых пластинок с тисненными фигурами характерного свернувшегося хищника, хотя и с чрезмерно удлинненным туловищем, но с довольно реалистической трактовкой головы и когтистых лап (*илл. 64, 65*). Судя по форме удила и по стилю изображений на пластинках, вероятно, покрывавших деревянные украшения узды, эта находка относится к началу VI в. до н. э.

Замечательный образчик раннего скифо-сибирского искусства представляет также найденное на Алтае бронзовое зеркало с невысоким вертикальным бортиком, со следами двухстолбчатой ручки и гравировкой на обороте (*илл. 66*). На нем помещено друг за другом шесть одинаковых профильных фигур стоящих оленей. Обобщенный контур каждого животного очерчен свободной, выразительной линией с большим мастерством. У оленей округлое, отчлененное изгибом от туловища бедро, как бы висящие в воздухе четыре ноги с острыми копытами, короткий хвостик и поднимающаяся острым углом холка. На поднятой удлинённой голове показан только выступающий из ее контура круглый глаз, непосредственно к нему примыкают остроугольное ухо и состоящий из S-образных завитков рог. В целом образ оленя на алтайском зеркале сближается с изображениями этого животного, выгравированными на сосудах из Нальчикского музея на Северном Кавказе¹, и так же, как свернувшийся зверь на золотых майэмирских бляшках, типичен для VI в. до н. э. Выступающий за контур головы глаз встречается во многих мотивах скифского искусства, но особенно характерен для изображений птичьей головы, которая с самого раннего времени нередко обозначалась только кружком-глазом с примыкающим к нему изогнутым клювом.

Впервые после В. В. Радлова исследование больших алтайских курганов было предпринято в 1927 г. М. П. Грязновым. Он раскопал каменный курган двухметровой высоты в урочище Шибе в долине реки Урсула левого притока реки Катунь (Горно-Алтайской авт. обл.). В нем оказалась двойная погребальная камера с саркофагом-колодой и четырнадцать лошадей в северной части могильной ямы. Несмотря на ограбление, в могиле сохранились мумифицированные трупы взрослого мужчины и ребенка, многочисленные золотые бляшки и пуговицы, вырезанные из листового золота различные изображения, деревянные, роговые и кожаные украшения конской упряжи и другие вещи, подтвердившие, что сходные предметы, входящие в коллекции П. К. Фролова и В. В. Радлова, происходят из курганов этого типа.

Еще более яркая картина погребений с аналогичными материалами открылась в результате раскопок С. И. Руденко в урочище Пазырык в долине Большого Улагана в Восточном Алтае (Горно-Алтайской авт. обл.), где в 1929 г. был исследован один курган, а в 1947—1949 гг. еще четыре кургана. В 1950 г. С. И. Руденко раскопал два больших кургана в Центральном Алтае — в урочище Башадар близ аила Ка-

ракол на реке Кулада, а в 1954—1955 гг. два кургана у села Туэкта в долине реки Урсула.

Раскопанные советскими археологами большие алтайские курганы обогатили Государственный Эрмитаж совершенно исключительной по своему составу коллекцией вещей из дерева, кожи, войлока и разнообразных тканей, отличающихся к тому же высокими художественными достоинствами. Эти вещи открыли совершенно новый мир, о котором до сих пор можно было только догадываться по скудным намекам в других дошедших до нас материалах той же культуры и того же времени. В настоящее время находки из всех этих раскопок изданы² и поэтому нет надобности давать их подробное описание, а можно ограничиться общей характеристикой.

Могилы под алтайскими курганами пазырыкского типа устраивались в виде большой прямоугольной ямы площадью от 50 до 55 кв. м и глубиной в 4—5 м. В ней находилась погребальная камера, состоявшая из одного или, значительно чаще, из двух вставленных один в другой срубов; между камерой и стенкой ямы с северной стороны оставлялось пространство, в котором укладывалось от пяти до двадцати двух лошадей. Внутреннее помещение в погребальной камере было невысоким, от 1,1 до 1,5 м. Стены и потолок камеры изнутри стесывались в плоскость и обивались войлоком, дощатый пол также имел войлочное покрытие. Тело покойника или двух, в тех случаях, когда умершего сопровождала жена или наложница, укладывалось в большом долбленном из толстой лиственницы саркофаге с крышкой. Иногда в камере находятся два саркофага меньшей величины для каждого из двух покойников в отдельности. В двух случаях (первый Туэктинский и второй Башадарский курганы) саркофаг был покрыт резными изображениями животных (*илл. 67*), а в других он украшался аппликациями в виде вырезанных из кожи или бересты фигурок лосей (*илл. 68*), петушков или орнаментов. Вместе с саркофагом в камере помещались некоторые предметы бытовой обстановки — низкие столики на фигурных резных ножках, деревянные сиденья в форме подушек, сосуды с пищей и прочий сопровождающий покойников инвентарь. Потолок камеры сверху застилался несколькими слоями сшитых полотнищ проваренной бересты и лиственничной коры, а вся могила закрывалась толстым (до 2 м) настилом из многих рядов бревен, поверх которых уже и насыпались сначала земля, вынутая при рытье могилы, а затем камень. Такого рода насыпь от 36 до 46 м диаметром имела в высоту до 4 м. Каменная насыпь над алтайскими курганами заслуживает особого внимания, так как

59
Дергвянная бляшка —
профильная голова зверя.
Алтай, коллекция Фролова

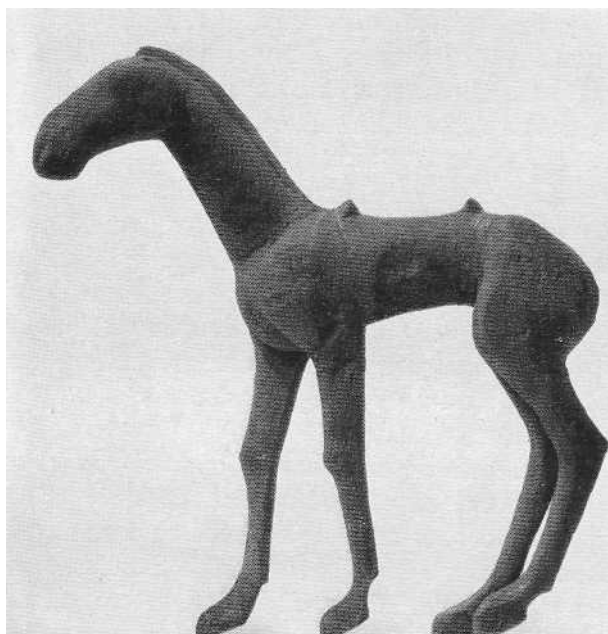
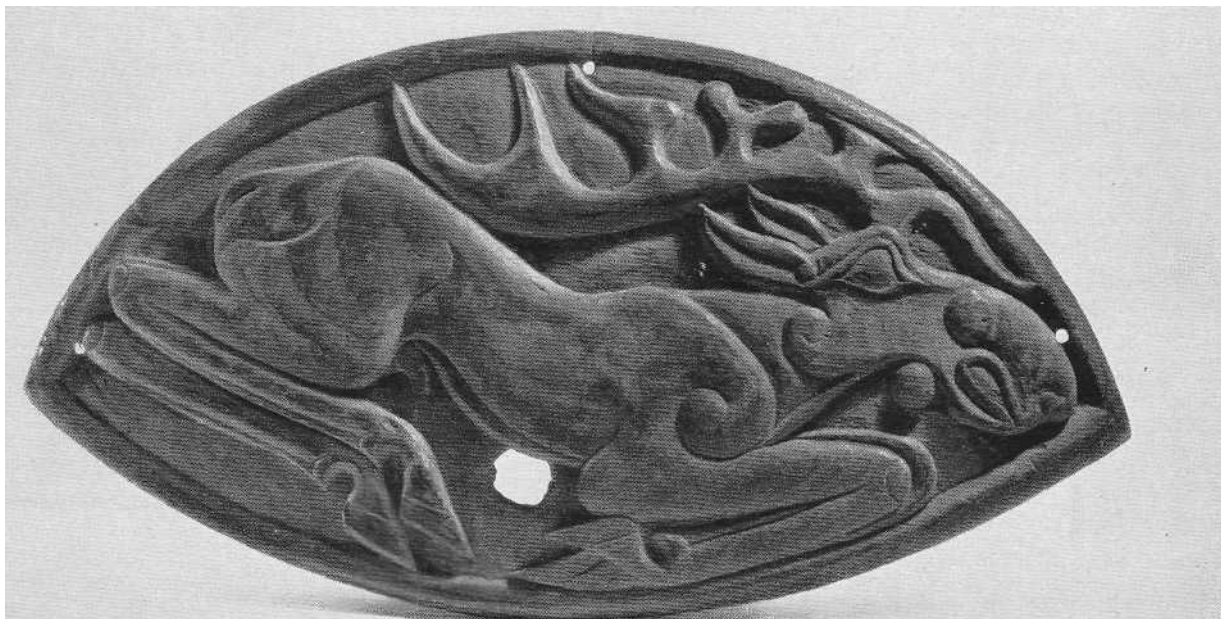
60
Деревянная
головка хищника.
Алтай, коллекция Фролова

6
Деревянная бляха
из двух стилизованных
головок лося.
Алтай, коллекция Фролов

Деревянная пластина
с рельефной фигурой лося.
3 пай, коллекция Фролова

Деревянная фигура лошади
атаундинский курган

от величины ее, как мы увидим ниже, зависит степень сохранности погребального инвентаря.

Все алтайские курганы с каменными насыпями к моменту научных раскопок оказались разграбленными совершенно одинаковым образом лицами, хорошо осведомленными об их устройстве. Грабители, разобрав и раскопав в виде воронки насыпь кургана над могилой, добирались до бревенчатого перекрытия и, прорубив в нем узкое отверстие, попадали прямо в свободную от земли и камней погребальную камеру, которую и опустошали в большинстве случаев почти начисто, оставляя только неценные, с их точки зрения, и громоздкие вещи. В одном случае грабители обобрали даже золотые украшения с конского снаряжения, сложенного между стенками срубов, в другом попытались добраться до конского погребения, прорубив боковую стенку камеры, но, как правило, они оставляли коней, положенных за камерой между срубом и стенкой могильной ямы, без внимания, так как извлечь что-нибудь из-под нагроможденных над ними камней и бревен было делом слишком трудным и не столь соблазнительным, чтобы оправдались затраченные усилия. Им было хорошо известно, что кроме тонких золотых листков, покрывавших деревянные резные украшения конской сбруи, и бронзовых удила ничего ценного в снаряжении коней быть не может. Благодаря этому большинство вещей, находимых при научных раскопках алтайских курганов, происходит из нетронутых грабителями конских погребений.

Могилы под каменными насыпями оказались заполненными льдом; при исследовании их этот лед пришлось постепенно растапливать с помощью горячей воды, которая многократно заливалась в могилу, а затем вычерпывалась вместе с водой, получавшейся в результате таяния льда. Было замечено, что лед, заполнявший камеры, не однородный: сверху шел мощный слой, образовавшийся после разрытия кургана грабителями, когда через вырытую ими воронку в камеру затекала вода с землей и мусором, ниже лежал тонкий слой совершенно чистого льда, возникший еще до ограбления могилы в связи с образованием под каменной насыпью линзы вечной мерзлоты. В некоторых могилах предметы погребальной обстановки оказались вмержшими в этот слой и грабителям пришлось или оставить их нетронутыми, или вырубать изо льда.

Жертвенная пища, положенная с покойниками, успела истлеть так, что от нее остались только кости, а трупы погребенных в могилах коней тоже подверглись разложению. В первом Туэктинском кургане, где прекрасно сохранились деревянные укра-

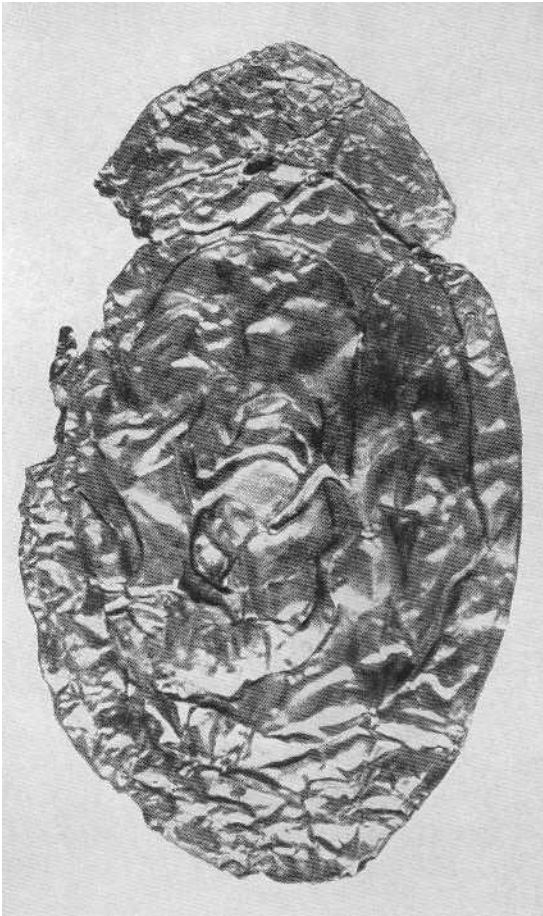
шения сбруи, войлочные, меховые и кожаные ее части почти совершенно истлели. Все это свидетельствует о том, что между похоронами и образованием мерзлоты прошло какое-то время, не поддающееся, однако, точному определению так же, как и время ограбления могил и заполнения их льдом уже в результате доступа в могилу воды и холодного воздуха через грабительскую яму.

Возможно, что разграбление курганов скифского времени на Алтае связано с вторжением туда нового народа, не ограничившегося изгнанием прежнего населения страны, а подвергнувшего осквернению оставленные им могилы. Известно, что так именно поступили ухуаньцы с могилами побежденных ими гуннов. Они разрыли и разграбили усыпальницы гуннских вождей — шаньюев. Вероятно, разорение погребений под курганами с каменной наброской относится ко времени завоевания Алтая гуннами. В всяком случае, эти курганы грабились не тайком, не посредством малозаметных подкопов, какими воры проникали в гробницы своих богатых современников в Северном Причерноморье, а совершенно открыто — ямами, вырытыми в насыпи сверху, что при глубоком почитании предков могло получить распространение только в отношении к могилам врагов.

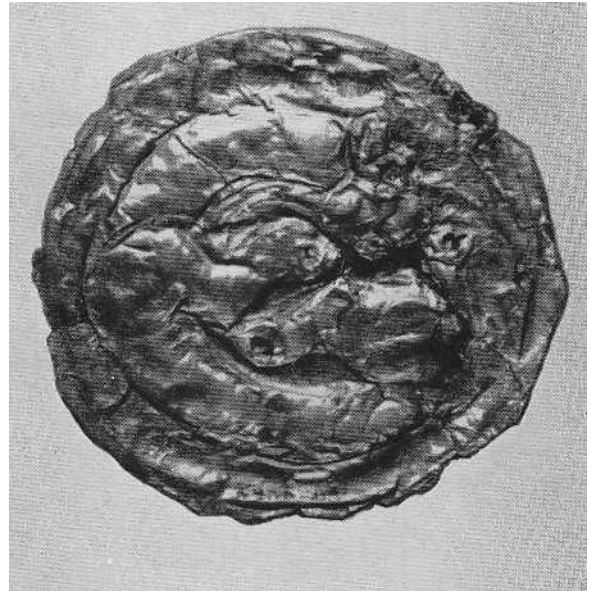
Алтайские курганы пазырыкского типа находятся в горах на высоте более 1000 м над уровнем моря, но все же в зоне, в которой вечная мерзлота в обычных условиях не наблюдается. Несмотря на суровые климатические условия высокогорного Алтая с его длительной зимой и коротким летом и соответственно низкой годовой температурой, большая каменная насыпь была необходимым условием образования подкурганной мерзлоты. Под малыми курганам! того же типа никаких признаков мерзлоты не обнаружено. Масса камней с ее плохой теплопроводностью и, наоборот, хорошей воздухопроницаемостью действовала как конденсатор. В каменной насыпи и под ней создавался особый микроклимат, отличающийся от климата окружающей среды более низкой температурой, слабо реагирующей на летнее прогревание. В результате под насыпью образовывалась линза вечной мерзлоты, соответствующая рельефу насыпи, то есть более мощная под центром и утончающаяся к краям.

Благодаря мерзлоте, охватившей могилы под каменными насыпями, сохранность деревянных сооружений, трупов погребенных и оставшихся после грабителей различных вещей в могилах оказалась относительно хорошей. С точки зрения сохранности наименее показательными надо считать трупы людей, ибо перед погребением они были тщательно

64
Золотые обкладки
с изображением
свернувшейся пантеры
с когтистыми лапами.
Майэмир

65
Золотые обкладки
с изображением
свернувшейся пантеры
с лапами, заканчивающимися
кружками.
Майэмир

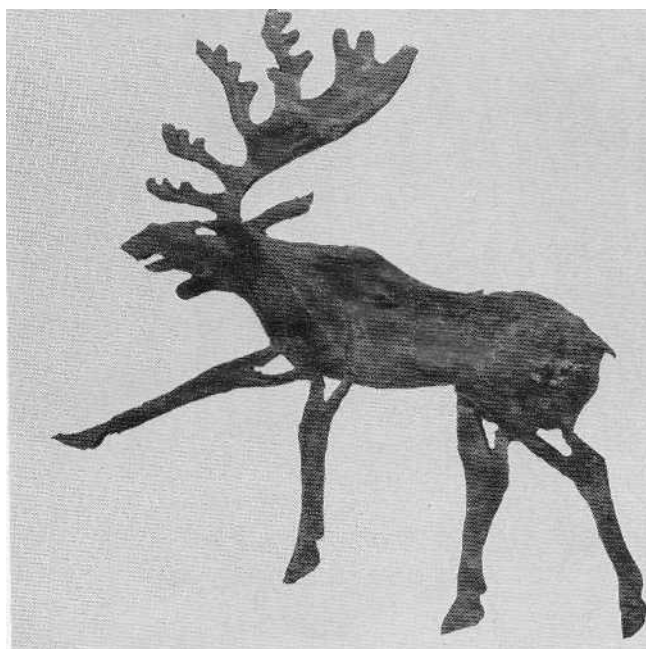
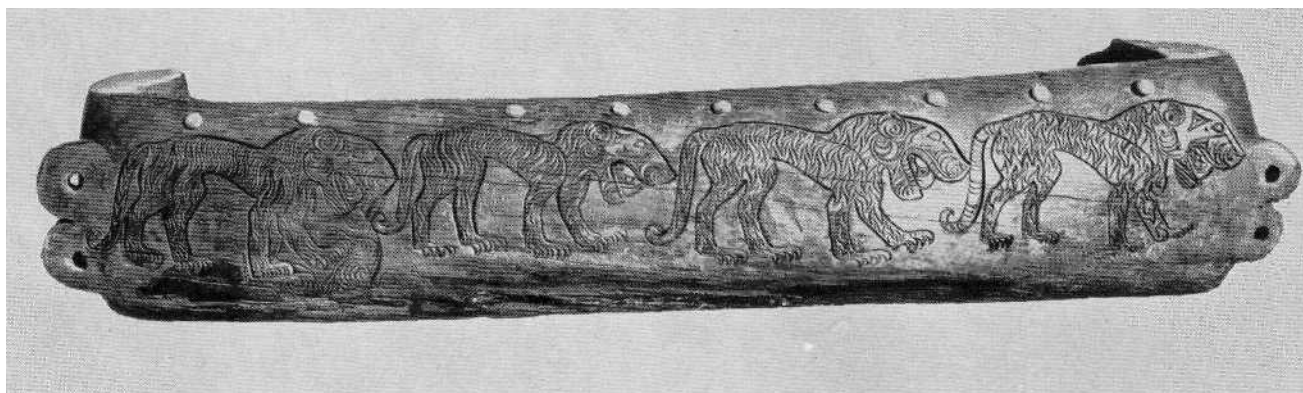
66
Бронзовое зеркало
с гравированным
изображением оленей.
Алтай

67
Саркофаг с резными
изображениями животных.
Башадар, второй курган

Фигура лося,
вырезанная из кожи.
Пазырык, второй курган

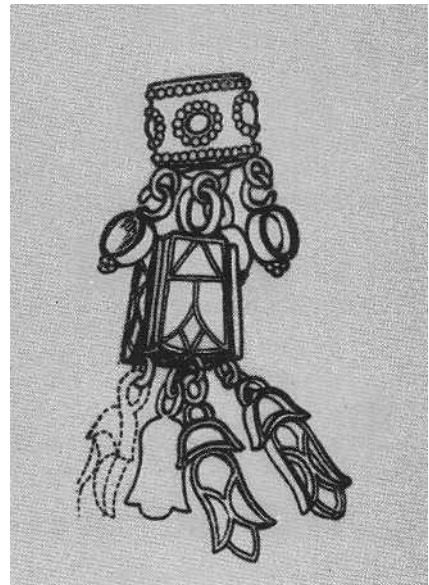
69
Татуировка
на коже погребенного.
Пазырык, второй курган

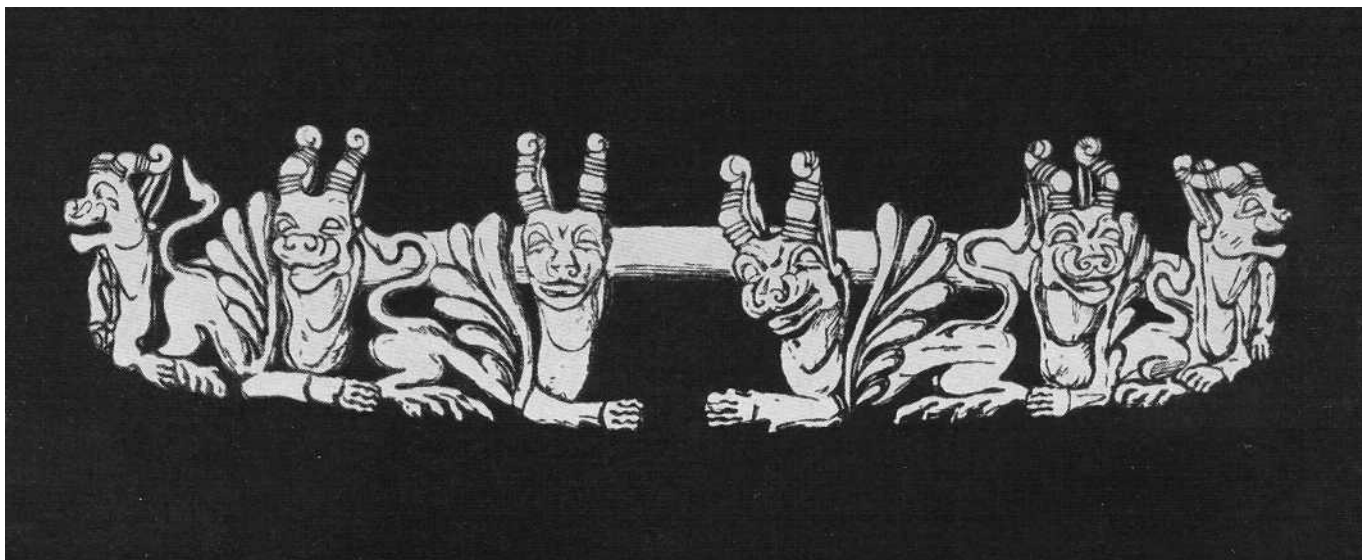
70
Фигурки грифонов
на концах медной гривны,
Пазырык, второй курган

серебряная поясная бляха,
Пазырык, второй курган

72
Золотая серьга.
(штриховой рисунок).
Пазырык, второй курган

73
Реконструкция гривны
с грифонами

покрыта татуировкой, представляющей животных в стиле, характерном для аппликаций и резьбы по дереву на вещах из тех же алтайских курганов (илл. 69); татуировка была нанесена задолго до смерти этого мужчины глубокими наколами черной краской на руках, на груди, частично на спине и на ногах от колена до щиколотки. По всей вероятности

препарированы с целью мумификации. Через разрезы в коже, в дальнейшем зашитые волосяными или сухожильными нитями, из трупов были изъяты внутренности и частично мускулы, черепа трепанированы для извлечения мозга. В некоторых случаях препарированные кости скелета были соединены между собой ремешками, пропущенными через специально просверленные в них отверстия.

Для сохранения формы под кожу набиты различные травы, а в некоторых местах даже подложен волос. Все это близко соответствует рассказу Геродота об обычае скифов мумифицировать труп царя.

По расовым признакам большинство погребенных в алтайских курганах принадлежало к европеоидам, но были среди них и типичные монголоиды, что свидетельствует о контакте двух расовых типов и, вероятно, о смешении различных этнических групп. Головы у погребенных были бритыми целиком или только спереди; женщины носили привязные косы, а мужчины к бритому лицу подвешивали искусственную бороду. Кожа одного из мужчин была

она означала, как это было в обычае у многих варваров, высокое социальное положение, которое занимал погребенный при жизни.

О погребальном инвентаре в алтайских могилах нельзя составить полного представления, так как все камеры были основательно расхищены грабителями. Трупы покойников оказались беспорядочно разбросанными, а иные и вовсе исчезли, будучи вынесены из могил. Все были раздеты, у двух трупов в камере второго Пазырыкского кургана отрублены головы, вероятно для того, чтобы снять дорогие шейные украшения (гривны), у женщины из той же пары для снятия ножных и ручных браслетов отрублены стопы обеих ног, голени и кисть правой руки. Содрана была даже войлочная обивка со стен камер с целью извлечения медных гвоздей, которыми она была прибита. Тем не менее и то, что сохранилось подчас в растерзанном виде, в обрывках и обломках, дает поразительную картину, неизмеримо превосходящую своим разнообразием все то, что известно по курганам, в которых вечной мерзлоты не

было, а следовательно, не существовало тех условий консервации, какими отличаются алтайские курганы с большими каменными насыпями.

Довольно полно представлена одежда — мужская и женская. Вся она, кроме рубах, тканых из конопли или кендыря, делалась из кожи, меха и войлока. Шерстяные ткани для одежды, по-видимому, не употреблялись. Из мужской одежды можно отметить узкие штаны, сшитые из многочисленных лоскутков кожи типа замши, войлочные чулки, сапоги с длинными голенищами и мягкими подошвами, просторный кафтан с длинными декоративными рукавами. Все это очень похоже на одеяния персонажей, изображенных на золотых пластинках Аму-Дарьинского клада и персепольских рельефах. На голове мужчины носили войлочную шапку-ушанку, крытую кожей, или войлочный колпак. Один из них увенчан коронкой со ступенчатыми зубцами, характерными для Персии ахеменидского времени.

Из женских одежд сохранились войлочные чулки и сапоги с коротенькими голенищами. Парадные полу-сапожки с голенищами раструбом сплошь орнаментированы, включая подошву, расшитую бисером и кристаллами пирита, что имело смысл только при обычае сидеть с подогнутыми крест-накрест ногами с вывернутыми наружу пятками. Верхней одеждой являлся кафтан с декоративными рукавами и нагрудником. Женские головные уборы были разнообразнее мужских. Один из них, вырезанный из дерева в виде шапочки с двумя полыми рожками наверху, через которые продевались две косы, завершался вертикально укрепленной косой из конского волоса, к ней присоединялись собственные косы умершей. Найдено несколько плетеных поясов, один с серебряными орнаментальными бляхами (*илл. 71*).

Из личных украшений в алтайских курганах уцелело очень немного, хотя до ограбления они, вероятно, были представлены в богатом ассортименте, как об этом свидетельствуют разнообразные золотые вещи Сибирской коллекции Эрмитажа. В разграбленных же алтайских курганах при раскопках найдены всего только одна пара золотых серег тонкой ювелирной работы с зернью (*илл. 72*), обломки гривны в виде кольца из медной трубки со вставленными по концам грифонами, вырезанными из дерева и рога, а затем покрытых золотом (*илл. 70, 73*), и несколько позолоченных бляшек с изображениями животных, нашивавшихся на одежду. В небольшом количестве попадались бисер и бусы, в частности из бирюзы. К туалетным принадлежностям относятся — роговой гребень и три зеркала: одно бронзовое с короткой ручкой, другое серебряное с длинной роговой руко-

яткой и фрагмент третьего из белого металла, китайского типа Цинь, датированного IV в. до н. э.

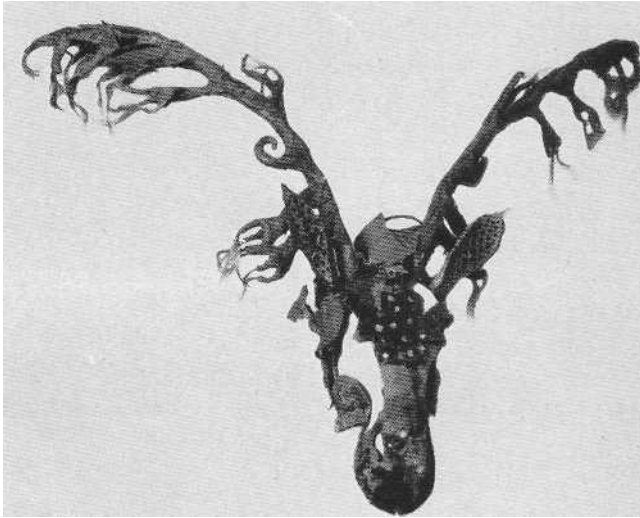
Также очень мало сохранилось предметов вооружения. В одном из погребений нашлись остатки короткого железного меча и кинжала, и во всех могилах оказалось довольно много обломков древков стрел, у которых наконечники были сняты грабителями. Из оборонительного вооружения представлены щиты, сделанные из кожи и дерева, и один деревянный, имитирующий кожаный щит с палочками. В первом Туэктинском кургане сохранились деревянные поножи.

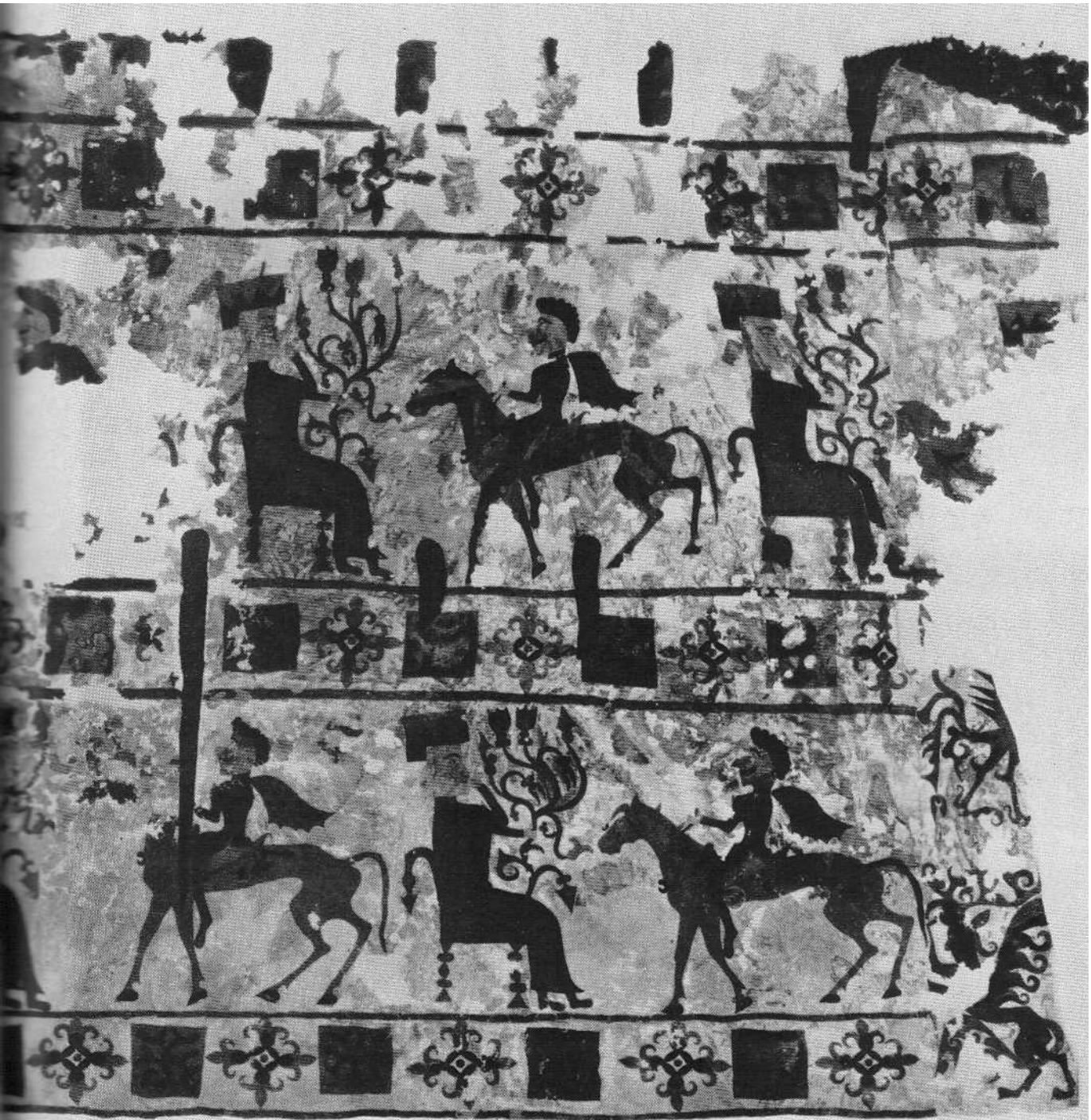
Из бытовой обстановки в погребальных камерах более или менее уцелели кроме упомянутых столиков-блюд на фигурных ножках, в одном случае точенных на станке, изголовий и сидений из дерева, деревянные и глиняные сосуды, войлочные подставки под сосуды, каменный светильник, кожаные сумки, фляги, кошельки и футляры, меховые мешки, войлочные и кожаные коврики и покрывала, роговые барабаны, музыкальный инструмент типа арфы и очень интересная медная курильница с расставленными над ней деревянной конусовидной шестиногой прикрывавшейся сверху войлочным или кожаным ковриком. Найденные здесь же зерна конопли указывают, что это приспособление служило для курения наркотиков (гашиша) тем способом, о котором рассказано у Геродота. По его словам, скифы бросают зерна конопли на раскаленные камни, укрытые войлоком на деревянных подставках, и дышат поднимающимся от них дымом³. Впрочем, у Геродота этот способ курения спутан с паровой баней, и только находки в алтайских курганах позволили правильно понять, о чем у него говорится. Несравненно сохраннее оказался инвентарь конских погребений. Прежде всего необходимо отметить, что в некоторых курганах были найдены довольно хорошо сохранившиеся трупы лошадей с мясом, кожей и шерстью. Среди них наряду с табунными малорослыми экземплярами были крупные высокопородные кони. Все лошади мерины от двух до двадцати и более лет, почти все они верховые. У всех подстриженные гривы, а хвосты, подстриженные в верхней части, заплетены и у некоторых завязаны узлом. Иногда на лошадей надевались войлочные нагривники и кожаные футляры для хвостов. Все кони убиты ударом чекана в лоб или в темя. Все они имеют разные метки владельцев в виде нарезок на ушах из чего следует, что эти кони не принадлежали покойнику при жизни, а были предоставлены в дар ему, как вождю, вероятно, подчиненными лицами.

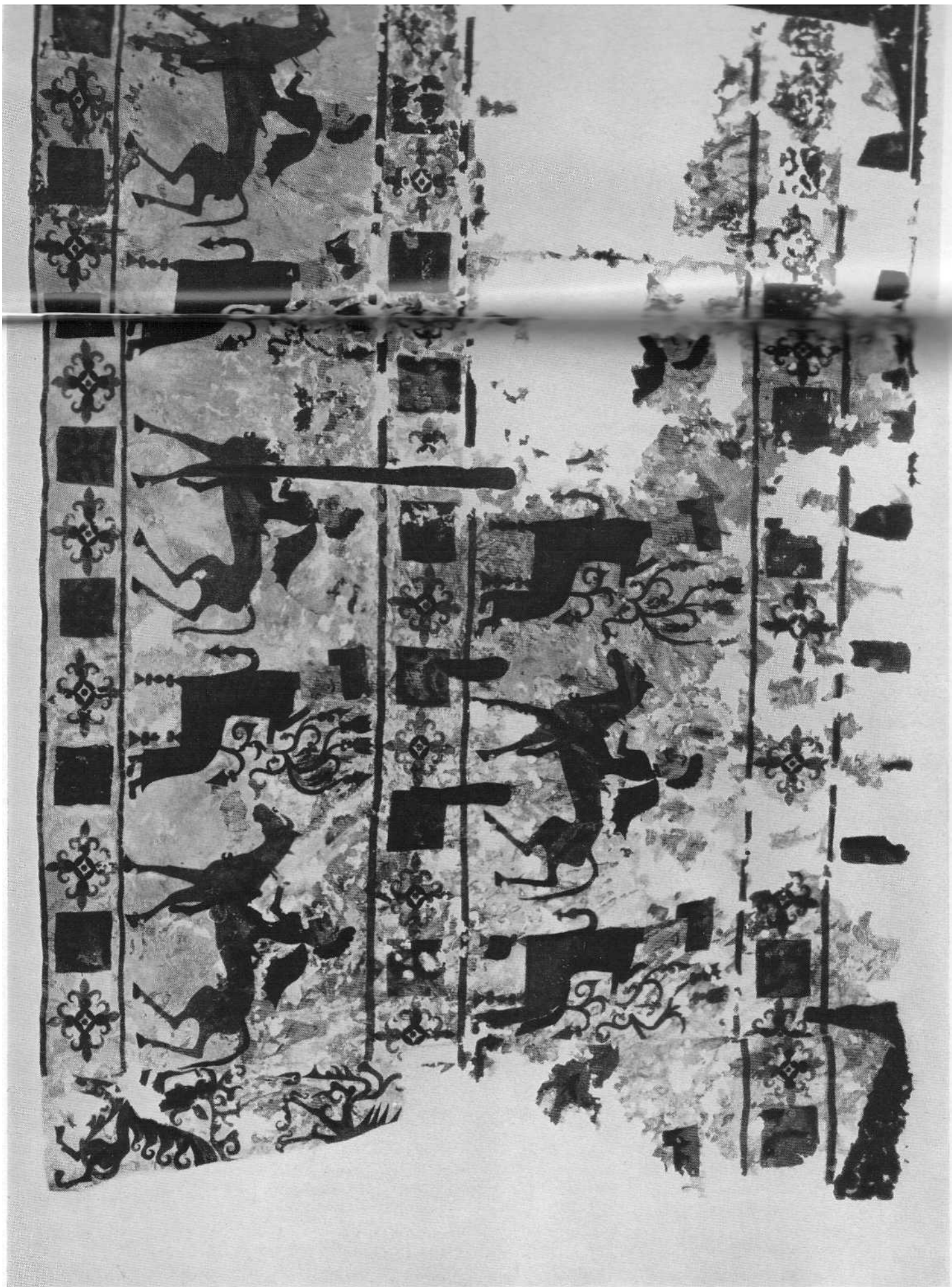
74
Конская маска
с оленьими рогами.
Пазырык, первый курган

76
Войлочный ковер
с аппликациями.
Пазырык, пятый курган

Конская маска с фигурой
крылатого грифона.
Пазырык, первый курган

77
Войлочный ковер с аппликациями.
Деталь — богиня в кресле

78
Фондонын ковер с аппликации
деталь — всадник

В большинстве случаев конское снаряжение не оставалось на лошадях, а снималось с них и клалось отдельно или же на трупы коней. Оно состояло из уздечки с удилами и чумбуром. Удила двусоставные со стремевидными или круглыми концами для псалий и повода. Наиболее ранние псалии трехдырчатые, более поздние с двумя отверстиями. Первые сочетаются с удилами со стремевидными концами, а двухдырчатые — с кольчатými. Седла представляли собой две сшитые вместе подушки, набитые оленьим волосом или травой и снабженные чепраком, подпругой, нагрудным и подхвостным ремнями. Среди них имеются экземпляры как с высокими, так и низкими седельными луками. Подпруги скреплялись разнообразными пряжками — бронзовыми, роговыми и деревянными. Седельные подушки и чепраки украшались сценами борьбы зверей, выполненными цветной аппликацией из тонкой кожи или различным образом окрашенного войлока. Вырезанные фигуры дополнялись вставками из листового золота и олова, детали оконтуривались цветной нитью. Замечательно богат и разнообразен набор украшений уздечек и седел из блях и подвесок с разнообразными изобразительными и орнаментальными мотивами, по большей части вырезанных из кожи и дерева и обложенных золотом или оловом. Следует отметить, что деревянные части и украшения конского снаряжения представляли собой отнюдь не наскоро сделанные специально для похорон имитации более прочных металлических изделий. Следы изношенности, поломки и починки свидетельствуют, что они являются бытовым инвентарем, у которого за блеском тонкой позолоты скрывается дешевая основа.

К числу замечательнейших находок в алтайских курганах относятся оригинальные маски, надевавшиеся на головы лошадей. Лучше сохранившиеся из них представляли собой род чехлов с большими ушами. Одна была увенчана большими оленьими рогами, а спереди вдоль лошадиной морды украшена вырезанным из меха изображением тигра (илл. 74). Наверху второй маски скульптурная деревянная голова оленя с кожаными рогами, а на третьей крылатый львиный грифон, а спереди тоже фигура тигра, вцепившегося зубами и лапами в этого грифона (илл. 75). На четвертой маске скульптурная голова барана с загнутыми рогами и со стоящей на ней птицей с приподнятыми крыльями. Другие маски худшей сохранности, но зато многие из них имеют признаки длительного употребления, показывающие, что и эта принадлежность конского убора имела не специально погребальное, а бытовое назначение, хотя, несомненно, связанное с культом.

Следует заметить, что конские маски вовсе не являются специфической особенностью алтайских курганов. Подобные конские украшения известны и у скифов Северного Причерноморья, где встречаются части узды с изображением того же содержания, что и на алтайских масках. Так, характерный для скифской уздечки налобник нередко имеет вид скульптурной головки зверя со схематическим изображением передних лап и головы животного между ними на щитке, служащем ее основанием⁴. Это уменьшенное воспроизведение характерного для пазырыкских масок мотива борьбы зверей. Нащечники такого рода уздечек нередко трактованы в виде пары задних ног или лап животного на налобнике, иногда в настолько стилизованном виде, что установить их первоначальное изобразительное содержание возможно только путем типологических сопоставлений⁵. Эти нащечники-лапы соответствуют задней части животного на пазырыкских масках, представленных в виде фигурных лопастей, свешивающихся по сторонам конской головы. Металлические — золотые, серебряные или бронзовые — налобники и нащечники в составе конской узды появляются еще в V в., но особенно широко распространены в IV в. Они показывают, что у скифов Причерноморья существовали такие же формы культа, как на Алтае, и, вероятно, употреблялись такие же конские маски. Замена масок налобниками и нащечниками со звериными изображениями на конских уздечках в Сибири почти не наблюдается. В минусинских бронзах имеется единственный налобник со скульптурной птичьей головкой. В пятом Пазырыкском кургане в закладке северной части могилы вместе с конями находились два ковра — один войлочный с цветными аппликациями, а другой ворсовый шерстяной, получивший мировую известность как древнейший образец этого рода изделий. Войлочный ковер, по-видимому, является частью шатра, основанием которого служила найденная в закладке могилы рама из четырех бревен с прорубленными в них гнездами для шестов, составлявших его остов. На верхушках этих шестов были прикреплены по фигурке сшитых из войлока скульптурных лебедей. На большом, около 30 кв. м, белом войлочном ковре (илл. 76) чередуются фризы из орнаментальных фигур и несколько раз повторяющейся композиции, представляющей всадника в развеваемом плаще (илл. 78) перед богиней, сидящей на троне с пышным растением в руке (илл. 77). Это культовая сцена, живо напоминающая не только по содержанию, но и по форме изображения, в IV—III вв. распространенные в искусстве Северного Причерноморья.

79
Войлочный ковер с аппликациями.
Сцена борьбы
человека-зверя с птицей.
Фрагменты

Сидящая женщина—богиня плодоносящих сил природы. Находящееся в ее протянутой руке растение с изгибающимися ветками, заканчивающимися стилизованными листьями и цветами, не имеет ничего общего с формами деревьев и растений в сибирском искусстве, но зато напоминает китайские орнаменты. Другая рука богини поднесена ко рту. Она сидит в профиль в кресле с точеными ножками, какие имеются у столиков, найденных в Пазырыкских курганах, с отогнутой спинкой, заканчивающейся такой же стреловидной фигурой, как на ветках растения, находящегося в ее руке.

По-видимому, голова богини обрита, как у женщин, погребенных в Пазырыкских курганах. На ней головной убор в виде шапки с назатыльником, украшенный по тулье широкими треугольниками. У богини плоский затылок, высокий лоб, маленькие глаза с прямыми бровями, крупный нос с горбинкой и тяжелый выступающий подбородок. Ухо изображено в виде завитка с двумя выступами на нижнем конце. Одета богиня в подобие длинного, до лодыжек халата, запахнутого на левую сторону и украшенного орнаментами в виде крупных угловатых завитков. Шея ее охвачена плотным воротом, вероятно, нижней одежды, а узкие рукава заканчиваются обшлагами.

Обращенный к богине всадник с крупной непокрытой головой имеет такие же, как у нее, арменоидные черты лица и, кроме того, длинные закрученные кверху усы. На голове его шапка волнистых волос, обозначенных сверху рядом полукруглых выступов. Это типичный представитель среднеазиатской расы. В одной руке он держит повод, другой руки не видно. Одет всадник в короткую куртку, украшенную шитьем вдоль плеча, по борту и подолу. На нем узкие штаны и мягкие сапоги. Сзади развевается короткий плащ, украшенный большими кругами. Такого плаща не встречается ни на одном другом изображении скифов или саков, они появляются только в сарматском периоде на боспорских фресках и рельефах. Однако в IV в. в греческом искусстве варвары (персы) иногда представлены с плащами. Такие изображения имеются, например, на калафе из Большой Близицы⁶ и на керченской вазе Ксенофонта⁷.

В Красногорском кургане на Урале в погребении убитого сарматского воина III—II вв. до н. э. найден выкроенный из кожи короткий плащ⁸. К. Ф. Смирнов полагает, что куски тонкой кожи светло-желтого цвета, найденные в кургане V в. до н. э. у села Клястицкого под городом Троицком, могут быть остатками такого же плаща⁹. Отсюда следует, что

80
Реконструкция сцены
борьбы человека-зверя
с птицей
на войлочном ковре
с аппликациями.

изображение на пазырыкском ковре воспроизводит хотя и не широко распространенную, но реальную принадлежность мужского костюма близких между собой саков Южной Сибири и исседонов Приуралья. К поясу всадника, представленного на войлочном ковре, слева подвешен горит с вложенным в него луком и с коробкой для стрел, такой же, как и в других сибирских изображениях этой принадлежности вооружения. Под всадником седло с высоким луками, снабженное нагрудным и подхвостным ремнями с украшениями. Лошадь с подстриженной гривой с двумя выступами и челкой. Уздечка с бляхами в перекрестьях ремней, с наносником и напоминающей клык псалией.

Для починки края этого ковра были употреблены куски такого же войлочного ковра с аппликациями. На одном из них — стоящее в профиль с изогнутым туловищем фантастическое существо с верхней частью человека, а нижней — хищного зверя с короткими лапами и пропущенным между ними хвостом. Человеческая голова с толстым носом и закру-

ченными вверх усами, как и у всадника перед богиней, осложнена возвышающимися над ней острым звериным ухом и оленьими рогами. Волосы на голове спереди подняты чубом, а сзади изгибаются косичкой. За спиной этой фигуры крыло, а трехпалые руки выставлены вперед; вдоль тела разбросаны кружки с вписанными в них крестообразными фигурами из маленьких кружочков. Рога, крыло и конец хвоста трактованы криволинейными заостренными формами, сходными с деревом в руке богини на вышесписанной композиции (илл. 79) Эта фигура, по-видимому, является частью композиции, в которую входила и птица; от нее уцелели только часть туловища с концами перьев крыла, длинные ноги и хвост, трактованные так же, как рога и хвост человеко-зверя. Содержание композиции в целом представляло борьбу фантастического человеко-зверя с птицей (илл. 79, 80).

Образ человеко-зверя издавна существовал в переднеазиатском искусстве. Фантастический человеко-зверь пазырыкского ковра сближается при этом с распространенным на Востоке и в Греции сфинксом, когда это четвероногое существо с человеческой головой изображается поднявшимся на задние лапы, как оно представлено, например, на одном из рельефов келермесского зеркала¹⁰. На пекторали из Зивийе человеко-зверь имеет человеческие руки¹¹. Наиболее своеобразной чертой пазырыкского человеко-зверя являются большие оленьи рога на голове. Такого рода рога встречаются у фантастических хищных зверей в скифо-сибирском искусстве и, вероятно, имеют определенное символическое значение, о котором можно только догадываться.

В иранском искусстве образ человеко-зверя кроме унаследованного от Ассирио-Вавилонии охранителя входов крылатого человеко-быка встречается на некоторых печатях, воспроизводящих ассирийские образцы¹². Отсюда следует, что человеко-зверь в сибирском искусстве, как и в Ахеменидской Персии, восходит к более раннему переднеазиатскому мотиву. Он мог иметь то же значение, что и на Востоке, — гения-охранителя, борющегося со злом, оплодотворяющего природу в виде священного дерева и т. п.

Другие человеческие изображения в алтайском искусстве имеют вид представленных в фас личин, как, например, на уздечных подвесках из первого Пазырыкского кургана, где сочно вырезанное из дерева безусое человеческое лицо обрамлено разделенной прядями, как и волосы на голове, бородой (илл. 82), или на схематичных вырезанных из кожи подвесках из того же кургана (илл. 83), у которых

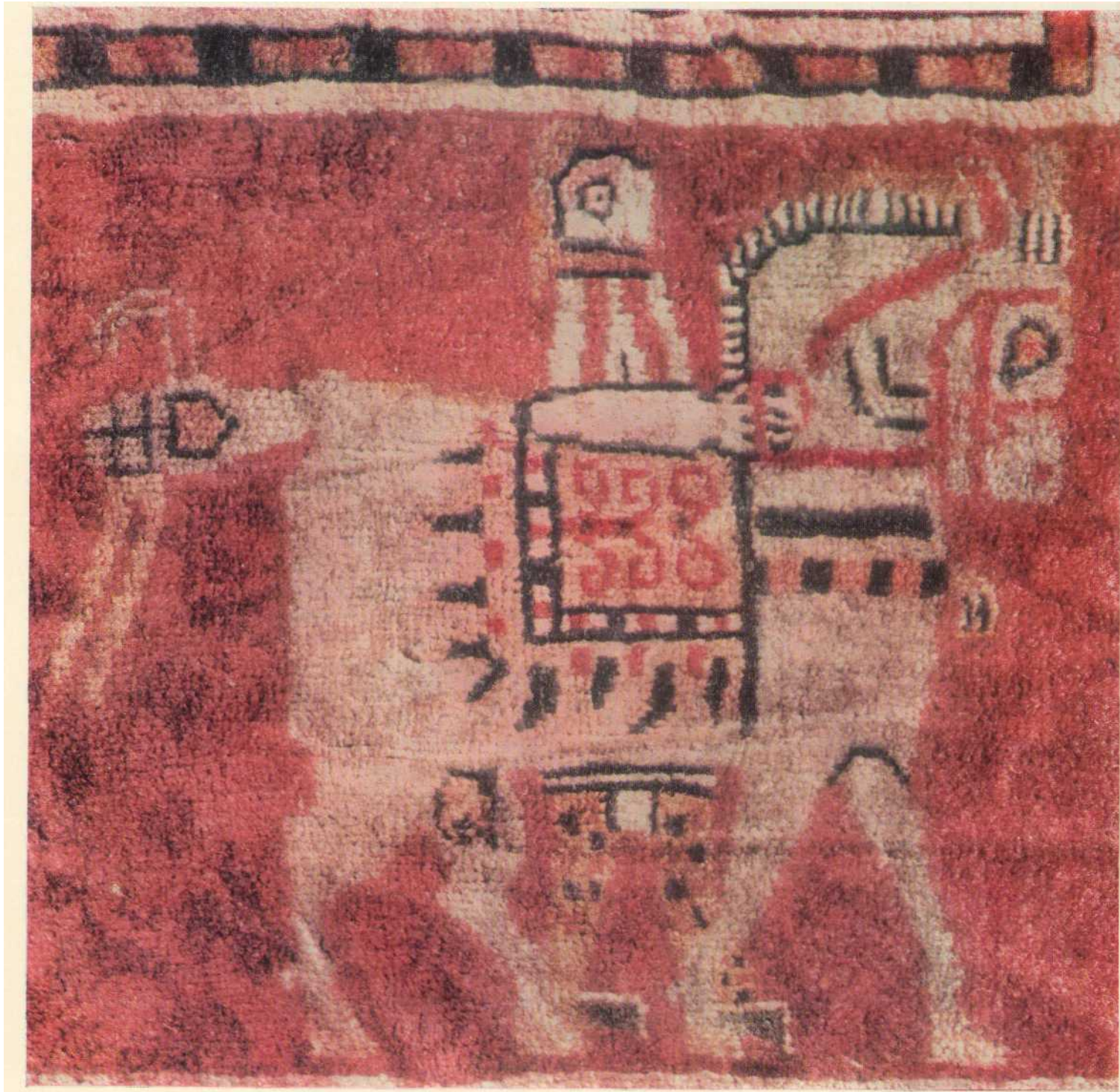
над головой возвышаются звериные уши и рога, сходные с такими же элементами человеко-зверя на войлочном ковре. Такого рода личинами богато луристанское искусство, в котором на дисковидных навершиях вотивных булавок изображалась голова богини, обычно в окружении зверей, но где встречаются и бородато-безусые головы, как, например, на умбоне, находящемся в Тегеране¹³, сближающиеся с пазырыкской личиной еще и тем, что волосы на голове и бороде трактованы сходными прядями. В ближайшем родстве с луристанскими личинами находится образ Горгоны в греческом искусстве, получивший широкое распространение в Северном Причерноморье главным образом в виде нашитых золотых бляшек греко-скифского ремесленного производства, появляющихся там с V в. до н. э. Особенно сближается с личинами из Пазырыкских курганов бородатое лицо с высунутым, как у Горгоны, языком, представленное на круглой золотой бляшке из Аму-Дарьинского клада¹⁴.

Особо следует отметить орнаментальную трактовку дерева в руках богини и в том же духе оформленные рога, крылья, лапы и хвосты у человеко-зверя и птицы на войлочных пазырыкских коврах. Эта трактовка обнаруживает ближайшее родство с китайской орнаментацией, известной по многочисленным образцам на раннекитайских бронзах. В данном случае выступают, пожалуй, наиболее очевидные и ранние элементы китайского происхождения в алтайском искусстве.

Уникальный ворсовый ковер прямоугольной формы размерами 1,89X2 м отличается тонкостью работы: в одном квадратном дециметре у него насчитывается 3600 узлов. На его центральном поле многократно повторяется один и тот же рисунок — квадратная рамка с крестообразной фигурой из четырех лепестков и треугольных листиков между перекрестьями. Это поле обрамлено широким бордюром из пяти полос, в первой из них от середины представлен ряд маленьких квадратов с фигурой орлиного грифона с повернутой назад головой. Далее следует полоса, занятая многократно повторяющимися фигурами пасущихся чубарых оленей с широколопастным зубчатым рогом на голове, всех обращенных в одну сторону — влево. Третья полоса состоит из ряда таких же крестообразных фигур, как и помещенные в центральном поле, но без квадратных рамок. В следующей, самой широкой полосе расположен ряд чередующихся верховых и спешенных всадников, направляющихся вправо (илл. 81).

Хотя человеческие фигуры изображены весьма схематично, тем не менее их головные уборы даны

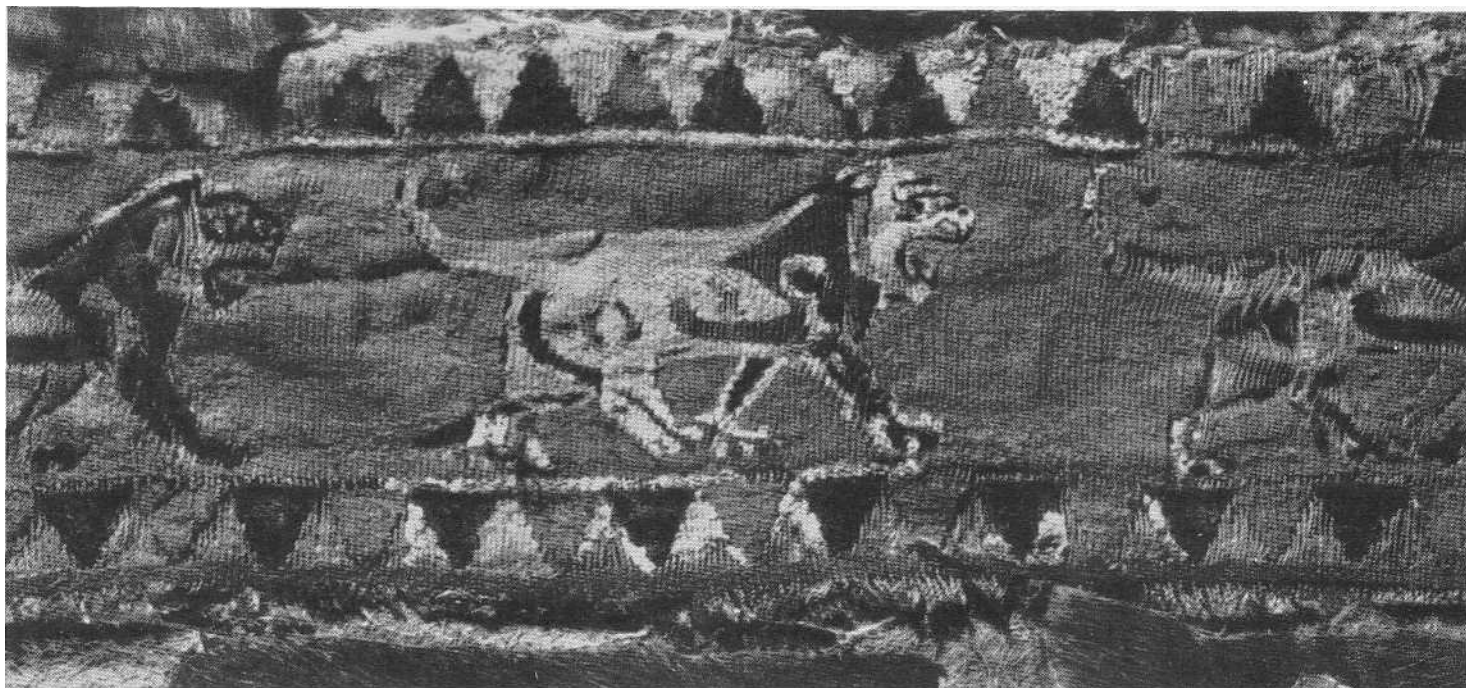
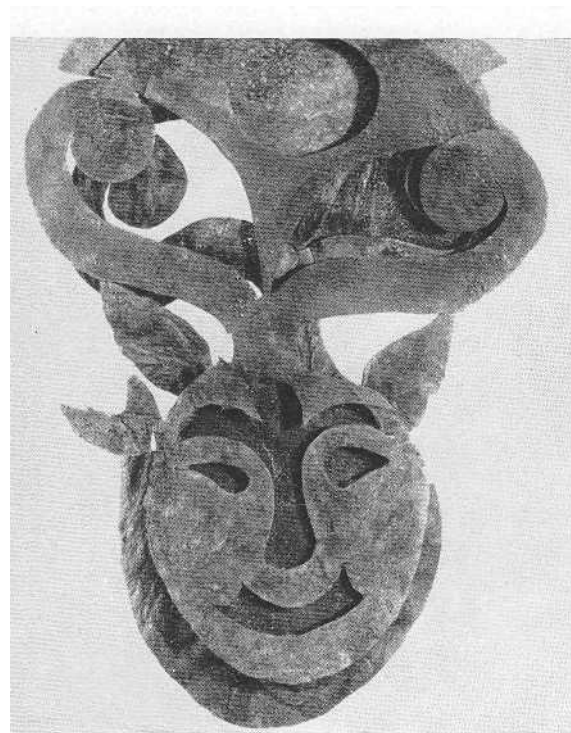
81
Ворсовый ковер.
Пазырык, пятый курган.
Деталь — всадник

82
Деревянная подвеска-личина.
Пазырык, первый курган

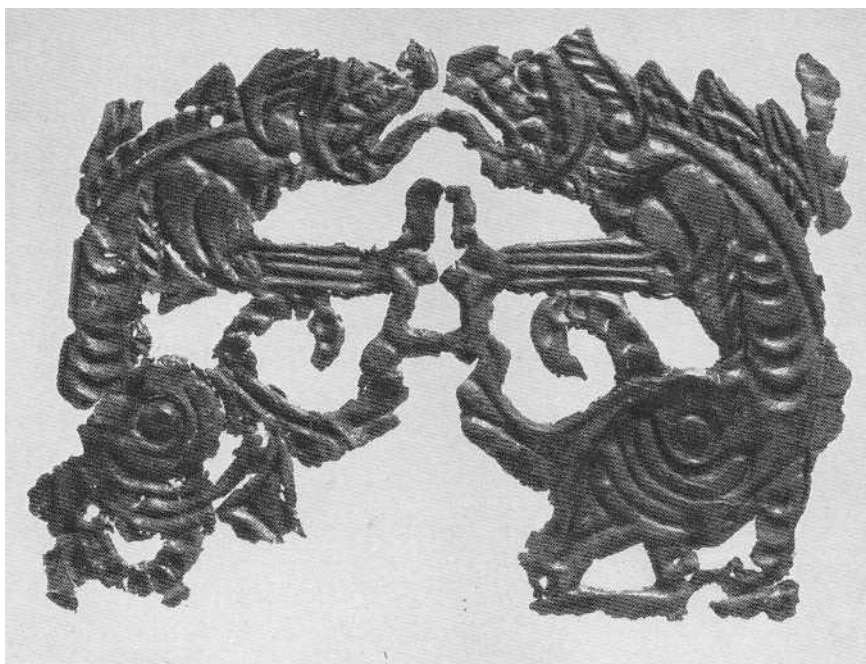
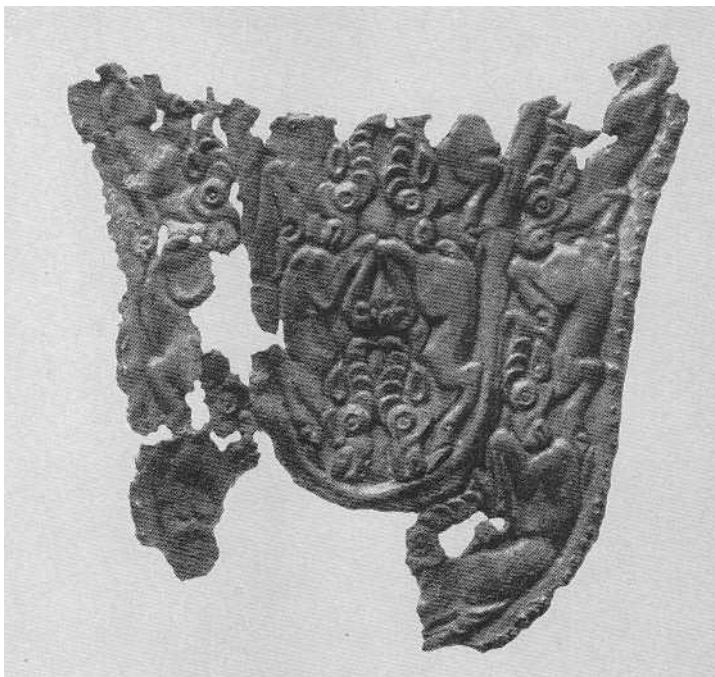
Кожаная подвеска-личина с рогами.
Пазырык, первый курган

84
Шерстяная ткань
с фризом из львов.
Пазырык, пятый курган

85
Бронзовая
штампованная пластинка
с изображением козлов.
Туэкта первый курган

Медные пластинки
с изображением
геральдических грифонов.
Пазырык, второй курган

вполне отчетливо в соответствии с обычными для саков и персов, как они представлены на золотых пластинках Аму-Дарьинского клада и на фризе вдоль лестницы во дворце в Персеполе. Это башлык с заломленным назад верхом, завязанный под подбородком. Спешенные всадники, ведущие лошадей на поводу, так же как на персепольском фризе, помещены за лошадьми так, что видны только их бюсты и ноги. Зато лошади изображены во всем своем великолепии. Перед нами массивные жеребцы с изогнутыми шеями в богатом уборе. На голове каждого из них возвышается султан, узда украшена бляхами. На спине у лошадей вместо седла положен, по-видимому, поперек войлочного потника с нагрудным ремнем, узорчатый коврик, обрамленный бахромой и фестонами; нагрудник с кистью посередине. Хвосты у лошадей подвязаны узлом.

Последняя, крайняя полоса бордюра заполнена квадратами с фигуркой грифона так же, как и первая из полос обрамления центрального поля. Все эти полосы разделены между собой узкими рамками из разноцветных квадратиков и кантиков.

И стилистически и по иконографическим признакам этот ковер не алтайского, а персидско-ахеменидского происхождения точно так же, как и представленный небольшими фрагментами второй ворсовый шерстяной ковер, найденный во втором Башадарском кургане. Этот второй ковер отличается необычно тонкой работой: в каждом квадратном дециметре его насчитывается около 7000 узлов, то есть вдвое больше, чем у описанного пазырыкского ковра. К тому же здесь применены не простые, а так называемые персидские, или полуторные, узлы. Это древнейшие в мире образцы ковров, свидетельствующие о высоком уровне мастерства, достигнутого ковроткачеством еще в середине I тысячелетия до н. э.

В том же пятом Пазырыкском кургане, в котором найдены описанные выше войлочный и ворсовый ковры, в составе конского убора оказались два фрагмента тканей тоже иранского происхождения. Один из них был использован как покрывало войлочного чепрака и представлял собой образец тончайшей заботы с тканым узором в виде квадратных рамок, заполненных геометрическим орнаментом из удлиненных прямоугольников с треугольными зубцами: одного конца и полоской из каплевидных фигур с другого. По бортам чепрака была нашита того же рода шерстяная ткань с другим рисунком в квадратных рамках. Здесь повторяется одна и та же сцена, представляющая в центре курильницу со стоящими по сторонам ее двумя парами женщин. Передние из них более высокие, в зубчатых коронах, от

которых сзади на спину спускается покрывало, изображены в молитвенной позе—одна рука приподнята, в другой, по-видимому, цветок. Женщины, стоящие позади них, ниже ростом: это, вероятно, служанки. Их головы тоже в коронах, но без покрывал. В одной из скрещенных рук они держат какой-то сложенный вдвое мягкий предмет, вероятно, полотенце. Длинные облегающие тело одежды с широкими рукавами, равно как и зубчатые короны этих изображений, находят ближайšie аналогии в персидских памятниках ахеменидского времени. Другие детали, равно как и композиция в целом, тоже связываются с Передней Азией.

Седельный нагрудник того же конского убора, что и чепрак, обшит узкой полоской ткани с фризом из шествующих друг за другом львов с раскрытой пастью, высунутым языком и загнутым кверху хвостом (илл. 84). Плечи и бедра их выделены цветными кружками и дугами. Такие изображения львов широко распространены в искусстве Передней Азии, особенно же характерны для Ахеменидской Персии, где львы пазырыкской ткани находят и ближайšie стилистические аналогии.

Наряду с иранскими в Пазырыкских курганах находились и китайские вещи. Это уже упомянутое зеркало, к нему следует присоединить и шелковые ткани — одну полихромную со сложным геометрическим орнаментом из рядов различных ромбовидных фигур, найденную в третьем Пазырыкском кургане, другую с прекрасной вышивкой, представляющей деревья с сидящими на них фениксами в разнообразных позах. Последняя из этих тканей была использована, как и ткани иранского происхождения, на покрывало чепрака.

В заполнении могилы пятого Пазырыкского кургана оказалась разобранная деревянная колесница, части которой связывались ремнями. Она была с близко поставленными, почти соприкасающимися друг с другом двумя парами высоких колес с гнутыми ободьями и спицами. Над ее кузовом, состоящим из двух рам, соединенных резными столбиками, возвышалась кибитка с решетчатыми стенками и плоской крышей. Дышло с ярмом и постромками показывает, что она запрягалась парой лошадей, две другие лошади пристегивались постромками. Четверка упряжных лошадей была положена в могилу вместе с верховыми конями. По форме эта громоздкая, малоповоротливая повозка, непригодная для горных дорог, сблизается с китайскими колесницами. Она могла служить только для парадных выездов, и в этом своем назначении, вероятно, попала в могильный инвентарь. Дендрологические исследования позволили

нам установить ряд интересных фактов, касающихся образа жизни и обычаев древнего населения, оставившего алтайские курганы. Расположенные в горных долинах, в местах, наиболее пригодных для зимовки скота, эти курганы, как показывают находимые в них растительные остатки, устраивались весной или летом. Умершие зимой, следовательно, ожидали погребения до наступления весны, в связи с чем, вероятно, и возникла необходимость мумифицирования трупов.

Тот же факт, что курганы группировались в небольшие кладбища, показывает, что пастбища, на которых они расположены, принадлежали определенным семьям или родам, сохранявшим их в своем владении из поколения в поколение. Закреплением и доказательством права на землю соответствующей социальной ячейки и было ее кладбище на этой земле. Замечено, что для могильных сооружений первого Пазырыкского кургана деревья (лиственницы) были заготовлены в одной лесосеке и в одно время. Во втором кургане бревна для наката над могилой были срублены на семь лет раньше бревен для камеры. Часть их оказалась поврежденной короедами после рубки, пока они лежали в лесу. Бревна для погребальных сооружений не толстые — 16—25 см в комлевой части; только для столбов употреблялись бревна около 50 см диаметром. Огромные деревья толщиной около 1 м требовались для колод-саркофагов. Деревья рубились с двух противоположных сторон, недорубленная средняя часть ломалась при повале. Затем бревна подвергались тщательной отделке: сучья и все неровности стесывались. В срубках бревна плотно пригонялись друг к другу. При изготовлении плах и досок бревна раскалывались вдоль и отесывались. Из-за отсутствия пил все работы производились топорами и теслами, судя по следам работы, они были легкие и узкие, с шириной лезвия около 35—55 мм. Тесла отличались от топоров не только способом насадки на рукоятку, но и асимметрией заточки лезвия. Погребальные срубы готовились вне могилы, в которой они затем только собирались в соответствии с зарубками-метками, сделанными на бревнах.

Огромные саркофаги-колоды выдалбливались теслами. В длину они достигали 5 м при средней ширине в 70 см и высоте 50 см. Но были колоды шириной в 95 см и высотой до 72 см. Толщина боковых стенок у колод колебалась от 3 до 4 см, а дна от 9 до 13 см. Торцовые стенки были еще толще. На концах колод обязательно устраивались солидные боковые проушины, в которые продевались толстые веревки, необходимые при их пере-

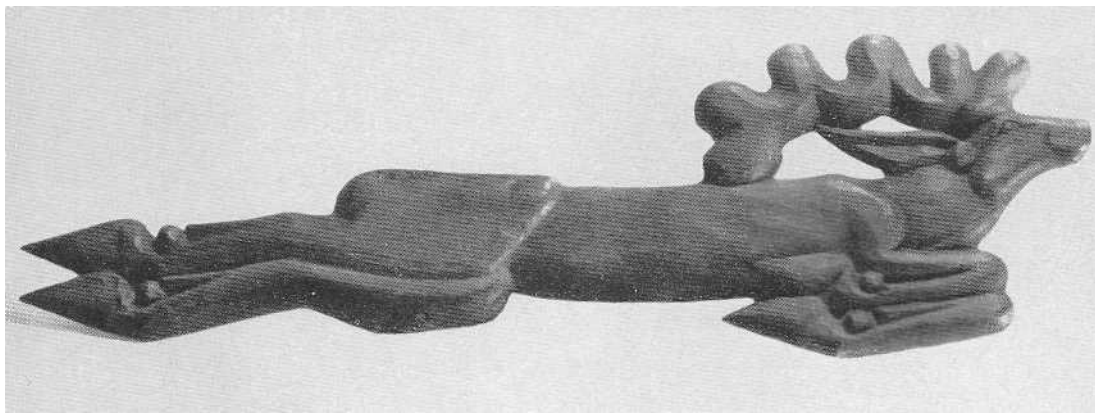
возке и при спуске в могилу. Крышки для колод делались таким же способом. Для приготовления колод применялись старые и нередко дуплистые лиственницы. Поврежденные места в дереве заклинивались и замазывались смолой, а опасные трещины даже скреплялись ремнями, пропущенными в специальные отверстия, высверленные по их сторонам. Для перевозки деревьев и камней пользовались примитивными грузовыми одноосными телегами-волокушами. В курганах найдены вырубленные из лиственниц колеса диаметром 30—47 см, толщиной в 35—40 см, с втулками диаметром 12—16 см, которыми они надевались на оси соответствующей толщины. Рамы телег делались из квадратных в сечении брусьев. В одном случае для рамы были использованы стволы с частью корневища, спереди они торчали подобно головкам у полозьев саней. Эти телеги выдерживали большую нагрузку, о чем свидетельствует сильная сработанность и деформированность осей и колес. На одном из колес сохранились следы обильной смазки дегтем.

По подсчетам М. П. Грязнова, для сооружения не самого крупного из Пазырыкских курганов — первого кургана потребовалось заготовить 1800 куб. м. камня и около 500 бревен, а также вырыть могильную яму объемом в 196 куб. м. На все это и другие менее значительные работы ушло от 2500 до 3000 человеко-дней, которые могли сложиться только в результате участия в работах большого коллектива — крупного рода или даже племени¹⁵.

Как видно из краткого перечня находок, материалы, которыми пользовалось древнее население Алтая, были весьма разнообразны. Если по условиям сохранности в причерноморских скифских могилах известны изделия только из металла и рога или кости, то алтайские курганы, кроме того, содержат большое число разнообразных предметов из дерева, кожи и меха. Широко употреблялись войлок, береста и конский волос. Особо следует отметить сочетание в одном и том же предмете различных материалов. Так, например, маски для лошадей сделаны из кожи, войлока, меха, конского волоса и золотых пластинок с подкраской деталей клеевыми красками.

Из уцелевших от разграбления металлических предметов можно отметить во втором Башадарском кургане — бронзовое штампованное изображение грифа, в первом Туэктинском кургане — фрагмент серебряного украшения ножен с изображениями тигров и бронзовые штампованные пластинки с фигурами козлов и горных баранов (илл. 85). Из второго Пазырыкского кургана происходят серебряные подвески с изображениями лошадей, две рельефные пластины

87
Деревянный псалий —
скачущий олень.
Пазырык, первый курган

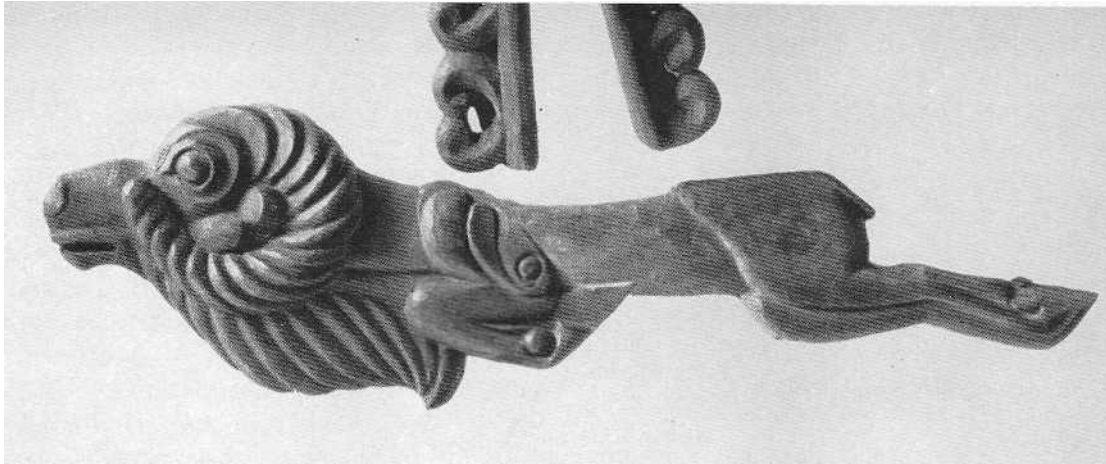
Деревянное украшение
седельной луки — птица
с раскрытыми крыльями.
Башадар, второй курган

Деревянный псалий —
скачущий баран.
Пазырык, первый курган

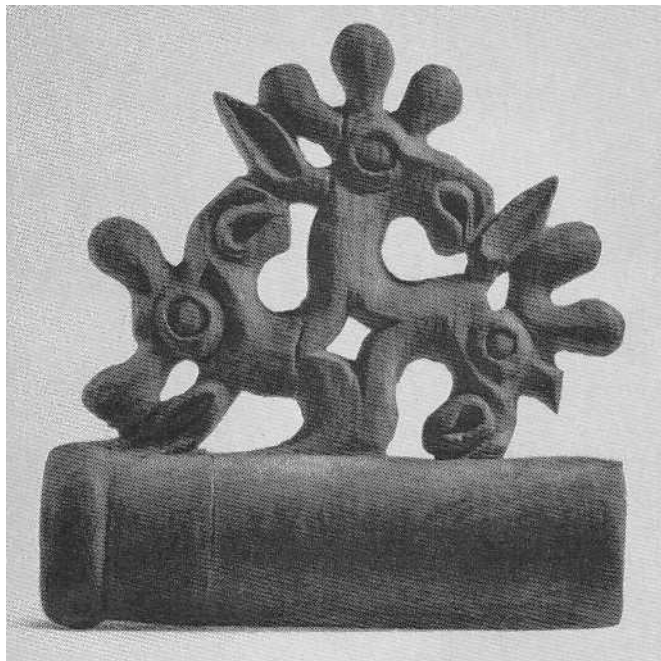
90
Деревянная подвеска —
голова тигра в фас.
Туэкта, первый курган

91
Деревянный грифон
с перевернутым туловищем.
Туэкта, первый курган

92

Деревянная подвеска
с лосиными головками.
Туэкта, первый курган

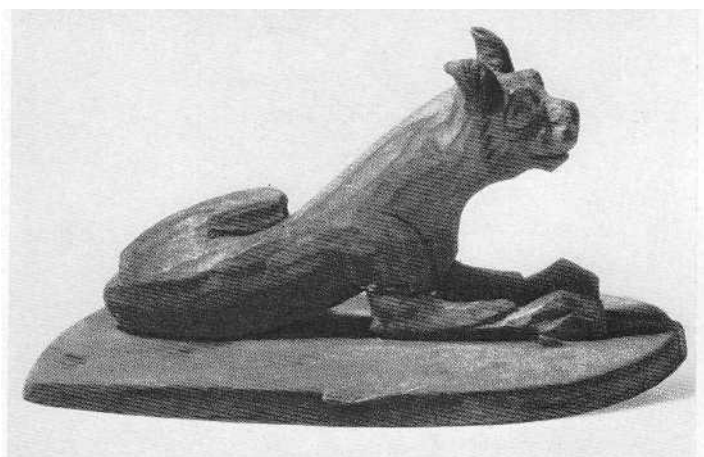
93

Деревянная фигура кошки
с повернутой в фас головой.
Пазырык, четвертый курган

94

Скульптурная фигурка
кошки на подставке.
Пазырык, второй курган

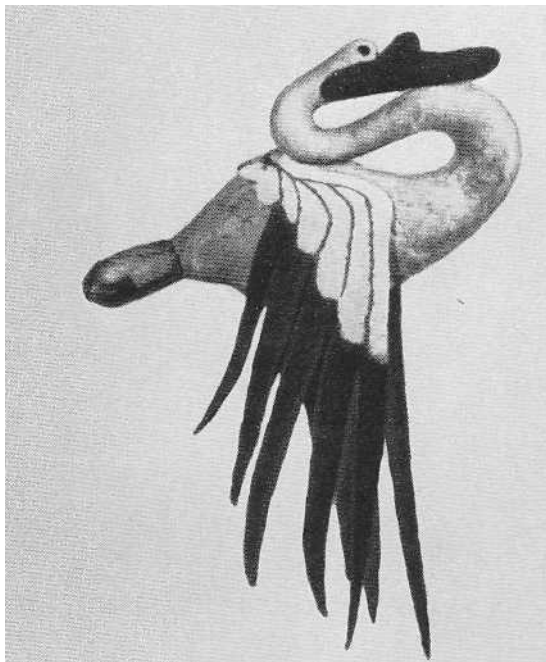
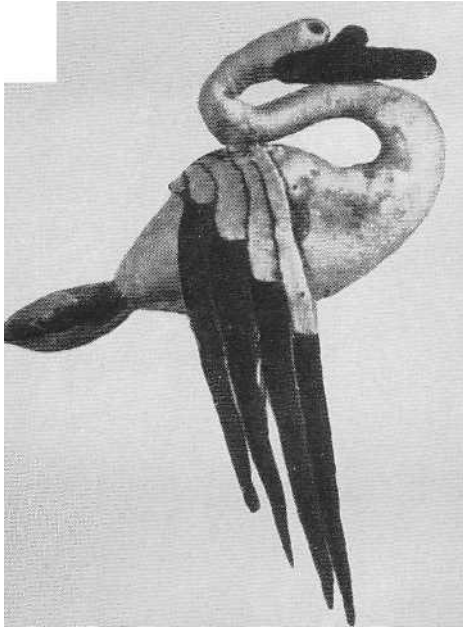

95

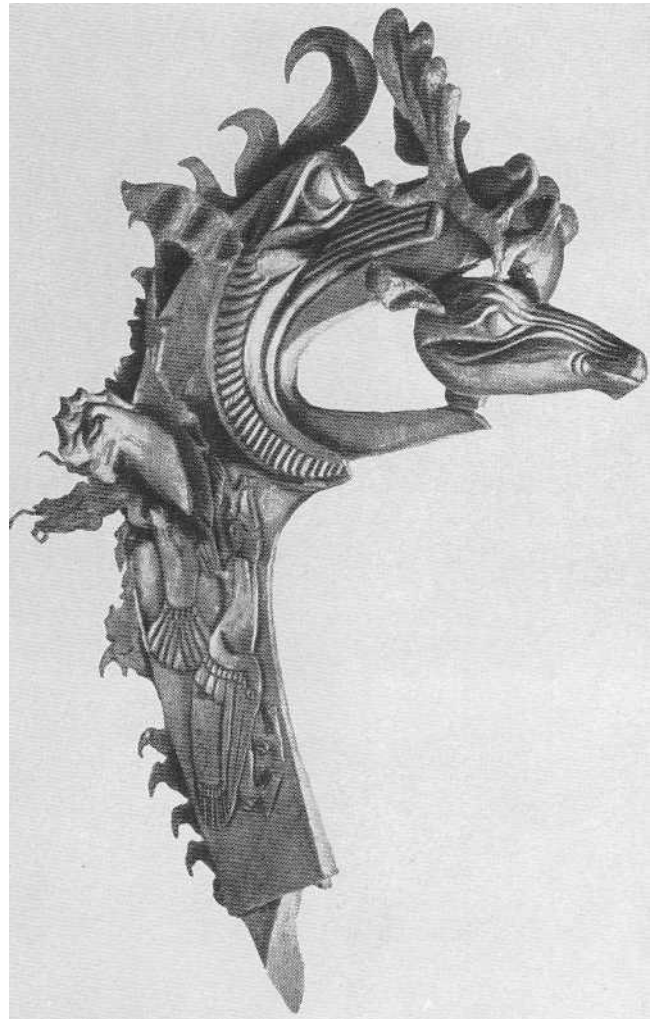
Рельефная фигура оленя
с повернутой назад головой.
Пазырык, первый курган

96 а, б
Войлочные
скульптуры лебедя.
Пазырык, пятый курган

97
Грифон
с головой оленя в клюве.
Пазырык, второй курган

с геральдическими грифонами (илл. 86), медные штампованные пластинки в виде птиц, грифона и лежащих животных. По своим формам эти предметы не отличаются от изделий, представленных в алтайских курганах в другом материале.

В соответствии с разнообразием материалов была различной и техника изготовления вещей. Особенно характерна резьба по дереву, весьма распространена также аппликация и инкрустация из кожи, войлока, меха и других материалов. Некоторые вещи представляют собой настоящую мозаику из сшитых вместе кусков меха, кожи и войлока в разнообразных цветовых сочетаниях. Таким способом сделаны, например, мешочки и сумочка из второго Пазырыкского кургана.

Редкий предмет из погребальной или бытовой обстановки, одежды и конского снаряжения не имеет более или менее выраженных элементов украшения. Большинство их является настоящими произведениями искусства, выполненными в различной технике с применением разнообразных декоративных мотивов. В составе этих мотивов преобладают звери — лоси, олени, бараны, козлы, тигры, различные виды птиц и, наконец, фантастические существа. Все они изображаются как целыми фигурами и их сочетаниями, так и отдельными своими элементами, свободно переходящими в орнамент растительного или геометрического характера.

Чаще всего это скульптурные произведения — круглая скульптура и рельефы или сочетание того и другого в одном произведении, когда, например, туловище животного дано в рельефе, а голова в круглой скульптуре (илл. 94, 95). Замечательно, что скульптура изготовлялась не только из дерева. Объемные предметы, такие, например, как фигурки лебедей, шились из цветного войлока и кожи (илл. 96 а, б). Из войлока, покрытого кожей, сделаны грифон, петух и баран на конских масках. Еще чаще встречается сочетание этих материалов с деревом или рогом, когда из мягких материалов выполняются те или другие детали. Так, например, грифон с головой оленя в клюве вырезан из рога, а крылья, гребень, рога и уши этих животных сделаны из кожи (илл. 97), фигурки оленей с огромными рогами представляют собой сочетание дерева и кожи (илл. 98). Барельефы иногда резались по коже.

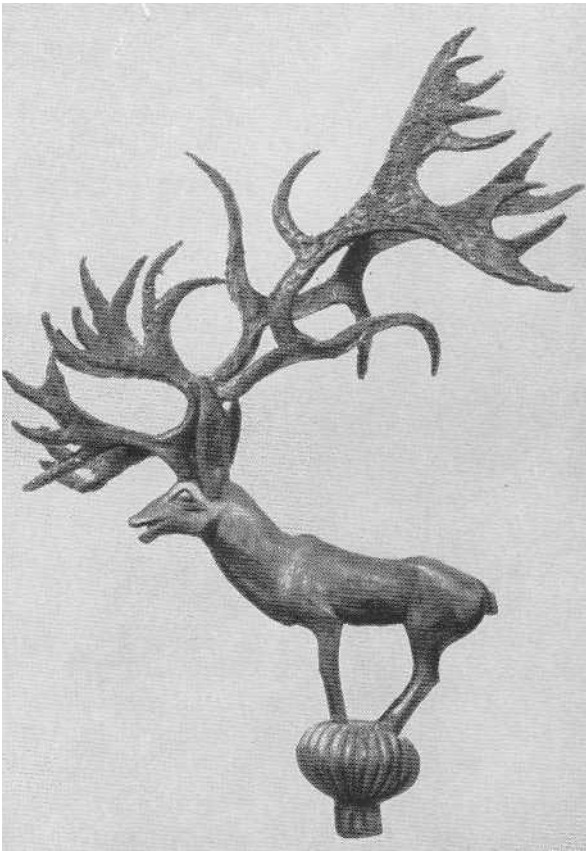
Наряду со скульптурными формами широко распространены плоские изображения, тоже весьма разнообразные по материалу. Среди них имеются графические рисунки, вроде животных на башадарском саркофаге (илл. 67). Но более распространены силуэтные фигуры, вырезанные из кожи или войлока

и нашитые или наклеенные на поверхность из другого материала. Таковы, например, животные в сценах борьбы на покрышках седел или лоси и петухи на кувшинах и стенках гробов-колод (илл. 102, 103). Полихромность является характерной чертой древнего алтайского искусства. Она достигается не только сочетанием различных материалов, но и путем окрашивания войлока и кожи в разные цвета, применением накладок из листового золота и олова, оконтуриванием цветной нитью и, наконец, путем росписи красками. Господствуют яркие чистые цвета — красный, синий, желтый, зеленый в контрастных сопоставлениях. Краски как растительные — марена, хна, индиго, — так и минеральные — охра, киноварь, мумия и др.

Благодаря прекрасной сохранности дерева удалось точно установить по годовым древесным кольцам относительную хронологию раскопанных алтайских курганов. Самым древним оказался первый Туэктинский курган. Через сто тридцать лет после него были сооружены в один год первый и второй Пазырыкские курганы. Все Пазырыкские курганы возникли в течение меньше чем полувека — четвертый через семь лет после первого и второго, третий через тридцать семь лет и, наконец, пятый через сорок восемь. Этот самый поздний из Пазырыкских курганов, древесина которых подверглась изучению, был сооружен через сто семьдесят восемь лет после первого Туэктинского кургана.

Абсолютная хронология алтайских курганов по результатам анализа радиоактивного углерода в образцах древесины определена следующим образом: второй Башадарский и первый Туэктинский — 520 г. до н. э., Большой Катандинский — 460 г., второй Пазырыкский — 390 г. при возможной ошибке в сто тридцать лет. Учитывая величину этой ошибки и все еще недостаточную надежность метода, а следовательно, и результатов анализа, данные радиоуглеродного определения пока имеют значение лишь для подтверждения относительной хронологии, установленной изучением годовых древесных колец, и для самого общего приурочения алтайских курганов к VI—IV вв. до н. э. Обращает на себя внимание поразительно точное совпадение промежутка времени между первым Туэктинским и вторым Пазырыкским курганами в сто тридцать лет, полученного как путем дендрологического, так и радиоуглеродного анализов, что нельзя не учесть в качестве подтверждения верности радиоуглеродных определений. М. П. Грязнов разделил алтайские курганы на три группы или этапа. Первую, майэмирскую, он датировал VII—VI вв., вторую, пазырыкскую, — V—III вв.

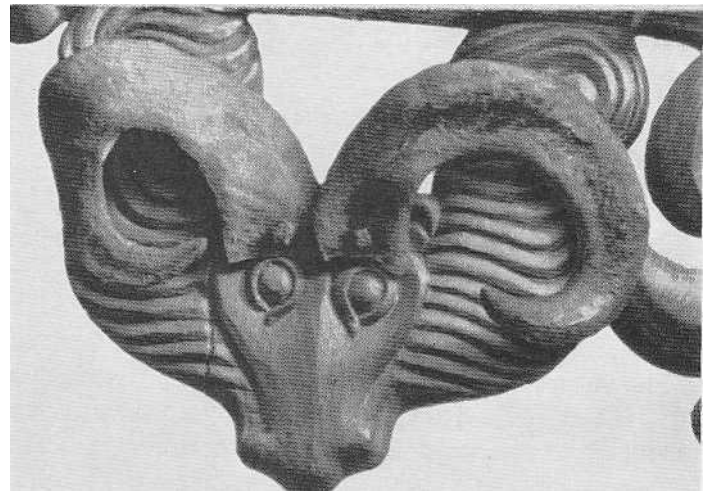
Скульптурная фигура оленя
с большими рогами.
Пазырык, второй курган

99
Бронзовая скульптура птицы
с распахнутыми крыльями.
Берельский курган

100
Деревянная подвеска —
голова барана в фас.
Пазырык, первый курган

и третью, шибинскую, — II в. до н. э. — I в. н. э.¹⁶ С. В. Киселев, соглашаясь с начальной датировкой первой из этих групп, присоединил к ней раскопанные им самим и А. В. Адриановым Туэктинские курганы и расширил хронологию этой группы до IV в. Все остальные алтайские курганы, включая сюда Катандинский и Шибинский, он назвал пазырыкской группой и датировал III—I вв. до н. э.¹⁷ С. И. Руденко, опираясь на заключения радиоуглеродного анализа и относительную хронологию, установленную дендрологическим путем, согласен считать Майэмирские курганы относящимися ко второй половине VII в., второй Башадарский и Туэктинские курганы он датирует серединой VI в., первый и второй Пазырыкские курганы — второй половиной V в., четвертый и третий курганы этой группы определяет последней четвертью того же века, а пятый рубежом V и IV вв., шестой Пазырыкский курган, по его мнению, можно отнести к первой половине IV в. вместе с Каракольским и Шибинским курганами. Самым поздним оказывается первый Башадарский курган, датируемый им второй половиной IV или началом III в. до н. э.¹⁸

Считая эту хронологию, в общем, обоснованной, все же следует признать, что в свете сопоставлений алтайских памятников с иранскими и причерноморскими она несколько завышена, в особенности для древнейшего майэмирского этапа. Найденные в Майэмирских курганах золотые пластинки, покрывавшие вырезанные из дерева украшения конской сбруи, представляют характерный мотив скифского звериного стиля — свернувшегося хищника с теми самыми признаками, с какими он выступает в древнейших памятниках скифского искусства в Зивие и в Причерноморье, но не в VII в., а на рубеже и в первой половине VI в. По всей вероятности, майэмирские находки не старше или же немногим старше Келермесских курганов на Кубани. По характеру художественных форм Пазырыкские курганы сближаются с Семибратними курганами на нижней Кубани, которые датируются V—IV вв. Здесь, как и там, одинаково проявляется общая закономерность развития скифо-сибирского звериного стиля, заключающаяся в постепенном переходе от объемных реалистических форм к схематизированным орнаментальным. Хотя полного тождества в искусстве Алтая и Причерноморья не было, одинаковое направление развития приводит в Сибири к весьма сходным выражениям с некоторым запаздыванием по сравнению с Причерноморьем. Принимая это во внимание, позднейшие алтайские курганы пазырыкского типа, возможно, относятся даже к III в. до н. э.

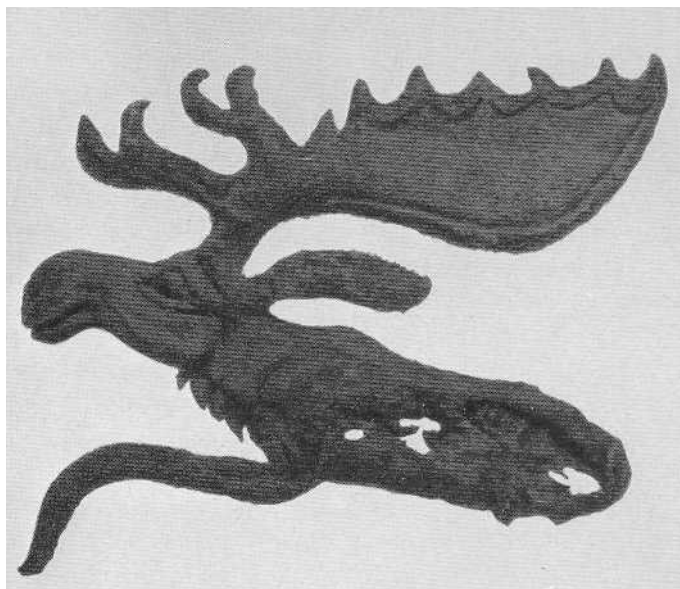
Благодаря исключительной сохранности изделий из органических материалов в условиях вечной мерзлоты алтайские курганы впервые показали, насколько глубоко искусство проникало в быт варваров Евразии во второй половине I тысячелетия до н. э. и насколько тесно культура этих варваров была связана с более высокими культурами Передней Азии и Китая. Яркое и самобытное искусство варваров, несмотря на заимствования, творчески переработанные в собственном духе, получало выражение в самых разнообразных материалах, в вещах самого различного назначения. Это искусство сопровождало человека от рождения до смерти и, всегда оставаясь прикладным, служило не только для удовлетворения его эстетических потребностей, но и для формирования идеологических представлений, обусловленных хозяйством, бытом и социальными отношениями, развивавшимися в определенной исторической среде. В этом смысле оно не отличалось от любого другого искусства всех времен и народов.

Кроме богатых княжеских погребений в больших курганах с каменной наброской, на Алтае раскопано некоторое число погребений, принадлежавших среднему и низшему слою населения. Они, в общем, того же типа, но отличаются меньшей величиной курганной насыпи, более простым устройством могилы и меньшим количеством и ценностью погребального инвентаря. Во многих из них оказалось одно или два конских погребения. Кроме упомянутых уже малых Туэктинских курганов на реке Урсул такие курганы исследованы на той же реке у селения Курота, на притоке Урсула речке Каракол, близ Кумуртука на речке Чулошман, у деревни Курай, в Яконуре Усть-Канского района и в других местах. В последние годы курганы этого рода раскапываются С. С. Сорокиным в могильнике на реке Кок-су, левом притоке Аргута.

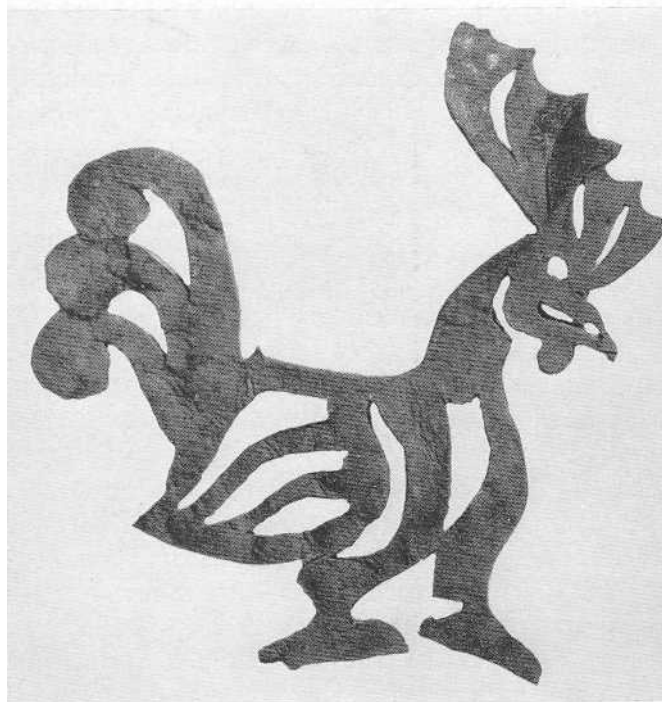
Что касается этнической принадлежности алтайских курганов с каменными насыпями, то они, вероятно, являются памятниками одного из подразделений ираноязычных саков — сэ, скорее всего юэчжей, поскольку время этих курганов соответствует периоду господства последних в географически тесно связанной с Горным Алтаем Западной Монголии. Ко времени разгрома юэчжей гуннами и оттеснения их дальше на запад, в Джунгарию, алтайская культура сакского типа прекращает свое существование.

Распространение курганов пазырыкского типа не ограничивается Горным Алтаем, такого рода каменные курганы с деревянными камерами, как мы видели, исследованы в Восточном Казахстане и в Семиречье, найдены в примыкающих с востока к Алтаю

101
Кожаная фигурка лося.
Пазырык, второй курган

102
Силуэтная фигурка петуха.
Пазырык, второй курган

103
Кожаная фигурка
рогатого тигра.
Туэкта, первый курган

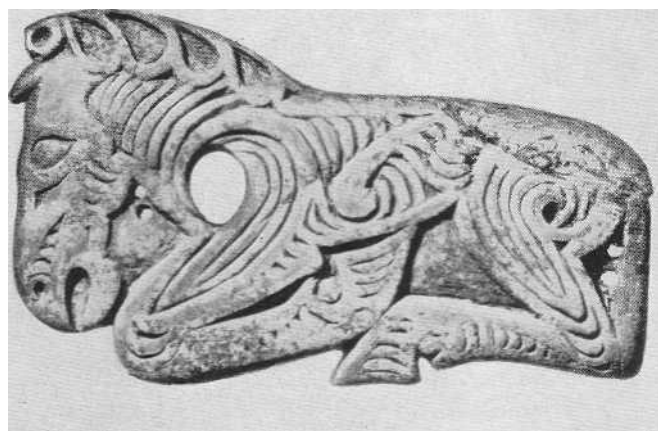
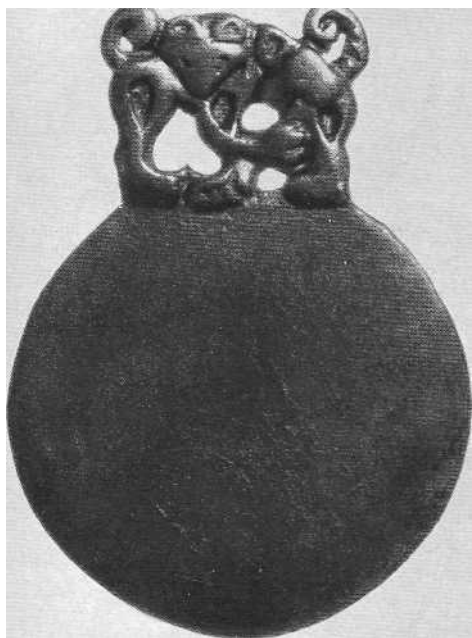

104
Бронзовое зеркало
со сценой борьбы зверей
Саглы-Бажи курган № 13

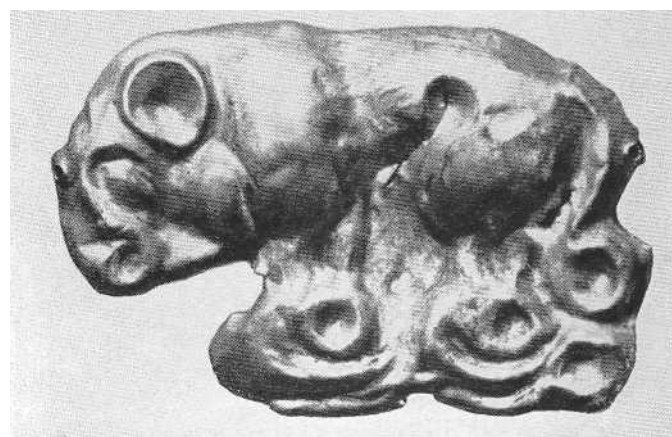
106
Роговая пластинка
с фигурами двух лошадей.
Саглы-Бажи, курган № 8

107
Роговая пластинка
с фигурами двух баранов.
Саглы-Бажи, курган № 8

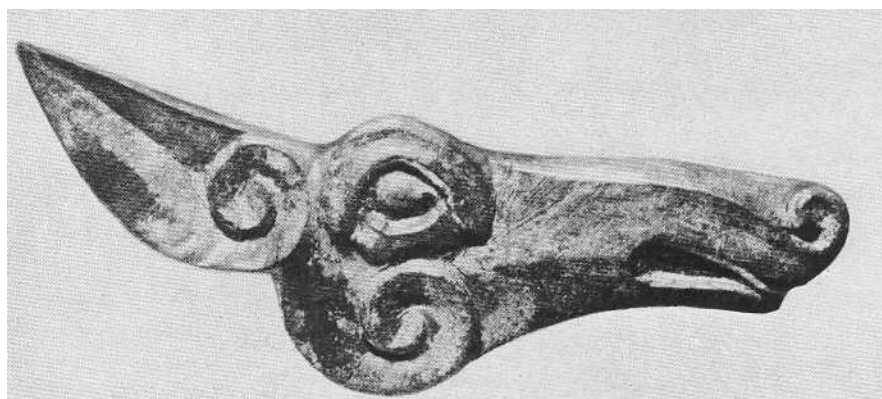
105
Роговая пластинка
в виде лежащей лошади.
Саглы-Бажи, курган № 13

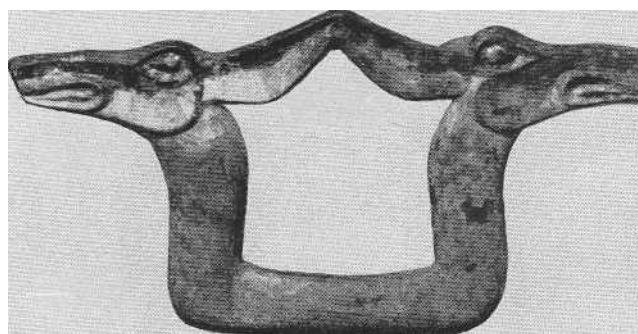
Золотая бляшка — тигр.
Куйлуг-Хем

110
Бляшка с головой козули.
Куйлуг-Хем

109
Бляшка —
пара головок козули.
Куйлуг-Хем

долинах Саянского хребта. Аналогичные с алтайскими курганами имеются, по-видимому, и по другую сторону границы — в пределах Западной Монголии и Северо-Западного Китая.

В бассейне верхнего Енисея, в Тувинской республике исследованы сходные с алтайскими курганы с погребальными камерами — срубам или каменными ящиками, в которых покойники европеоидного облика, реже с монголоидными чертами, обычно погребались в скорченном виде. Наиболее замечательными из них являются не потревоженные грабителями курганы Саглинской долины, находящиеся в юго-западной части республики, близ границы с Монголией, на высоте около 2000 м. Могилы здесь тоже были закованы вечной мерзлотой, но иного, чем на Алтае, происхождения. Основным фактором ее образования были не каменные надмогильные насыпи, которые здесь отсутствовали, а суровые климатические условия высокогорной зоны. В хорошо сохранившихся деревянных камерах в них находятся останки нескольких погребенных (до восьми человек). По наблюдениям А. Д. Грача, каждая из них являлась многократно использованной семейной усыпальницей, о чем свидетельствуют ведущие к камерам специальные ходы¹⁹. Только в одном случае в могильнике Саглы-Бажи возле погребальной камеры нашлись скелеты двух лошадей, в других могилах конских погребений не было. Благодаря тому, что могилы не были разграблены, там сохранилось значительное количество металлических вещей. Среди них обнаружены бронзовые кинжалы-акинаки с крыловидным перекрестьем, ножи с петель на конце рукоятки, чеканы с втоками, шилья, наконечники черешковых стрел (бронзовые и костяные), зеркала, пряжки, застёжки, пуговицы и другие предметы, в том числе и принадлежности конского снаряжения. Большинство этих предметов сходно с соответствующими алтайскими и минусинскими находками.

Из произведений искусства, найденных в курганах Саглы-Бажи, особый интерес вызывает бронзовое зеркало с ручкой в виде ажурного выступа со сценной борьбы зверей, состоящей из профильной фигуры хищника, терзающего голову козла. Закрученный сверху хвост хищного зверя с одной стороны и рог оленя с другой замыкают эту композицию по бокам. Второй хищник представлен одной головой в фас, помещенной на спине первого из них.

На бедре и плече полнофигурного хищника листовидные выемки, ухо его изображено в виде треугольника, тогда как уши на голове зверя в фас — полукруглые (илл. 104). В целом и трактовкой дета-

лей сцена на ручке зеркала сближается с некоторыми произведениями Сибирской коллекции золотых вещей Эрмитажа, но схематичнее и грубее их по исполнению. Зеркала того же типа известны по находкам в Минусинской котловине.

Из неметаллических вещей заслуживают внимания резные костяные пластинки. Одна в виде лежащей лошади с подогнутыми ногами и большой головой с гривой, трактованной рядом изогнутых листовидных фигур с выемками, какие в металлических предметах предназначаются для цветных вставок. Вся фигура лошади заполнена резным криволинейным узором, лишь частично соответствующим структуре тела животного. На плече лошади находится круглое отверстие, а у шеи под мордой и под хвостом по паре небольших дырочек (илл. 105).

Две другие пластины имеют вид удлиненного прямоугольника с круглым отверстием посередине и небольшими прямоугольными выступами по узким концам. На одной из этих пластин представлены две лошади, лежащие друг за другом, с перевернутой задней частью тела, на второй — два, обращенных в противоположные стороны барана с закрученными вниз вокруг головы рубчатыми рогами (илл. 106, 107). Фигуры этих животных тоже заполнены резным криволинейным узором, образующим завитки на плече и бедре. Все эти резные по кости изображения близки к формам скифо-сибирского искусства, в особенности к резьбе, выполненной на колоде из второго Башадарского кургана.

А. Д. Грач различает в тувинских памятниках два варианта — алтайский и тувинский с неодинаковым образом ориентированными камерами и погребениями, но датирует те и другие одним временем Пазырыкских курганов, то есть V—IV вв.²⁰, хотя упомянутое выше бронзовое зеркало определенно относится к более позднему времени. Впрочем, в Туве найдены погребения и более ранние — VI—V вв. Из их числа можно назвать разграбленное парное погребение в кургане № 48 в могильнике Кокэль, где был обнаружен бронзовый крюк, известный по сарматским находкам, в данном случае в виде головы козерога, и еще полностью не опубликованные курганы Куйлуг-Хем I, где из большого числа находок отметим золотые бляшки в виде профильного зверя с загнутым кончиком хвоста (илл. 108), сходные с найденными в казахстанских курганах, бронзовую пряжку из двух обращенных в разные стороны головок косуль (илл. 109), бляшки в виде такой же головки с длинным ухом, трактованным в манере алтайской резьбы по дереву, и другие (илл. 110). Продолжение раскопок в Тувинской республике

обещает новые находки неразграбленных погребений, хотя, как можно судить по уже имеющимся данным, и не столь богатых и сохранных в части вещей из органических материалов, как алтайские могилы, но зато содержащих почти начисто отсутствующий на Алтае металлический инвентарь. До сих пор известные в Туве погребения сакского времени показывают, что из металлов большим распространением пользовалась бронза, железо встречается редко и, по-видимому, не раньше V в. до н. э. О перспективности дальнейших исследований в Туве свидетельствуют находки первого (1971) года раскопок огромного по площади (диаметр 120 м) кургана Аржан, расположенного в центре Турано-Уюкской котловины на левом берегу реки Уюк²¹. Раскопан пока один юго-западный сектор этого кургана. В центре его находился квадратный сруб около 120 кв. м площадью с остатками разграбленных погребений, среди которых найдены обрывки одежд, гладкая золотая гривна, золотая серьга, бронзовый кинжал с фигуркой кабана на рукоятке и другие вещи. Вдоль одной стороны сруба помещалось шесть верховых коней с бронзовыми удилами со стремевидными концами с кольцом в основании стремечка. В срубах, радиально расходящихся от центрального сооружения, помещались лошади, в двух первых находилось по тридцать голов, а в срубе в следующем за ними ряду пятнадцать. Сколько лошадей было всего, покажут дальнейшие раскопки.

Самой замечательной находкой в этом кургане пока является большая (диаметр четверть метра) бронзовая бляха в виде ажурной фигуры свернувшейся кольцом „пантеры” с когтистыми лапами.

Это произведение с его обобщенными формами, близко сходное с золотыми пластинами из Майэмирских курганов и с золотой же бляхой с аналогичным изображением из Сибирской коллекции Петра I, вместе с бронзовыми вещами, известными по минусинским находкам, и с удилами того же типа, что и происходящие из могильника Тагискен в Приаралье, относится к этому же стилю и датирует весь курган Аржан временем не позже VI в. до н. э. Вместе с тем эта бляха показывает, что мотивы и формы, появившиеся в центрах их возникновения, судя по набалдашнику меча из Зивие, не раньше конца VII в. очень быстро доходили до самых отдаленных окраин распространения скифо-сибирского искусства звериного стиля.

IV

Минусинские и ордосские бронзы

Примыкающая с севера к Западно-Саянскому хребту Минусинская степь издавна привлекает к себе внимание как неисчерпаемый источник находок разнообразных изделий из бронзы, относящихся в значительной своей части к культуре того же типа, что и алтайские курганы. Многие тысячи бронзовых предметов, происходящих из этой области, сосредоточены в музеях СССР и за границей. Особенно значительные собрания находятся в Минусинском музее, носящем имя своего основателя Н. М. Мартынова, и в Государственном Эрмитаже. Количество их продолжает увеличиваться, в последнее время уже не за счет случайных находок и грабительских раскопок, а в результате планомерных, строго научных исследований, проводимых в порядке охраны памятников в зонах затопления мощнейших гидроэлектростанций на Енисее, таких, как Красноярская и Саяно-Шушенская. Впервые научная хронологическая классификация минусинских памятников была разработана С. А. Теплоуховым в публикации 1929 г.¹ В числе других им были выделены две следующие одна за другой культуры—карасукская и минусинская курганная, позже получившая название тагарской. Первая из них, относящаяся к концу бронзового века, некоторыми своими элементами вклини-

вается в эволюционное развитие от андроновской культуры к татарской культуре скифского типа, усложняя последнюю своими привнесениями.

Для карасукской культуры характерны погребения, отмеченные на поверхности четырехугольными оградками из поставленных на ребро каменных плит. Находящиеся внутри оградок могилы обставлены по стенкам каменными же плитами. Нередко ограбленные, они тем не менее дали значительное число сосудов и различных металлических вещей, среди которых имеются ножи, шилья, кинжалы, серпы и другие орудия. Из украшений особенно характерны лапчатые подвески, перстни, браслеты, височные кольца, пронизки, бусы, пуговицы и бляшки. В отличие от предшествующих андроновских плоскодонных горшков карасукские сосуды круглодонные, сферической или эллипсоидной формы с блестящим черным лощением и геометрической орнаментацией, иногда заполненной белой массой.

На запад от Минусинской степи некоторые сходные с карасукскими формы прослеживаются довольно далеко—до Западного Приуралья включительно, но более или менее целостные комплексы карасукской культуры известны в этом направлении только на Алтае и под Томском. В Прибайкалье, Монголии

и Северо-Восточном Китае находятся различные вещи карасукских типов и погребения в каменных ящиках, напоминающие карасукские, но без наружных оградок и каких-либо других признаков на поверхности земли. Это так называемые культура плиточных могил в Забайкалье и дунбейская культура, распространенная от юго-востока Внутренней Монголии до границы Северной Кореи, тесно связанная с культурой Шань-Инь собственно Китая. Хотя все это разные культуры, но на основании их сходства С. В. Киселев полагал, что карасукская культура ведет свое происхождение из Северного Китая, что носители ее, вторгшись в Минусинскую степь, застали там андроновское население и смешались с ним². По заключению Г. Ф. Дебеца, в карасукских погребениях преобладают брахикранные черепа, в общем относящиеся к европеоидной расе, хотя имеется и небольшая примесь узколицевого монголоидного элемента, относящегося к дальневосточной расе азиатского ствола. В общем же антропологический тип носителей карасукской культуры существенно отличается как от предшествующего долихокранного афанасьевско-андроновского типа, так и от последующего курганного, у которого вновь преобладают черты, свойственные населению Минусинской котловины в докарасукское время, но с некоторой примесью карасукского элемента³.

Произведения карасукского искусства представлены в Минусинском крае немногими находками. Поэтому для суждения о нем необходимо привлечь изображения того же рода из Забайкалья, Монголии, Ордоса и Северного Китая — со всей территории, где они известны. Излюбленными образами этого искусства были козел, баран, лось и бык, представленные по большей части одними головами. Они обычно помещались на ручках ножей и кинжалов и выполнены в круглой скульптуре, как правило, пустотелой (илл. 111 а, б). Рельефы встречаются очень редко. Все изображения очень схематичны, хотя и передают отличительные признаки вида животного. Формы их обобщены и геометризованы, в основном, в виде отчлененных одна от другой выпуклостей, нередко приближающихся к цилиндру или шару. Характерна передача глаз и ноздрей сквозными дырочками, иногда обведенными рельефным ободком.

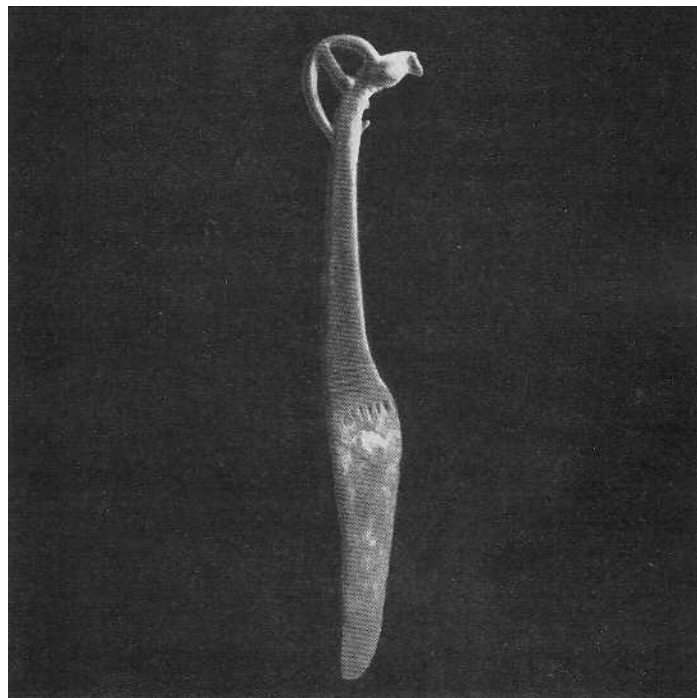
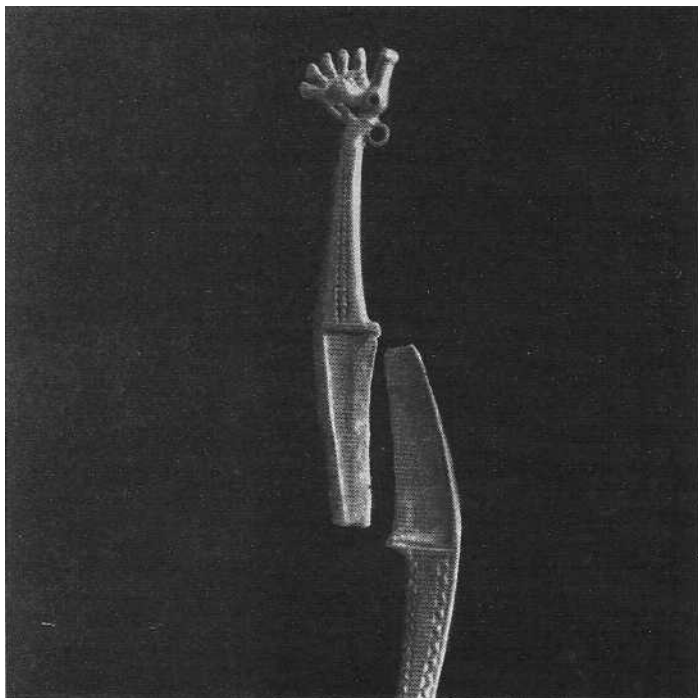
Традиции карасукского искусства продолжают жить в искусстве Минусинской котловины тагарского периода. Однако в других областях распространения культур с карасукообразными элементами такой преемственности в области искусства не наблюдается. Впрочем, в этом отношении речь может идти только о находках в Прикамье и Среднем Поволжье, где

в позднебронзовом веке известны бронзовые ножи со скульптурами животных. Это, во-первых, выгнутообушковые ножи, близко сходные с карасукскими — один из Сейминского могильника близ города Горького, а другой из деревни Турбино на реке Каме близ города Перми. Первый из них на верху рукоятки украшен двумя фигурками стоящих друг за другом лошадей (илл. 112), а на втором там же представлены три следующих один за другим барана (илл. 113). Замечательно, что других находок ножей той же формы в Восточной Европе не известно.

Но в Сейминском могильнике и в Галичском кладе, у села Туровского на Галичском озере, найдены бронзовые ножи примерно того же времени, но иной, более обычной формы, и тоже один с головкой лося на конце рукоятки и змейки на самой ручке, другой — только змейки на ажурной ручке. Изображения на этих ножах по ряду признаков сближаются с деревянными скульптурами, найденными в Горбуновском и Шигирском торфяниках на Урале, а также с роговыми и каменными изображениями, распространенными в лесной полосе Евразии в неолите и бронзовом веке, что и послужило Д. Н. Эдингу основанием для заключения о происхождении скифского искусства из искусства лесных охотников и рыболовов Северной Евразии⁴. Однако ножи с фигурками лошадей и баранов отличаются от ножей с головкой лося и змейками не только формой, они и по сюжетам и по стилю изображений не похожи на них и явно представляют в культуре Западного Приуралья инородное явление, как полагают, карасукского происхождения.

Звенем, территориально связывающим карасукские изделия с сейминско-турбинскими находками Прикамья и Поволжья может служить замечательный бронзовый нож, обнаруженный в погребении, раскопанном в 1966 г. у деревни Ростовки на реке Оми в 15 км выше города Омска. В одной из трех могил с обожженными скелетами, уложенными головой на юг, находился кусок ограненного хрусталя и бронзовый нож с выгнутообушковым клинком и скульптурной группой на рукоятке, представляющей лошадь и держащего ее за поводья мужчину (илл. 114). В отличие от спокойно стоящей лошади с ее большой головой и высокой в виде гребня гривой человек дан в сильном движении. Держась обеими руками за повод, он уперся согнутыми ногами в землю и, почти сидя, склонился туловищем набок в усилии остановить коня. У него непропорционально большая голова с неясно обозначенными чертами лица, из одежды показана только плоская круглая шапка.

111а, б
Ножи и кинжалы
карасукских типов

Обе фигуры моделированы очень обобщенно, так же как животные на сейминском и турбинском ножах⁵. В двух других могилах найдены: каменный наконечник стрелы с усеченным основанием, бронзовый кельт с ромбическим орнаментом, ожерелье из нефритовых и костяных бус с бронзовой подвеской в виде миниатюрной птички, ножевидные кремневые пластинки и костяные латы. Все это не оставляет сомнения в принадлежности погребений к концу бронзового века, но не к карасукской культуре как таковой. В собственно карасукском искусстве подобного рода изображений не известно. Стилистически омское, сейминское и турбинское изображения также отличаются от карасукских, хотя возможно, и восходят к общему с ними источнику, о чем свидетельствует прежде всего форма ножа, известная по находкам в Средней Азии и в Средней Европе (унетичская культура). Самое же важное заключается в том, что ни по сюжетам, ни по стилю они не имеют ничего общего со скифским искусством и поэтому, не говоря уже о территориальном несовпадении,

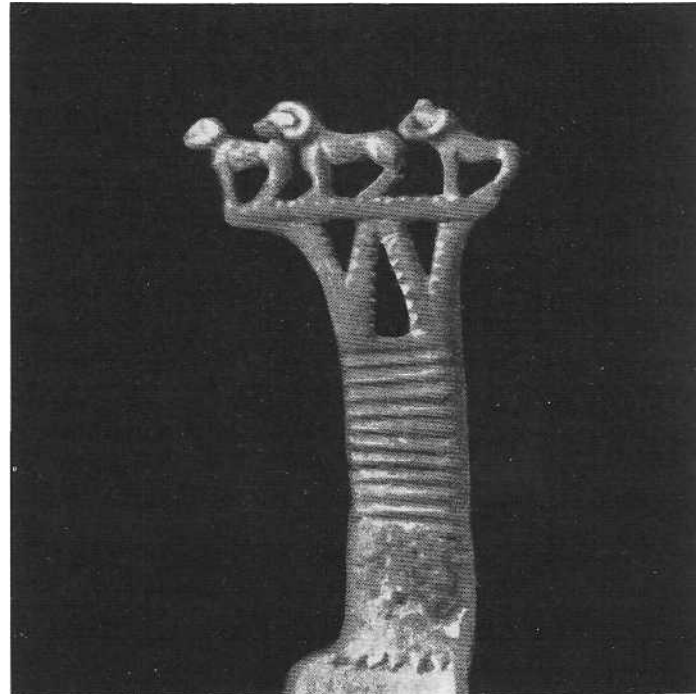
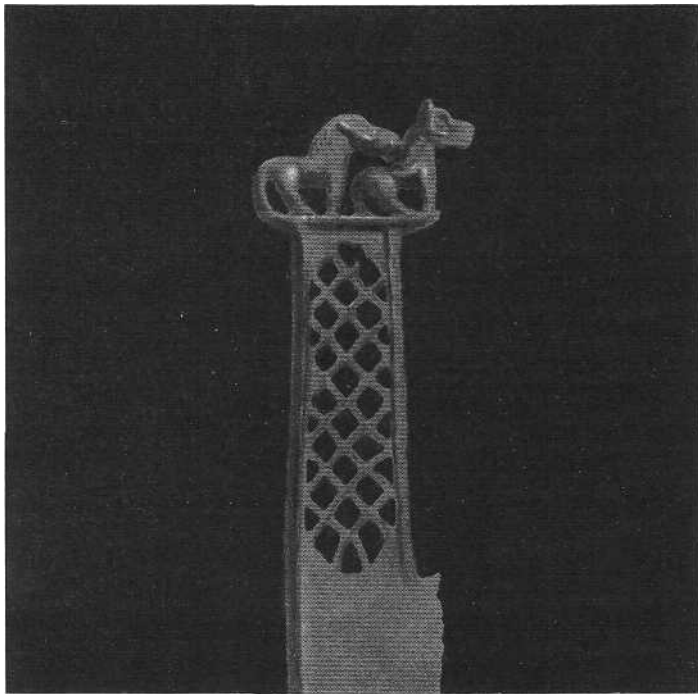
не могут рассматриваться в качестве исходных форм образования скифского звериного стиля. К тому же и хронологически сейминско-турбинско-омское и скифские произведения искусства очень далеко отстоят друг от друга.

Хронология карасукской культуры определяется временем верхних слоев столицы древнейшего цар-

ства Китая Аньяна в провинции Хэнань, в которых найдены вещи карасукских типов. В настоящее время они относятся к концу эпохи Инь и началу эпохи Си-Чжоу, то есть к XIII—XI вв. до н. э. Уточнению этой датировки могут служить коленчатые ножи-монеты, явно воспроизводящие форму карасукского коленчатого ножа, обращавшиеся в Северном Китае во втором периоде эпохи Чжоу и Гуньцю, в X—VIII вв. Эта хронология согласуется с периодизацией карасукской культуры, в которой коленчатые ножи распространяются только во втором, более позднем, по терминологии М. П. Грязнова, каменоложском периоде ее существования⁶. Для первого же, более раннего этапа, соответствующего периоду Инь в Китае, характерны выгнутообушковые ножи того типа, который представлен находками в Аньяне и в сейминско-турбинской культуре Волго-Камья. Таким образом, карасукская культура укладывается в рамки XIII—VIII вв. до н. э., а переходные формы, связывающие ее с минусинской тагарской культурой, могут быть отнесены к VII столетию.

112
Бронзовый нож
с фигурками лошадей.
Сейминский могильник

113
Бронзовый нож
с фигурками баранов.
Турбино

Никакого хронологического разрыва между той и другой культурами не было.

В историко-археологической литературе неоднократно указывалось на сходство карасукского искусства с искусством Передней Азии. Э. Герцфельд обратил внимание на замечательное стилистическое соответствие обобщенной структуры карасукских изображений, моделированных из шариков и цилиндров, с техникой изготовления из стеатита и других пород мягкого камня при помощи сверла и других инструментов, дававших полушаровидные и цилиндрические углубления, цилиндрических печатей типа Керкук, распространенных в Передней Азии во II тысячелетии до н. э.⁷ Сложившийся на основе этой техники стиль оказался в дальнейшем перенесенным в бронзу и в Передней Азии характерен для Луристана, а на Дальнем Востоке для Ордоса и Минусинской котловины, то есть для луристанского искусства, с одной стороны, и для карасукского — с другой. Луристанское искусство, памятники которого впервые были выделены в конце 20-х гг., остается да-

леко не изученным. Не решены вопросы ни его происхождения, ни этнической принадлежности, ни даже хронологии. Р. Гиршман связывает луристанскую культуру с киммерийцами, якобы поселившимися в горах Загроса, в древней земле касситов, с их участием в войне Ассирии с Вавилоном в 689 г. в результате чего будто бы в луристанских могилах

и появились значительно более древние вещи с клинописными надписями, награбленные киммерийцами в сокровищницах эламских и вавилонских храмов⁸. Соответственно с этим он датирует луристанскую культуру VIII—VII вв. до н. э. Так как большинство надписей на вещах из Луристана относится ко времени между серединой XII и серединой IX в., другие ученые склоняются к отнесению ее именно к этому периоду⁹. Предметы, включенные в комплекс луристанских бронз имеют различное происхождение и относятся к разному времени, начиная с III тысячелетия до н. э. Наиболее характерная из них вещь датируется, видимо, последними столетиями II тысячелетия и первыми столетиями I тысячелетия до н. э.

Однако, на какой бы из групп луристанских предметов мы ни остановились, прямое участие луристанской культуры в образовании карасукского искусства представляется совершенно невероятным, хотя между карасукскими и луристанскими формами действительно наблюдается некоторое сходство. Так,

114
Бронзовый нож
с фигурками лошади
и человека (увеличено).
Деревня Ростовка

например, головы лося и барана на ручках ордосских кинжалов карасукского типа с их как бы переломленной, отвисшей губой и выпуклыми глазами очень похожи на чудовищ по сторонам луристанских божеств на бронзовых навершиях вотивных булавок, а головка, должно быть, козла с петлеобразным рогом на карасуком ноже близка к головке того же рода на луристанских бронзовых рукоятках. И другие луристанские головки животных, встречающиеся на шильях и наконечниках точильных камней, похожи на карасукские.

Если указанные соответствия что-нибудь значат, то считаясь с малой вероятностью воздействия луристанского искусства на карасукское, как и наоборот, вывод может быть только один, а именно, что то и другое возникли на общей основе. Едва ли можно сомневаться в том, что в луристанском искусстве сохраняются более древние формы, так же как и во многих отношениях сходных с ним памятниках иранского и советского Азербайджана и в кобанской культуре Горного Кавказа. Возможно, что другим ответвлением этих же исходных форм было искусство карасукской культуры.

Несмотря на обширные исследования, произведенные китайскими археологами, в Китае до сих пор не обнаружено следов медного века. Древнейшим металлом Китая была бронза, появившаяся сразу с высоким уровнем литейного мастерства сравнительно поздно, в XVIII—XVII вв. до н. э., когда в Средиземноморье бронзовый век уже близился к своему концу. Ввиду этого предположение о возникновении китайской металлургии бронзы в порядке заимствования из древнейшего очага культуры в Передней Азии является вполне закономерным, хотя в настоящее время древние пути связей Китая с Ближним Востоком еще и не могут быть установлены с полной несомненностью. Возможно, что они проходили там же, где позже пролегал знаменитый „шелковый путь“, соединявший Китай с западными странами, по которому издавна осуществлялись тесные связи Средней Азии с Восточным Туркестаном. Бронзовые изделия с изображениями животных появляются в Китае еще позже, в аньянском периоде, причем это еще плоские головки, только предвещающие скульптурные формы, характерные для карасукской культуры.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что шаньинская культура Китая в целом совершенно отлична от карасукской, что в ней встречаются только некоторые сходные с карасукскими формы. По основному составу китайские бронзы не похожи на карасукские. Ничего общего с карасукской не имеет и

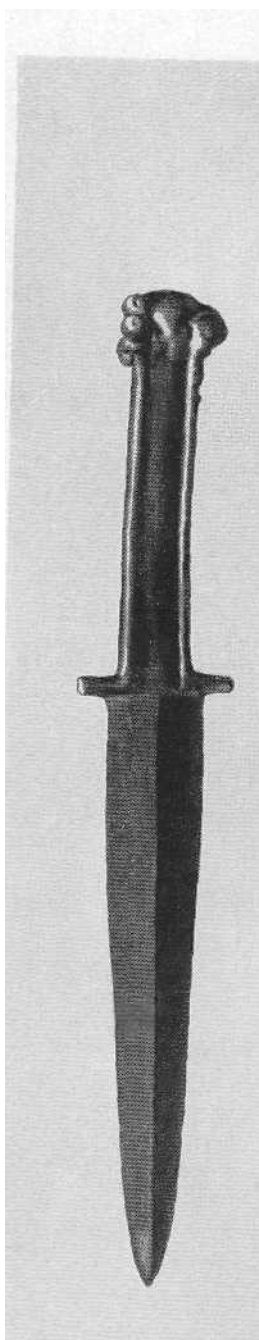
шань-инская керамика. М. Лёр с полным основанием полагает, что карасукские бронзы проникли в Китай с „варварского“ севера¹⁰, а не наоборот, причем ближайшими к Китаю областями распространения этих бронз были Ордос и Монголия, где их действительно находят и притом вместе с керамикой, сходной с карасукской. Родиной же своеобразных форм карасукской культуры, не находящих себе соответствий в предшествующей культуре Минусинского края, был не Северный Китай, как думал С. В. Киселев¹¹, а, вероятно, Центральная Азия, откуда она и проникла через Туву в Минусинский край, а через Ордос в Китай.

Но если карасукская культура возникла независимо от Китая, то ее корни естественно искать на Ближнем Востоке, где в добавление к сходству художественных форм можно указать многие виды предметов вооружения и украшения, сходных или даже одинаковых с карасукскими. К их числу относятся секиры, проушные топоры, кинжалы „с шипами“ и полой ручкой и многие другие предметы, прототипы которых появляются там еще в III тысячелетии до н. э. Точно так же карасукские бляшки с петелькой на обороте, двойные и тройные бляшки, имитации раковин каури, провололочные височные кольца, браслеты с орнаментом из выпуклых точек полностью соответствуют найденным в Иране (Тепе Сиалк А и В, Тепе Гийян).

В заключительный этап бронзового века археологической периодизации переднеазиатское влияние могло быть не только вполне реальным, но и весьма значительным. В это время коренной перестройки прежнего хозяйственного уклада и распространения новых технических приемов, в частности в металлургии бронзы, и новых форм производственного и бытового инвентаря на всей периферии древневосточных цивилизаций в конце II — начале I тысячелетия до н. э. возникают новые культуры. В Восточной Европе — это так называемая киммерийская, или предскифская, культура, в Казахстане дындыбай-бегазинская, в Приаралье суярганская, а в Минусинском крае карасукская. У всех этих культур много общего между собой, хотя бы, например, в керамике с ее округлыми формами, чернолощеной поверхностью и резным геометрическим орнаментом, усиленным белой пастой, в особенности же общность видна в литых бронзовых изделиях.

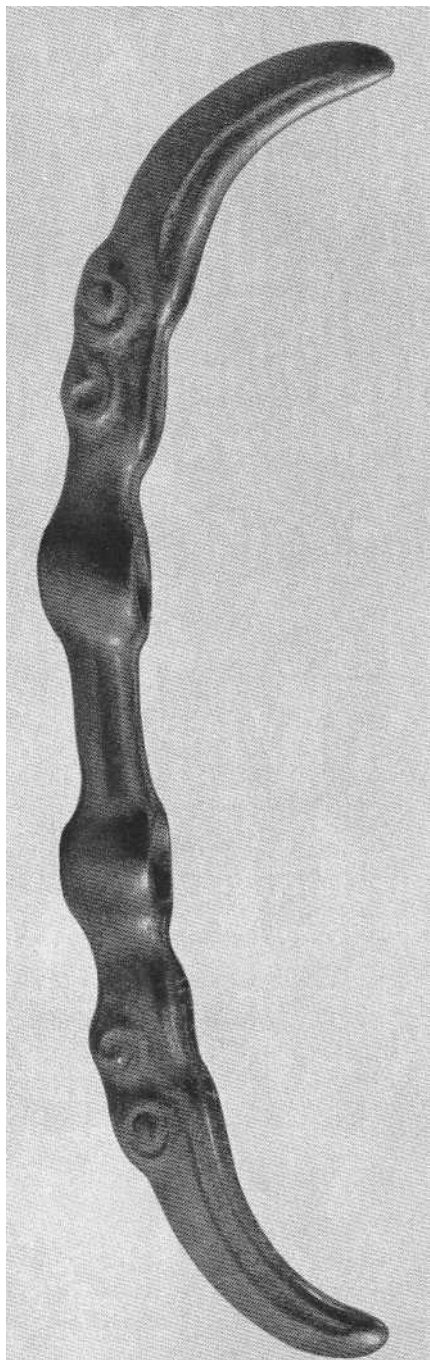
В характерных для этого периода условиях развития общественного разделения труда, перехода к кочевому скотоводческому хозяйству, значительных перемещений населения, перестройки имущественных и социальных отношений, усилившихся контактов

115 а, б, в,
Минусинские
бронзовые ножи

116
Бронзовый нож с шипами.
Минусинская степь

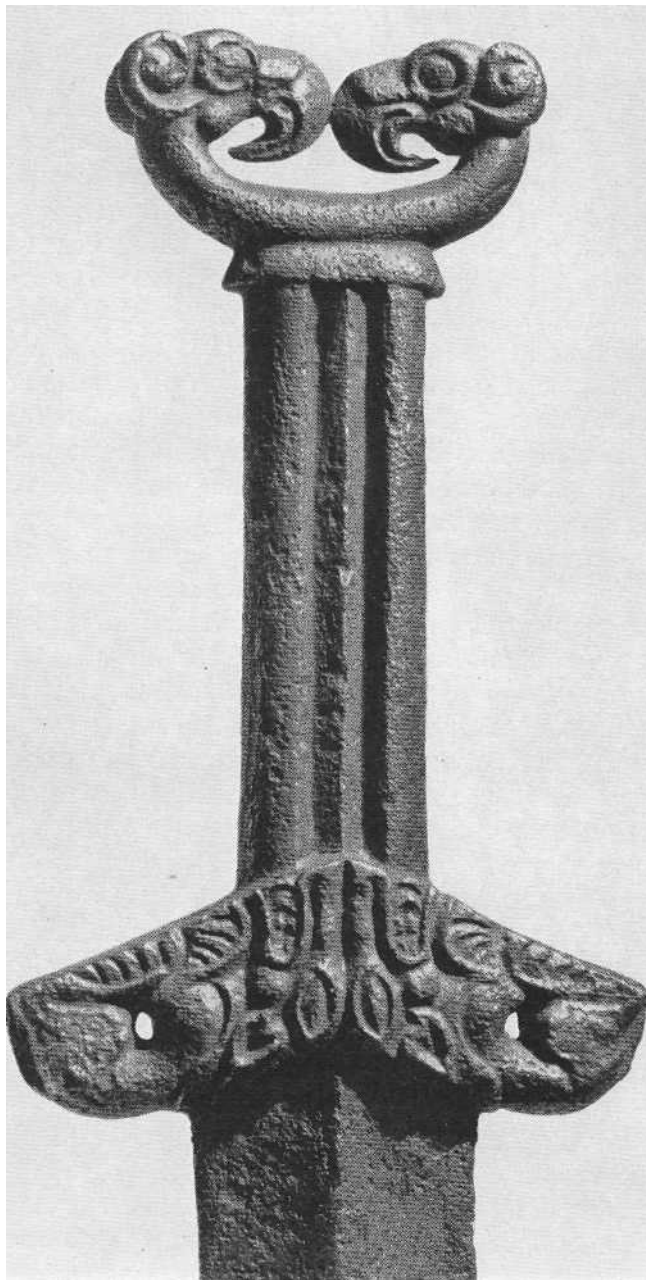
117
Бронзовый псалий
с головками птицы.
Минусинская степь

118
Бронзовый чекан
с козлом на втулке.
Минусинская степь

119
Бронзовый кинжал
с бабочковидным
перекрестием.
Минусинская степь

не только между родственными племенами, но и с их внешней средой сходные формы могли появляться независимо друг от друга в различных местах в соответствии с общим направлением культурного развития, а главное, благодаря общности своего происхождения. Конечным же источником их могли быть только древние цивилизации Востока, сфера воздействия которых непрерывно расширялась, а влияние их, подобно волнам, растекалось по всему Старому Свету, повсюду, где возникала потребность в новых формах и где создавались условия для их восприятия.

Типичными для следующей за карасукской, татарской культуры являются земляные курганы, по большей части невысокие, до 1,5 м, с четырехугольной оградкой, сооруженной из поставленных вертикально плит. По углам, а иногда и посередине стенок помещаются плиты большей величины, достигающие 1—1,5 м высоты. Под насыпями в четырехугольных могилах обычно находятся невысокие, в один-два венца срубы из лиственничных бревен, покрытые тонкими жердями или плахами. Большинство ранних могил содержит одиночные труположения, много реже парные (мужчина с женщиной, женщина с ребенком) или тройные (мужчина и две женщины, мужчина, женщина и ребенок), но зато под одной насыпью нередко встречается несколько могил, принадлежащих членам одной семьи. Позже появляются большие курганы с коллективными погребениями до сотни человек, сложенных ярусами один над другим. Многие из этих могил носят следы частичного или полного сожжения.

Среди находок, относящихся к татарской культуре, сделанных как в могилах, так и особенно многочисленных случайных, решительно преобладают различные предметы из бронзы. На этом основании Э. Миннз относил эту культуру ко времени, предшествующему скифской эпохе Причерноморья с ее железными изделиями, то есть еще к бронзовому веку¹². На самом деле причина длительного преобладания мышьяковистой бронзы над железом в этой области так же, как в меньшей степени и во всей Южной Сибири, заключалась в том, что исходные для получения этого сплава металлы имелись на месте в достаточном количестве, а по своему высокому качеству бронзовые изделия не уступали железным.

Из бронзы изготовлялись предметы вооружения — кинжалы, чеканы, наконечники стрел и копий, втулки, орудия и предметы быта — топоры, долота, ножи, шилья, иглы, серпы, котлы, принадлежности одежды и украшения — зеркала, пряжки, бляшки, пуговицы,

бусы, пронизки, диадемы, серьги, браслеты, перстни и другие менее распространенные вещи. Части конского снаряжения, такие как удила, псалии, пряжки для чумбура и подпруги, обоймы для перекрестных ремней, налобники, пронизки, подвески, ворворки, и другие предметы известны в минусинской тагарской культуре только по случайным находкам, так как конских погребений в могилах этой культуры не найдено.

Постоянной принадлежностью минусинских погребений являются глиняные сосуды, а также бусы из пасты и стекла, сердолика и нефрита, привески из клыков животных. Очень редки поделки из кости и рога, так же как из железа и золота. Железные предметы появляются только в позднейших коллективных погребениях, для которых характерны миниатюрные (вотивные) воспроизведения употреблявшихся в быту вещей.

Специфические минусинские формы представляет керамика. Это одна из наиболее многочисленных категорий находок в минусинских погребениях. Среди сосудов преобладают баночные формы. Много реже встречаются округлые сосуды с низким горлом и кубки иногда на высоком поддоне. Орнамент минусинской керамики небогатый и ограничивается горизонтальными желобками в верхней части сосуда, треугольными штампами, насечками, нарезной елочкой, группами семечковидных ямочек. Бывают и наклепные украшения — сосочки, валики и выдавленные изнутри сосуда выпуклые „жемчужины". Большинство сосудов имеет лощеную поверхность. В целом керамика минусинских курганов отличается хорошо найденными пропорциями и обнаруживает прямую генетическую связь с непосредственно предшествовавшей карасукской культурой позднебронзового века, что находится в полном соответствии с показаниями других элементов этой культуры.

Так, например, особенно многочисленные в минусинской культуре бронзовые ножи (*илл. 115 а, б, в*), из множества вариантов представлены коленчатыми ножами бесспорно карасукского происхождения. По-видимому, и другие ножи с выделенной ручкой восходят к карасукским прототипам. Однако преобладают в минусинской курганной культуре ножи без выделенной ручки, совпадающие с формами, со времени андроновской культуры широко распространенными к западу от Минусинской котловины — в Сибири и Средней Азии, встречающимися и в Причерноморье. Ранние из них найдены в южно-туркменских памятниках Анау III и Намазга VI. Точно так же большинство других категорий минусинского инвентаря находят более или менее близкие

Минусинские и ордосские бронзы

120
Бронзовая
конусовидная бляха
с изображением волка.
Минусинская степь

121
Бронзовая бляха
с изображением барана.
Минусинская степь

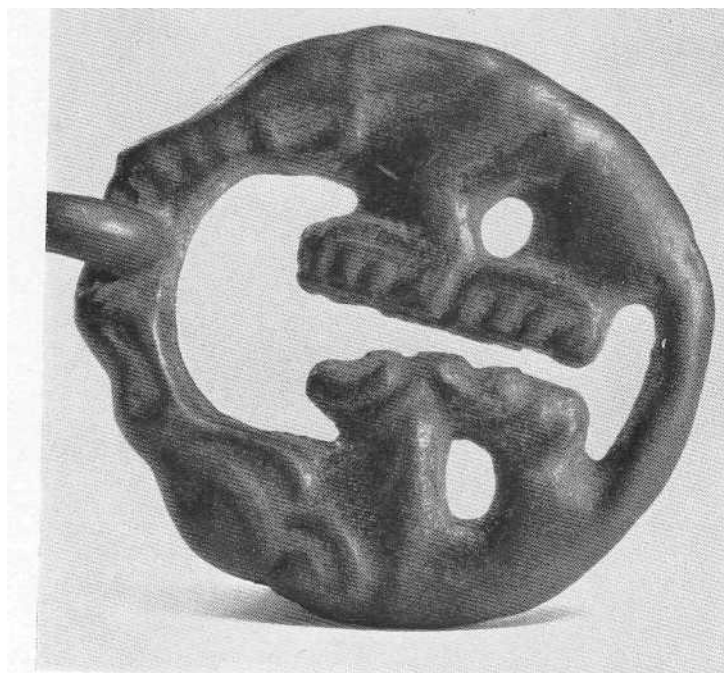

95

122
Бронзовая бляха
с изображением
двух конских головок.
Минусинская степь

123
Бронзовая пряжка
с изображением
двух животных.
Минусинская степь

124
Бронзовый налобник
с головкой птицы.
Минусинская степь

125
Бронзовая пронизка
с головкой козла.
Минусинская степь

126
Бронзовое зеркало
с зооморфной ручкой.
Минусинская степь

соответствия в находках из других областей „скифского мира“. Так, например, кинжалы с бабочковидным или сердцеобразным перекрестьем и треугольным клинком (*илл.119*) близко сходны с железными кинжалами или мечами скифской культуры Причерноморья, где встречаются и бронзовые образцы того же рода. Однако между минусинскими и причерноморскими кинжалами кроме сходства имеются и существенные различия. Так, у минусинских кинжалов никогда не встречается характерное для причерноморских брусковидное навершие на рукоятке, а форма перекрестья у тех и других в деталях различается одна от другой. Минусинским кинжалам свойственно перекрестье с широко расставленными бабочковидными крыльями, какого не бывает у причерноморских, и, с другой стороны, у минусинских кинжалов не получает распространения сердцевидное перекрестье, обычное в Причерноморье. Ввиду этого причерноморские и минусинские кинжалы не могут находиться в зависимости друг от друга, их сходство основывается, очевидно, на происхождении из одного и того же источника, в котором следует искать их прототипы. Поскольку сходные с минусинскими кинжалы имеются в Западной Сибири, Средней Азии и Иране, весьма вероятно, что они, как и причерноморские, восходят к иранским или среднеазиатским образцам. В сравнении с северочерноморскими они представляют другую линию развития этого вида оружия. В Минусинской котловине кинжалы с бабочковидным перекрестьем появляются едва ли раньше V в. до н. э. Другой тип минусинского кинжала — кинжал с прямым перекрестьем или „с шипами“ имеет прямых предшественников в местной карасукской культуре (*илл. 116*), хотя последние, в свою очередь, связываются с еще более ранними и широко распространенными кинжалами, возникшими в Передней Азии и оттуда проникшими как на восток, так и на запад. Во всяком случае, в минусинской культуре кинжалы с шипами представляют карасукскую традицию, как, впрочем, и в других районах Сибири, где существовали сходные с ней культуры.

Наряду с кинжалами находятся втульчатые боевые чеканы (*илл. 118*), секиры и топоры. Первые из них имеют круглый или граненый в сечении заостренный клинок, тогда как у секир и топоров более или менее широкое лезвие. В отличие от топора у секиры расширяющееся лезвие. Такого рода виды оружия, особенно чеканы, распространены не только в Минусинской степи, они известны также на Алтае, в Казахстане, в Западной Сибири и в Прикамье. Значительно реже они встречаются на Кавказе и в При-

черноморье. К тому же в последних областях эти виды оружия по материалу (железо) и по форме (проушные, а не втульчатые) отличаются от сибирских. Несмотря на малочисленность карасукских чеканов, они все же представляют исходные формы этого вида оружия татарской культуры. Секиры и топоры также появляются еще в карасукское время. Местом происхождения всех этих форм оружия был Ближний Восток, где они встречаются еще в III тысячелетии до н. э. и откуда распространяются и в Европу и на восток вплоть до Северного Китая. В Минусинской котловине находят удивительно мало наконечников копий и стрел. В этой культуре копья, по-видимому, не имели сколько-нибудь значительного применения. Лук со стрелами тоже не играл той роли, которая известна для этого вида оружия у причерноморских и западносибирских кочевников. Вместе с тем здесь, как и в Средней Азии, имеются и втульчатые и черешковые наконечники стрел, причем, в отличие от Причерноморья, где черешковые наконечники появляются только в сарматском периоде, оба типа существовали одновременно. По форме пера наконечники стрел одинаково бывают треугольными, ромбическими и листовидными. Однако черешковых наконечников с ромбическим и листовидным пером в Минусинской котловине нет; здесь, как и везде в „скифском мире“, известны только втульчатые наконечники этого рода, но и они очень редки, тогда как в Причерноморье именно такие наконечники характерны для раннескифского времени.

Двулопастные листовидные наконечники с втулкой известны в андроновской культуре поздней бронзы в Западной Сибири и Средней Азии и в близко родственной с ней срубной культуре Поволжья. Такого рода наконечники были найдены в Южной Туркмении в культуре эпохи бронзы, тесно связанной с Ираном. Вполне вероятно, что, возникнув в степных культурах срубно-андроновского типа, они, так же как и сходные с ними втульчатые наконечники копий, на основе переднеазиатских образцов, послужили в дальнейшем исходной формой для наконечников стрел раннескифского времени и в Причерноморье и в западной части Сибири и Средней Азии. Черешковые наконечники стрел, еще раньше появившиеся на Ближнем Востоке, превращаются из двулопастных в более устойчивые в полете трехлопастные и в этом виде получают широкое распространение в восточной части „скифского мира“ — в Казахстане, на Алтае, в Туве и Монголии, а также проникают в Минусинский край, где они примерно с середины V в. вытесняются втульчатыми наконечниками

127
Колоколовидное навершие
с фигурой козла.
Минусинская степь

128
Козел
на колоколовидном навершии.
Минусинская степь

129
Козел
на кололоводном навершии.
Минусинская степь

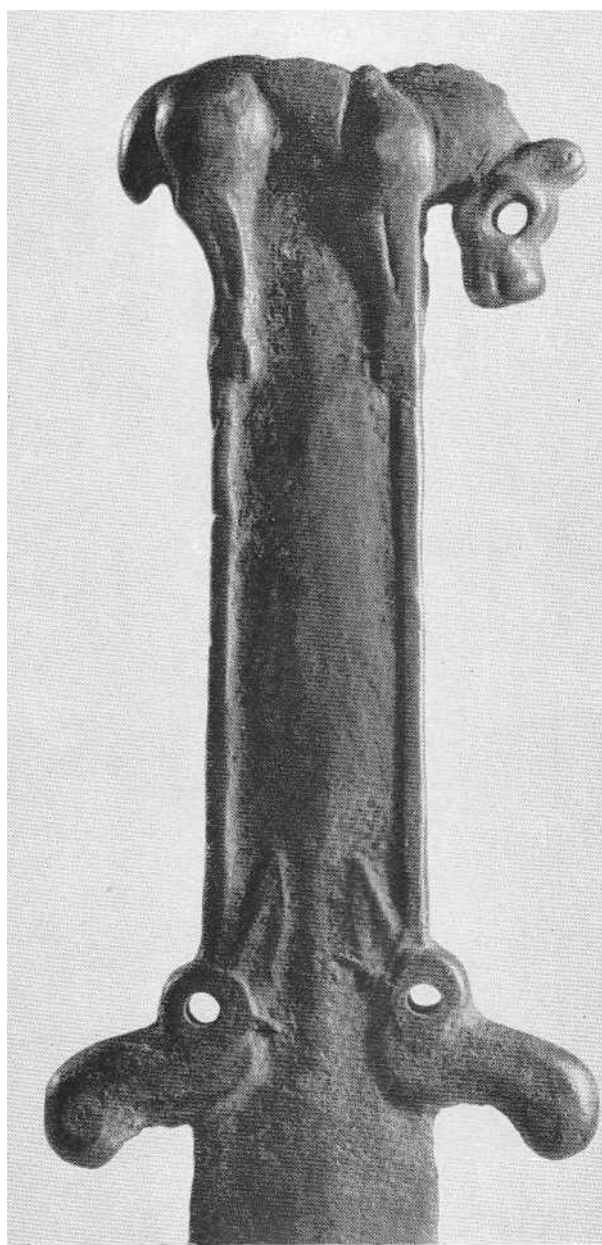
130
Фигура оленя
на кололоводном навершии
Минусинская степь

131
Кабан на ручке
бронзового кинжала.
Минусинская степь

132
Кинжал со зверем
на верху ручки
и головками животных
на перекрестье.
Минусинская степь

133
Двойная протома кабана
на конце ножа.
Минусинская степь

134
Двойная протома кабана
на втулке секиры.
Минусинская степь

скифских типов. В Средней Азии черешковых стрел позднее VI в. до н. э. уже нет.

В связь со сравнительной малочисленностью копий и стрел в тагарской культуре, вероятно, надо поставить и отсутствие в ней конских погребений, распространенных в синхронных культурах Алтая и Причерноморья. По-видимому, это находится в зависимости от того, что верховой конь не играл большой роли в жизни минусинского населения, поскольку образ жизни его не был кочевым. Принадлежности конского снаряжения здесь поэтому известны только по случайным находкам, среди которых удилам принадлежит первое место.

Примитивная узда без жестких удил была известна еще в карасукское время, о чем свидетельствуют находки костяных псалий, но бронзовые удила получили распространение только в тагарской культуре, где представлены различными формами — со стремевидными концами, с внутренним кольцом и без него и с круглыми то двойными, то одиночными кольцами на концах. Удила со стремевидными концами встречаются на Кавказе, в Причерноморье и в Венгрии, но особенно характерны для Сибири. Кольчатые удила раньше всего появляются на Ближнем Востоке, но получают очень широкое распространение в Европе и Азии. В Минусинской котловине они бытовали наряду со стремевидными.

Древнейшие бронзовые удила снабжались роговыми или костяными псалиями, вставлявшимися во внутреннее большое кольцо, примыкавшее к наружному круглому или стремевидному концу, служившему для прикрепления повода. Наиболее ранние бронзовые псалии имеют вид слабо изогнутого стержня с тремя отверстиями с выступающими в виде трубочек краями. В дальнейшем трубочки исчезают и на псалии остаются три дырочки. Псалии с трубочками относятся в Венгрии к Гальштатту В, а в Причерноморье к предскифскому и раннескифскому времени. Трехдырчатые псалии представлены в минусинской культуре немногими образцами, наиболее типичными для нее являются двухдырчатые псалии, повсеместно появляющиеся в V в. до н. э. Концы их иногда украшены головками животных (барана, волка, птицы) (*илл. 117*) или изображением копыта. Не касаясь других частей конского снаряжения, известных по находкам в Минусинской степи, можно сказать, что эти части, как и удила с псалиями, не представляют ничего оригинального, а относятся к общескифским формам, обнаруживая, однако, наибольшую близость к тем их вариантам, которые были распространены в Казахстане, а с V в. на Алтае.

Некоторые из них определенно алтайского происхождения. К ним относятся круглые выпуклые бляшки со звериными изображениями и с отверстием посередине (*илл. 120, 121*), пряжки с фигурками или головками животных (горного козла, волка, хищной птицы) (*илл. 122, 123*) и редкие уздечные налобники и пронизки со звериной или птичьей скульптурной головой (*илл. 124, 125*).

Из других вещей общескифских типов в составе находок в Минусинской котловине можно отметить литые бронзовые котлы трех основных видов: на полом коническом поддоне, без поддона и на трех ножках. Первые полушаровидные или яйцевидные с прикрепленными к верхнему краю кольцевидными или дуговидными вертикальными ручками, иногда с грибообразными или зооморфными выступами. Встречаются котлы и с ручками в виде поставленных по борту фигурок животных (козлов, лошадей, оленей). Остальные котлы более сплюснутые, с невысокой шейкой и с горизонтальными ручками по бокам. Аналогии минусинским котлам имеются в Казахстане, на Северном Кавказе и в Причерноморье. Встречающиеся в Минусинском крае котлы с носиками, неизвестные в Причерноморье, находятся в Средней Азии, редкие котлы на трех ножках сближаются с семиреченскими. В иранском происхождении „скифских“ котлов едва ли можно сомневаться, однако в минусинской культуре они приобрели некоторые специфические черты, позволяющие отличать их от котлов из других областей скифского мира и вместе с тем сближать с котлами Семиречья и Киргизии.

Кроме перечисленных форм тагарскую культуру связывают со скифским миром характерные бронзовые зеркала—дисковидные с ручкой в виде дужки или кнопки на обороте и нередко с высоким бортиком с той же стороны. Особую группу составляют так называемые медалевидные зеркала с боковой ручкой в виде маленького выступа с круглым отверстием. Особенно многочисленные зеркала с дужкой характерны для азиатской части скифского мира, а зеркала с кнопкой, кроме того, находят аналогии в Причерноморье, хотя в деталях они отличаются от минусинских. Так, у причерноморских кнопка обычно имеет две ножки или столбика, а не четыре, как у минусинских. В ряде случаев дужка или кнопка трактованы в виде фигурки или только головы животного. Боковая ручка у медалевидных зеркал также нередко зооморфного вида (*илл. 126*).

Находки медалевидных зеркал в Минусинской котловине не многочисленны, зато они распространены в соседних областях — Туве, Алтае и Казахстане. По

Минусинские и ордосские бронзы

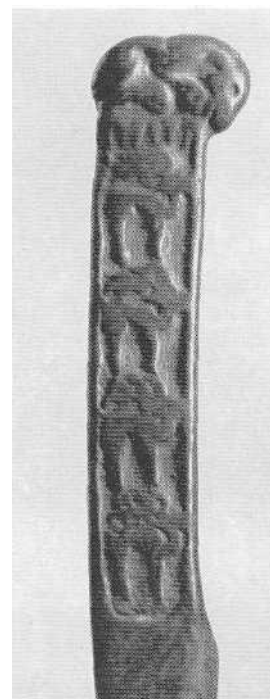
103

135
Бронзовая бляха
со свернувшимся зверем.
Сыр-Дарья. Уигарак
курган № 33

136
Бронзовая бляха —
свернувшийся зверь.
Минусинская степь

137
Хищник —
гравировка на кельте
Минусинская степь

138
Фигурка тигра
на рукоятке ножа
с рельефным
изображением оленей.
Минусинская степь

139
Бронзовая бляшка —
лежащий олень.
Минусинская степь

140
Бронзовая бляшка —
лежащий олень
со сливающимися в прямую
полоску ногами.
Минусинская степь

141
Бронзовая бляшка -
лежащий олень.
Минусинская степь

142
Бронзовая фигурка
стоящего оленя.
Минусинская степь

всей вероятности, эти зеркала происходят от зеркал с боковой ручкой, характерных для переднеазиатских и европейских областей, но известных также в Киргизии и на Алтае. Появление на их основе медалевидного типа, по-видимому, произошло в Средней Азии, откуда он и распространился на восток до Ордоса. Зеркала с дужкой на обороте имеются еще в андроновской и карасукской культурах, примыкая к распространенным там же бляшкам и пуговицам. Наличие излишнего для зеркала бортика указывает на блюдо или крышку как на прототип этой формы. Известно, что в качестве зеркал употреблялись блюда с налитой в них водой. Характерная для зеркал с бортиком зооморфная ручка связывается с встречающимися в Иране и на Ближнем Востоке бронзовыми и каменными крышками с фигуркой животного в качестве ручки посередине. Зеркала с дужкой или кнопкой представляют собой специфическую „скифскую” форму, неизвестную в других культурах нигде, кроме Китая, где зеркала с дужкой появляются в эпоху Инь (XIII—X вв. до н. э.), по всей вероятности, с запада, примерно тогда же, когда они входят в состав сибирских культур. Китайские зеркала отличаются сложной и богатой орнаментацией, не имеющей ничего общего с зеркалами, которые встречаются в Сибири и в Средней Азии.

Своеобразие тагарской культуры особенно ярко проявляется в уже отмеченном длительном переживании в ней „бронзового века” и вместе с тем форм, продолжающих традиции предшествующей карасукской культуры, что, по всей вероятности, обусловлено особенностями хозяйственного развития Минусинской котловины. В то время как в соседних областях с культурой скифского типа основным видом хозяйственной деятельности стало кочевое скотоводство, минусинское население вело оседлый образ жизни, занималось земледелием, местами даже с применением искусственного орошения, и отгонным скотоводством.

Хотя поселения тагарской культуры остаются слабо изученными, о бытовом укладе ее обитателей некоторое представление дают замечательные „писаницы”—изображения на скалах Оглахтинского хребта в районе села Абакано-Перевоз („Боярские писаницы”), хотя они и относятся к позднему периоду минусинской культуры. На одной из них представлен целый поселок, состоящий из четырех домов и одной юрты. Дома бревенчатые, рубленные, с коньковой крышей на стропилах, крытой, по-видимому, соломой. В открытую дверь виден круг, представляющий условное изображение очага, нахо-

дящегося внутри дома. Юрта колоколовидная, вероятно, крытая войлочной кошмой. Между домами стоят характерные скифские котлы, под некоторыми из них показаны языки пламени. Тут же изображены фигурки людей, а в левой стороне писаницы помещены животные, среди которых различаются олени и козы. На другой писанице между домами и юртами, вероятно, представляющими зимние и летние жилища, также расположены различные животные, люди и какие-то непонятные четырехугольники, означающие, по мнению М. П. Грязнова, обработанные поля¹³.

Особое положение тагарской культуры отчетливо выявляется при рассмотрении скифского звериного стиля, который в своем чрезвычайно широком распространении от Дуная до Ордоса естественно представляет ряд локальных и хронологических вариантов, но который все же и по сюжетам и по изобразительным приемам отличается поразительным единством.

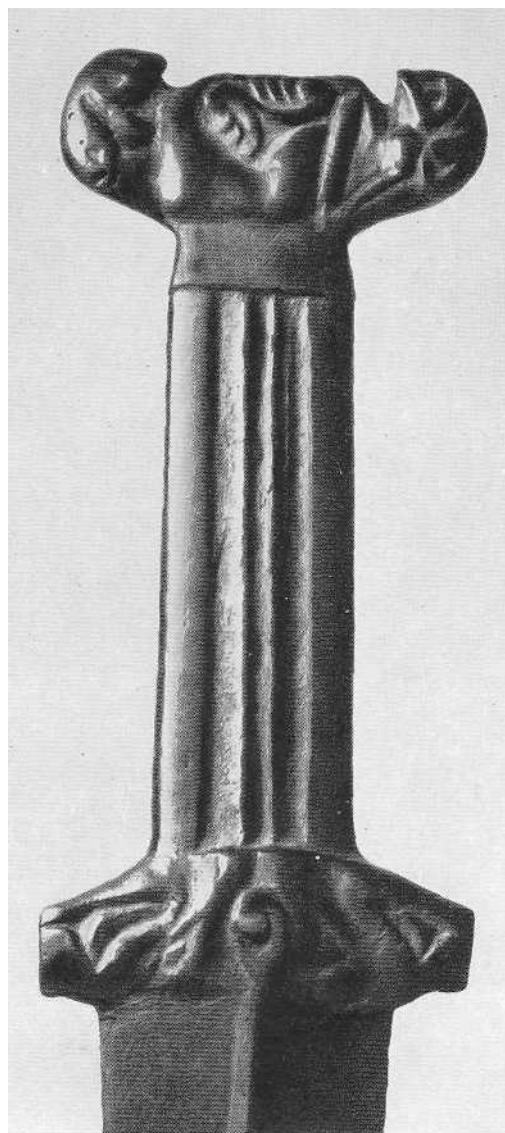
В тагарской курганной культуре имеется ряд изображений, близко сходных с карасукскими. На генетическую связь звериного стиля минусинской курганной культуры с карасукским искусством указывали еще С. А. Теплоухов и Э. Миннз¹⁴. Среди немногочисленных художественных произведений ранней тагарской культуры, как и в карасукском искусстве, преобладающее положение занимает круглая, обычно пустотелая скульптура. При изображении целой фигуры животного оно представлено со всеми четырьмя ногами, отдельно изображаются два уха, два рога и т. д. Глаза и ноздри иногда бывают сквозными, но чаще передаются кружочками, обведенными рельефным ободком. Ухо безотносительно к виду животного обычно трактуется в форме полукруга. Хвост опять-таки одинаково у разных животных представляется в виде короткого выступа. И остальные части фигуры передаются условными, стандартными формами — бедро в виде полушария, лопатка—выпуклого сегмента, основу головы составляет шар с добавочными тоже схематизированными деталями. Положения, в которых изображаются животные, также весьма однообразны. Чаще всего они представлены стоящими с опущенной головой. В дальнейшем фигуры уплощаются, а парные части их (рога, уши, ноги) объединяются в общем силуэте. Наибольшей величиной и сложностью отливки отличаются известные не только в Минусинской котловине, но и на Алтае и в Ордосе колоколообразные навершия с фигуркой козла со сближенными ногами (*илл.127—130*) и много реже оленя. Меньшей величины скульптуры целых фигур различных животных

143
Бронзовая бляшка -
козел.
Минусинская степь

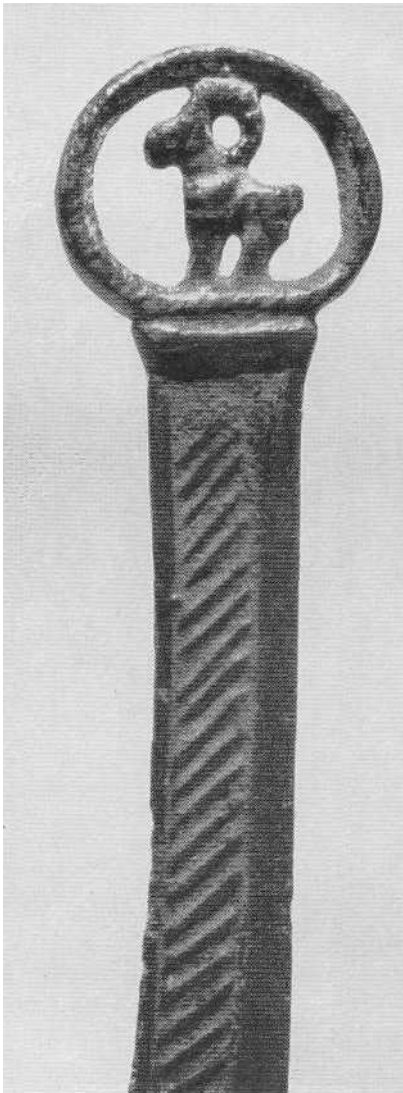
144
Бронзовая бляшка —
лошадь.
Минусинская степь

145
Парные кабаньи головки
с общим ухом на рукоятке
кинжала.
Минусинская степь

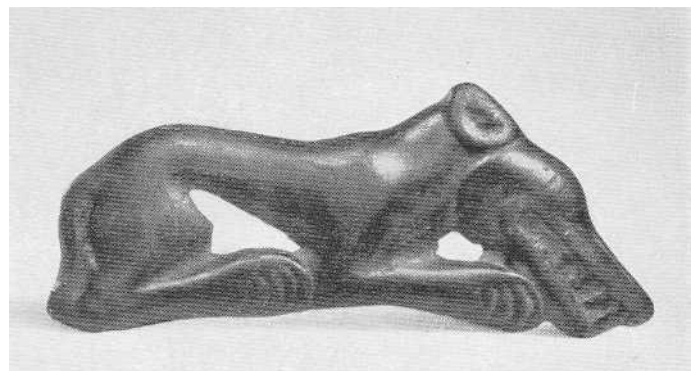
146
Фигурка козла в кольце
на конце ножа.
Минусинская степь

147
Бронзовая статуэтка —
баран с тяжелыми рогами.
Минусинская степь

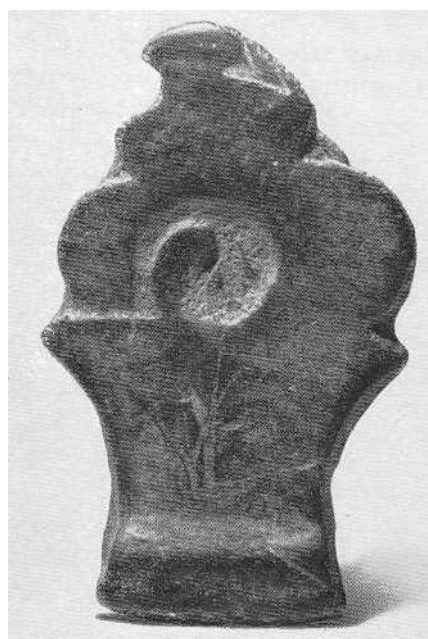
148
Бронзовая бляха —
лежащий волк.
Минусинская степь

149
Бронзовая бляха —
тигр с головой барана
в пасти.
Минусинская степь

150
Бронзовая бляха
с пламевидным выступом
Минусинская степь

151
Бронзовая бляха
с пламевидным выступом
-Минусинская степь

встречаются на ручках ножей и кинжалов и на втулках топоров и чеканов. Это фигурки стоящих козлов и кабанов, значительно реже других животных и птиц (*илл. 131, 132*). Чаще других находятся скульптурные изображения двойных протом и отдельных головок животных и птиц, тоже по большей части на втулках чеканов и топоров или же на ручках зеркал, ножей и кинжалов (*илл. 133, 134*). В рельефе обычно представлены головки птицы и свернувшегося хищника — мотивов, широко распространенных в скифо-сибирском искусстве (*илл. 135, 136*), а также отдельных животных. В редких случаях встречаются изображения, выполненные врезанной линией (*илл. 137*).

В раннем татарском искусстве круг животных довольно ограниченный. Это кабан, козел, баран, лось, лошадь и неясного образа хищник из семейства кошек — возможно тигр. В виде отдельных голов к ним прибавляется хищная птица. Можно заметить, что некоторые из этих изображений тесно связаны с определенным видом предмета. Так, голова хищной птицы, как правило, служит украшением чекана и помещается в углу между клинком и втулкой. Такие же головки птиц находятся на верху рукоятки и на перекрестьях кинжалов и на выступах ножей между ручкой и лезвием. Кабан изображался преимущественно на навершиях кинжалов и ножей, иногда он заменяется здесь кошкообразным хищником (*илл. 138*). Кабан и хищная птица вообще являются наиболее частыми мотивами изображений, что, вероятно, надо ставить в связь с увеличением количества и роли оружия в минусинской тагарской культуре сравнительно с карасукской. Образы мирных животных, характерных для карасукской культуры — козла, быка, барана и лося, — отходят на задний план.

Почти для всех изображений, известных по минусинским памятникам, не трудно подыскать очень близкие аналогии как в остальной части Сибири, так и в Северном Причерноморье. Такое единство художественных форм и мотивов на всей огромной территории распространения скифо-сибирского искусства возможно лишь в результате общности его происхождения в целом, единства источника формирования всех его внутренних подразделений. Вместе с тем некоторые характерные для скифо-сибирского искусства мотивы появляются в Минусинской котловине со значительным запозданием.

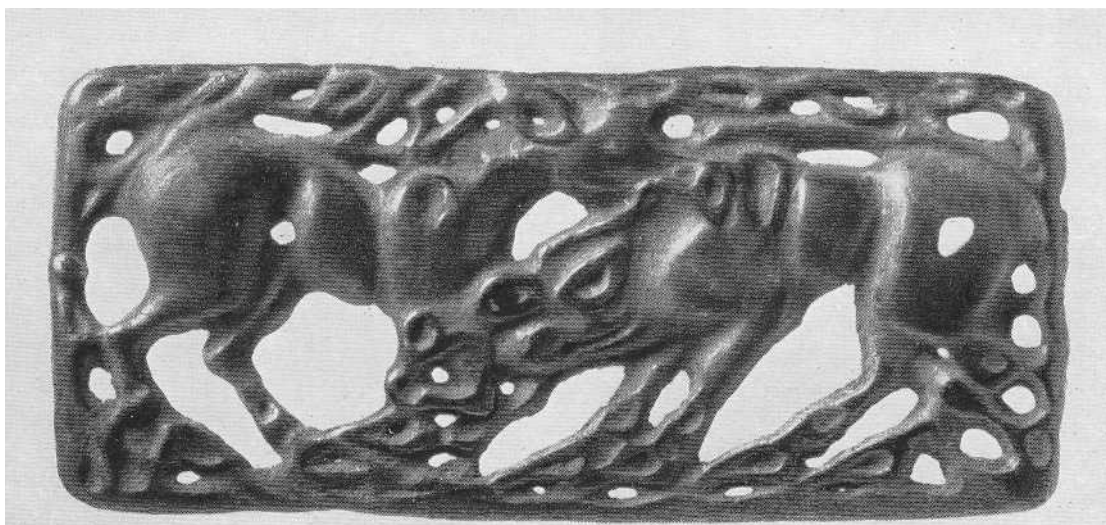
Так, например, обычный в раннескифском искусстве мотив оленя, лежащего с поджатыми ногами, как и оленя вообще, вовсе не известен ни карасукскому, ни тесно связанному с ним искусству раннего этапа

тагарской культуры. Изображения оленя распространяются в Минусинской котловине только с V в. и сразу в двух вариантах — лежащего с поджатыми ногами (*илл. 139—141*) и стоящего (*илл. 142*). Бывают и только одни головки оленя с устремленными вверх рогами. Возникнув в формах, близких к изображениям этого животного в искусстве Восточного Казахстана, образ оленя получает в Минусинской котловине очень широкое распространение и, подвергаясь дальнейшей схематизации, приобретает специфические минусинские черты, в большей степени соответствующие признакам лося, чем первоначальному виду этого животного. У позднейших изображений оленя рога превращаются в гребень, а ноги сливаются в прямую полосу без прогиба. Рельефные фигурки оленя встречаются на ручках ножей, расположенные вертикальным рядом одна над другой. Появляются бляшки с рельефными изображениями и других животных, например, козла, лошади, тигра, барана, волка и т. д.

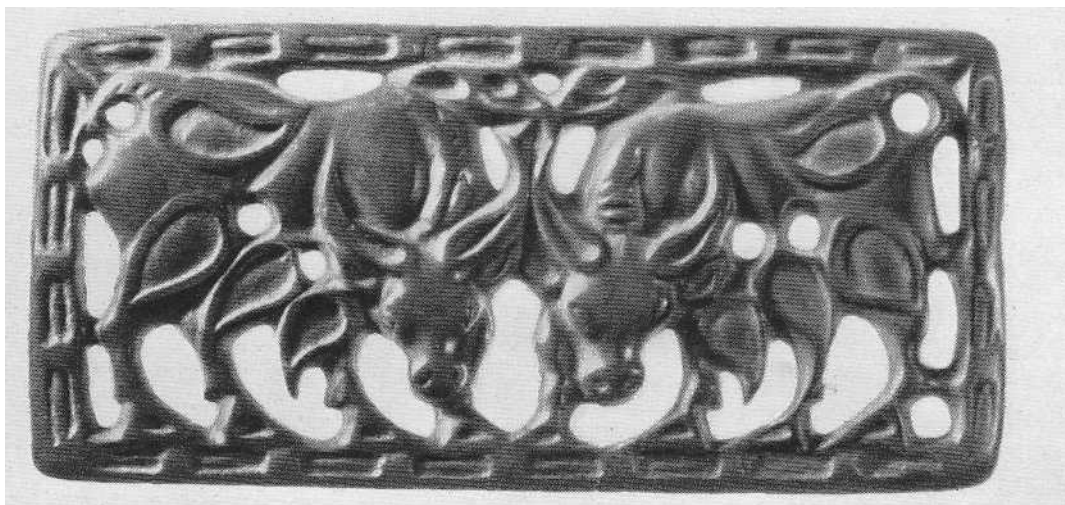
С другой стороны, в это время животные, и ранее обычные в минусинском искусстве, получают новые признаки. Так, у по-прежнему самых многочисленных изображений головок хищных птиц появляется длинный клюв с ранее неизвестной здесь роговицей и с загнутым концом. Некоторые из них усложняются ушами и превращаются таким образом в фантастических грифонов. Большое распространение приобретают парные головки, обращенные в противоположные стороны, иногда при этом с общим глазом. У парных кабаньих головок на перекрестьях кинжалов нередко общее ухо (*илл. 145*). Продолжают изображаться стоящие кабаны, но у них теперь длинная, тонкая морда, напоминающая птичий клюв.

Наряду со стоящими изображаются лежащие козлы, изредка с повернутой назад головой. Фигурки стоящих козлов с колпачков-наверший перемещаются в середину большого кольца, которым теперь заканчиваются рукоятки ножей (*илл. 146*), или же, как и стоящие олени, в кольцевые подвески. Фигурки стоящих козлов украшают обушки впервые возникающих миниатюрных чеканов. Вместо типичной для раннего времени головы барана с длинной горбатой мордой и небольшими рогами распространяются изображения этого животного, отличающиеся прямой мордой и большими, тяжелыми рогами с широкими кольцами (*илл. 147*). Хищник так же, как и на западе, наделяется чертами волка с оскаленными зубами (*илл. 148*) и иногда с закрученным спиралью носом. К новым мотивам в Минусинской котловине относятся и характерные изображения идущего тигра

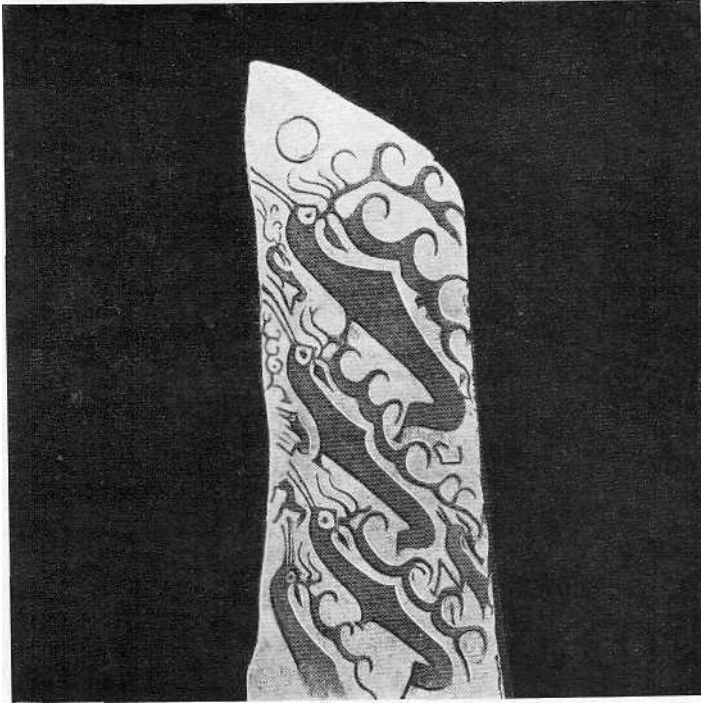
152
Бронзовая застёжка
со сценой схватки
двух лошадей.
Минусинская степь

153
Бронзовая застёжка
с двумя быками.
Минусинская степь

154
Олснныи камень.
Село Иволгинское

с головой горного барана в раскрытой пасти, повторяющие и в сюжете и в трактовке такие же изображения на колоде из второго Башадарского кургана на Алтае (илл. 149). Довольно многочисленными становятся изображения лошадей, особенно в виде головки на концах костяных псалий. Распространяются и почти полностью утратившие изобразительные элементы орнаментальные мотивы, в основе которых чаще всего лежит схематизированная птичья головка, представленные такими же, как на Алтае, уздечными бляхами. Наряду со ставшей более уплощенной объемной скульптурой чаше, чем раньше, встречаются рельефы.

Замечательно, что новые сюжеты и стилистические черты, отличающиеся динамизмом и, несмотря на стилизацию, большим реализмом, чем старое минусинское искусство, не вытесняют последнее, а сосуществуют с ним. Новые формы, импортированные с принадлежностями конской сбруи, медалевидными зеркалами и другими предметами восточно-казахстанского или алтайского происхождения перенос-

ятся на специфически минусинские вещи — ножи, колты, миниатюрные чеканы и др., что свидетельствует об усвоении их местными мастерами, продолжавшими тем не менее работать и в традиционном минусинском духе. Из Минусинской котловины происходит некоторое число бронзовых застёжек с композициями борьбы животных между собой или фигурами двух спокойно стоящих животных в симметричном построении.

Из них отметим вышедшие из разных форм четырехугольные застёжки в рамках с одинаковой сценой схватки двух лошадей (илл. 152), четырехугольную же застёжку с двумя симметрично стоящими друг против друга лошадьми и такую же с двумя верблюдами. Над опущенными к земле головами последних раскинулись ветки дерева с листовидными ячейками. Наиболее эффектны имеющиеся в нескольких экземплярах пластины с изображениями двух быков, показанных в сложном ракурсе с поворотом опущенной вниз головы и передней части туловища в фас при профильном положении остальной части фигуры (илл. 153). Наиболее простой рисунок имеют ажурные пластины с двумя парами зигзагообразных змеек, протянутых вдоль них внутри прямоугольной рамки. У других того же рода ажурных застёжек орнамент имеет вид ступенчатой пирамиды (илл. 157). Всего одним экземпляром очень грубой работы представлена пластина с закругленным концом, заполненная неотчетливой фигурой, по-видимому, волка с рогом вдоль шеи и загнутым кверху хвостом. Близки к застёжкам и ажурные бляхи с головой быка, заключенной в спираль с головкой хищника на конце или с головой козла в полуовале (илл. 155).

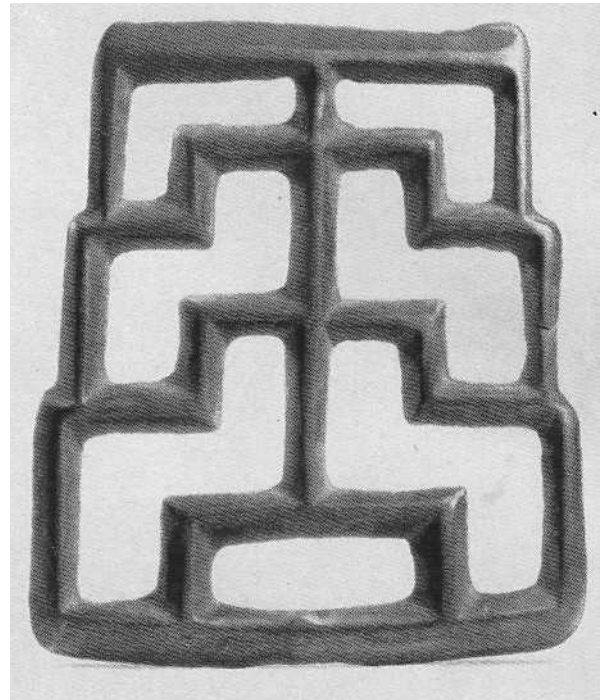
Многие виды бронзовых украшений, бытовавших в Минусинском крае в конце тагарского периода, оказались представленными в неглубоко закопанном в землю складе, предназначенного для переплавки лома, обнаруженном в 1966 г. на берегу озера Большой Косогол в Ужурском районе Красноярского края¹⁾ В нем было около двухсот предметов, сложенных под перевернутым вверх дном котлом. Поблизости от него под другим котлом находилось 6 полых фигурок гусей, отделенных, вероятно, потому, что они были отлиты из бронзы с высоким содержанием олова и свинца и предназначались для использования в качестве лигатуры. Кроме слитков и стружки в кладе было более 30 блях с головой козла, быка, окруженной спирально изогнутым змееподобным туловищем со змеиной головкой на конце, четыре прямоугольные застёжки с фигурами двух симметрично расставленных

155
Голова козла в подувале.
Минусинская степь

156
Бронзовая бляха
с торельфной
головкой медведя.
Июлгинский могильник

157
Застежка с орнаментом
из ломаных линий.
Минусинская степь

158
Серебряная пластинка
с изображением яка.
Ноин-Ула

159
Серебряная пластинка
с изображением оленя.
Ноин-Ула

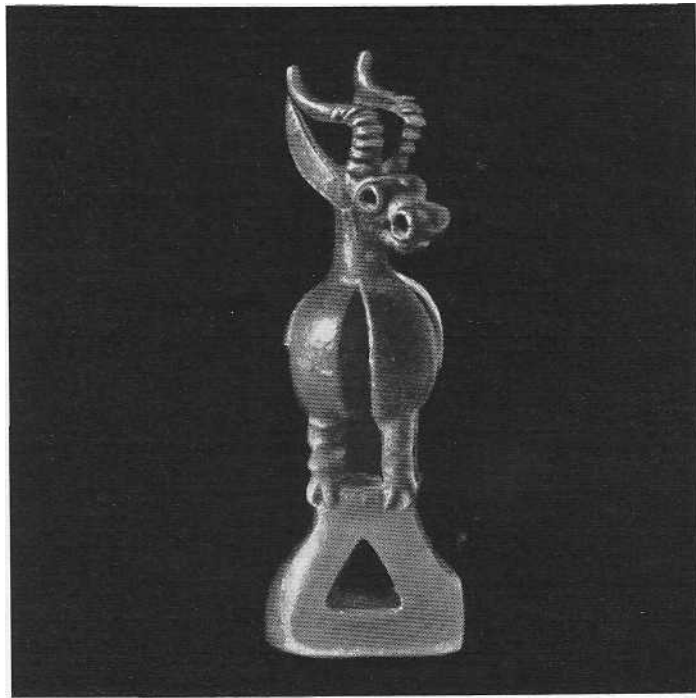
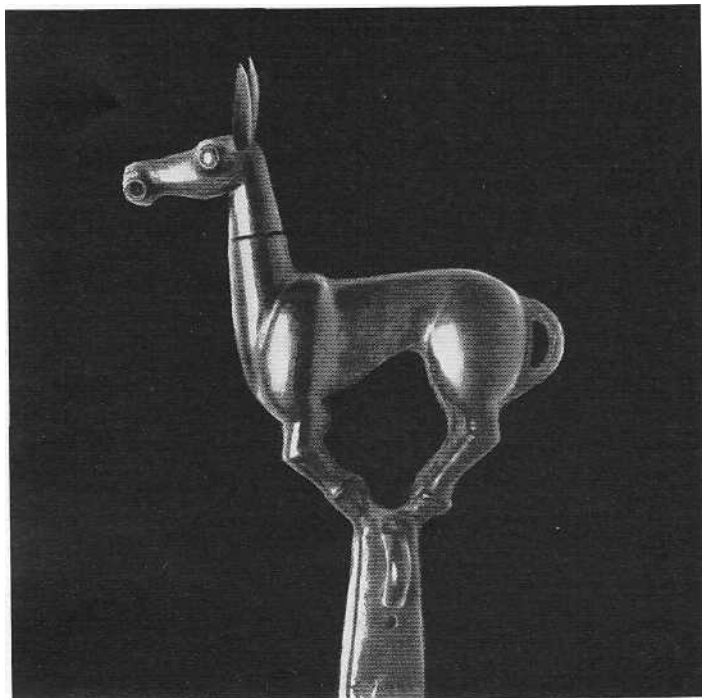

160
Серебряная пластинка
с изображением яка
между деревьями.
Нойн-Ула

161
Бронзовая фигурка лани
на навершии.
Ордос

162
Бронзовое навершие
с фигуркой козла.
Ордос

быков с повернутой в фас головой, пять такой же формы застежек, заполненных протянутыми вдоль их четырьмя изгибающимися змейками, тридцать пять наконечников для ремней со стилизованной мордой зверя, множество других блях, застежек, пуговиц и других предметов, в большинстве своем сломанных. Этот клад важен не только как свидетельство местного бронзолитейного производства, но и как комплекс вещей одновременного бытования. Представленные в нем вещи относятся к последним векам I тысячелетия до н. э. Предметов более раннего времени или происходящих из других областей в нем очень мало. К их числу, по-видимому, надо отнести фигурки гусей. Подставки на их лапках показывают, что они прикреплялись к каким-то предметам, вероятно, культового назначения. Поясные застежки с изображениями животных С. В. Киселев отнес к III—I вв. до н. э., различая среди них две группы — раннюю и более позднюю, появляющуюся около начала н. э. Первую он определяет по стилю как реалистическую, а вторую как

реалистическо-орнаментальную, не проводя, впрочем, строгого распределения известных памятников по этим группам¹⁶. Классификация С. В. Киселева неопределенна, а предложенная им хронология, как мы увидим ниже, не охватывает всего периода их бытования. Те пластины, которые он характеризует как реалистические, относятся еще к IV—III вв. и

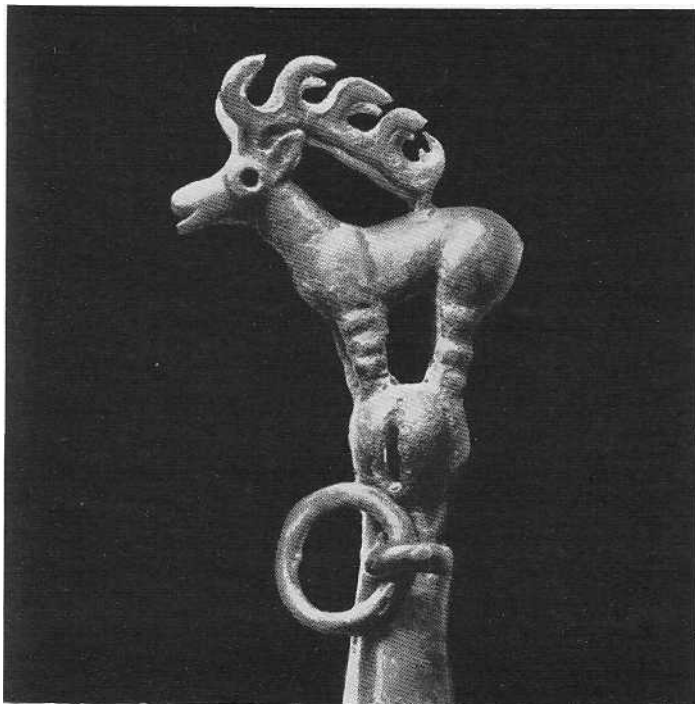
представлены формой с полукруглым выступом. В Минусинской котловине таких не обнаружено, здесь найдены бронзовые четырехугольные пластины с рамкой, появляющиеся действительно только в III в. и существовавшие по крайней мере до конца последнего тысячелетия до н. э.

Своими „скифскими“ элементами тагарская культура сближается с западносибирскими вариантами скифской культуры, но и среди них она в целом занимает особое положение. Типичные для западносибирских областей керексуры — каменные курганы, — деревянные камеры с дромосом или без него и сопровождающие конские погребения совершенно отсутствуют в Минусинской котловине. Этнографически ее население существенно отличалось от своих кочевых соседей, хотя и не находилось в изоляции и не избегало не только сношений с ними, но и заимствований с их стороны.

Этническая принадлежность населения Минусинской котловины в скифский период остается невыясненной. Существует теория о тождестве его с белоку-

163
Бронзовое навершие
с фигуркой оленя.
Ордос

164
Бронзовая бляшка —
свернувшийся зверь.
Ордос

шаяся в Минусинском крае на андроновскую и связанная с другим антропологическим типом населения, конечно, не может не приниматься в расчет при суждении по данному вопросу, тем более что в минусинской татарской культуре она оставила весьма заметные следы, в значительной степени определяющие ее своеобразие. Андроновский эле-

рыми динлинами, или же с билами и гелочами китайских источников, но этническая природа всех этих племен, даже если бы они действительно были тождественны с минусинским населением интересующего нас времени, тоже неизвестна. Мало что дает в этом отношении и дорусская топонимика Минусинской котловины, представленная тюркскими, кетскими и иранскими названиями. Если исключить тюркские топонимы, как относящиеся к позднему кыргызскому периоду истории, то наиболее многочисленными остаются кетские. Иранские названия рек с корнями „об" и „дон", означающими „вода", представлены не в самой Минусинской котловине, а на соседних территориях Красноярского края и Кемеровской области. Тем не менее именно иранцы являются наиболее вероятными древними поселенцами Минусинской котловины, так как они выступают повсюду, где распространена андроновская культура вместе с производными от нее культурами—тазабагъябской в Средней Азии и срубной в Восточной Европе. Карасукская культура, наслоив-

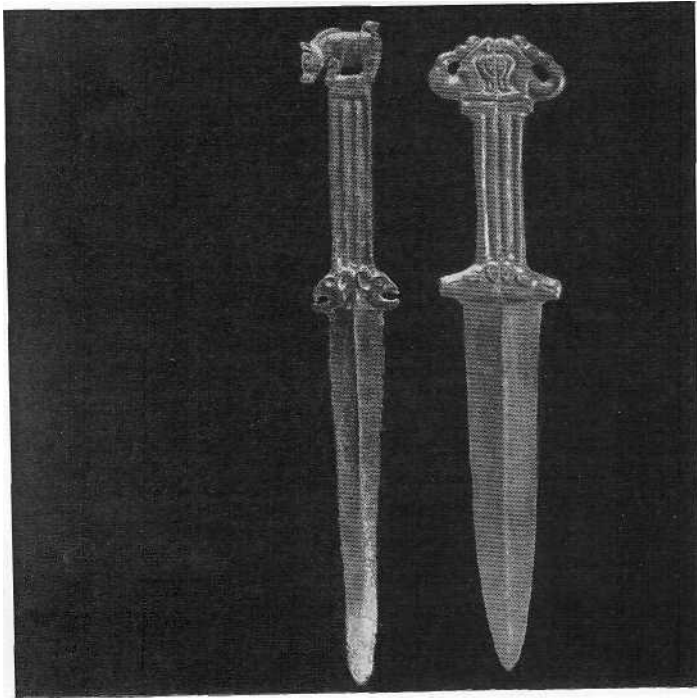
мент ассимилировал пришельцев и занял вновь доминирующее положение в физическом облике населения Минусинской котловины, но из этого еще не следует, что то же самое произошло и с языком.

Л. Н. Гумилев полагает, что создателями карасукской культуры были предки хунну¹⁷. Они заняли Забайкалье, проникли в Минусинский край и далее на запад, но растворились здесь среди местного населения, представленного типом, производным от андроновской культуры, близким карасукскообразным культурам и возникшим в процессе общего с собственно карасукской культурой становления кочевого быта. Минусинских аборигенов он отождествляет с динлинами китайских источников, а это значит, что китайцы так называли восточную группу ираноязычных европеоидов. Следует заметить, что китайские известия о динлинах относятся не к татарской, а к таштрыкской эпохе.

Другая гипотеза связывает карасукскую культуру не с хунну—тюрками, а с кетами — небольшой народностью, сохранившейся в таежной полосе Сибири

165
Бронзовые кинжалы
с фигурой животных
на рукоятке.
Ордос

166
Статуэтка барана
на пластинке.
Ордос

на восток на ней не заканчивалось, а доходило до Северного Китая, она все же представляла собой последнюю в этом направлении группу европеоидного массива древнего населения Евразии. Дальше на восток, за Байкалом элементы той же культуры прослеживаются в характерных для Забайкалья „плиточных могилах” и тесно связанных

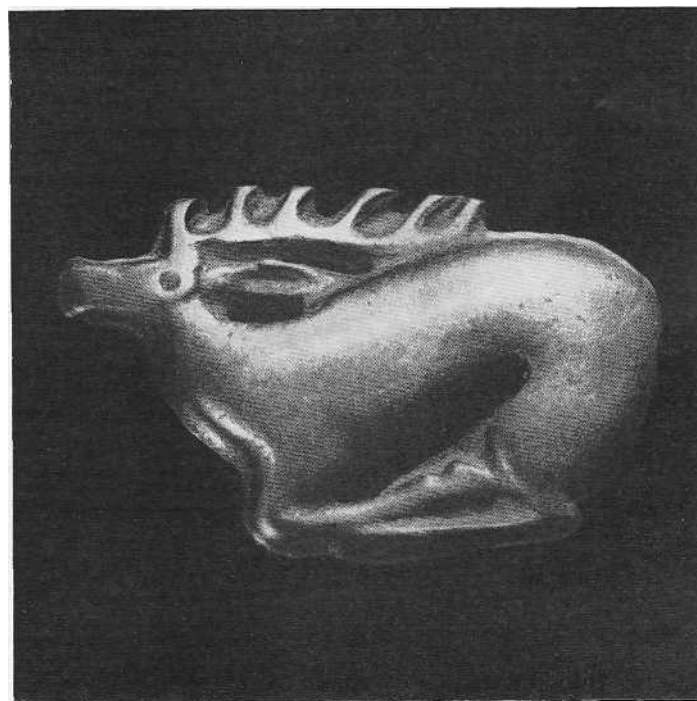
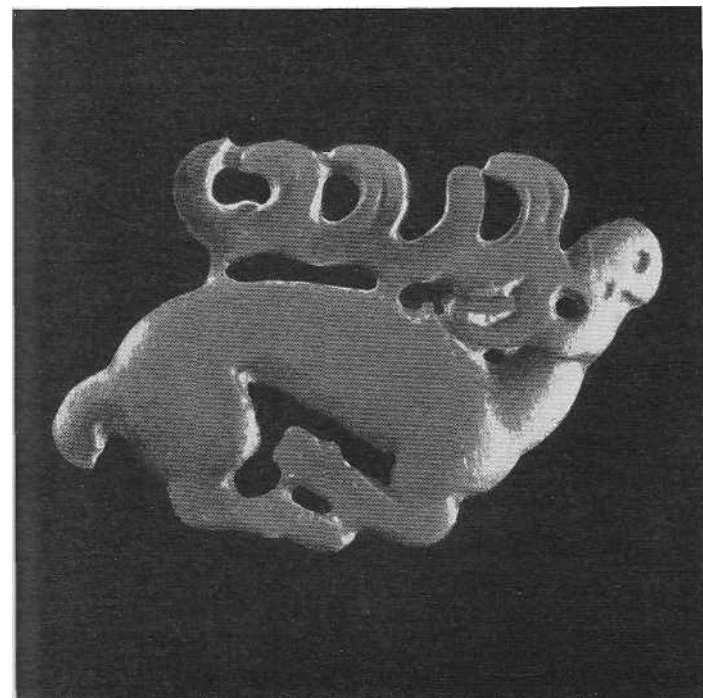
в районе Подкаменной Тунгуски, близких родственников которых русские в XVIII в. застали еще в бассейне среднего Енисея в окрестностях городов Красноярска и Канска. К. Доннер относит кетский язык к тибето-бирманской группе, не имеющей других представителей в Сибири¹⁸, из чего можно заключить, что кеты проникли в Сибирь с юга. Они-то и могли принести с собой в Минусинскую котловину центральноазиатскую карасукскую культуру. В дальнейшем они частично переселились дальше на север, а частично растворились среди нового уже ираноязычного населения Минусинской степи.

Минусинская тагарская культура просуществовала до конца I тысячелетия до н. э., постепенно преобразовываясь в так называемую таштыкскую культуру, в которой заметную роль начинают играть хунно-китайские элементы, а в физическом типе населения отчетливо выступают монгольские черты. Минусинская котловина была отдаленной провинцией скифо-сибирской культуры и, хотя распространение по крайней мере элементов этой культуры

с ними так называемых „оленных камней”, самый замечательный из них найден южнее города Верхнеудинска у села Иволгинского (ныне в Иркутском музее) (илл. 154). Это саблеобразной формы плита высотой в 3,5 м, на широких сторонах ее высечены стилизованные фигуры оленей с сильно вытянутой клювовидной мордой, закинутыми на спину ветвистыми рогами и с подогнутыми ногами, сходные с минусинскими изображениями этих животных. На боковых гранях кроме оленей представлены предметы вооружения: лук со стрелой, кинжал, топор и др., подобные найденным в плиточных могилах. Оленных камней много в Туве и Северо-Западной Монголии, где они представлены замечательными экземплярами с антропоморфными чертами, иногда с намеченным овалом человеческого лица, с поясом и очень детально переданным оружием. Фигуры оленей на них отличаются реалистичностью. Они представлены стоящими, подобно тому, как на одном раннем алтайском бронзовом зеркале. В Забайкалье и Монголии известны и другие того же рода изобраа-

167
Бронзовая бляшка —
лежащий олень.
Ордос

168
Бронзовая бляшка
лежащий олень.
Ордос

ряду с кочевым скотоводством оседлого земледелия и развитого ремесла, отметим сходную с минусинскими бронзовую четырехугольную застежку с ажурным орнаментом в виде горизонтальных полосок, означающих, вероятно, змеек, отличающуюся от других предметов этого рода своей исключительной простотой и геометрической орнаментальностью

жения, особенно многочисленные в виде так называемых „писаниц“ на скалах.

Из других находок в Забайкалье особый интерес вызывает золотая ажурная застежка, доставленная из Верхнеудинска в 1884 г. и находящаяся в составе Сибирской коллекции Эрмитажа, с вещами которой она и будет рассмотрена в дальнейшем изложении (илл. 193).

По своим физическим признакам создатели культуры плиточных могил сильно отличались от древнего населения западной половины Южной Сибири отчетливо выраженными монгольскими чертами. Памятники потомков этого населения в Забайкалье позднейшего хуннского времени известны сейчас по немногим исследованным поселениям и могильникам, среди которых особенно важное значение имеет Иволгинское городище с расположенным возле него грунтовым могильником¹⁹. Из огромного количества разнообразных находок на этом городище, примечательном тем, что это пока единственный памятник, свидетельствующий о существовании у хуннов на-

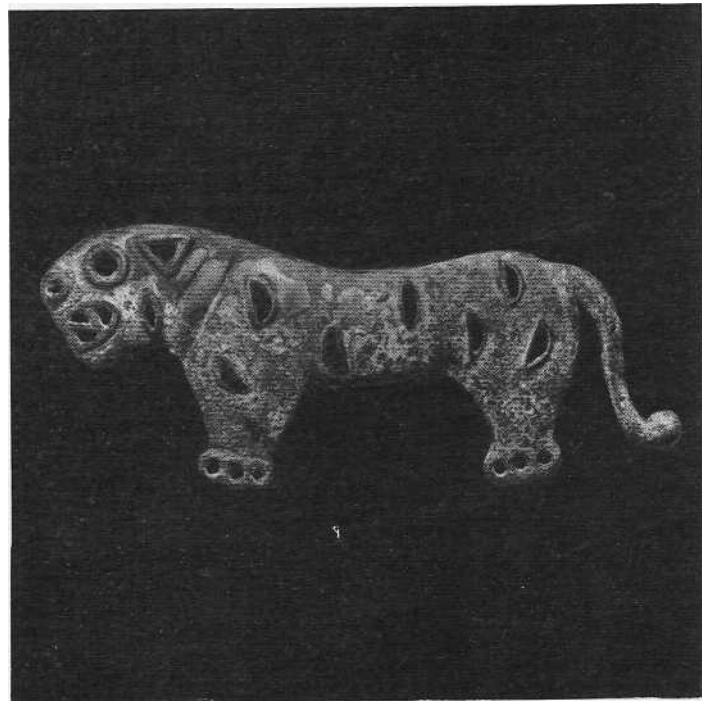
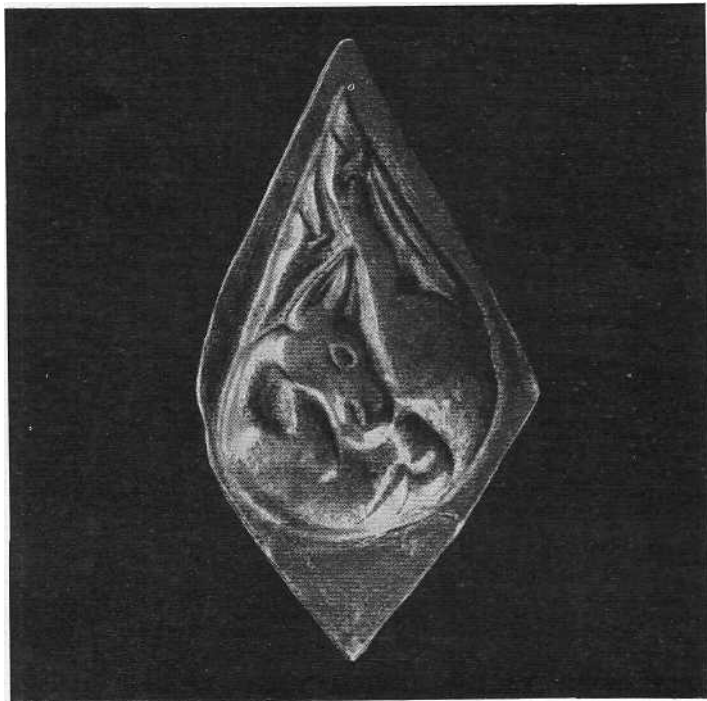
(илл.214). В могильнике возле городища было обнаружено погребение с парой ажурных застежек, находившихся в области живота, что не оставляет сомнений в их принадлежности к поясу, а не к какой-либо другой части одежды, а тем более к украшениям гроба. На этих застежках представлена сцена борьбы ящерообразного дракона с двумя тиграми (илл.213). В том же погребении оказалась пара литых круглых бляшек со скобками на обороте. На лицевой стороне каждой из них горельефом голова медведя в фас, а вокруг нее изогнутое туловище этого зверя (илл. 156).

В другом могильнике хуннского времени—Дэрестуйском, на левом берегу реки Джиды, исследованной Ю. Д. Талько-Грынцевичем в 1900—1901 гг., найдена золотая штампованная пластинка с фигурой грифа с раскрытыми крыльями в виде концентрических полукружий и с загнутым хвостом вцепившегося когтями в спину бегущего барана. Это изображение отличается плохим, смятым рисунком, далеким от того же рода композиций в памятниках

169
Бронзовая бляшка
с изображением лани
с изогнутым
вокруг головы телом.
Ордос

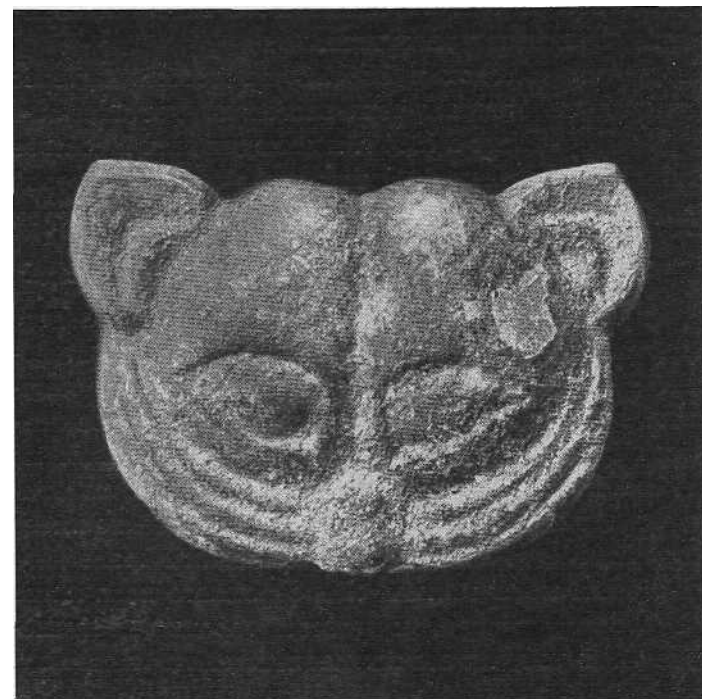
170
Бронзовая бляха
в виде тигра.
Ордос

171
Бронзовая бляха —
голова тигра в фас.
Ордос

Алтая. В том же могильнике обнаружены три пары бронзовых застёжек, во всех случаях, по словам Ю. Д. Талько-Грынцевича, „приколоченных к гробу с внутренней стороны“²⁰, примерно на середине его длины, то есть в области пояса погребенного. Эти застёжки, как и в Иволгинском могильнике, были на поясе и оказались под досками гроба вследствие осадки их на истлевшего покойника. На двух парах этих застёжек представлена борьба тигра с орлом из-за добычи — загрызенного тигром козла повторяющая в более грубом виде композицию, известную по застёжкам, найденным в Минусинской котловине и в Северном Китае (илл.197).

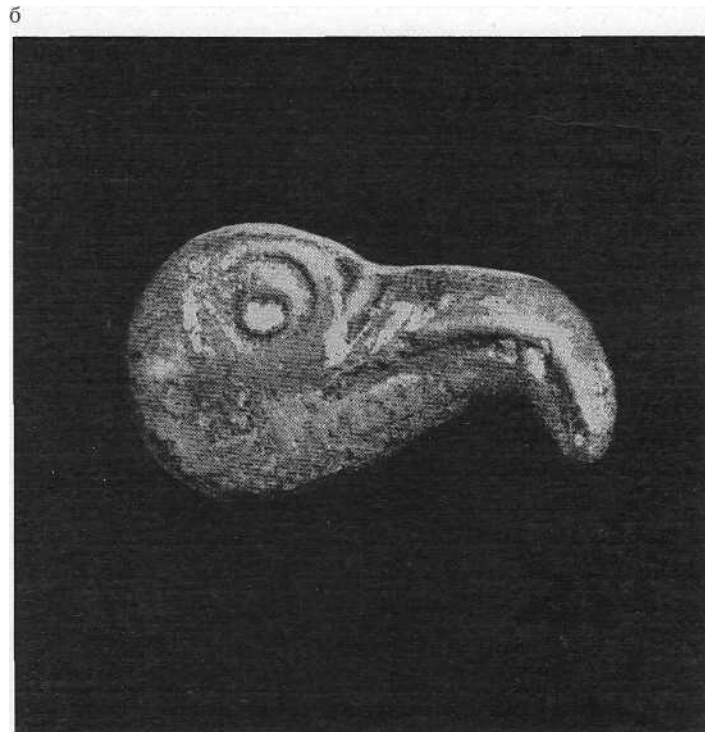
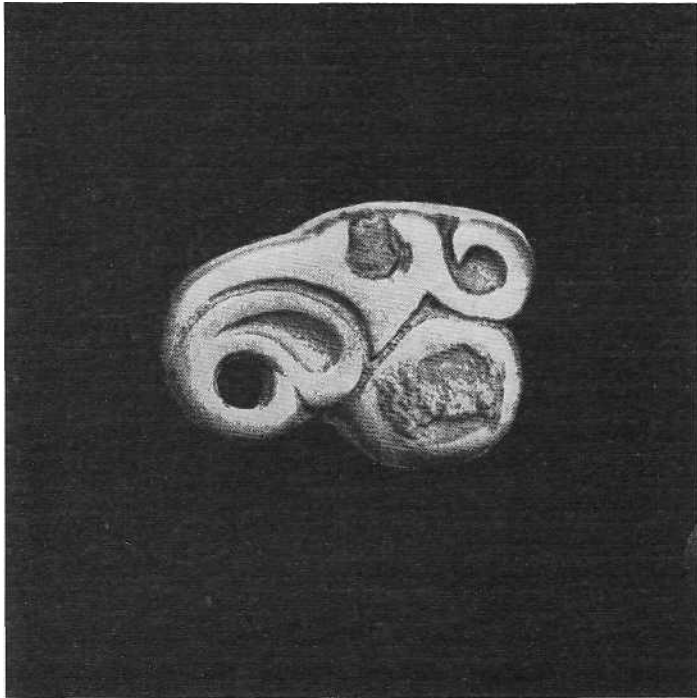
Третий могильник, находящийся в среднем течении реки Суджи, северо-восточнее Кяхты, и в местности Ильмовая падь, исследованный Ю. Д. Талько-Грынцевичем в 1896—1897 гг. и Г. П. Сосновским в 1934 г., отличается от двух других тем, что в нем могилы находятся под курганными насыпями, а также относительной многочисленностью китайских элементов в составе погребального инвентаря, чем сближается

с хуннскими курганами, раскопанными экспедицией П. К. Козлова в Северной Монголии в горах Ноин-Ула в 1924 г.

В богатых, но разграбленных Ноинулинских курганах наряду с элементами скифо-сибирской культуры, с тканями среднеазиатского и китайского происхождения и с вещами китайских типов обнаружены

172 а. 6
Бронзовые бляшки —
головы птнц.
Ордос

произведения самобытного характера, свидетельствующие о сложении самостоятельной хуннской культуры. К числу последних относятся, например, серебряные пластинки со штампованными рельефными изображениями яков и оленя в веревочкообразной рамке. На самой большой из них — круглой с ободком в виде веревочки — представлен як с повернутой в фас большой головой, стоящий над двумя рядами полукружий, означающих горы, а с боков обрамленный двумя деревьями с изгибающимися стволами, окруженными штриховкой, передающей иглы какой-то хвойной породы (*илл. 160*). На другой овальной с вогнутыми боками пластинке тот же сюжет, но с некоторыми изменениями. Здесь позади яка помещено одно хвойное дерево (*илл. 158*). На третьей пластинке — олень с тем же поворотом головы, что и яки (*илл. 159*), но без элементов ландшафта. Из всех раскопанных Ноинулинских курганов наибольшее число ценных находок дал курган № 6, один из самых больших в своей группе, а главное, с самой глубокой могилой, достигавшей 12 м. В этом

основание для датировки кургана началом I в. н. э. Так как курган, в котором найдена чашечка, заключал погребение, несомненно, очень важного лица, А. Н. Бернштам выдвинул вполне вероятное предположение, что им был глава хуннской державы шаньюй Учжулю-Жоли, умерший в 13 г. н. э.²¹

Ввиду близкого сходства других курганов ноинулинской группы с датированным курганом № 6 их все можно отнести примерно к тому же времени, то есть к концу I тысячелетия до н. э. и началу нового летосчисления, что важно для установления хронологии забайкальских памятников хуннского типа и значительной части находок в Ордосе.

В различных коллекциях мира сосредоточено большое количество бронзовых изделий, происходящих из Ордоса — области в Северном Китае, расположенной в большой излучине реки Хуанхэ севернее Великой китайской стены, на границе с монгольскими степями и пустынями. Почти все они приобретены покупкой, и поэтому условия их нахождения неизвестны, но почти не приходится сомневаться, что

большинство их добыто кладоискателями из разрытых ими древних могил, а часть найдена при сельскохозяйственных работах, как находятся подобные вещи в Минусинской степи. Такие же вещи обнаружены китайскими археологами в исследованных ими плиточных могилах²².

Ордосские бронзы разнообразны и разновременны. В их числе ножи, кинжалы, короткие мечи, секиры, крючки, цепи и застежки, бляхи личного и конского убора, подвески, булавки, наверхия, статуэтки, котлы и тому подобные предметы. Они украшены различными изображениями, среди которых имеются как фигуры целых животных, так и только их голов, как в скульптуре, так и в рельефе, притом в различных сочетаниях. Здесь представлены: козел, баран, лошадь, олень, бык, кабан, верблюд, заяц, еж, многочисленные хищники типа пантеры, тигра и волка, и птицы, преимущественно хищные с изогнутым клювом. Встречаются и чисто орнаментальные геометрические украшения.

Среди ордосских бронз есть сходные с минусинскими карасукские формы в виде головок животных на концах рукояток ножей. Образцы раннего скифо-сибирского искусства представлены преимущественно более или менее реалистическими скульптурами животных, таких, например, как лань (*илл. 161*), олень (*илл. 163*) или характерные для Минусинской степи и Алтая в VI в. до н. э. баран или козел, стоящий со сближенными ногами на наверхиях-колпачках (*илл. 162*). Кабан на рукоятке ордосского бронзового кинжала с обращенными в противоположные стороны головками грифа на перекрестье (*илл. 165*) близко сходен с фигуркой того же животного на обушке минусинского втульчатого топора. Замечательная своим живым реализмом и пластическими формами ордосская статуэтка барана с вытянутой головой, поставленная на горизонтальную пластинку (*илл. 166*), напоминает некоторые статуэтки Сибирской коллекции, связанные с иранским искусством. Рельефные изображения на ордосских бляшках аналогичны с минусинскими. Так, например, в близких повторениях минусинских форм имеются бляшки в виде свернувшегося хищника (*илл. 164*), а бляшки в форме лежащего оленя, можно сказать, копируют соответствующие минусинские произведения (*илл. 167, 168*). Немало среди ордосских бронз и других изображений, сходных со скифо-сибирскими произведениями, известными по алтайским курганам, по находкам в Минусинской котловине и в Забайкалье и по золотым вещам в Сибирской коллекции Эрмитажа. Так, например, здесь имеются бронзовые бляшки, изображающие животное с пе-

ревернутой задней частью туловища — лань с изогнутым вокруг головы телом (*илл. 169*), пантеру или тигра (*илл. 170*), рельефную голову тигра в фас (*илл. 171*), голову птицы (*илл. 172 а, б*) и многих других персонажей, более или менее близких к сибирским мотивам и формам. Близко сходны, а в ряде случаев тождественны с сибирскими довольно многочисленными в ордосских находках ажурные застежки с различными сюжетами.

Исторические данные, содержащиеся в китайских источниках — Шидзы, — Исторические записки Сыма Цяня, Цаньханьшу — История Старшей династии Хань и Хоуханьшу — История Младшей династии Хань — позволяют понять, каким образом вещи, аналогичные скифо-сибирским, появились в Северном Китае. Большое племя, известное китайцам под именем юэчжи, являлось наиболее восточной ветвью ираноязычного населения Евразии, называемого у персов — саками, а у греков — скифами. До конца III в. до н. э. юэчжи занимали не только степи Джунгарии, но и северную часть современной китайской провинции Ганьсу и Восточную Монголию до Ордоса включительно. Юэчжи находились в дружественных отношениях с наиболее сильным в то время северокитайским царством Цинь, откуда получали, в частности, те вещи, образцы которых в виде зеркал и шелковых тканей найдены в алтайских курганах. В свою очередь, китайцы царства Цинь заимствовали у юэчжей конный строй, обеспечивший им военное превосходство над другими китайскими царствами в длительной борьбе, известной под названием „Борьбы царств“, продолжавшейся около двухсот лет и закончившейся объединением всего Китая²³.

В Центральной Монголии и в Забайкалье в это время обитали хунну. Они были данниками юэчжей, но в то же время беспокоили Китай грабительскими набегами. Для защиты от них китайцы в конце III в. до н. э. построили на своей северной границе Великую стену протяжением в 4000 км и высотой до 10 м со множеством сторожевых башен. Но она не остановила хунну; именно в это время они создали прочную военную организацию, свергли владычество юэчжей, отеснили их на запад и захватили Ордос. Война между хуннами и юэчжами продолжалась до 163 г., когда юэчжи вынуждены были вовсе оставить Западный край и переселиться за Тянь-Шань в Среднюю Азию.

Эти сведения об истории юэчжей и их взаимоотношениях с хунну раскрывают условия, при которых иранская культура могла распространиться до Северного Китая и если не полностью подчинить, то оказать сильное влияние на культуру хунну, из-

вестную теперь не только по случайным находкам в Ордосской области, но и по могильникам и городищам, исследованным в Монголии и Забайкалье. Юэчжи были образцом для таких же, как они сами, восточных кочевников, через них скифо-сибирское искусство проникало не только к хунну, но и в самый Китай. В китайском искусстве находятся мотивы скифо-сибирского происхождения, в большинстве своем, однако, настолько переработанные в китайском стиле, что их скифская основа распознается с большим трудом путем ряда сопоставлений. Обратное влияние Китая в области искусства, заметное в некоторых произведениях из алтайских курганов пазырыкского типа, становится значительным только в более позднее время — в Ханьский период (II в. до н. э. — III в. н. э.).

V

Сибирское золото Поясные застёжки

Без сомнения, войлок и кожа, так же как и дерево, широко применялись в художественном творчестве скотоводческого населения Евразии. К сожалению, в большом количестве вещи из этих материалов дошли до нас только в ледяных курганах Алтая. В других областях аналогичные памятники не могли сохраниться по причинам естественного порядка. Зато искусство этих областей известно по художественным произведениям из металла, которых в алтайских курганах вследствие еще в древности произведенного систематического ограбления почти не найдено. Без учета этого обстоятельства может сложиться совершенно неправильное представление о том, будто бы на Алтае было мало металлических изделий, в то время как в других областях скифо-сибирского мира не существовало сходных с алтайскими произведений из дерева и войлока. На самом деле и те и другие одновременно и параллельно бытовали на всем протяжении скифо-сибирской культуры. Об этом свидетельствует близкое сходство и по сюжетам и по стилю металлических произведений с деревянными и войлочными изделиями из курганов Алтая. Нельзя не обратить внимания на одно на первый взгляд странное обстоятельство, а именно, что дошедшие до нас металлические художественные произ-

ведения из Западной Сибири в подавляющем большинстве сделаны из золота, тогда как искусство восточной части скифо-сибирского мира представлено почти исключительно изделиями из бронзы. Объясняется это явление, во-первых, тем, что золотые вещи из Западной Сибири представляют собой находки, сделанные кладоискателями и отобранные по признаку прежде всего своей материальной ценности. Как уже отмечалось, неразграбленных богатых курганов в западной половине Сибири и в Средней Азии, можно сказать, не сохранилось. Во всяком случае, до сих пор при научных раскопках удалось найти всего одно не тронутое грабителями богатое погребение. Во-вторых, в этой области бронза была рано вытеснена железом и поэтому не только в курганах вследствие их разграбленности, но и в случайных находках, кроме наконечников стрел, которые еще изготовлялись из этого металла, встречается сравнительно очень редко. В Восточной Сибири, точнее в Минусинском крае, наоборот, железо распространилось значительно позже, чем на западе; здесь дольше бытовала бронза как основной материал для изготовления оружия и украшений. Повидимому, здесь дольше сохранялся и более примитивный общественный строй, когда зачаточная

имущественная дифференциация еще не вызвала потребности в золоте как средстве своего выражения; здесь золото еще не стало признаком богатства и социального превосходства.

Ввиду того, что в западной половине Сибири до сих пор обнаружено только одно неразграбленное богатое погребение сакского времени, особенно большое значение приобретают происходящие из этой части страны случайные находки металлических предметов, в особенности хранящиеся в Эрмитаже большое собрание золотых вещей, известное под именем Сибирской коллекции Петра I. Она состоит более чем из двухсот пятидесяти различных предметов, найденных главным образом в курганах Западной Сибири и различными путями попавших сначала в Кунсткамеру — первый созданный Петром I русский музей, а затем уже в Эрмитаж.

Еще в XVII в. русские поселенцы Сибири занимались добыванием золота из древних могил. По сведениям голландского ученого Н. Витзена, путешествовавшего по Сибири в 60-х гг. XVII в., раскопки с этой целью производились близ Тобольска, Тюмени, Верхотурья и в других местах, а в записках англичанина Джона Белла, вместе с русским посольством проезжавшего через Сибирь в Китай в 1699 г., говорится, что каждое лето из Томска отправляются большие партии людей для раскапывания древних могил, во множестве находящихся на расстоянии восьми — десяти дней пути от этого города. В них они находят золото, серебро, медь, иногда и драгоценные камни, которые и делят между собой, „разбивая и разламывая изящные и редкие древности с тем, чтобы каждый мог получить свою долю по весу". Часть добычи отдавалась местным властям. Имеются сведения, что у красноярского воеводы Д. Зубова скопилось могильного золота на огромную по ценам того времени сумму в несколько тысяч рублей.

Некоторое число добытых таким образом золотых вещей попало в руки известного уральского заводчика А. Н. Демидова, поднесшего их императрице в 1715 г. по случаю рождения наследника. Этот подарок вызвал интерес Петра I, и он дал распоряжение сибирскому губернатору разыскивать и доставлять ему подобные вещи. Уже в следующем, 1716 г. Петру было прислано значительное количество находок. В 1718 г. Петр I издал указ, обязывающий всех, кто найдет „все, что зело старо и необыкновенно", представлять ему за соответствующее вознаграждение. В 1721 г. сибирскому губернатору было предписано скупать „куриозные вещи"

и, не переплавляя, присылать в Берг и Мануфактур Коллегии. В 1726 г. все собранные таким путем вещи, числом в двести пятьдесят штук и общим весом в 74 фунта (около 30 кг) были переданы в Кунсткамеру.

В дальнейшем Сибирская коллекция Петра I почти не пополнялась. По сведениям Д. Г. Мессершмидта, изучавшего Сибирь в 1720—1726 гг., и, в частности, занимавшегося по указу Петра I приобретением „могильного золота", „промыслом откапывания золота и серебра, находимого в могилах, впервые занялись русские, жившие на Ишиме. Оттуда они продвигались все далее и далее на восток, пока в своих поисках не дошли до Оби". Мессершмидт сообщает, что грабители „иногда находили в могилах много золотых и серебряных вещей фунтов по 5, 6, 7, состоящих из принадлежностей конской сбруи, панцирных украшений, идолов и других предметов". Однако ко времени работы в Сибири большой академической экспедиции 1733—1743 гг. промысел по разграблению древних могил, по словам начальника экспедиции Г. Ф. Миллера, прекратился, „потому что все могилы, в коих сокровища найти надежды имели, были уже разрыты". В 1764 г. „бугрование", то есть разграбление курганов, было запрещено специальным указом, но к этому времени древние могилы на Иртыше, Тоболе, Оби и Енисее были разрыты кладоискателями настолько основательно, что встретить среди них нетронутое богатое погребение практически было совершенно невозможно. В 1859 г. Сибирская коллекция золотых вещей была передана из Кунсткамеры в Эрмитаж, где она находится и в настоящее время.

Судя по приведенным данным, большинство золотых вещей Сибирской коллекции происходит из курганов, раскопанных кладоискателями в степной полосе Сибири между реками Иртышом и Обью. Ныне это восточная часть Казахстана и Кулундинская степь Алтайского края. Возможно, что в коллекцию попало и некоторое число вещей иного происхождения. Имеются глухие указания на то, что в ней находятся какие-то „астраханские" находки, то есть вещи, найденные в Поволжье.

В коллекции собраны вещи различного вида и назначения. По большей части это украшения и принадлежности одежды: шейные гривны, серьги, браслеты, перстни, пряжки, застёжки и т. п. Предметов домашнего обихода и принадлежностей конского снаряжения сравнительно мало, что косвенно указывает на то, что либо конские погребения редко встречались в разрытых кладоискателями курганах, либо что украшения конской сбруи не представляли

173
Свернувшийся зверь
на золотом
набалдашнике меча.
Зивие

для них интереса, так как были сделаны, как в алтайских курганах, не из золота, а в основном из дерева, кожи и войлока. Примечательно, что частей вооружения в коллекции вовсе нет.

Вопросы хронологии скифо-сибирского золота, несмотря на давний интерес к произведениям, находящимся в Сибирской коллекции Петра I, остаются весьма слабо разработанными, что объясняется в первую очередь малочисленностью сколько-нибудь точно датированных сравнительных материалов. Очень многие вещи Сибирской коллекции уникальны, а аналогии для других сами остаются хронологически не определенными. Опорных дат для установления времени Сибирской коллекции очень мало, ввиду чего при исследовании этого вопроса особо важное значение приобретают типологическая классификация и сравнительный стилистический анализ, хотя сами по себе и неспособные привести к точным ответам, но все же позволяющие распределить произведения этой коллекции в определенной последовательности и тем самым составить некоторое пред-

ставление о протекавших во времени изменениях. Типологическое и стилистическое изучение приводит не к абсолютной, а к относительной хронологии отдельных произведений, а при наличии упомянутых выше опорных абсолютных дат и к возможности привязки к ним тех или иных установленных типологическими и стилистическими сопоставлениями явлений и, таким образом, хотя бы к приблизительной их хронологизации.

Исследования в этом направлении ведутся давно. К блестящим догадкам Г. Е. Боровки и М. И. Ростовцева следует присоединить заключения С. В. Киселева и М. П. Грязнова, а из иностранных ученых Миннза и Сальмони¹. Особенно же значительный вклад в дело хронологического определения вещей Сибирской коллекции сделан С. И. Руденко. Ему принадлежит заслуга не только первой почти полной публикации этой коллекции, долгое время оставшейся известной только по сравнительно немногим образцам, изданным И. И. Толстым совместно с Н. П. Кондаковым (пятнадцать вещей) и Г. Е. Боровкой (девятнадцать вещей), но и хронологической классификации находящихся в ней произведений, обоснованной сопоставлениями прежде всего с находками в алтайских курганах. Далеко не со всеми хронологическими определениями С. И. Руденко можно согласиться, но они, как первый опыт такой классификации, заслуживают полного внимания и могут послужить основой для дальнейших наблюдений и уточнений.

Часть вещей Сибирской коллекции стилистически бесспорно примыкает к находкам в курганах Горного Алтая, что дает возможность, во-первых, определить их хронологию тем же или близким к этим курганам временем и в известной мере разобраться в хронологии других вещей Сибирской коллекции, а во-вторых, составить представление о золотых художественных произведениях, которые могли находиться в алтайских курганах до их разграбления. К наиболее ранним вещам в составе Сибирской коллекции относится массивная литая бляха в виде свернувшегося зверя с тремя ушками на обороте. С. И. Руденко считает ее одной из пары застежек² (илл.174). Находки этого рода блях в погребальных комплексах (курган Кулаковского в Крыму) не подтверждают это мнение, бляхи в них представлены одиночными экземплярами, но, с другой стороны, и не разъясняют их назначения. Такого типа бронзовая бляха найдена в кургане Аржан, в Туве, в конской могиле. Данный экземпляр имеет вид кошкообразного зверя типа скифской пантеры с преувеличенно удлиненными туловищем и шеей, согнутого

174
Золотая застёжка —
свернувшаяся пантера.
Сибирская коллекция

так, что морда сближается с хвостом, а лапы и хвост находятся внутри образованного им овала. Зверь трактован обобщенными формами, восходящими к технике резьбы по дереву. Кружки на концах лап, ухо и другие детали были инкрустированы эмалью или бирюзой. В целом свернувшийся хищник на сибирской золотой бляхе сходен с такого же рода изображениями, известными в комплексах Иранского Курдистана (Зивие, *илл.* 173), Причерноморья (Келермес)³, Восточного Казахстана (Чиликты) и Алтая (Майэмирская находка), датируемых не позже VI в. до н. э., и может быть отнесен к тому же времени.

Из других вещей Сибирской коллекции особенно обращают на себя внимание массивные литые пластины, по большей части парные с ажурными изображениями сцен борьбы зверей и реже отдельных животных. Их имеется четырнадцать пар. Кроме того, парная для одной из пластин со сценой борьбы волка со змеей находилась в исчезнувшем собрании Н. Витзена, составленном из находок в Сибири тогда же, когда создавалась и Петровская коллекция. У Н. Витзена были вещи, аналогичные с попавшими в собрание Петра I. Из этого следует, что вещи, добытые кладоискателями, расходились по разным рукам, и, несомненно, из выкопанных ими сокровищ только малая часть уцелела до нашего времени.

Большинство пластин имеет два или один полукруглых выступа на одной из своих длинных сторон. Это так называемые В- и Р-образные пластины. Другие четырехугольные в более или менее широкой рамке и, наконец, третьи фигурные, составленные из орнаментально расположенных изображений животных или их частей. На левой пластинке большинства этих пар с изображениями, зеркально повторяющимися друг друга, имеется крючок для застегивания, а на обороте всех пластин скобки для прикрепления к толстому ремню. С. И. Руденко считает эти пластины застежками плечевой одежды⁴, но больше оснований причислять их к принадлежностям пояса, находившимся на животе. Бронзовые пластинчатые застежки встречены в Минусинской котловине, в Забайкалье и на Ордосе. Однако золотых пластин нигде, кроме Сибирской коллекции, в их числе одной из Забайкалья, неизвестно.

Типологически В- и Р-образные застежки древнее четырехугольных в рамке, хотя те и другие в течение какого-то времени сосуществовали друг с другом. Доказывается это, во-первых, стилистическими признаками тех и других, соответствующими давно установленному общему ходу развития скифо-сибирского искусства в сторону усиления орнаменталь-

ности и схематизма, в значительно большей степени свойственных застежкам в четырехугольной рамке, нежели с полукруглым выступом, а во-вторых, наличием пластин с полукруглым выступом, обведенных узкой рамкой, представляющих соединительное звено между той и другой формой.

С. И. Руденко выделил группу застежек с изображениями, отличающимися манерой передачи шерсти животных врезанными волнистыми или зигзагообразными линиями, а перьев — налегающими одна на другую чешуйками⁵. К ней относятся застежки с полукруглым выступом: одна пара со сценой борьбы тигра с фантастическим зверем с волчьей мордой, вдоль спины которого тянется рог, составленный из грифонных головок (*илл.* 178), и другая с более сложной композицией борьбы животных — тигра, волка и грифа — из-за добычи в виде фантастического зверя с клювовидной мордой и копытами на ногах (*илл.* 175). Фигуры тигров на пластинах этих застежек с их большой головой, когтистыми лапами и длинным хвостом с загибающимся кончиком, с их разделкой шерсти волнистыми линиями близко сходны с трактовкой тех же животных на колоде-саркофаге второго Башадарского кургана на Алтае (*илл.* 177), который, по данным радиоуглеродного анализа, относится к VI—V в. до н. э. (от 650 до 390 г.).

Теми же чертами характеризуется и ряд других застежек Сибирской коллекции. На паре их представлен гриф, терзающий яка, его висящая шерсть трактована так же, как шкура тигра на предшествующих образцах (*илл.* 176). Лохматой шерстью покрыто и тело маленького хищника на этой застежке, вцепившегося в хвост птицы. Следует обратить внимание на положение крыльев у грифа. В данном случае они правильно размещены одно позади другого на теле птицы и этим существенно отличаются от сбитого рисунка крыльев в ранее указанной сцене борьбы грифа с тигром и волком за добычу, где одно из крыльев вырастает из головы птицы.

Сюда же относятся застежки меньшей величины со сценой нападения покрытого волнистой шерстью тигра на верблюда (*илл.* 179). Завершающее край этих застежек полукружие представляет собой схематическое изображение дерева со стволом, ветками и листьями. Кроме того, эти застежки отличаются грубыми, не детализированными формами.

Сравнивая перечисленные застежки между собой, не трудно заметить, что, хотя трактовкой шерсти волнистыми линиями они и сближаются друг с другом, по ряду других признаков между ними наблюдаются существенные различия. Ввиду этого они не могут быть одновременными.

175
Золотая застёжка —
схватка тигра, волка
и грифа из-за добычи.
Сибирская коллекция

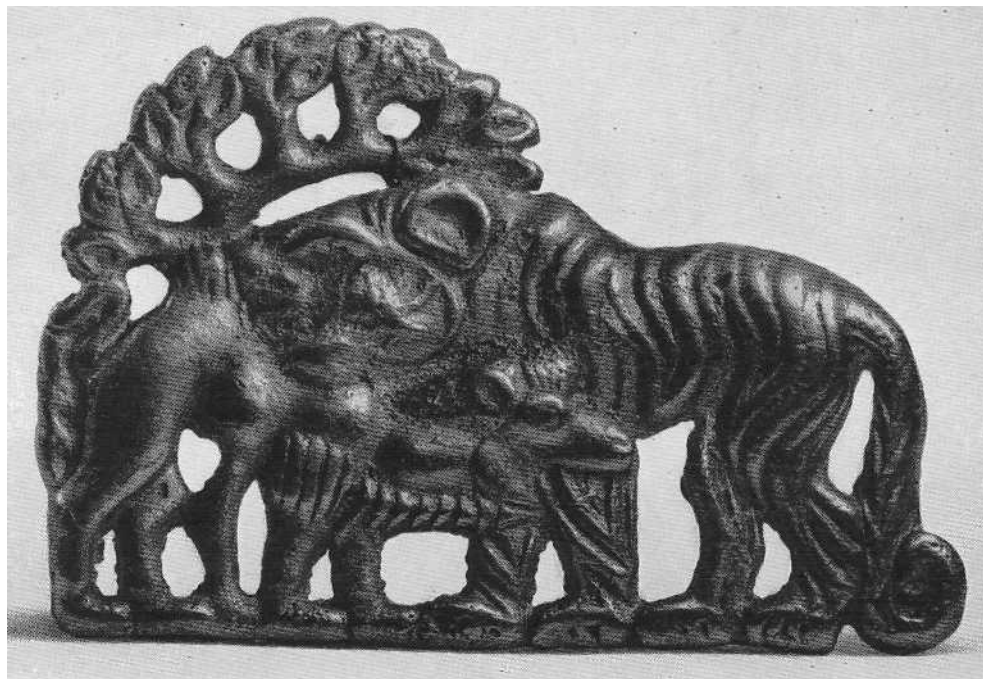
176
Золотая застежка
со сценой нападения
грифа на яка.
Сибирская коллекция

177
Резное изображение тигра
на саркофаге. Деталь.
Башадар, второй курган

178
Золотая застёжка
с изображением борьбы
тигра с фантастическим зверем.
Сибирская коллекция

179
Золотая застёжка
со сценой нападения
тигра на верблюда.
Сибирская коллекция

Другим признаком раннего времени сибирских золотых вещей, а в их числе и ажурных застежек, С. И. Руденко считает „точки, запяты, полуподковки" и прочие геометрические фигуры, помещаемые на бедре и плече животных⁶. Примером изображений с такого рода условными фигурами может служить пара золотых застежек с полукруглым выступом, представляющих сцену нападения фантастического львиного грифона на павшую на согнутые передние ноги лошадь (*илл. 180*). Оба животных здесь гладкошерстные, с перевернутой задней частью туловища. На плече у лошади кружок с криволинейным треугольником, а на бедре так же, как и на бедре грифона, похожий кружок с двумя криволинейными треугольниками по сторонам. Эти фигуры на теле животных представляют собой углубления для цветных инкрустаций, обведенные прочерченными ободками.

На сибирских золотых застежках такие условные фигуры встречаются еще только в одном случае, а именно на паре застежек, где изображен тигр, напавший на лошадь, на плече которой и помещен кружок с двумя треугольниками (*илл. 182*).

Условные геометрические фигуры для обозначения выпуклостей на теле животных встречаются в ахеменидско-персидском искусстве V—IV вв. и хорошо представлены ювелирными изделиями Аму-Дарьинского клада (*илл. 181*).

Особенно же часто они применялись в аппликациях из войлока, кожи и других материалов, на разнообразных вещах из алтайских курганов, где в этой технике выполнены многочисленные композиции борьбы зверей, сходные с изображениями на сибирских золотых застежках (*илл. 292, 293*).

Сближение сибирских золотых застежек с алтайскими мотивами может быть подкреплено сравнением грифона, напавшего на лошадь, в композиции на паре застежек из этой коллекции с многочисленными изображениями того же фантастического животного в разнообразных памятниках Алтая. С учетом различий в материале и технике он связывается с близко сходным грифоном, представленным конской маской, аппликациями на седельных покрывках, изображениями на шейной гривне, а также на серебряных и медных пластинках из второго Пазырыкского кургана, датируемого IV в. до н. э. Есть все основания относить и золотые застежки с композицией борьбы грифона с лошастью к тому же, в общем, периоду.

Вероятно, более поздним, но не слишком отдаленным от этого времени следует датировать пару золотых застежек со сходным сюжетом, в котором грифон заменен полосатым тигром. Она отличается

грубостью, сухостью и даже некоторым схематизмом в исполнении, что С. И. Руденко относит за счет квалификации мастера⁷, а на наш взгляд, свидетельствует и не только об этом. Дело в том, что застежки с этим изображением, сохраняя полукруглый выступ, обведены узенькой рамкой, позволяющей рассматривать их как звено в типологическом ряду, соединяющее застежки с полукруглым выступом с застежками в виде продолговатого четырехугольника с рамкой, относящимися к более позднему времени.

Связь между застежками той и другой формы, то есть с полукруглым выступом и в четырехугольной рамке, особенно отчетливо выступает на примере трех пар предметов этого рода с одним и тем же сюжетом. На них представлена борьба волка с обвившейся вокруг него змеей. Однако решение этого сюжета на всех трех парах застежек разное. Композиция на пластинах с полукруглым выступом (*илл. 183*), одна из которых находилась в коллекции Витзена⁸, очень динамичная. Вздымающиеся полукругом петли, образованные телом змеи, и напряженная фигура придавленного ею зверя весьма выразительны и реалистичны. Как и в других случаях, у застежек с полукруглым выступом немалую роль в передаче движения играет асимметричность композиции. Особо следует обратить внимание на разбросанные по телу зверя семечкообразные, луновидные и треугольные инкрустации, по форме и по местоположению немало напоминающие те условные геометрические фигуры, которые помещены на плече и бедре у лошади в сценах терзания ее грифоном или тигром. Такие вставки характерны не для ранних, а для позднейших произведений скифо-сибирского инкрустационного стиля.

У застежек с тем же сюжетом, но заключенном в четырехугольную рамку в одном случае тело зверя совершенно гладкое (*илл. 186*), а в другом с треугольной вставкой для инкрустации на конце грани, очерчивающей его плечо и, по всей вероятности, намечающей край гривы (*илл. 187*). Пары треугольных ячеек для инкрустаций имеются здесь также по углам и посередине длинных сторон довольно широкой рамки. Замкнутые рамками композиции этих застежек не столь динамичны, как на пластинах с полукруглым выступом; здесь движение, переданное проходящими вдоль всей композиции изгибами змей, более ритмичное и спокойное. У последней пары застежек оно к тому же прерывается тем, что верхняя часть изгибов змеи срезана рамкой. Трактовка образов у них графичнее и суше, чем у застежек с полукруглым выступом, хотя звери

199
Золотая застёжка
со сценой терзания лошади
диавоном грифоном.
Сибирская коллекция

181
Золотая круглая бляха
с изображением грифона.
Аму Дарьинский клад

изображены с выработанной мускулатурой и преувеличенными лапами.

Более сложного содержания изображение на паре четырехугольных застёжек с рамками, представляющее нападение двух фантастических зверей на тигра (илл. 188). В отличие от этих зверей, у которых ячейки для инкрустаций имеются только на ушах, когтях и на перьях крыла одного из них, тело тигра почти сплошь покрыто такими ячейками. Ими обозначены не только уши, когти и глаза, но и ребра, ими заполнены плечо и бедро зверя, но вовсе не так, как это характерно в случаях применения для этой цели кружков, скобок, треугольников и прочих геометрических фигур. Здесь узкие, длинные, изгибающиеся вставки означают не выпуклости на теле, а, скорее всего, покрывающую его шерсть взамен волнистых линий у рассмотренных выше изображений этого животного. По форме и расположению они похожи на инкрустации на теле зверя, борющегося со змеей, на застёжке с полукруглым выступом. Лапы животных отличаются особенно большими раз-

мерами и так же, как в сцене схватки тигра с грифоном, заканчиваются инкрустированными когтями.

С. И. Руденко обратил внимание на различия в формах носа, уха и когтей у волков, изображенных на различных предметах Сибирской коллекции⁹, но не распространил свои наблюдения на те же детали у других животных в тех же произведениях. А между тем формы такого рода деталей могут быть использованы в качестве отправного пункта для важных заключений.

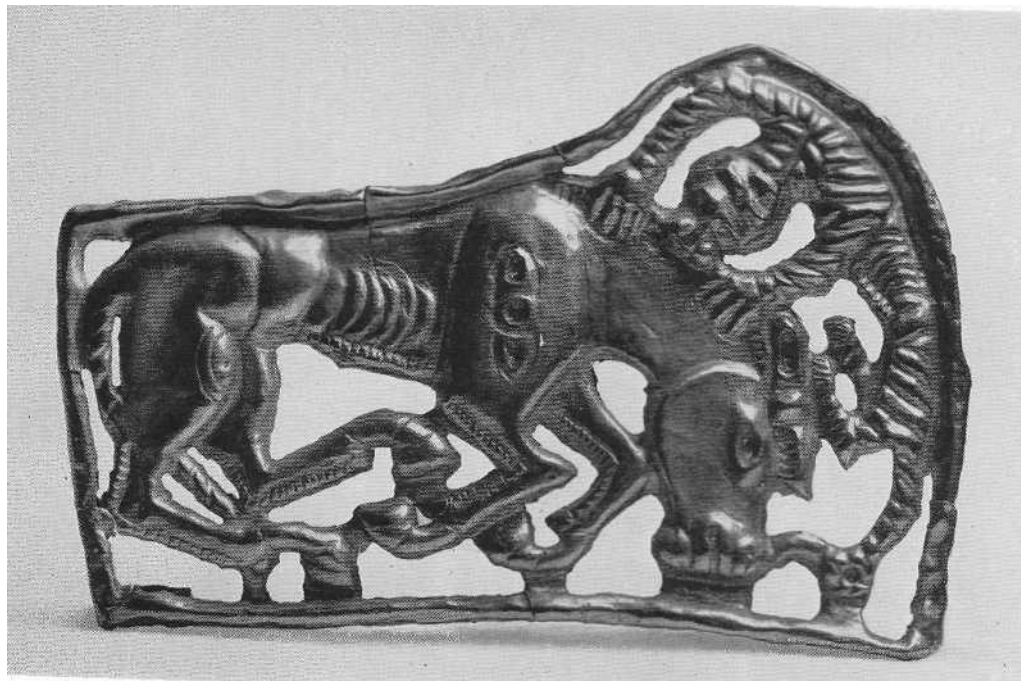
В сцене терзания лошади грифоном на застёжках, уже выделенных в число ранних образцов сибирских произведений, обращает на себя внимание необычная форма уха у обоих персонажей — длинного, острого, с кружком в основании. Такое ухо мы видим у лошади и на застёжках со сходным сюжетом, где грифон заменен тигром. Это ухо восходит к приставному уху на ножке, которое припаивается к голове животных в скульптурных и рельефных изображениях, таких, например, как грифон на ахеменидской гривне, гриф с козлом в когтях или статуэтки на подставках в Сибирской коллекции. Такого рода уши у многих произведений Аму-Дарьинского клада, они же представлены в таких ранних памятниках, как костромской олень¹⁰ или бляшка из Чиликты.

Другую форму уха — широкого сердцевидного, с завитком в основании — мы видим у животных в сцене борьбы грифа с яком. Она ближе всего стоит к ушам у деревянных резных изображений из алтайских курганов, относящихся к V—IV вв., и может, как и ухо на ножке, свидетельствовать о соответственно раннем времени золотых застёжек с такими изображениями ушей.

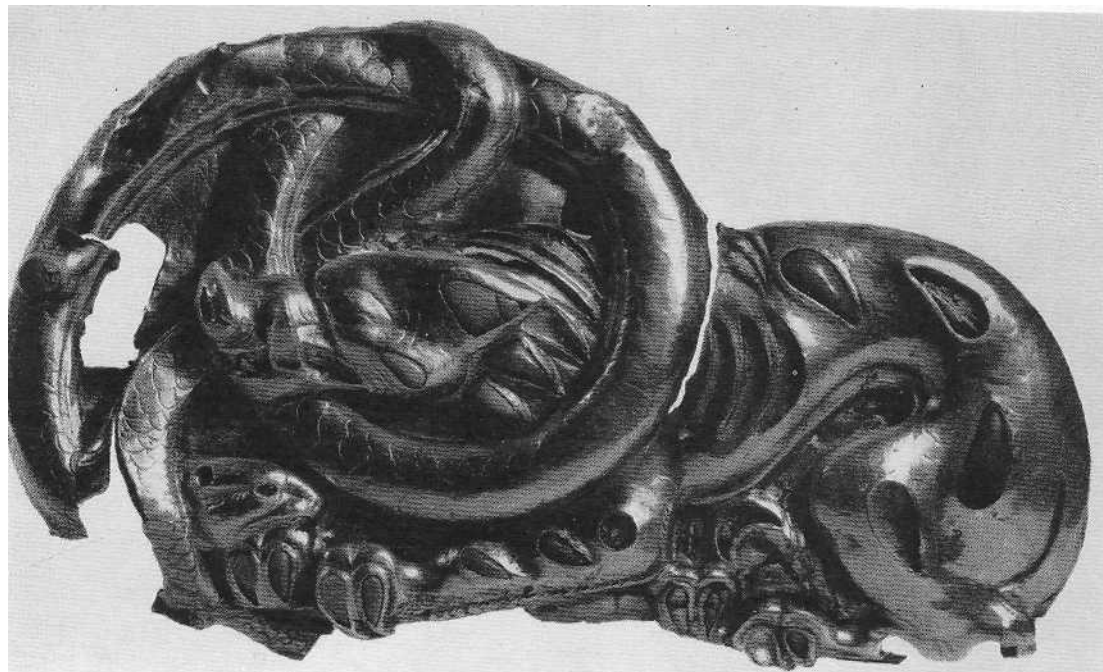
У некоторых зверей на застёжках изображается ухо с изогнутым верхним концом. Такое ухо у грифа и волка в сцене борьбы их с тигром за добычу и у фантастического зверя в схватке с тигром. Тигр в этих композициях представлен с ухом в форме полукруга. Полукруглое ухо и у тигров в сценах борьбы с верблюдом или с двумя фантастическими животными. Таким образом, уши с изгибающимся верхним концом и полукруглые встречаются как вместе, так и отдельно, объединяя наибольшее число застёжек как с полукруглым выступом, так и с четырехугольной рамкой в одну группу. Особую группу составляют застёжки со сценами борьбы волка со змеей, где для волка характерно треугольное ухо.

При рассмотрении трудного вопроса об абсолютной хронологии пластинчатых застёжек Сибирской коллекции следует учесть, что в алтайских курганах совсем нет изображений животных с полукруглыми

182
Золотая застёжка
со сценой нападения
игра на лошадь.
Сибирская коллекция.

183
Золотая застёжка
со сценой борьбы волка
со змеей.
Сибирская коллекция

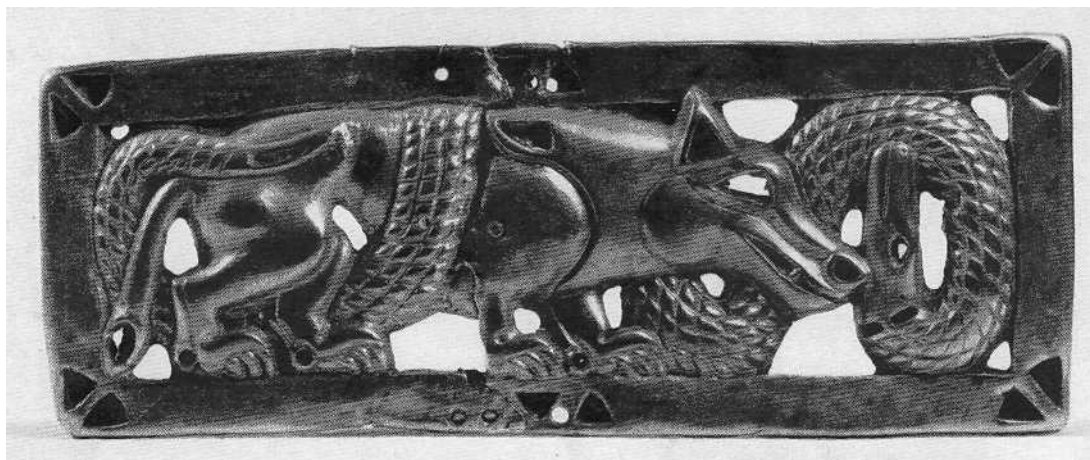
184—185
Пара золотых застежек
со сценой охоты в лесу.
Сибирская коллекция

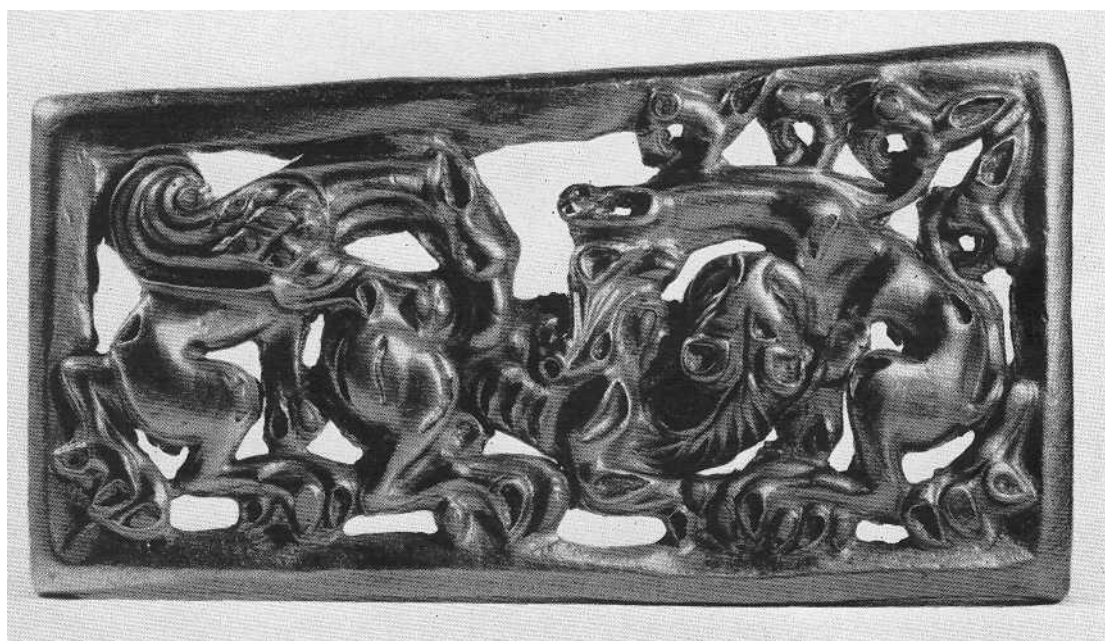

186
Золотая
четырёхугольная застёжка
со сценой схватки волка
со змеей.
Сибирская коллекция

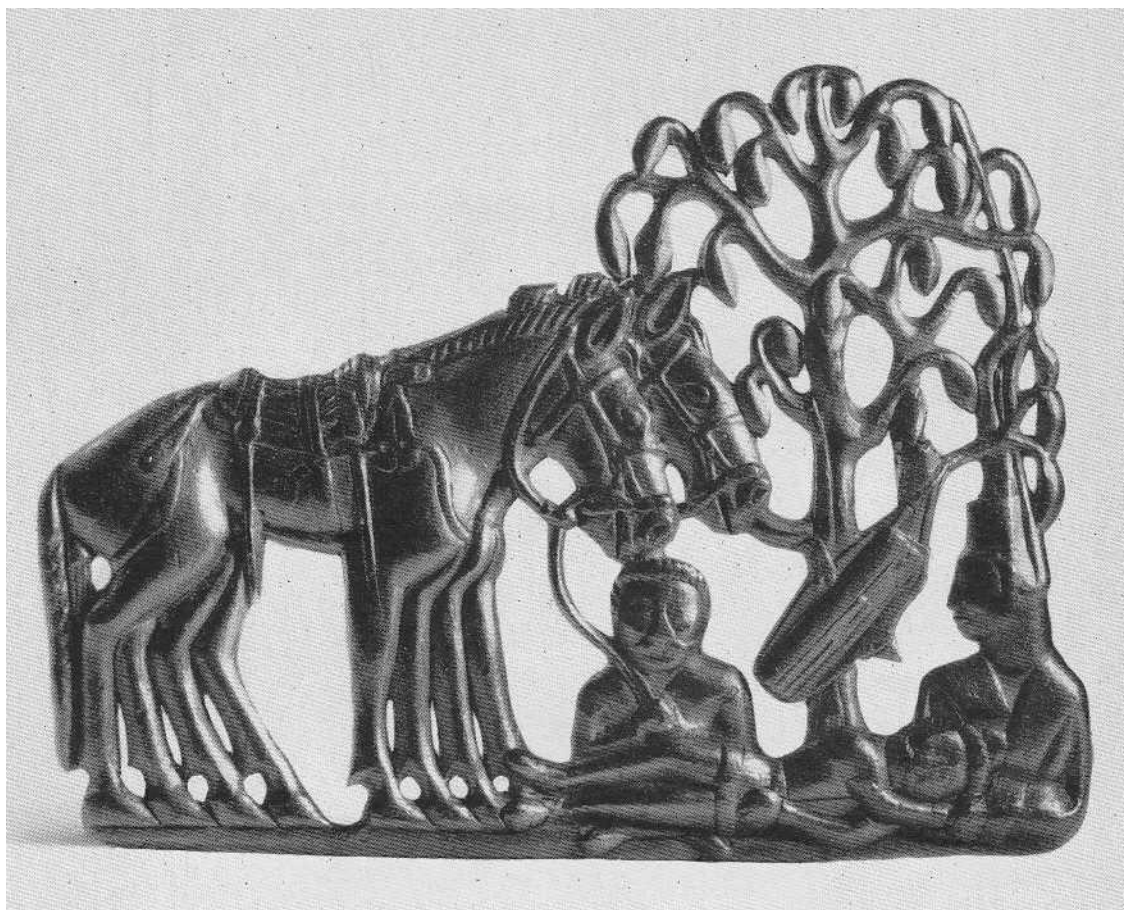
187
Золотая застёжка
со сценой борьбы волка
со змеей.
Сибирская коллекция

188
Золотая застёжка
со сценой борьбы двух
фантастических зверей
с тигром.
Сибирская коллекция

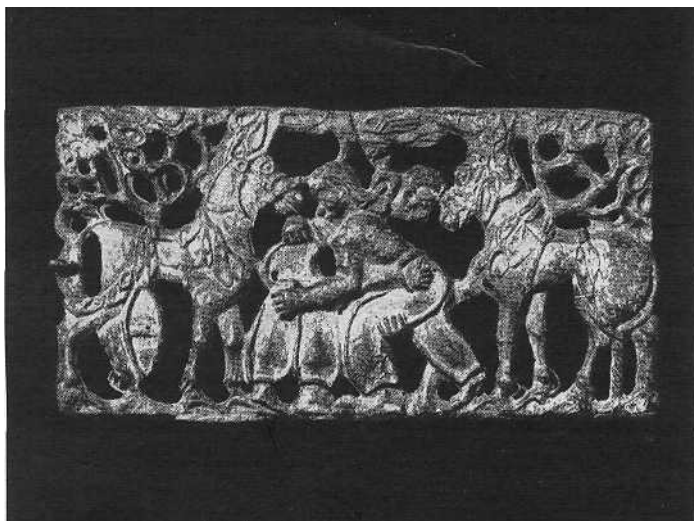

189-190
Пара золотых застежек
со сценой отдыха в пути.
Сибирская коллекция

191
Бронзовая застежка
со сценой единоборства
богатырей.
Ордоc

и треугольными ушами, как не встречается и ушей с загнутым верхним концом. Среди них нет также волков с закрученным сверху носом, за исключением одного из коллекции Погодина, и зверей, не то волков, не то медведей с мордой кабана, хотя аналогии для многих других животных и их деталей, представленных в Сибирской коллекции, в алтайских курганах встречаем в изобилии. Из этого следует, что современными с алтайскими курганами могут быть только Р-образные застежки со сценами терзания лошади грифоном и нападения грифа на яка.

Последнюю из этих застежек уже Грисмайер, хотя и с оговорками, отнес к середине I тысячелетия до н. э.¹¹. Все остальные, за исключением застежек со сценами отдыха в пути и охоты в лесу, о которых будет сказано особо, должны датироваться временем после алтайских курганов, то есть не раньше III в. до н. э.

Основываясь на форме несомненно наиболее ранних застежек со схваткой грифона с лошастью и грифа

с яком, застежки с полукруглым выступом без рамки можно считать исходной формой этого рода произведений. Единственная пара застежек в гладкой четырехугольной рамке с теми же персонажами, которые изображаются на Р-образных застежках, представляет их в существенно измененном виде. Так тигр на этих застежках утратил один из основных своих признаков — лохматую шерсть, переданную волнистыми линиями, замененными здесь узкими, удлиненными ячейками инкрустаций. Напавший на него фантастический зверь соответствует грифону в схватке с тигром на паре застежек с полукруглым выступом, но он представлен в искаженном виде, в частности, с вывернутой лапой вместо естественно отставленной в сторону ноги своего протооригинала и так же, как у других зверей в одной с ними композиции, с преувеличенными когтями на лапах. Крылатый орлиный грифон в этой сцене во многом повторяет львиного грифона в борьбе с лошастью, но и в его трактовке допущены существенные изменения, в особенности в форме и разделке крыльев и лап. С другой стороны, черты вырождения и деформации можно заметить и в изображениях на ряде Р-образных застежек. Так, в сцене схватки хищников из-за добычи у того же грифа, что и в композиции борьбы его с яком, тело оказывается неестественно сокращенным, а крылья смещенными в сторону так, что одно из них вырастает прямо из головы птицы. Сухие, схематизированные формы и сбитый рисунок в сцене нападения тигра на лошадь существенно отличаются от сочных, реалистических приемов моделировки животных на сходной по сюжету композиции с изображением терзания лошади грифоном. Эти произведения, как уже было замечено, отличаются друг от друга не только мастерством исполнения, но и стилем, а рамка, обводящая композицию с нападением тигра на лошадь, подчеркивает связь его не только с ранними Р-образными застежками, но еще более с застежками с четырехугольной рамкой.

Если исходить из предложенной выше типологической расстановки застежек, то из застежек с изображениями схватки волка со змеей наиболее ранними должны считаться завершенные полукруглым выступом, а заключенные в четырехугольную рамку должны относиться к числу позднейших. Однако, судя по трактовке фигуры зверя на Р-образных застежках такого же рода инкрустациями, как у тигра в сцене борьбы с двумя фантастическими животными на застежке в прямоугольной рамке, различие во времени в данном случае не могло быть значительным, если оно вообще было.

Для суждения о стиле и хронологии застёжек очень важно уяснить технику их изготовления. Она была очень простая: по деревянному или металлическому оригиналу путем оттиска его в глине делалась матрица, затем заполнявшаяся воском. Излишки его до нужной толщины изделия отжимались через наложенную сверху тряпку, отпечатки которой часто сохраняются на оборотной стороне отливки. Поверх воска опять накладывалась глина, после чего воск выплавлялся, а в полученную таким образом обожженную глиняную форму заливался расплавленный металл. В заключение вынутое из нее изделие обрабатывалось резцом или штихелем, украшалось по готовым ячейкам цветными вставками и снабжалось напаянными на обороте скобками или петлями. Ввиду усушки матрицы при обжиге, отлитый в ней предмет всегда получался несколько меньше оригинала.

При такой технике изготовления застёжки с одним и тем же сюжетом могли многократно повторяться в течение длительного времени путем отливки одного экземпляра по оттиску с другого. При этом в результате повторений изображения грубели, теряли свою первоначальную четкость, дополнялись и изменялись поправками, сделанными резцом, затем переносившимися на новые воспроизведения. Копии делались и непосредственно из воска. Позднейшие копии могли поэтому отстоять по времени далеко от первоначальных произведений и заключить в себе существенные изменения стилистического порядка, и нет ничего удивительного в том, что Р-образные застёжки, типологически более ранние, чем застёжки с четырехугольной рамкой, воспроизводились и бытовали наряду с последними.

Насколько высоко ценились даже бронзовые пластинчатые застёжки, можно составить некоторое представление по экземпляру, найденному в 1965 г. в Тувинской республике. Там в погребении, относящемся к хуннскому времени, оказалась одна правая половина Р-образной застёжки со сценой схватки грифа с волком, аналогичная застёжке из Ордоса, изданной Сальмони¹². Это застёжка с огрубевшим и сильно стертým в результате многократных механических повторений рисунком, очень далекая от оригинала. По-видимому, левая половина ее была утрачена, а сохранившаяся оказалась переломленной по задней части туловища волка, но скрепленной посредством дырочек, просверленных по краям перелома. Так как пластина к тому же была очень тонкой, владелец во избежание дальнейших повреждений вырезал для нее деревянную подкладку с обходящими ее по контуру бортиками, в которую и

вставил бронзовую пластину, как в рамку. Для использования этой пластины в качестве поясной застёжки к ее деревянной основе были прикреплены кожаные ремни. К сожалению, хронология погребения с этой застёжкой точно не определена. Оно было опущено в курган пазырыкского типа и не может быть ранее последних столетий до н. э.

Специального внимания заслуживают застёжки Сибирской коллекции с изображениями людей и деревьев. Их две пары, и обе относятся к типологически ранней группе с полукруглым выступом; на одной из них таких выступов не один, а два.

На этой паре застёжек (илл. 184—185) на фоне леса, состоящего из изогнутых стволов и ветвей с листьями, образующих два полукруглых выступа у верхнего края пластины, замкнутой с узкой стороны каменистой скалой, изображен охотник на лошади, мчащийся в летучем галопе, то есть с вытянутыми в противоположные стороны передними и задними ногами. Он стреляет из туго натянутого лука оперенной стрелой в бегущего тем же аллюром перед лошадью кабана с могучими клыками и развевающейся щетиной на голове. Перед кабаном представлена вздыбленная лошадь с перекрученной шеей и повернутой назад головой. Эта лошадь с согнутыми ногами повержена страшным зверем на землю и помещена в композиции вертикально потому, что для иного размещения ее не было места. Всадник успел соскочить с этой лошади и забраться на дерево; стоя на его ветке, он одной рукой с надетым на нее луком держится за другую ветку, а второй рукой тянет лошадь за повод, что и заставило ее естественно изогнуть шею. С противоположного края этой сцены изображен козел, карабкающийся на гору и прячущийся среди деревьев. У него повернутая назад голова, изогнутый рог, борода и открытый рот с высунутым языком. Козел явно испуган и спасается от охотников. Сцена представлена очень динамично, с рядом подробностей и реалистических деталей.

Правая и левая пластины этих застёжек имеют некоторые различия между собой. В соответствии с их положением персонажи композиции представлены на них с разных сторон. Так, у всадника, стреляющего из лука, на правой пластине изображена левая сторона, а на левой соответственно правая. Туловище его слева показано в три четверти спереди, а справа — со спины; его правая рука, натягивающая тетиву, в одном случае закрыта его же головой, тогда как левая, держащая лук, видна на всю длину; в другом случае закрытой головой лошади оказывается его левая рука. У человека на дереве

Соровища
саков

144

192 а, б, в, г
Золотая оковка
со сценой возвращения
воинов из набега
(увеличено).
Сибирская коллекция

различия еще более значительны. На левой пластине он держится за ветку левой рукой, а правой натягивает повод, на правой пластине наоборот — повод в левой руке, а в правой, уже без надетого на нее лука, ветка. Но что особенно важно, у персонажей, изображенных на разных пластинах с разных сторон, видны различные детали одежды и висящее на поясе оружие.

У охотников непокрытые головы с зачесанными назад сравнительно короткими волосами и длинные усы без бороды. Причерноморские скифы в греческих изображениях или бородатые, или вовсе без растительности на лице, но в местной скульптуре („каменных бабах“) они, как правило, безбородые, с висящими усами. Охотники на сибирских пластинах одеты в куртки с широкой каймой вдоль борта и по подолу, с вырезом или сердцевидной накладкой у ворота позади. Узкие рукава схвачены у запястья манжетами. У охотников узкие штаны и мягкие сапоги с довольно высокими голенищами. У каждого справа к туго затянутому поясу подвешен на специальных ремнях колчан в виде длинной коробки, соединенный с находящимся позади ее особым, кажется, мягким футляром для лука. По своей форме и устройству этот колчан отличается от скифского горита и приближается к колчанам сарматского времени, известным по керченским рельефам. Однако небольшой сложный лук сигмаобразной формы не отличается от обычного скифского лука. У всадника на коне на поясе слева висит меч в ножнах, снабженный длинной рукояткой с брусчатым навершием и прямым перекрестьем с закругленными концами. Характерной для ножен скифского акинака боковой лопасти для подвешивания у него нет, способ ношения его, как заметил Гинтерс, сарматский¹³. Что же касается формы меча, то, поскольку можно судить по изображению, он относится к той группе сарматских мечей, которая представляет переход от меча с брусковидным навершием и бабочкообразным перекрестьем к мечу с таким же навершием, но с прямым или дуговидным перекрестьем и датируется IV—III вв. до н. э.

Не менее детально изображены принадлежности конского снаряжения. Кони с подстриженной гривой, с пучком волос — челкой между ушами и подвязанным узлом хвостом. Перекрестья уздечных ремней у лошади под всадником украшены круглыми бляхами, по сторонам ее головы от ушей свешиваются кисти. Удила с двудырчатыми псалиями соединены с уздой раздвоенными ремнями. Мягкое седло с передней и задней луками хорошо видно на вздыбленной лошади без седока; оно укреплено на спине коня

подпругой, нагрудными и подхвостным ремнями украшенными бляхами и подвесками. Стремян нет, всадник плотно обхватывал бока лошади согнутыми ногами.

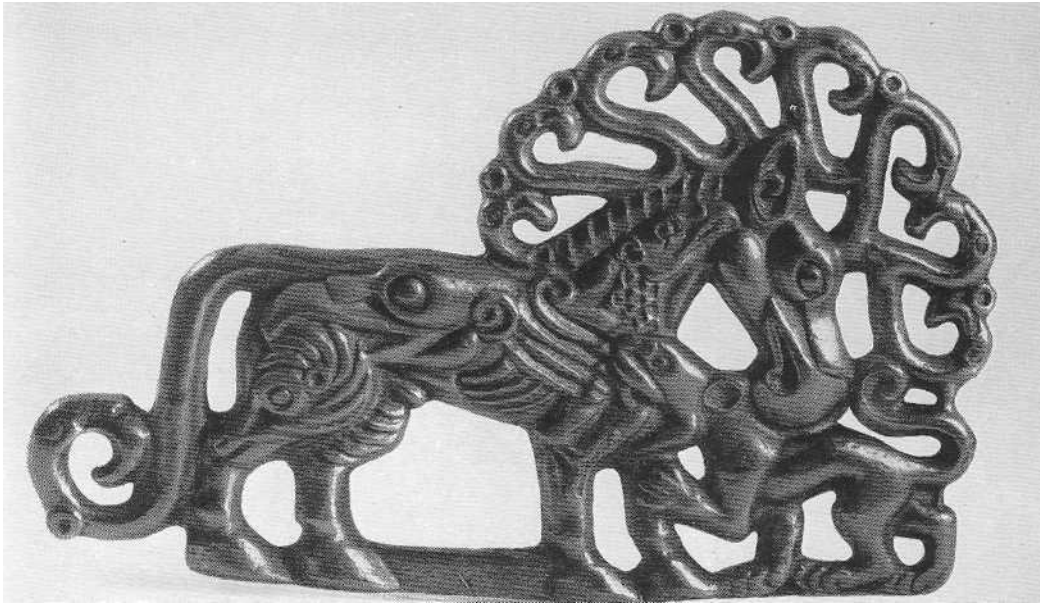
Пластины усыпаны многочисленными цветными вставками. Особенно много инкрустаций из бирюзы на фигурах людей и на лошадиной сбруе. Ими выделены различные части одежды, причем вставки сделаны по форме соответствующей детали. Бирюзой же обозначено туловище козла, листья на деревьях и отдельные камни на скале. В глаза людей и животных часто вставлено черное стекло или камень.

Не менее интересно содержание изображений на второй паре застезек (илл. 189—190). Здесь представлено высокое дерево с ветвями, заканчивающимися опущенными листьями. Под ним расположилась на отдых группа людей, состоящая из двух мужчин и одной женщины. С ними пара оседланных лошадей, из чего можно заключить, что на одной лошади ехали два человека, должно быть, мужчин; с женщиной. Мужчина и женщина сидят с поджатыми ногами по сторонам дерева, а на их коленях вытянувшись во весь рост, лежит второй мужчина. Одна его рука подложена под голову, а другая протянута вдоль туловища. Он, по-видимому, спит, хотя и изображен с открытыми глазами. В руке, сидящего мужчины повод от пары лошадей, завершающих группу отдыхающих с одной стороны. На нижнем сучке дерева висит колчан, соединенный с футляром с вложенным в него луком.

Таково несложное содержание сцены, по всей вероятности так же, как и композиция с драматическою охотой в лесу на другой паре пластин, представляющей эпизод какого-то популярного сказания. Героем, сопровождаемым другом или слугой, возлюбленной, о схватке его с преследователями и наконец, о благополучном спасении и отдыхе приютившем их лесу. Утомленный битвой герой снял оружие и спит на коленях возлюбленной, она и их спутник — мужчина берегут его покой, готовые в любой момент вновь вскочить на стоящих наготове оседланных коней. Возможны и другие истолкования этой сцены, к сожалению, столь же произвольные, как и изложенное, поскольку они не подкреплены соответствующими литературными памятниками, следы которых, кстати сказать, нужно искать прежде всего в ираноязычном эпосе, а не в сказаниях тюркских народов. Историк при дворе Александра Македонского Харит Митиленски в передаче позднейшего античного автора Афине

"- тотая застёжка
- сценой нападения тигра
фантастическое животное.
ернеудинск
онрсктя коллекция

Золотая застёжка —
кит с древовидными рогами.
чонрская коллекция

195
Бронзовая застежка
со сценой нападения волка
на фантастическое животное.
Ордос

сохранил содержание пользовавшегося большой популярностью иранского эпического романа о Зариадре и Одатиде, в котором повествовалось о том, как брат мидийского царя Гистаспа Зариандр, переодевшись скифом, похитил полюбившуюся ему дочь царя неких живших за Танаисом (Сыр-Дарьей) марафов. Картины с изображениями сцен из этого романа помещались, по словам этого автора, в храмах и домах¹⁴.

У изображений на застежке имеется ряд любопытных деталей. Женщина, замыкающая композицию с одной стороны, изображена с головой в профиль, но с развернутым в фас туловищем. На ней оригинальный головной убор в виде цилиндрической шапочки, над которой сзади поднимается коса, прикрепленная к специальному стержню. Подобный головной убор найден в пятом Пазырыкском кургане и, по-видимому, был распространен не только у алтайских племен. Нижняя часть фигуры женщины, так же как и сидящего мужчины, представлена очень обобщенно и в неестественно укорочен-

ном виде, поэтому судить об ее плечевой одежде трудно. Тем не менее можно рассмотреть, что она одета в род халата с широкими отворотами у ворота и, вероятно, с пустыми декоративными рукавами. Такая одежда была найдена в Катандинском кургане и известна по изображениям в Причерноморской Скифии и в Ахеменидском Иране. У мужчин короткие, разделенные прядями волосы, круглые лица, большие носы и длинные усы без бороды. Они одеты так же, как и персонажи в сцене охоты, — в куртки, борт, полы и рукава которых обшить широкими каймами или оторочками; на тонкой талии широкий пояс.

С не меньшими подробностями изображены лошади. У них массивная голова, подстриженная грива с свешивающейся на лоб челкой и пучком волос, возвышающимся над шеей, заплетенный длинной прядью хвост. Уздечка с оголовьем, чумбуром и с прямыми двудырчатыми псалиями, о чем свидетельствует раздваивающийся ремень, которым они соединены с другими частями уздечки. Седло состоит из потника, поверх которого наложен ряд I поперечными ремнями, а посередине перехваченных I подпругой. Кроме того, седло закреплено нагруд- I ным и подхвостным ремнями. От концов седла по I бокам лошади свешиваются длинные ремни для I тороков.

В отличие от богато украшенной сбруи на лошадей I охотников предшествующей сцены на сбруе лошадей I отдыхающих путников никаких украшений нет. Что I касается висящего на дереве колчана с налучьем I то он такой же, как в сцене охоты.

Заслуживает внимания представленная в данной I композиции попытка передачи трехмерного прост- I ранства. Как и в других случаях, фигуры, хотя ; I расположены частично одна за другой, развер- I тываются в одной плоскости. Однако у лежащего I мужчины одна нога повернута носком вперед, т I есть дана в ракурсе. В других случаях нечто по- I добное наблюдается только в изображениях живот- I ных с повернутой в фас головой.

Особенностью пластин со сценой отдыха в пути яв- I ляется также полное отсутствие инкрустаций. Даже I листья, в других случаях превращенные в ячейки I для вставок, здесь без соответствующих выемок I Пригодными для вставок ячейками оформлены только I уши у лошадей, но и они, видимо, оставались без- I инкрустаций.

Несмотря на то, что по содержанию композиция I с изображениями людей существенно различается I между собой прежде всего тем, что одна из ни

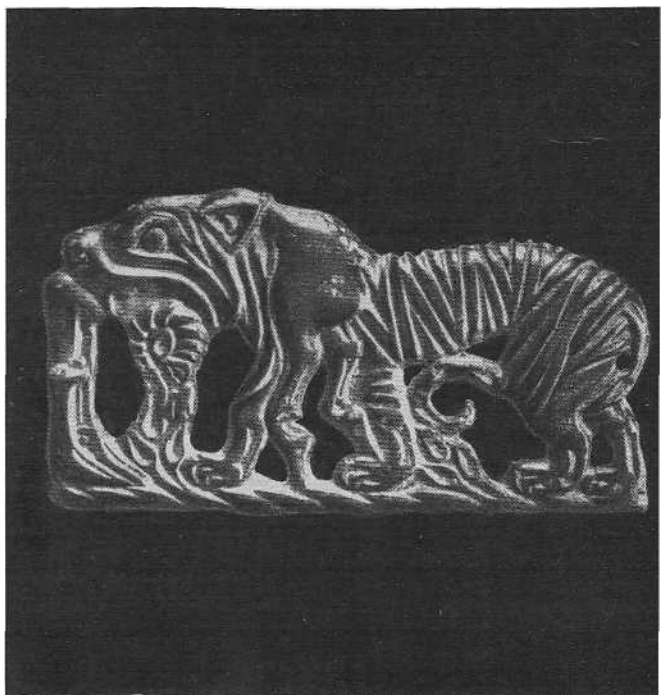
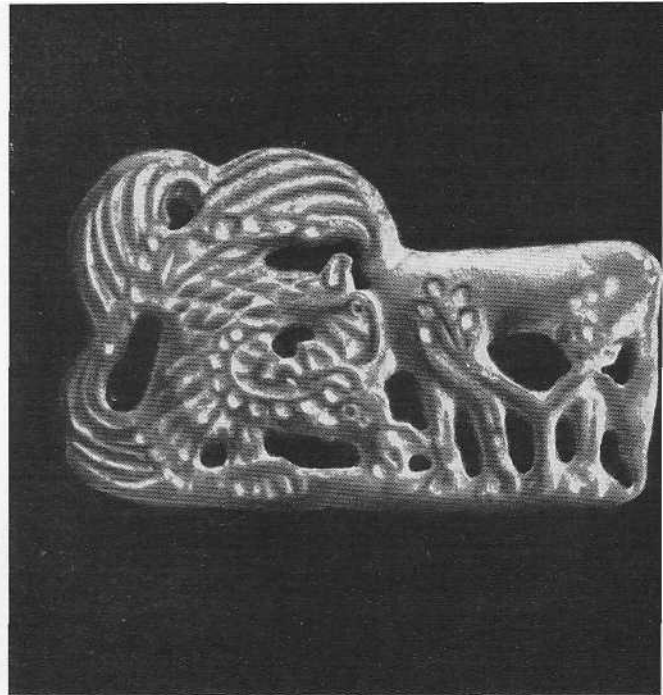
Деревянная пластинка —
Изображение тигра на оленя
Из каменного кургана

197
Бронзовая застежка
со сценой нападения тигра
на козла.
Ордос

198
Бронзовая застежка
со сценой нападения грифа
на козла.
Ордос

199
Бронзовая застежка —
тигр с перекинутым
за спину бараном.
Ордос

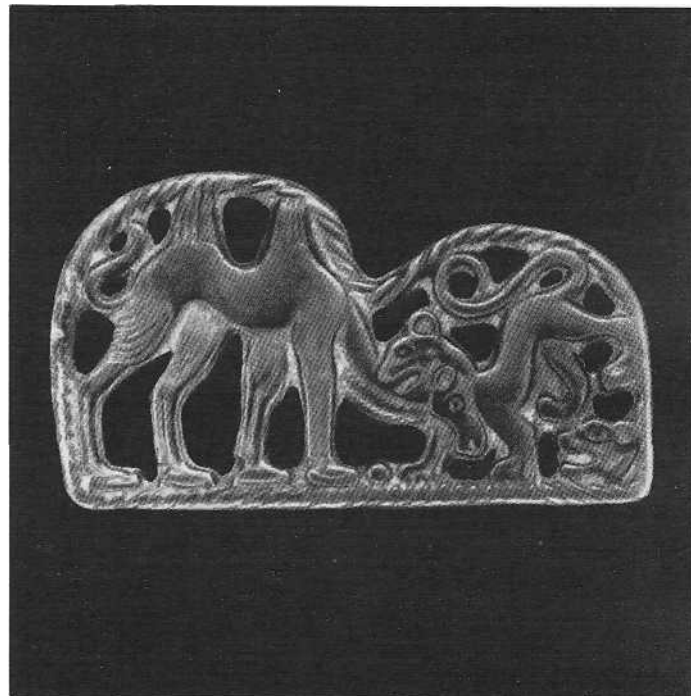
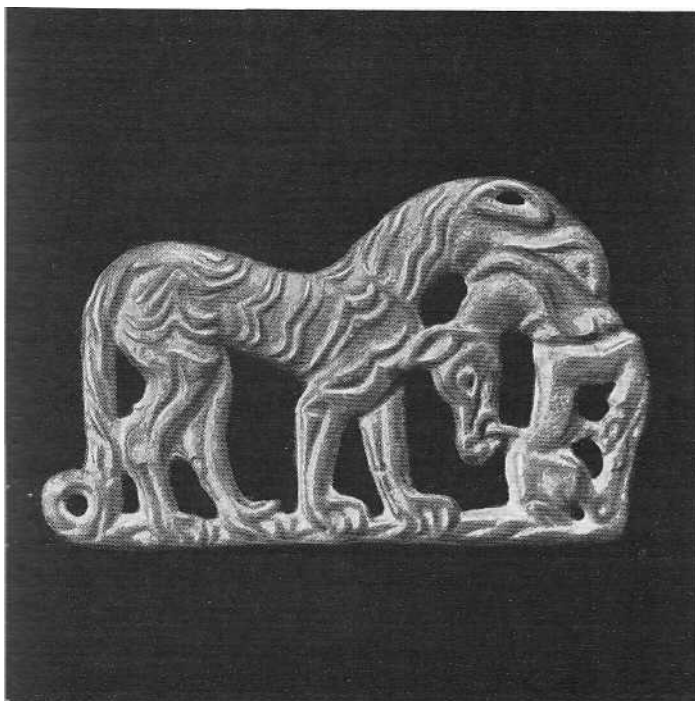

Неясным остается происхождение этих композиций. Эдва ли они созданы специально для застежек, не родились в другом материале и в иной технике. Хотя одна из них перегружена цветными инкрустациями, для ювелирных изделий они слишком монументальны. Они могли появиться в настенных рельефах и росписях, а также на больших ков-

насыщена бурным движением, тогда как другая всем своим строем выражает покой, в них много общего. Их объединяет друг с другом жанровый характер изображений и участие в повествовании ландшафта. Действие разворачивается не просто на фоне природы, а в органическом слиянии людей и их природного окружения. Деревья и скалы включены в композиции в качестве важнейших элементов содержащегося в них рассказа и сплетены с другими элементами — людьми и животными. Они передают не только обстановку совершающегося действия, а соучаствуют в изображаемом событии. Конечно, в композициях много условностей, но они не мешают их правдивости и выразительности. Даже такая деталь, как расположение листьев на деревьях, в одном случае как бы взерошенных ветром в соответствии с бурным движением, пронизывающим всю сцену охоты в лесу, а в другом неподвижно висящих на ветках — в сцене отдыха в пути, выражает и подчеркивает содержание каждой из этих композиций.

200
Бронзовая застёжка —
тигр с загрызенным
животным в пасти.
Ордос

201
Бронзовая В-образная
застёжка с веревочным
орнаментом рамы.
Ордос

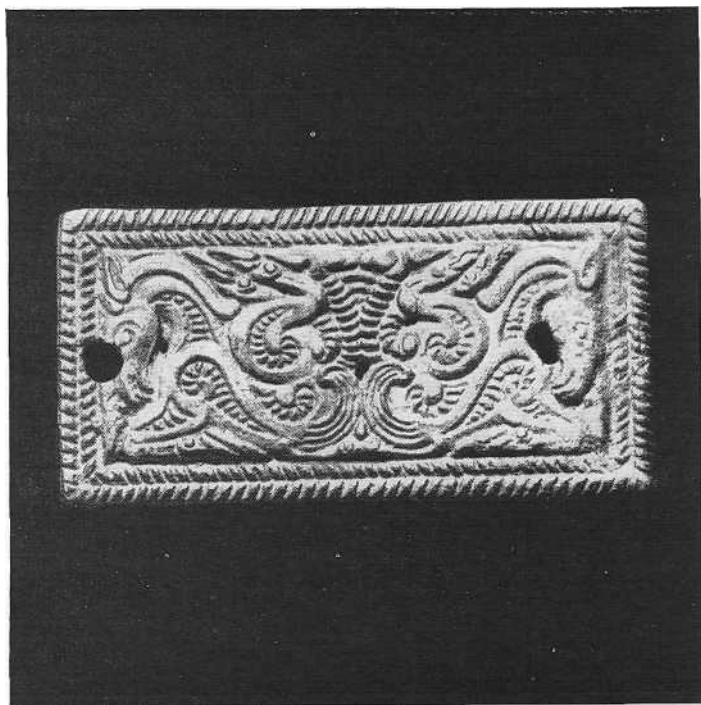

и в этом своем виде сделаться настолько популярными, что в дальнейшем стали украшением поясов, претерпев при этом, конечно, некоторые изменения, сказавшиеся, например, в неправильных, укороченных пропорциях фигур в сцене отдыха в пути. О возможных прототипах этих композиций, кажется, можно составить себе представление по изображениям на войлочном ковре с аппликациями из пятого Пазырыкского кургана, на котором несколько раз повторяется одна и та же культовая сцена — всадник перед сидящей в кресле богиней-женщиной. Эти плоскостные изображения, несмотря на различие в технике, очень близки к рельефам на сибирских застёжках не только иконографически, но и по стилю, что и позволяет сближать их и в хронологическом отношении. Монументальность на ковре сильнее выражена, нежели на застёжках, но построены и те и другие по одному принципу, и фигуры на ковре столь же динамичны, как и на застёжках. В силу различий в технике изображения на ковре плоскостнее, чем в рельефах на застёжках, пропорции

фигур удлиненнее, и они расставлены свободнее по отношению друг к другу, но формы их в целом и в деталях сходны между собой, а приемы передачи одни и те же. В этом отношении характерно изображение у профильных фигур вывернутого в фас плеча. Дерево в руках богини на ковре с его извивающимися стволом и ветками, хотя в общем и

соответствует структуре деревьев на застёжках, орнаментальнее последних и заканчивается не листьями, а стилизованными цветами и бутонами. В целом оно напоминает, как уже отмечалось, китайские орнаменты, чего нельзя сказать о реалистических деревьях на застёжках, но это, однако, не мешает не только сопоставлению, но и сближению композиций на ковре и на застёжках между собой. Если, несмотря на необычную деталь одежды в виде плаща у всадника на войлочном ковре, пятый Пазырыкский курган датировать в соответствии с показаниями радиоуглеродного анализа IV в., то застёжки с изображениями людей Сибирской коллекции могут относиться к тому же времени. Особенно большое значение для вопроса о хронологии золотых сибирских застёжек с жанровыми сценами, представляющими людей на фоне деревьев, имеют бронзовые застёжки с того же рода композициями, происходящие из Северного Китая (Ордоса). Давно уже известны две застёжки с изображением единоборства двух героев и со стоящей

202
Бронзовая
четырёхугольная застежка
с орнаментализированными
звериными изображениями.
Ордос

позади каждого из них оседланной лошадью (илл. 191). Однако хронология их оставалась неопределенной, пока сравнительно недавно китайские археологи не обнаружили такую же застежку в Фунси в могиле, которую они относят к концу периода Чжаньго (Борьбы царств), то есть к последней четверти III в. до н. э.

Три другие застежки из случайных находок в Ордосе с совершенно такой же композицией, с тем лишь отличием, что одна из них не ажурная, а со сплошным фоном и несколько меньшей, чем другие, величины. Кроме того, у нее по низу протянута полоса „земли“, орнаментированная волнистой линией с листовидными ячейками между изгибами. Едва ли можно сомневаться, что в своей основе бронзовые застежки представляют собой копии с золотых оригиналов, подобных находящимся в Сибирской коллекции. На них обычно сохраняются ячейки для инкрустаций, находящихся на золотых изделиях, но, как правило, не применявшихся на их бронзовых воспроизведениях. Застежки со сце-

ной единоборства в этом отношении особенно близки к золотым пластинам со сценой охоты в лесу. Они покрыты многочисленными ячейками для инкрустаций, в том числе и большими, как на сибирских пластинах с охотой в лесу, имеющими формы отдельных частей одежды или убора, например штанов у людей или кистей в уборе коней. Вместе с тем им присущи черты огрубевшей во многих повторениях копии, позволяющие считать их протооригинал, относящимся к более раннему времени.

Нельзя не обратить внимание на форму китайских застежек со сценой единоборства. Они не имеют полукруглого выступа или выступов и, хотя также без рамки, все же четырехугольные и в этом отношении сближаются не с ранней, а с типологически позднейшей группой застежек, появление которой, как уже говорилось, вовсе не означало прекращения бытования Р-образных застежек.

В Северном Причерноморье известны золотые бляшки, изображающие единоборство двух скифов, представленных в том же положении, что и богатыри на китайских застежках, но без лошадей и деревьев¹⁵. Они датируются IV в. до и. э., что свидетельствует о возможности появления подобных композиций в Сибири и связанном с ней Северном Китае примерно в то же время. Мотив борьбы богатырей в сходных с ордосскими формами встречается в сасанидском искусстве¹⁶, которое унаследовало многие сюжеты и формы ахеменидского периода, что, вместе со скифскими бляшками, позволяет считать этот мотив не специфически сибирским, а тем более не собственно китайским или хуннским, а скорее всего, общеиранским, известным по всей области распространения иранского искусства, включая сюда и Северный Китай.

Некоторые сомнения в правильности приведенных датировок может вызвать жанровый характер композиций, в особенности внесение в них элементов ландшафта, что в античном искусстве характерно для позднеэллинистического периода. Однако жанровые сцены в античном искусстве Северного Причерноморья встречаются уже в IV в. до н. э. Они представлены и на знаменитой Чертомлыкской вазе¹⁷ и на Кульобском и Воронежском кубках¹⁸, причем на последних с элементами ландшафта в виде камней и травы на земле, на которой развертывается действие сцен из жизни скифов. На Востоке ландшафтные элементы встречаются в греко-бактрийских произведениях, таких, как серебряные чаши с изображениями охоты на львов и пасущихся коней¹⁹, относящиеся к III — II вв. до н. э. Таким образом, жанровые сцены с ландшафтом вполне могли

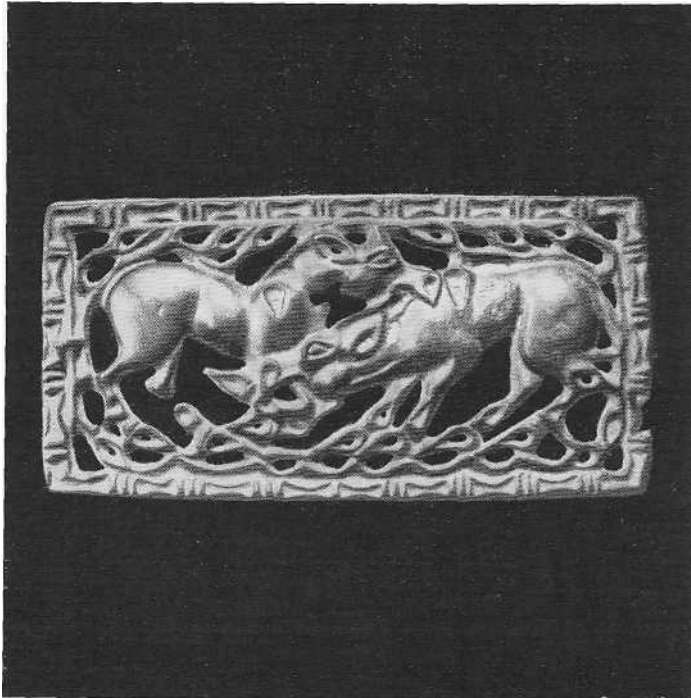
Схватка фантастического
волка с яком.
Апликация на ковре.
Ноин-Ула

Нашадения грифа на лося.
Апликация на ковре.
Ноин-Ула

205
Бронзовая застежка
с изображением схватки
лошадей и протянутыми
над ними ветвями.
Ордос

появиться в Сибири в III в. до н. э., а может быть, даже и несколько раньше, тем более что ландшафтные композиции разрабатывались в ассирийском искусстве VII в. и представлены в развалинах дворца в Кююнджике.

Кроме рассмотренных застёжек в Сибирской коллекции повествовательная композиция имеется на призматической оковке какого-то квадратного в сечении предмета, спаянная из тонкой золотой пластинки с рельефными, подправленными резцом изображениями (илл. 192 а, б, в, г). Верхний и нижний края ее обрамлены валиками, а пространство между ними занято группой всадников, едущих в одном направлении и расположенных в нескольких планах так, что одни фигуры прикрывают другие. Два всадника с лошадьми, на спины которых перекинуты трупы, по-видимому, погибших товарищей. Они положены поперек лошадей так, что с одной стороны свешиваются ноги, а с другой головы и руки. Всадники в плотно охватывающих голову и подвязанных под подбородком головных уборах, вероятно, башлыках,

в коротких кафтанах с собранными поперечными складками рукавами и в узких штанах. В руках у них оружие — у одного копье с листовидным пером, у другого, вероятно, меч, а у двух — луки. У всадника, едущего впереди, оружия не заметно. Кони с подстриженной гривой, в уздечке и с седлом, закрепленным нагрудным и подхвостным ремнями с привесками. Несмотря на грубость исполнения и непроработанность деталей, композиция в целом отличается свободой построения и динамичностью образов. Она, без сомнения, должна быть поставлена в один ряд с жанровыми сценами на застёжках.

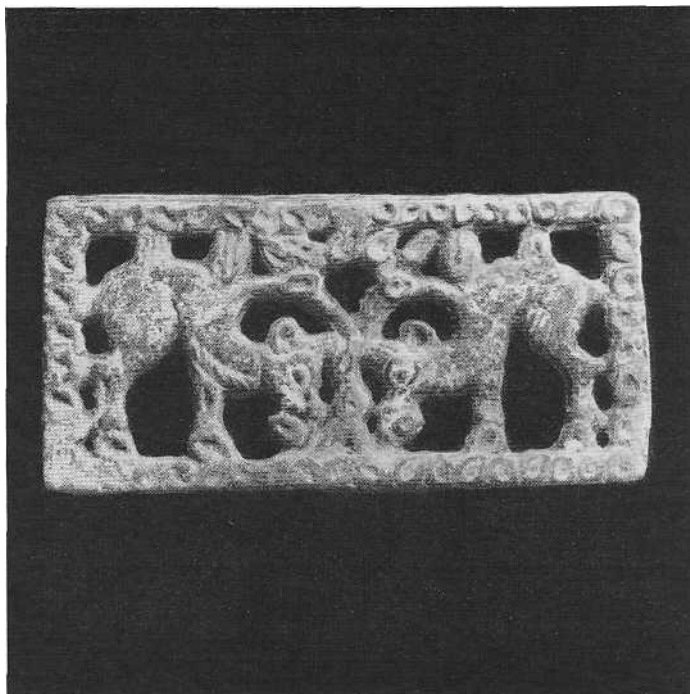
Здесь также представлен эпизод какого-то эпического сказания, настолько популярного, что относящиеся к нему сцены помещались на мелких вещах бытового назначения в невыгодном для обозрения виде и в самом грубом исполнении, хотя, как в данном случае, оригинал носил все черты, свойственные того же рода изображениям на застёжках. В Восточной Сибири и Северном Китае, где широкое распространение имели бронзовые застёжки, найден всего один экземпляр этого рода произведений, сделанный из золота. Это хранящаяся в составе Сибирской коллекции застёжка, поступившая в 1844 из Верхнеудинска в Забайкалье (илл. 193). Она с полукруглым выступом и представляет большое фантастическое животное с напоминающими деревеобразно раскинутыми рогами из птичьих головок. Вместо морды у него клюв, длинный хвост тоже оканчивается птичьей головкой. Спереди и сзади это фантастическое животное нападает маленькими зверь типа тигра. Некоторыми своими чертами эта застёжка сходна с парой застёжек Сибирской коллекции с изображением зверя с возвышающимся над его головой полукружием превратившегося в рог дерева. Вместо листьев и веток у него стилизованные птичьи головки. Самый зверь характерен длинной, скорее всего, волчьей мордой, гривой вдоль шеи, составленной из листовидных ячеек для инкрустаций, длинным хвостом с загнутым концом и когтистыми лапами (илл. 194).

Самой замечательной особенностью верхнеудинского фантастического зверя являются вкомпонованные в его фигуру дополнительные изображения в виде грифа с поднятым крылом и когтистой лапой и также головы, как у основной фигуры, с головой барана в клюве. Дополнительные изображения, или, как называют, зооморфные превращения отдельных частей фигуры, таких, как плечо, бедро, лапы и др., в самостоятельные звериные образы, в скифском искусстве Причерноморья встречаются, начиная с самого раннего времени, и особенно характер

395
Золотая четырехугольная
поясная бляшка.
Сибирская коллекция

207
Бронзовая застежка
с двумя верблюдами
по сторонам дерева.
Ордос

для произведений V в. до н. э. В Сибири таких дополнительных изображений, кроме птичьих головок на рогах и кончике хвоста, не известно; застежка из Забайкалья в этом отношении уникальное исключение. Но образы, представленные на этой застежке, обычны в сибирском искусстве. Большой фантастический зверь с его развернутым полукружием рогов похож на зверя, изображенного на паре золотых застежек Сибирской коллекции. Таким же массивным клювом, как у него, вооружены фантастические копытные звери на татуировке мужчины, погребенного во втором Пазырыкском кургане, к тому же некоторые из них увенчаны того же рода „оленьими“ рогами с птичьими головками на концах отростков. Гриф на передней части фигуры большого зверя напоминает птиц, изображенных аппликациями на кожаной фляге из второго Пазырыкского кургана, а чешуйчатой разделкой шеи — грифов на золотых пластинах Сибирской коллекции (илл. 175). Голова барана со свисающей шерстью под мордой близко сходна с изображениями того же животного

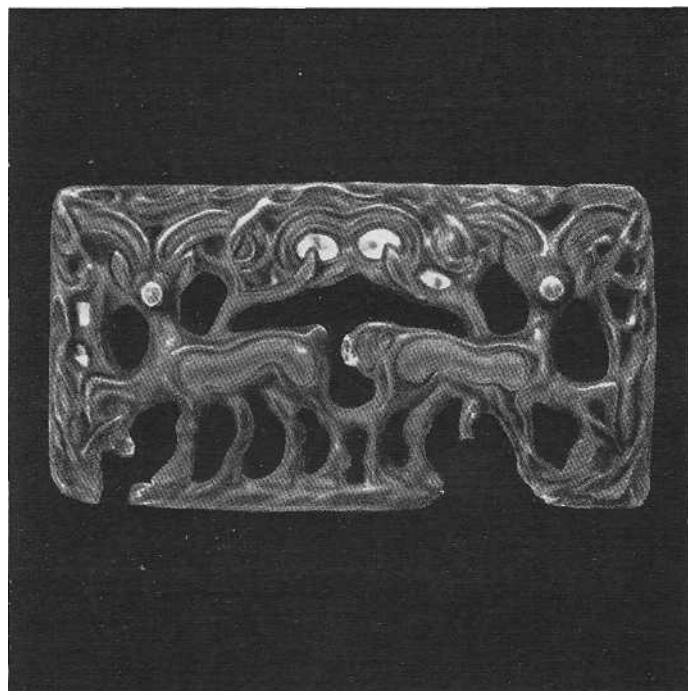
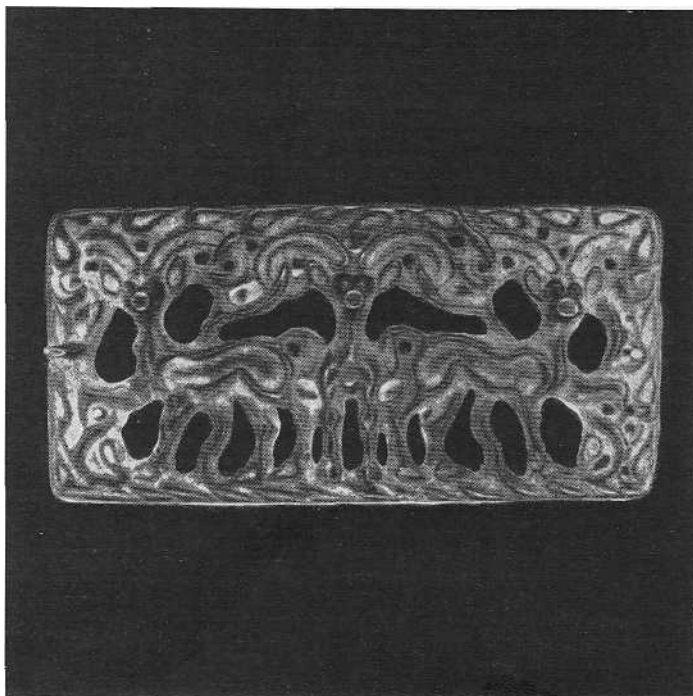
в деревянных уздечных украшениях из первого второго Пазырыкских курганов, а также в татуировке на коже погребенного во втором из них (илл. 69). Что касается маленького зверя, то сходство так же, как и вся композиция верхнеудинской пластины, весьма близок к изображению того же животного, вырезанному на деревянной пластине из Катандинского кургана, где представлен такой же маленький зверь, нападающий спереди на большого оленя (илл. 196). Ко всем этим аналогиям следует добавить сходство в форме ушей, которое у животных на верхнеудинской пластине такие же, как у алтайских изображений — с завитком внутри. Все это может свидетельствовать о том, что верхнеудинская застежка по времени недалеко отстоит от Пазырыкских курганов. Только древовидная форма рогов большого зверя выдает ее более позднее время — не раньше III в. до н. э., когда, как мы увидим ниже, деревья превращаются в рога. Сходную композицию на бронзовой застежке Британского музея (илл. 195), изображающую волка, перекусывающего ногу фантастического зверя с клиновидной мордой и ветвистыми, стилизованными птичьими головками рогами, явно представляющим видоизмененное дерево, от которого сохранился даже ствол в виде вертикального стержня, соединяющего эти „рога“ со спиной волка, Дальтон датировал временем около начала н. э.²⁰, что вполне возможно, принимая во внимание многократное копирование такого рода произведений, но что не исключает более раннего появления их протооригиналов. Как уже неоднократно отмечалось, близкое сходство с сибирскими по сюжетам и стилю изображений обнаруживают находки в Ордосе. Среди них имеются бронзовые застежки с полукруглым выступом с копытными позициями, из которых в первую очередь следует отметить те, в которые включен орел или гриф, подобный изображенному на сибирских золотых застежках с таким же выступом. Так, на одной из них представлен тигр, терзающий павшего на задних гнутых ногах козла. С другой стороны на спину того же козла опустился гриф, вонзивший свой клюв в голову тигра (илл. 197). У грифа такие же посты, расположенные одно за другим и неестественно смещенные крылья, как на сходной по сюжету композиции с борьбой тигра, волка и грифа за добычу на золотой застежке Сибирской коллекции. Но изображенные на ордосской застежке выполнены еще грубее, тигр здесь иного типа — с гладким телом и повиснутой в фас головой, по последнему признаку сходный с тигром в сцене борьбы с фантастическим зверем на другой сибирской золотой застежке (илл. 17

208
Золотая четырехугольная
застежка с изображением
фантастических животных
по сторонам
стилизованного дерева.
Сибирская коллекция

209
Бронзовая застежка
с фигурами трех козлов
среди деревьев.
Ордос

210
Бронзовая застежка
с двумя козлами
и деревьями.
Ордос

застежках, не является исключением, свойственным только им. Равным образом и лиственный орнамент в рамках многих застежек теснейшим образом связывается с изображениями деревьев в композициях с ландшафтом.

Следует еще заметить, что птицы на ордосских и забайкальских застежках стоят по общему рисунку

В Дэрестуйском могильнике в Забайкалье, в хуннских могилах найдены две пары совершенно таких же, как ордосская, бронзовых застежек, но еще более грубой работы, свидетельствующей о том, что они появились в результате многократных механических воспроизведений одного образца. Эти могилы относятся к последнему столетию до н. э., что указывает на время и ордосской застежки и сходных с ней изображений в Сибирской коллекции, вероятно, все же более ранних, чем забайкальские копии, но едва ли старше II в. до н. э.

Того же рода и другая ордосская застежка со сценой нападения грифа на козла (илл. 198). Здесь козел не лежит, а стоит на четырех ногах с опущенной до земли головой, а стоящий напротив него гриф впился клювом в его шею. Плечо и бедро козла заполнены листьями дерева, ствол которого помещается между передними и задними ногами этого животного. Это дерево свидетельствует, что включение в композиции ландшафта, столь развитого в сценах охоты и отдыха в пути в сибирских

их фигур и, в частности, крыльев ближе к композиции со сценой борьбы грифа с тигром и волком на застежках Сибирской коллекции, где образ птицы отличается сбитыми, непонятными мастером формами, нежели к изображению такой же птицы в борьбе с яком на другой паре застежек той же коллекции. При этом ордосская птица, терзающая козла, исполнена лучше, чем такая же в сцене борьбы с тигром. У последней крылья так же плохо связаны с туловищем, как на сибирской застежке в сцене борьбы грифа с двумя четвероногими хищниками. Из этого естественно заключить, что у сибирских и ордосских мастеров были сходные образцы, уже далеко ушедшие от первоначального оригинала, вероятно, лучше других сохранный в образе грифа, терзающего яка на золотых сибирских застежках, отнесенных нами к наиболее ранним произведениям этого типа, а бронзовая застежка с грифом, терзающим козла, ближе стоящая по этому признаку к золотой сибирской застежке со сценой борьбы грифа с яком, типологически раньше, чем ордосская

Овая застежка
с волнистыми линиями и козлами.

приемам изображения мохнатого тигра на колоде Башадарского кургана или на золотых сибирских застежках, где он представлен в сценах борьбы с другими животными. И реалистические черты в изображениях животных и трактовка их приемами резьбы по дереву, напоминающими соответствующие произведения из алтайских курганов, свидетельствуют об относительно раннем времени этой застежки или по крайней мере ее протооригинала. Застежка с такой же фигурой тигра с перекинутым на спину телом барана восходит к той же традиции, но сухая прямолнейная разделка шерсти на теле хищника и заполнение земли листьями выдают ее более позднее происхождение. На одной из ордосских застежек в сцене борьбы хищников, помещенной в четырехугольной рамке, представлен тигр с такой же проработкой шерсти²¹. Другие застежки с гладкой или в особенности заполненной орнаментами фигурой тигра явно позднего времени, хотя мотив пожирания и, как мы увидим ниже, заглатывания зверем своей жертвы древнего происхождения.

Золотая P-образная застежка Сибирской коллекции со сценой нападения тигра на лошадь, обведенная по краю узкой рамкой в виде веревочки, уже приводилась в качестве звена, связывающего в типологическом ряду P-образные застежки с прямоугольными в рамке. Эта застежка не единственная в своем роде. Среди ордосских находок имеется застежка с двумя полукруглыми выступами, своей формой напоминающая сибирскую застежку со сценой охоты в лесу, но, в отличие от нее, обведенная узкой рамкой в виде веревочки (илл. 201). На ней представлено нападение тигра на верблюда. Маленький зверь с высоко поднятой задней частью туловища, заканчивающегося S-образно изогнутым хвостом, перекусывает шею двугорбого верблюда с низко опущенной головой. Под задними лапами тигра в нижнем углу рамки показана еще одна голова хищного зверя. У верблюда ляжки, горбы и низ шеи покрыты шерстью, обозначенной слабо изогнутыми линиями, напоминающими трактовку шерсти в ранних произведениях сибирского искусства. Вместе с тем плоские, слабо расчлененные фигуры персонажей заметно отличаются от реалистических образов раннего времени, что указывает на позднее происхождение этой застежки.

О том, какой вид приобрели характерные для P-образных застежек мотивы борьбы зверей на рубеже н. э., лучше всего судить по точно датированным находкам из знаменитого Ноинулинского кургана № 6 в Монголии. Бордюр большого с аппликациями войлочного ковра из кургана украшен

и забайкальские застежки со схваткой грифа с тигром из-за козла.

К числу P-образных застежек можно присоединить бронзовую ордосскую бляху с изображением тигра, держащего в зубах барана, туловище которого перекинута на шею хищника так, что его задние ноги свешиваются вниз, касаясь копытами земли (илл. 199). Застежки с подобным сюжетом имеются в числе ордосских и минусинских находок, хотя и с более простой композицией — на них представлена профильная фигура тигра с загнутым в кольцо кончиком хвоста, держащего за шею в зубах могучей пасти свешивающееся до земли изогнутое тело копытного животного (илл. 200) или же пожирающего добычу, лежащую на земле²¹. Иногда тигр изображается заглатывающим свою жертву, голова которой торчит из его пасти. Особый интерес представляет P-образная ордосская застежка с телом тигра, заполненным орнаментально расположенными волнистыми линиями, означающими шерсть, то есть с разделкой фигуры, восходящей к реалистическим

212
Бронзовая застежка
с двумя быками.
Ордос

чередующимися сценами борьбы животных, разделенными деревьями одна от другой. Кстати, заметим, что эти схематические деревья не имеют ничего общего с реалистическими изображениями растений на золотых и бронзовых застежках из Сибири и Ордоса. Равным образом не похожи они и на хвойные деревья на ноинулинских же пластинках с фигурой яка. Что же касается сцен борьбы животных, то они повторяют сюжеты, хорошо известные в скифо-сибирском искусстве.

Их две, и они чередуются одна с другой. Одна представляет нападение грифа на лося, а другая — схватку фантастического рогатого волка с яком. Первая из этих сцен (илл. 204) отличается большой живостью: под тяжестью настигшего крылатого хищника бегущий лось осел на задние ноги и отчаянно ревет. Крылатый и ушастый гриф впился своим мощным клювом в его хребет, а когти вонзил в круп и заднюю ногу жертвы.

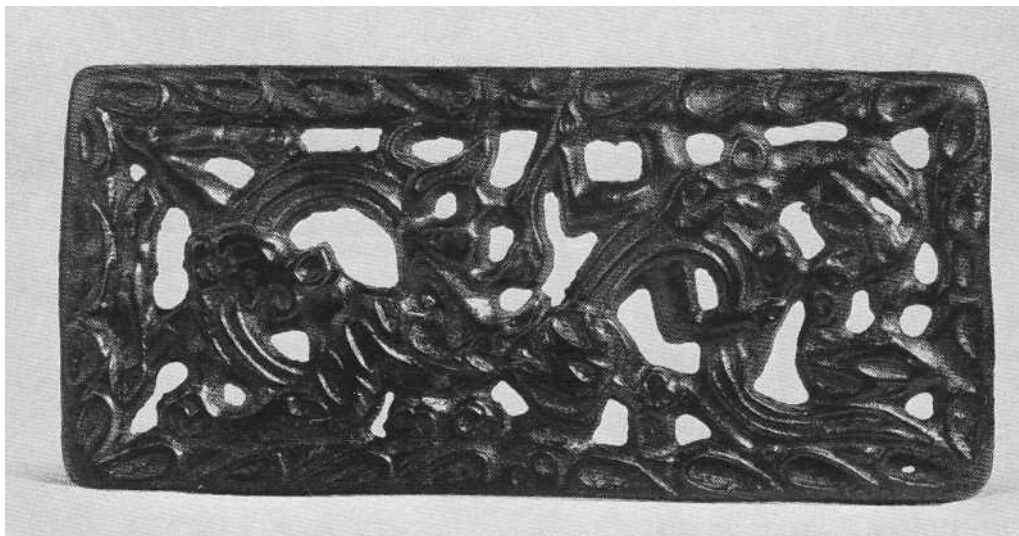
В сходном положении изображен лось в аппликации на седельной покрывке из первого Пазырыкского

кургана, а ноинулинский гриф близко сходен с хинной птицей в сценах борьбы ее с яком на золотой застежке Сибирской коллекции (илл. 176). Замечательно, что загнутые вперед крылья размещены в теле ноинулинской птицы правильнее, чем в сценах борьбы такой же птицы с тигром и волком на паре других золотых застежек из той же коллекции (илл. 175) или на бронзовых застежках из Ордоса и Забайкалья со сходными композициями. В этом отношении ноинулинский гриф оказывается стоящим ближе к протооригиналу, нежели не только бронзовые, но и некоторые золотые его изображения. Заслуживает внимания и поза лося с его выставленной вперед передней ногой и отставленной назад задней ногой. Она живо передает движение животного, пытающегося вырваться из-под насевшего к нему хищника, и в этом отношении не уступает соответствующим пазырыкским изображениям. Вместе с тем очевидно, что вся композиция в целом с ее спутанными местами рисунка, несмотря на экспрессивность фигур, является грубым воспроизведением графической схемы, готовой переродиться в орнаментальный мотив.

Это особенно ясно в трактовке второй сцены, изображающей схватку яка с фантастическим животным, у которого туловище хищного зверя сочетается с рогами в виде грифонных головок, вырастающих из спины; такая же головка помещена на кончике высоко поднятого хвоста, а нос загнут крючком (илл. 203). Это тот самый зверь — рогатый волк, который часто встречается в произведениях скифо-сибирского искусства, например, в сцене схватки с тигром на золотой застежке Сибирской коллекции и является варварской переработкой восточного львиного грифона (илл. 178). Не менее фантастичен як с его огромным горбом, большой кистью, заканчивающей поднятый хвост, и такими же кистями, свисающими сбоку туловища, вероятно, означающими свисающую в этом месте шерсть. Он прочно стоит на расставленных ногах и, опустив голову с вывалившимся изо рта языком, намеревается поднять рога своего опасного врага, перекусывающего ему шею и захватившего лапой одну из его передних ног. Надо особо подчеркнуть, что все эти подробности усматриваются с трудом, путем сопоставления изображений животных во всех сценах, в которых они представлены на ковре. В каждом отдельном изображении рисунок сбит и опущены те или другие детали.

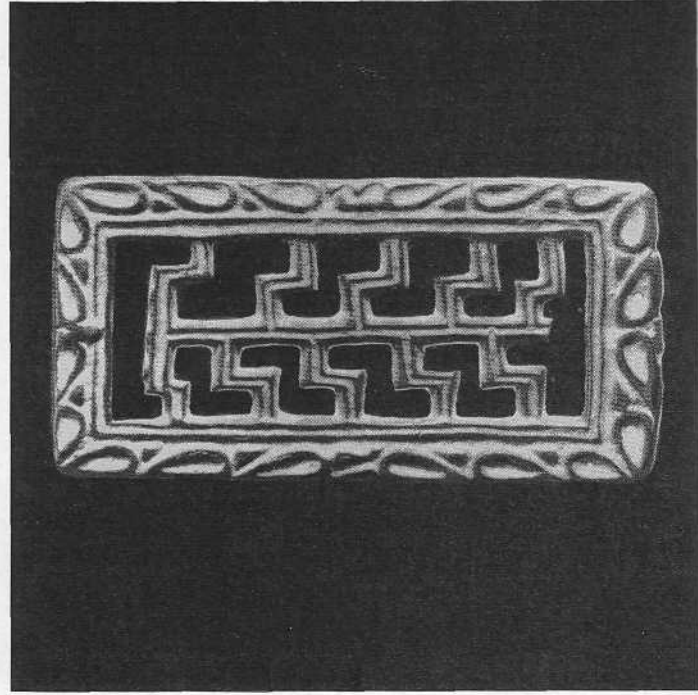
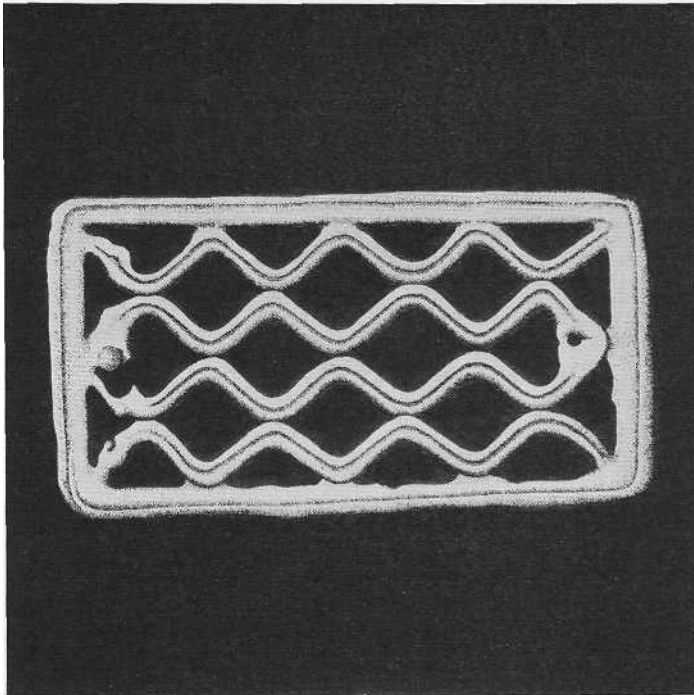
Все фигуры в композициях на ноинулинском ковре снабжены цветными вставками, на крыльях и хвосте грифа определенно воспроизводящими характерные

Бронзовая застежка
со сценой нападения тигров
на дракона.
Мальгинское городище

214
Бронзовая застежка
с геометрическим
орнаментом змейками.
Иволгинское городище

215
Бронзовая застежка
с геометрическим
орнаментом
ломаными линиями.
Ордос

Среди ордосских находок имеется довольно много пластинчатых застежек с изображениями животных с телом, заполненным орнаментом китайского типа. видимо, относящихся к тому же времени, что и ноинулинский ковер. Особую группу среди них составляют застежки в виде прямоугольной пластины со сплошным фоном, на котором невысоким релье-

для пазырыкских изображений аппликации. Но распространенных среди последних, так же, как и во многих других сибирских произведениях, инкрустаций в виде кружков, скобок и треугольников на ноинулинских изображениях нет. Вместо них на теле животных нанесены причудливые орнаментальные фигуры, сходные с орнаментами, нашитыми или вырезанными на найденных в Ноинулинских курганах вещах, например, на подошвах сапог²³ или на четырехскатной деревянной крышке²⁴. Это орнаменты китайского типа, не имеющие никакого отношения к структуре тела животных, на котором они помещены. Старая переднеазиатская традиция обозначения деталей фигуры условными значками здесь полностью утрачена и в соответствии с общей орнаментальностью ноинулинских звериных изображений заменена привычными китайскими украшениями. Вместе с тем ноинулинские аппликации на войлочном ковре показывают, что типичные для скифо-сибирского искусства мотивы борьбы зверей дожили до начала н. э.

фом или гравировкой изображены в сложном орнаментальном сплетении с симметричным построением части животных и орнаментальные фигуры (илл. 202). Среди них часто встречаются драконообразные фантастические звери и мотив животного с перевернутой задней частью туловища. Эти застежки с еще более выраженными признаками китайского художественного вкуса, по-видимому, представляют собой одну из позднейших групп поясных украшений звериного стиля, настолько далеко отошедшего от его характерных сибирских форм, что ее только условно можно причислить к произведениям скифо-сибирского, а не китайского искусства.

Впрочем, из тувинских находок известны резные костяные пластинки с фигурами животных, заполненных криволинейным узором, только частично соответствующим структуре их тел, несомненно восходящим к приемам условной передачи мускулатуры и шерсти в произведениях алтайского искусства (илл. 105). Они представляют собой звено,

оединяющее алтайские формы с приведенными образцами изображений с чисто орнаментальным заполнением фигур и, вероятно, относятся к более раннему, чем последние, времени, что-нибудь около III в. до н. э.

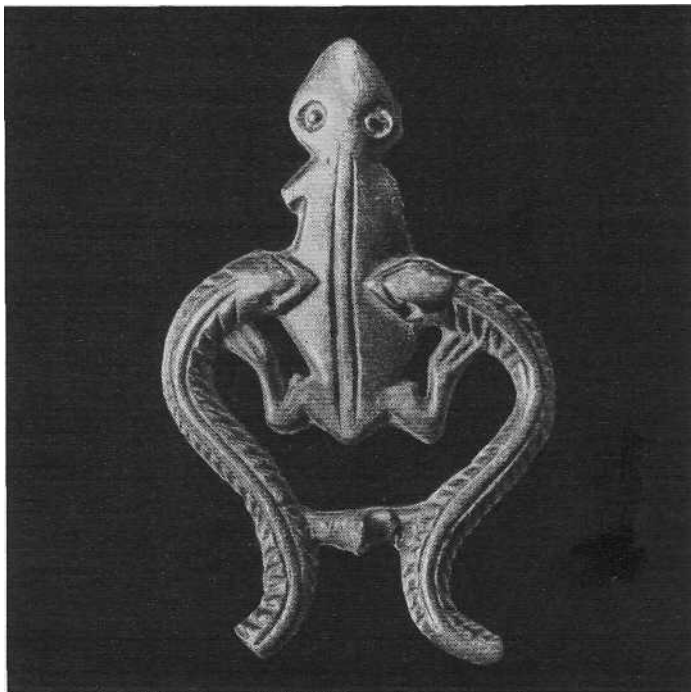
Сопоставление алтайских и ноинулинских композиций в технике аппликации определяет направление, в котором изменялось сибирское искусство. Живые, несмотря на условность, реалистические изображения превращаются в орнаментальные схемы. Ноинулинские аппликации ушли в этом направлении много дальше, чем золотые и бронзовые ажурные застёжки с соответствующими изображениями, что дает основания относить последние в целом к более раннему времени, чем начало н. э., которым датируется Ноинулинский курган № 6. Промежуток между алтайскими и ноинулинскими аппликациями является периодом, когда поясные застёжки имели наиболее широкое распространение как в Сибири, так и в Северном Китае, хотя время появления золотых образцов этого рода произведений едва ли позже IV в. до н. э.

Как уже указывалось, типологически Р-образные застёжки представляют собой древнейшую форму этого рода произведений, четырехугольные застёжки в рамке позже их по времени возникновения. Однако и та и другая формы в течение какого-то времени сосуществовали друг с другом. В составе Сибирской коллекции четырехугольных застёжек немного: кроме уже рассмотренных двух пар со сценами борьбы волка со змеей и пары застёжек с изображением схватки тигра с двумя фантастическими хищниками имеется еще одна пара ажурных четырехугольных пластин с декоративной композицией в виде двух геральдических фантастических зверей с перевернутой задней частью туловища по сторонам сильно стилизованного дерева, воспроизводящей древнюю восточную схему древа жизни с гениями или животными по сторонам (*илл. 208*). Шесть пластинок меньшей величины с такой же, но сокращенной композицией, вероятно, вместе с ней составляли части одного пояса (*илл. 206*). Особенностью этих пластинок и застёжки по сравнению с другими застёжками того же типа в Сибирской коллекции является украшение рамки листовидными ячейками для инкрустаций, причем наряду с листьями на них отчетливо показаны и изгибающиеся стебли. Этим своим декором данная застёжка определенно связывается с другими застёжками, на которых в состав изображений включаются те или иные элементы ландшафта, как, например, застёжки Сибирской же коллекции со сценой схватки лохматого

тигра с верблюдом. На них за верблюдом изображено дерево, ствол его находится между ногами этого животного, а изогнутая вершина с листьями образует над головой верблюда полукруглый выступ, характерный для данного типа застёжек (*илл. 179*). Геральдическое построение композиций характерно для бронзовых четырехугольных застёжек с рамкой. Одна из них из Ордоса представляет двух верблюдов, поставленных симметрично друг против друга по сторонам дерева, ветки которого с листьями раскинулись над их опущенными головами (*илл. 207*). Того же рода бронзовая застёжка, найденная в Минусинской котловине, отличается более грубой работой и тем, что ствол дерева между верблюдами исчез, а остались только ветки с листьями над их головами. У двух других бронзовых четырехугольных застёжек со сценой битвы двух лошадей между собой, происходящих одна из Ордоса (*илл. 205*), а другая из Минусинской котловины, ветки с листьями протянуты над фигурами животных с боков рамки к середине. Намеки на дерево над дерущимися лошадьми усматриваются и на дэрестуйских застёжках, настолько огрубевших, что самое изображение на них распознается с трудом. В других случаях остатками дерева являются листья, расположенные вдоль рамки застёжки, иногда со стеблями, как на указанной золотой пластине из Сибирской коллекции, а иногда и без них, как на замечательной застёжке, найденной в одном из погребений в Иволгинском могильнике (*илл. 213*).

Превращение деревьев в изображениях на четырехугольных застёжках в листовидный орнамент на рамке, равно как и всей реалистической композиции в орнаментальную схему особенно хорошо может быть показано на примере ордосских застёжек с фигурами горных козлов. На одной из них собрания В. М. Мейера в Вашингтоне (*илл. 209*) представлены три животных этого вида. Одно в центре в фас с прямо стоящими передними ногами, а два других по его сторонам в профиль, причем головы у всех животных даны в высоком рельефе впрямь. Раскинутые в стороны изогнутые рога животных повторяют друг друга и соприкасаются между собой; они включены в ритмический рисунок ветвей и листьев, массив которых протянут над головами козлов по верхнему краю пластины и представляет собой крону деревьев, изогнутые стволы их помещены за фигурами боковых козлов посередине длины их туловища. Сплошными массивами листья обрамлены и узкие стороны пластины и ее низ так, что в целом она образует четырехугольник, хотя и без особо выделенной рамки. Декоративность этой композиции

216
Бронзовая застежка
в виде лягушки,
окруженной змеями.
Ордос

в ее золотом оригинале была усилена многочисленными цветными инкрустациями, в бронзовом же повторении сохранились только ячейки, показывающие, что вставками были заполнены не только листья, копыта, уши, глаза и прочие мелкие части изображения, но и рога и туловища животных во всю их величину, напоминая в этом отношении инкрустации сибирских золотых пластин со сценой охоты в лесу. Две другие бронзовые четырехугольные пластины, одна из того же вашингтонского собрания (илл. 210), а другая, хранящаяся в венском музее (илл. 211), представляют собой упрощенные воспроизведения той же композиции. У них исчез центральный козел, от которого сохранились только превратившиеся в восьмерку рога, а у второй, отличающейся крайней грубостью работы, кроме того, еще исчезли стволы деревьев в части, находившейся ниже туловища козлов.

Своим орнаментально-декоративным характером с подчеркнутой симметрией построения эти застежки сближаются с четырехугольными бронзовыми пла-

стинами сибирского и ордосского происхождения с изображениями пары быков, лошадей, козлов или верблюдов иногда с остатками дерева между ними и с золотыми застежками Сибирской коллекции с фантастическими зверями по сторонам стилизованного дерева. Однако в начальном своем варианте они, несомненно, древнее последних и стоят в одном ряду с ордосскими же пластинами с изображением поединка богатырей, то есть не моложе III в. до н. э. Ряд застежек с геральдическими композициями, в одном случае со сценой схватки лошадей (Дэрестуйский могильник), отличается тем, что их рамка орнаментирована не листовидными, а удлинненно четырехугольными ячейками для инкрустаций. Такой орнамент на рамке характерен для застежек с изображением двух симметрично поставленных один возле другого быков с повернутой в фас вместе с передней частью туловища наклоненной к земле головой (илл. 212). В некоторых случаях такой орнамент сочетается с листовидными ячейками, занимающими верхнюю часть рамки, как, например, на застежке с изображением битвы лошадей, представленной находкой в Ордосе. Замечательно, что изображений животных в столь сложном повороте, в котором представлены быки на указанных застежках, нет ни в одном другом произведении скифо-сибирского искусства. Что касается орнамента из прямоугольных выемок, то он имеется вдоль стержня рога грифона в сцене борьбы его с тигром на золотых Р-образных застежках в Сибирской коллекции и, по-видимому, типологически раньше листовидных ячеек на рамке. Одновременно с теми и другими бытовали рамки, украшенные различными видами веревочки.

Следует также отметить, что характерные крупные с загнутым острым концом „кисти“, свешивающиеся по бокам туловища у быков и завершающиеся у них закинутый на спину хвост, имеют ближайшие аналогии в того же рода элементах у фигур яка на ноинулинском ковре и в какой-то степени напоминают кисти по бокам лошадей в сцене единоборства богатырей на северо-китайских бронзовых застежках. Эти „кисти“, несомненно, восходят к рисунку прядей волнистой шерсти, свисающей с туловища у фигуры яка, борющегося с грифом, на золотых застежках Сибирской коллекции, но отделены от них длинным промежутком стилизации, в течение которого реалистическая деталь превратилась в орнаментальную фигуру.

На паре бронзовых четырехугольных застежек из Иволгинского могильника, украшенных по краям рамки листовидными ячейками (илл. 213), изображен

217
Золотая пряжка
с изображением головок
птиц и ежа.
Сибирская коллекция

ящерицеобразный дракон с головой рогатого волка с загнутым носом и длинным изгибающимся телом, с двумя парами лап, вооруженных длинными когтями. На него нападают два тигра — один, в спину которого дракон вонзил свои зубы, перекусывает переднюю часть туловища и второй, у края пластины поставленный вертикально с перевернутым задом, кусает дракона за хвост. Удлиненно листовидные и треугольные ячейки покрывают туловища тигров подобно тому, как трактован такой же зверь на золотой четырехугольной пластине со сценой борьбы его с двумя фантастическими животными из Сибирской коллекции (*илл. 188*). Аналогичная иволгинская застежка известна по находкам в Ордосе. Она чуть больше ее и с еще более детализированными изображениями, еще не затертыми в процессе многократных повторений. Фрагмент такой же застежки имеется в Минусинской коллекции Эрмитажа. Обращает на себя внимание сходство дракона на иволгинских и ордосской застежках с изображением того же фантастического зверя на диадеме, найденной в так называемом погребении шамана на реке Карагалинке в Алма-Атинской области; в трактовке дракона, как и всей диадемы, отчетливо выражены элементы китайского характера (*илл. 58*). Это погребение А. Н. Бернштам отнес к I в. н. э.²⁵, что подтверждается сходством некоторых мотивов изображений на диадеме с рисунками на тканях, найденных в курганах Ноин-Улы. Здесь имеется в виду не только дракон, вышитый на шелковой ткани из кургана № 24²⁶, но и крылатые всадники на крылатых же животных, представленные как на диадеме, так и на ткани из кургана № 6²⁷. Иволгинские застежки, как и сходные с ними по ряду элементов золотые пластинки с геральдическими фигурами по сторонам дерева в Сибирской коллекции, следует, видимо, датировать несколько более ранним временем, чем погребение на реке Карагалинке — II—I вв. до н. э., что находится в соответствии с основанной на находимых в ней китайских монетах общей хронологией Иволгинского городища, в могильнике которого они найдены. С учетом же типологических различий между иволгинскими застежками и золотыми пластинами из Сибирской коллекции последние, вероятно, надо относить ко времени не раньше II в. до н. э.

В собрании Витзена находилась пара золотых застежек с изображением дракона с менее растянутым, чем на иволгинских экземплярах, туловищем, более выраженными звериными признаками, с крылом и перевернутым задом, с пропущенным между ногами хвостом. Это изображение отличается еще большей

декоративной стилизацией, нежели того же рода фигуры на золотой застежке Сибирской коллекции с геральдической композицией с деревом посередине. У одной из витзеновских застежек сбоку выступающая дужка с крючком, а рамки украшены не листовидными, а полуовальными ячейками типа „овов“, подобными тем, какими обведен по наружному краю золотой фалар из Сибирской коллекции, как будет показано ниже, относящийся к числу позднейших памятников в этой коллекции и датируемый временем около начала н. э., если не первыми веками н. э. Витзеновские экземпляры застежек, вероятно, представляли собой наиболее поздние образцы этого рода золотых предметов.

Из Иволгинского городища происходит застежка, отличающаяся исключительной простотой и геометричностью орнамента (*илл. 214*). Она представляет собой гладкую четырехугольную рамку, внутри которой вдоль протянуты четыре волнистые полоски, по-видимому, означающие змей, так как на концах их имеются небольшие расширения — головки. Своей геометричностью эта застежка может сравниться только с несколькими минусинскими и одной ордосской застежками, у которых пространство внутри украшенной листовидными ячейками рамки занято чисто геометрическим узором из двух рядов ломаных линий, разделенных продольной прямой полосой (*илл. 215*). Такой орнамент известен по четырехугольной пряжке, найденной в Оренбургской области в урочище Мечет-Сай в сарматском погребении вместе с кинжалом с серповидным навершием, какие датируются III — II вв. до н. э., что в известной мере может служить указанием на хронологию минусинских, ордосской и иволгинской застежек²⁸.

В Сибирской коллекции имеется всего одна пара фигурных застежек изысканного рисунка, образованная двумя небольшими ажурными пластинками, состоящими каждая из двух пар расположенных друг над другом головок грифов на длинной изогнутой шее с торчащим сбоку листовидным ухом и согнутым в кольцо клювом с восковицей (*илл. 217*). Спереди шеи нижние пары головок образуют полукольцо со шпеньком, украшенным инкрустацией, а с противоположной стороны между головками грифона второй пары помещена фигурка ежа с острой мордочкой и покрытой иголками-точками спинкой, окруженная симметричными изгибами змеи, голова которой находится между шеями грифов. Глаза и уши грифов оснащены цветными вставками. Фигурные застежки этого рода имеются в числе ордосских бронз и, судя по недавней находке за-

стёжки того же типа в Иволгинском могильнике в Забайкалье, относятся к последним векам до н. э. Особый интерес среди них представляют застёжки в виде фигуры лягушки с кусающими ее змеями по сторонам (илл. 216).

В результате приведенных сопоставлений достаточно определенно вырисовывается типология сибирских застёжек, представленных двумя основными формами — одной с полукруглым выступом и другой в четырехугольной рамке. Не вызывает особых сомнений также появление первой из них еще в IV в., в период, лучше всего известный по находкам в алтайских курганах с вечной мерзлотой, хотя число сохранившихся застёжек именно этого времени очень невелико. Мы смогли выделить в Сибирской коллекции всего две пары застёжек, по всей вероятности, относящиеся еще к IV в., хотя к этому времени могут восходить протооригиналы и некоторых других образцов того же типа, в процессе повторений приобретшие черты, свойственные уже более позднему времени. Большинство сохранившихся экземпляров застёжек, как Р-образных, так и в четырехугольной рамке, относится к следующему, эллинистическому или гуннскому времени — III — I вв. до н. э., причем распределение их в хронологической последовательности сопряжено с непреодолимыми затруднениями, проистекающими из многократного повторения одной и той же композиции и в золоте, а в особенности в бронзе. Тем не менее некоторые указания на время все же можно усмотреть, правда, большей частью по первоначальным образцам. Так, появление жанровых композиций с элементами ландшафта может относиться к IV—III вв., причем в последующее время ландшафт постепенно переходит в орнамент. Деревья у Р-образных застёжек превращаются в древовидные рога, возвышающиеся над головой одного из персонажей изображения и состоящие из орнаментальных отростков, стилизованных птичьими головками, а у четырехугольных постепенно оттесняются на рамку и становятся листовым орнаментом сначала только в верхней ее части, а затем заполняющим ее со всех сторон. Ранние образцы листового орнамента на рамке, по-видимому, можно датировать еще II в. Примерно тогда же, а может быть, и несколько раньше — еще в III в. появляются геральдические композиции, постепенно оттесняющие на второй план характерные для раннего времени сцены борьбы зверей, а несколько позже возникают и чисто орнаментальные построения. Судя по всем приведенным выше данным, бытование застёжек с ажурными изображениями заканчивается ко времени около начала н. э.

Нет ни одного экземпляра этого рода предметов, надежно относящегося к новой эре.

К сожалению, по условиям сохранности трудно учитывается материал инкрустаций. На вещах Сибирской коллекции, среди уцелевших на месте вставок, часто находится среднеазиатская бирюза, но встречаются инкрустации и из других камней — сердолика, агата, а также из кораллов, жемчуга и непрозрачного стекла, так называемой пасты, или эмали. По степени насыщенности инкрустациями застёжки существенно различаются между собой. Наряду с экземплярами, у которых инкрустации применялись в ограниченных размерах, имеются и такие, где они получают очень большое развитие. Не одинаковы и формы вставок, впрочем, по большей части зависящие от характера изображений. Сравнение количества и форм инкрустаций только на застёжках не приводит к убедительным заключениям. Для этого надо сопоставить различные категории предметов.

VI

Сибирское золото Гривны и браслеты

Большую группу золотых предметов Сибирской коллекции Петра I составляют гривны и браслеты, нередко украшенные по концам скульптурными изображениями животных, иногда представленных одной только головой, а иногда целой фигурой и даже сценой из двух и более фигур. Часть их согнута из проволоки той или другой толщины, а часть из трубок. И те и другие имеют форму или кольца с несомкнутыми или, наоборот, с заходящими друг на друга концами, или же спирали, состоящей из нескольких витков. Гривны из трубок чаще всего собраны из нескольких напаянных друг на друга колец, завершающихся сверху полукольцом.

Жесткая структура гривен и браслетов из трубок вызывает необходимость в специальных устройствах, с помощью которых можно было бы надевать их на шею или на руку. С этой целью они делаются разборными. Существуют два способа скрепления разборных частей — втулка и шарнир. При первом из них разборные части соединяются между собой деревянным стержнем, на который трубки насаживаются своими смежными концами. Для надежности такое крепление нередко дополняется цепочкой, соединяющей смежные концы с припаянными к каждому из них колечками.

Шарнир устраивается в виде петель по концам соединяемых частей с таким расчетом, чтобы петли одной из них входили в промежутки между петлями другой. В них пропускается вертикальный стержень, у одного края съемной части обычно расклепанный на концах так, чтобы она, вращаясь на нем, могла быть отведена в сторону при надевании гривны или браслета, а с другого составляющий запор, который легко вынимается из петель, и во избежание потери прикрепленный цепочкой к трубке.

Примером гривны из двух соединенных втулкой частей может служить, пожалуй, самый замечательный образец этого рода предметов во всей Сибирской коллекции — гривна из золотой трубки, согнутой в виде кольца с заходящими друг на друга концами, украшенными скульптурными фигурками львиных грифонов (*илл. 221*). Она состоит из двух половин, соединявшихся между собой деревянной втулкой и цепочкой между колечками, напаянными на смежных концах трубки. Противоположные заходящие друг на друга концы с насаженными на них фигурками грифонов скреплены между собой вертикальными гвоздиками.

Каждая фигурка грифона отлита из двух спаянных половинок и имеет отдельно изготовленную голову.

-то крылатые львиные грифоны, представленные в динамической позе — лежащими в готовности к прыжку. У них оскаленная пасть, на вытянутой голове козлиные рога с чашечками на концах, изогнутые крылья и изгибающийся хвост. Все части фигуры обильно уснащены ячейками для инкрустаций: глаза, складки на морде, рога, чешуеобразная грива, крылья, ребра, бедра, хвост были покрыты эстаками из бирюзы, отнюдь не нарушающими, а, наоборот, выделяющими формы зверя. Вдоль крыльев эти вставки листообразные, на ребрах в виде дуг, а на бедрах — кружка с криволинейными треугольниками по сторонам. Близкое сходство этих фигурок с грифонами на браслете из Аму-Дарьинского клада, а через него с изображениями львиных грифонов, выложенных цветными кафлями на стенах дворца в Сузах, не составляет сомнений в ахеменидско-персидском происхождении рассматриваемой гривны или, во всяком случае, ее образца, а равным образом и в ее дате — V в. до н. э., что было установлено еще Е. Придиком¹.

Не менее замечательна вторая гривна той же коллекции, согнутая из массивной трубки в кольцо с заходящими друг на друга концами, украшенными литыми фигурками львов (*илл. 218*). Она тоже состоит из двух половинок, соединявшихся деревянной втулкой. Львы здесь представлены тоже лежащими, но в более сжатых формах, чем грифоны предшествующего экземпляра, с передними лапами, вытянутыми под головой. И здесь фигуры животных покрыты ячейками для несохранившихся инкрустаций, условными формами передающих гриву, ребра, мускулатуру бедер, детали морды и изгибающегося хвоста, заканчивающегося головкой грифа. Среди инкрустаций преобладают сравнительно крупные фигуры — полукружие с вогнутым основанием, криволинейный треугольник и так называемая запятая — листовидная фигура с изогнутым острым концом, распространенная в алтайских изображениях, с которыми львы на гривне сближаются и рядом других признаков, например, формой уха с завитком в основании, трактовкой лап с длинными пальцами и др. Это, несомненно, изделие местных сибирских мастеров, представляющее собой переработку не слишком отдаленного переднеазиатского образца и относящееся, вероятно, к тому же времени, что и Пазырыкские курганы на Алтае, то есть к V—IV вв. до н. э.

Во втором Пазырыкском кургане IV в. до н. э. найдены части гривны, состоящей из изогнутой медной трубки, в полые концы которой вставлялись вырезанные из рога и покрытые золотом рельефные фигурки

львиных грифонов с козлиными рогами, лежащих один за другим по три с каждой стороны (*илл. 73*). И эта гривна и в особенности украшавшие ее львиные грифоны являются свободным воспроизведением того типа ахеменидско-персидских гривен, прекрасным примером которых служит вышерассмотренная золотая гривна с грифонами на концах из Сибирской коллекции Петра I. Роговые наконечники, составляющие значительную часть окружности пазырыкской гривны, делали ненужным специальное устройство для ее надевания — они вставлялись в концы согнутой дугой трубки тогда, когда она находилась уже на шее, и замыкали ее спереди. Однако по принципу своего устройства пазырыкская гривна сближается с трубчатыми гривнами из двух половинок на втулке.

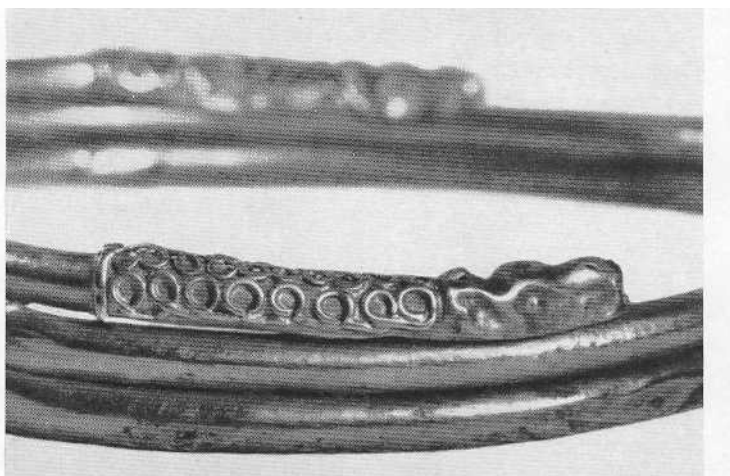
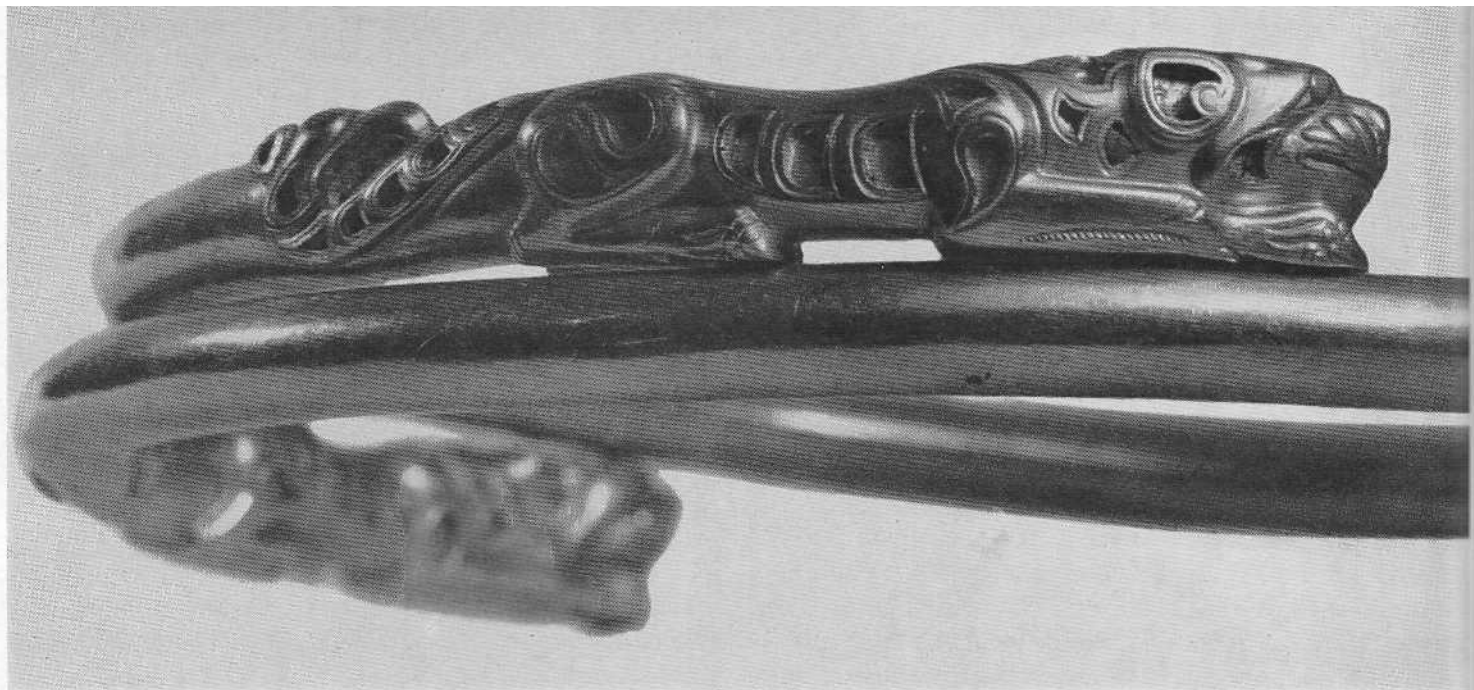
В состав Сибирской коллекции входит еще несколько гривен из трубок со съемной частью на втулках. Они отличаются от вышерассмотренных гривен, состоящих из двух частей, соединенных одной втулкой, тем, что съемная часть их, образующая примерно треть окружности, скреплялась двумя втулками. Особо следует отметить, что среди них нет гривен в виде кольца с заходящими друг на друга концами, какими являются гривны с одной втулкой. Сравнительно с последними они упрощенного устройства: вместо заходящих концов на основной обруч гривны сверху напаяно полукольцо с изображениями животных на концах.

Примитивно-варварский характер этих гривен особенно отчетливо выявляется в украшающих их изображениях. На одной из них по концам полукольца представлено по фигуре лежащего с поджатыми ногами животного, детализированного только с наружной стороны и настолько схематичного, что определить его вид невозможно (*илл. 223*). У него круглые глаза, маленькие треугольные уши, шеи нет, голова непосредственно примыкает к плечам. Плечи и бедра обведены рубчатыми поясками, а ребра обозначены дугами с такими же поперечными рубчиками. Длинный хвост из крученой проволоки зигзагами извивается позади фигуры над стержнем гривны. Того же рода и другая гривна, у которой полукольцо украшено схематическими головками животных на длинных наконечниках, орнаментально трактованных заштрихованными чешуйками (*илл. 220*). Кроме гривен из одного кольца с полукольцом в Сибирской коллекции имеется гривна из двух напаянных друг на друга колец и тоже с полукольцом наверху (*илл. 219*). Другая гривна состоит из двух колец с фигурками животных между ними (*илл. 224*). Обе эти гривны на втулках, а изображения у них

218
Золотая гривна
с фигурками львов на концах.
Сибирская коллекция

219
Золотая гривна
с фигурками зверей
на чешуйчатых наконечниках.
Деталь

220
Золотая гривна
с фигурками лежащих
зверей на концах.
Деталь

характеризуются чертами грубости и схематизма, как и на гривнах из одного кольца с полукольцом. У первой из этих гривен по концам полукольца помещено по неопределенной головке на длинном, украшенном рядами петлеобразного узора наконечнике, а у другой — две фигурки лежащих зверей, в орнаментальной трактовке голов которых много общего с головкой зверя на длинном наконечнике, покрытом заштрихованными чешуйками.

Для определения времени бытования гривен из одного кольца с полукольцом и с съемной частью на втулках большое значение могла бы иметь медная, обложенная золотом гривна из раскопанного С. В. Киселевым Каракольского кургана на Алтае, если бы была точно известна ее форма. Как и гривна из второго Пазырыкского кургана, она была украшена по концам резными, в данном случае не из рога, а из дерева, но тоже обложенными золотом головками зверя — тигра или барса с характерным загнутым сверху спиральным ухом, а вдоль наконечника узором из изгибающихся поперечных полосок². Трактовкой уха эта головка сближается с фигурами лежащих зверей между кольцами одной из рассмотренных выше гривен Сибирской коллекции, а ее орнаментированный наконечник соответствует того же рода наконечникам описанных выше гривен из одного или двух колец с полукольцом и съемной частью на втулках.

С. В. Киселев, нашедший гривну Каракольского кургана в сильно разрушенном виде, описывает ее как спиральную³, то есть сходную с ранними гривнами в виде окружности с заходящими друг на друга концами. Стилистически изображение на этой гривне, несомненно, древнее изображений на сибирских гривнах в виде кольца с полукольцом или двух колец и, судя по сходству других вещей из Каракольского кургана с находками в алтайском же кургане Шибэ, расположенном поблизости от Каракола выше по реке Урсул, относится, по данным радиоуглеродного анализа, еще к IV—III вв. до н. э. Принимая во внимание большую схематичность и грубость соответствующих изображений на гривнах Сибирской коллекции сравнительно с каракольской находкой, их надо датировать более поздним временем — III в. до н. э.

Эта дата подтверждается находкой золотой гривны того же типа, то есть в виде кольца с полукольцом и съемной частью на втулках, в сарматском кургане № 2 у деревень Карчажинской и Черноярской на реке Миассе⁴ вместе с железным наконечником копья, который К. Ф. Смирнов относит к IV—III вв. до н. э.⁵. Украшений, вставлявшихся в концы по-

лукольца, у нее, к сожалению, не сохранилось. Да, возможно, их и не было, так как, по словам К. Ф. Смирнова, верхний обруч этой гривны был закрыт золотыми кружочками по концам⁶. Найденные в сарматских курганах костяные головки кабана из Блюменфельдского кургана, льва из кургана Биш-Оба и грифона из кургана № 3 у села Тамар-Уткуль он склонен считать наконечниками гривны, хотя они и представлены единичными, а не парными экземплярами⁷.

Украшения на рассмотренных сибирских гривнах, относящихся приблизительно к III в. до н. э., стилистически не отличаются от гривен той же коллекции, но с другим устройством, а именно со съемной частью не на втулках, а на шарнирах. Они представлены несколькими экземплярами, состоящими не из одного или двух, а из многих (до десяти) колец, напаянных друг на друга и завершающихся полукольцом наверху. Смежные концы их основной и съемной частей укреплены вертикальной обоймой с петлями шарнирного устройства. Концы полуколец украшены схематическими звериными фигурками или головками на длинном орнаментированном наконечнике (илл. 225). Судя по стилистическим признакам, их можно отнести к тому же периоду, что и гривны из одного или двух колец со съемной частью на втулках. Однако типологически их следует признать не только более совершенными, но и более поздними по времени появления.

Единственная в своем роде хорошо сохранившаяся гривна со съемной частью на шарнирах состоит из трех колец, соединенных между собой двумя рядами чередующихся круглых и ромбических фигур со вставками из кораллов и бирюзы (илл. 222). Спереди по краю верхнего кольца она украшена четырьмя скульптурными фигурками львов, расположенных парами друг против друга. Они представлены лежащими с приподнятой задней частью туловища; длинный толстый хвост заканчивается головкой грифа. Шея отделена от туловища валиком, у бедра глубокая закругленная выемка, ребра показаны тремя желобками. Общим своим видом и некоторыми деталями эти фигурки напоминают скульптурные украшения на семиреченских алтарях.

Своеобразная гривна на шарнирах сохранилась только в своей передней части, задняя, большая часть ее, вероятно, согнутая из трубки, отсутствует (илл. 227). Уцелели, собственно говоря, только наконечники, надевавшиеся на концы этой трубки и соединявшиеся между собой шарнирами. Они имеют вид уплощенных, сильно схематизированных фигур баранов с вытянутыми в противоположные стороны

221
Золотая гривна
с грифонами на концах.
Сибирская коллекция

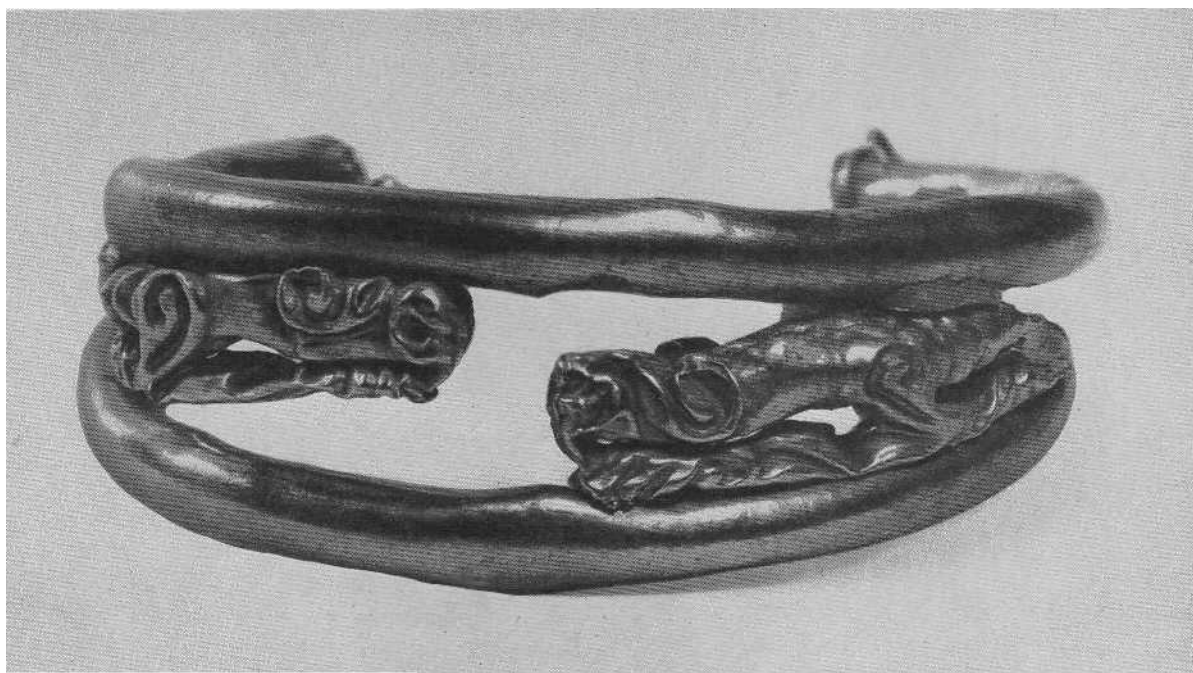
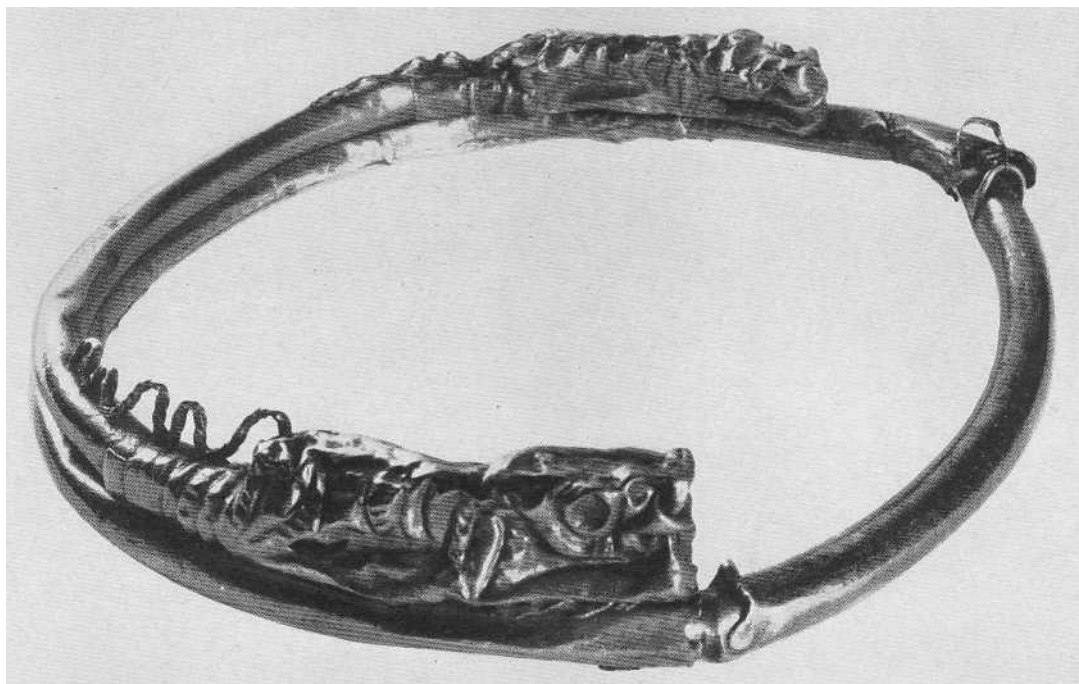

Золотая гривна
из трех колец,
с соединенных ромбами
и кружками.
Сибирская коллекция

223
Золотая гривна
с орнаментированными
львами на концах.
Сибирская коллекция

224
Золотая гривна
из двух колец с фигурами
зверей между ними.
Сибирская коллекция

передними и задними ногами, поднятой кверху головой с полукруглыми кольчатыми рогами по сторонам, внутри которых находятся ячейки для инкрустаций. По туловищу в два ряда расположены дугообразные ячейки для вставок, означающие ребра. Передние ноги в виде четырехугольного выступа, заканчивающегося петлями шарнира, трактованы продольными желобками, а задние с такими же желобками суживаются к концу и переходят в трубку. Над ними возвышается зигзагообразно изогнутый проволочный хвост, не имеющий ничего общего с бараньим, но зато близко сходный с хвостом тоже сильно схематизированного льва, представленного лежащим на концах полукольца у одной из гривен с втулками. Разворотом рогов эти бараны напоминают бараньи головки на концах проволочного спирального браслета, который будет рассмотрен дальше.

В Сибирской коллекции имеются еще две гривны на шарнирах, выделяющиеся своей оригинальностью. Одна из них представляет собой спираль в три с половиной оборота с концами, украшенными глубокими нарезками со следами инкрустации из бирюзы и стилизованными звериными головками с прижатыми треугольными ушами и как бы вырезанной мордой (илл. 226). Вторая гривна состоит из двух колец и полуколец, спаянных посредством небольших шариков между ними (илл. 228). Кольца обработаны спиральными нарезками, придающими им вид витых, а насаженные на концы полукольца головки львов соединены с ними посредством втулок, состоящих из нескольких колечек разного диаметра с ободками псевдозерни по краям. Головки эти реалистичны и хорошо моделированы складками на лбу, вокруг глаз и рта; у них мохнатые уши и разделенная продольными прядями грива. Эти головки представляют собой произведения высокого мастерства и, несомненно, не местного происхождения. Дробная реалистическая разделка их имеет много общего с такими же львиными головками в греческих произведениях IV—III вв. до н. э.; они не могут относиться ко времени раньше эллинистического, когда греческое искусство распространилось в Передней Азии и расцвело в Греко-Бактрии. Гривна с львиными головками, по-видимому, является одним из попавших в Сибирь произведений греко-бактрийского ювелирного искусства, образцы которого известны и по другим находкам в составе Сибирской коллекции. Хронология этой гривны имеет решающее значение для установления времени появления в Сибири шарнирного устройства.

Типологически спиральные гривны из трубок с шарнирным устройством занимают место между согну-

тыми из трубки гривнами с заходящими друг на друга концами и с разъемным устройством на втулках и гривнами с шарнирным замком, состоящими из наложенных друг на друга нескольких колец и полукольца. Гривны из одного кольца с полукольцом появляются в порядке воспроизведения гривен с заходящими концами и так же, как они, скрепляются втулками. Только с развитием многовитковых гривен на шарнирах возникают и многочисленные многоколечные гривны, тоже с шарнирами, так как крепление разъемной части втулками у многовитковых и многоколечных гривен практически не применимо.

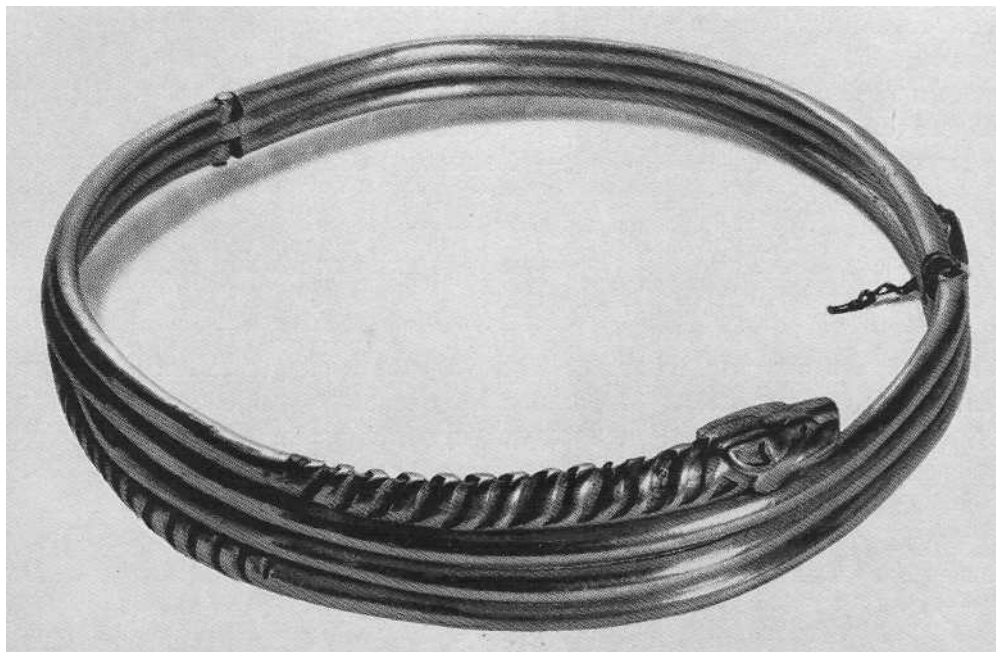
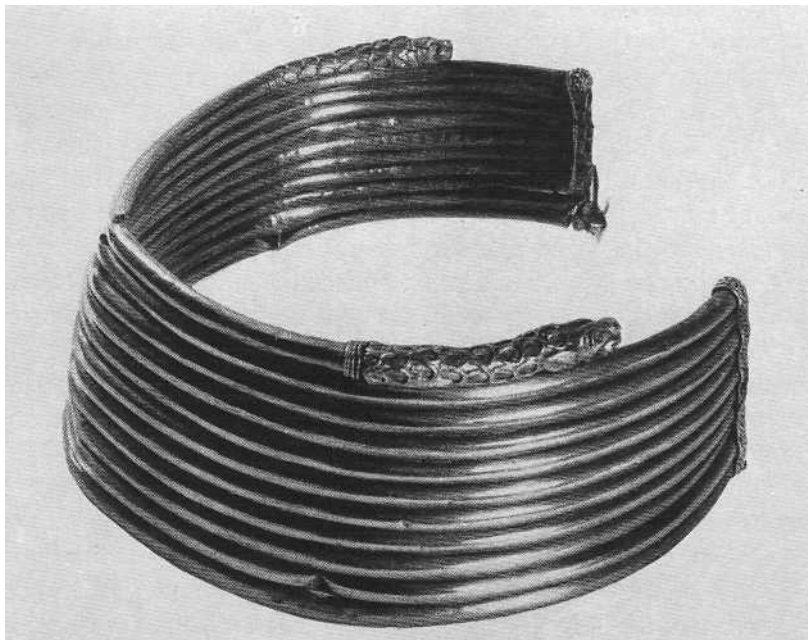
Не ясно устройство гривен на шеях парфянских царей, изображенных на их монетах⁸ (илл. 229), на рельефе из Нимруд-Дага с изображением Антиоха I и Митры⁹, а равным образом гривны прекрасной „одалиски“, представленной алебастровой статуэткой в Лувре¹⁰. Скорее всего, они спиральные трубчатые, скрепленные шарнирами, свидетельствующие, что этого рода украшения были распространены в Передней и Средней Азии в эллинистическом периоде. Оттуда они, очевидно, проникали и в Сибирь, где воспроизводились местными мастерами с теми или иными изменениями, соответствующими их вкусам и техническим возможностям. В то же время такие гривны появляются во Фракии и на Боспоре¹¹, причем с чертами, определенно исключаящими возможность их сибирского происхождения. Они, как правило, согнутые в виде спирали, а не составленные из насаженных друг на друга колец.

Согнутые из трубок гривны найдены в боспорских курганах на Таманском полуострове — в Буеровой могиле и в Ахтанизовском кургане, в кургане, раскопанном в 1881 г. в городе Анапе, а также в составе комплексов, известных под названием „кладов“ — Казинского Ставропольской области и Новочеркасского на нижнем Дону. Они представляют собой несколько типов, в общем соответствующих различным формам этих предметов в Сибирской коллекции.

Анапская гривна имеет вид кольца с заходящими друг на друга концами, украшенными астрагалами и головками оленей (ланей) с плотно прижатыми широколопастными рогами (илл. 231).¹² Она состоит из двух частей, соединенных между собой спереди вертикальным штырем, а позади, вероятно, втулкой и цепочкой между колечками на смежных концах (сохранились только колечки). Типологически эта гривна соответствует наиболее ранней из сибирских гривен — с львиными грифонами на концах, но, судя по явному сходству оленьих головок с такими же

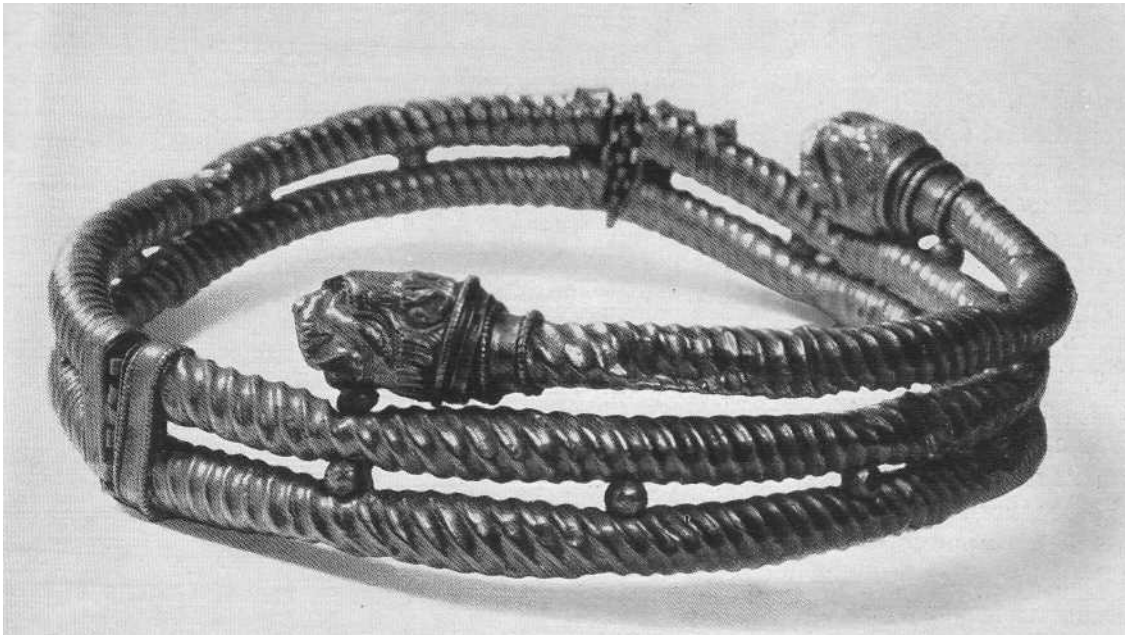
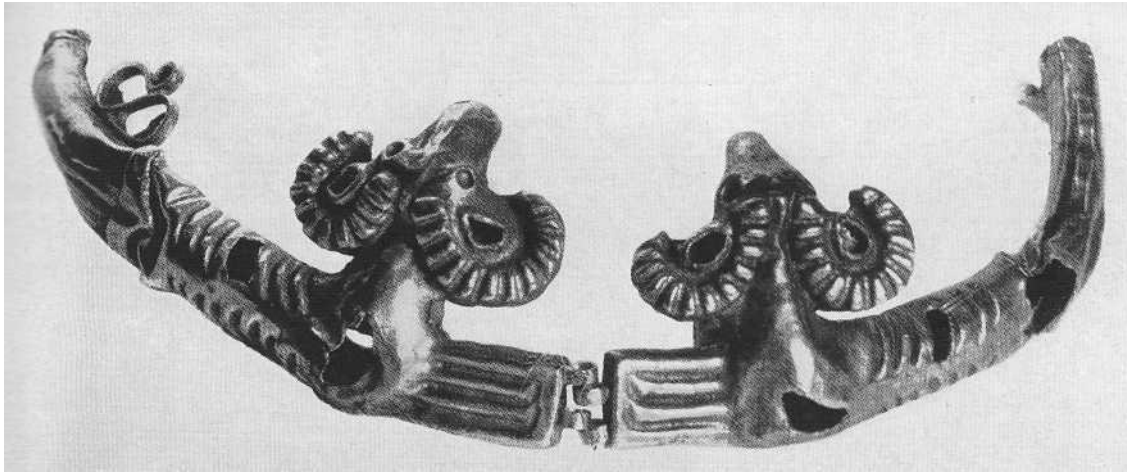
225
Многоячеочная золотая
гривна на шарнирах.
Сибирская коллекция

226
Золотая гривна
спиральная на шарнирах
со звериными головками
на концах.
Сибирская коллекция

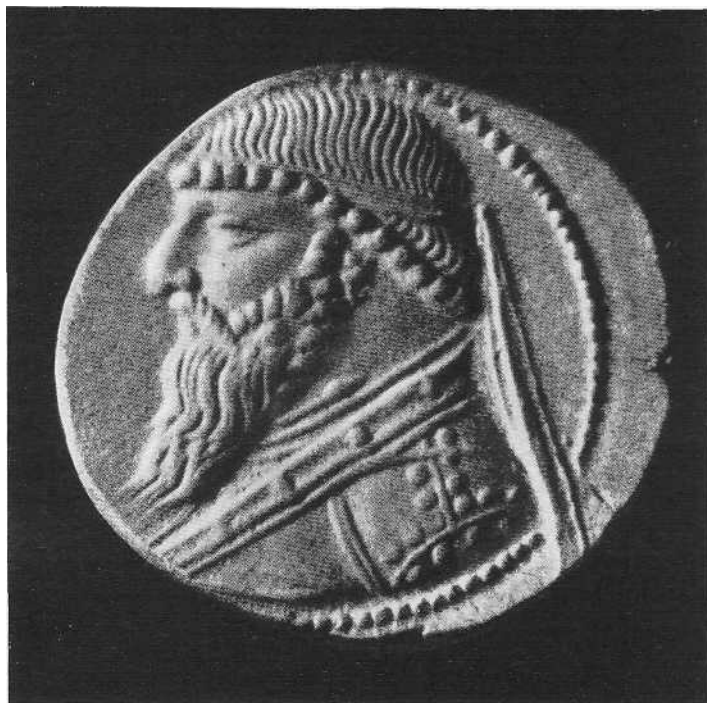
227
Золотая гривна
с фигурками баранов.
Фрагмент.
Сибирская коллекция

228
Золотая гривна
на шарнирах из двух колец
с полукольцом, с львиными
головками на концах.
Сибирская коллекция

229
Парфянская монета
с изображением царя
с многовитковой гривной
на шее (увеличено)

230
Шестивитковая золотая
гривна с головками
животных на концах.
Буерова могила

изображениями на несомненно более поздних бо-спорских же гривнах, должна датироваться не раньше конца IV в.

К еще более позднему времени, по-видимому, надо относить гривну Казинского клада, представляющую собой кольцо из толстой, по всей длине оформленной астрагалами трубки. Разъемная часть ее, составляющая примерно треть окружности, укреплялась втулками и цепочками на колечках. Вероятно, такой же конструкции была другая гривна из того же клада, сохранившаяся лишь частично, во фрагментах. Она тоже была оформлена астрагалами, а на концах украшена скульптурными фигурками, представляющими собой лежащего льва, грызущего зажатую между передними лапами голову какого-то животного. Грубоватая, но реалистическая трактовка этого сюжета, известного в Причерноморье по ряду греческих и греко-скифских произведений, начиная с IV в., указывает на эллинистическое время казинской гривны. Браслеты и гривны с астрагалами появляются в IV в. и представлены находками в Куль-

Обе и Карагодеуашхе. В последнем из этих курганов имеется золотая массивная гривна, украшенная по концам астрагалами и скульптурной сценой терзания кабана львом, выполненной в том же греко-эллинистическом стиле, что и гривна Казинского клада, но в более артистическом исполнении. По своему устройству на втулках казинские гривны

имеют близкие соответствия в Сибирской коллекции, где такого рода шейные украшения, как мы видели, типологически предшествуют гривнам на шарнирах и датируются IV—III вв. до н. э. Казинские гривны тоже не могут быть позже III в. до н. э. Гривны Буеровой могилы и Ахтанизовского кургане имеют вид плотной многовитковой спирали с концами, украшенными астрагалами и головками животных, и с разъемной частью на шарнирах. Гривна из Буеровой могилы состоит из шести витков, на ее концах, как и на анапской гривне, головки оленя с хорошо моделированной мордой, длинными острыми ушами и широколопастными рогами, как у уши, плотно прижатыми к шее (илл. 230)¹³ В Ахтанизовском кургане найдены три такие же гривны. У одной из них, самой узкой— всего в три витка,— на концах головка неопределенного животного с длинной мордой без рогов и короткими ушами, у второй, в шесть витков, головки оленя с прижатыми к шее ушами и рогами и у третьей, в девять витков,— опять безрогого, но длинноухого живот-

Золотая гривна
с головками лани на концах.
Деталь.
Анапа, курган

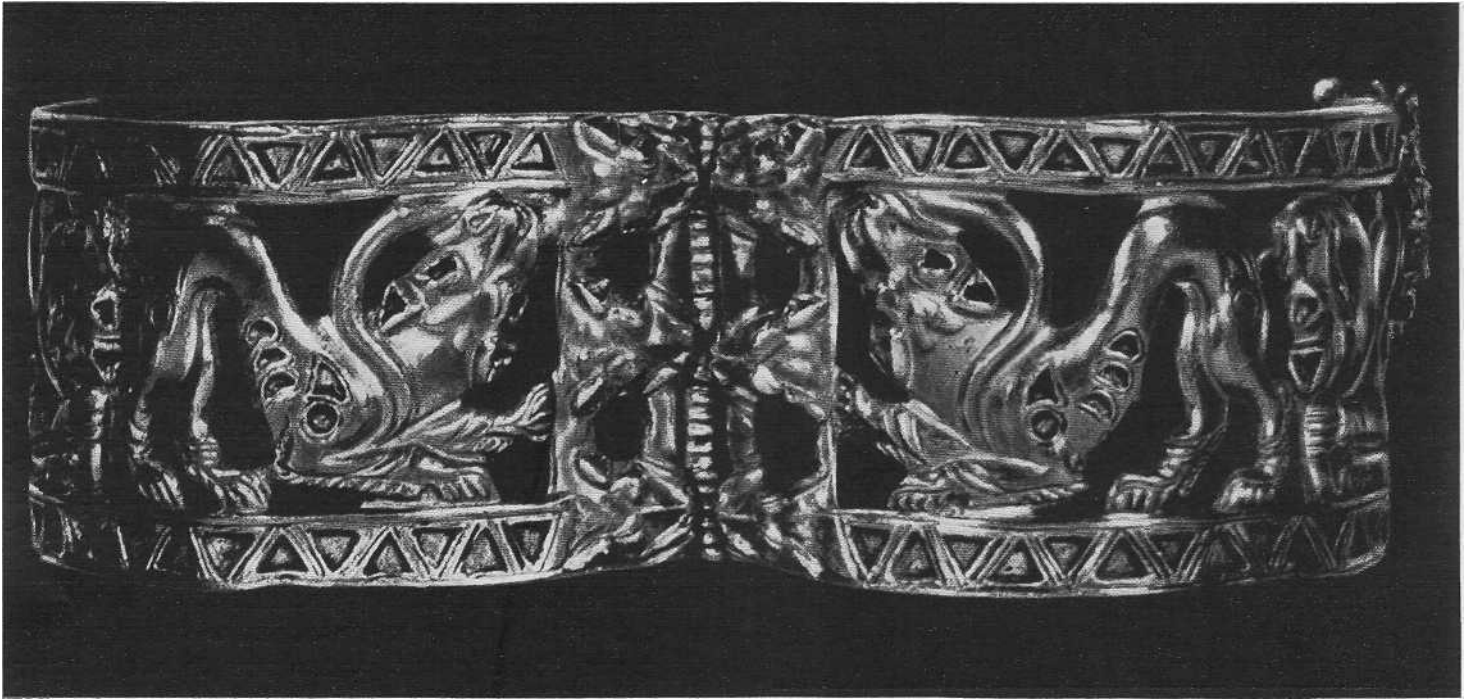
го. Моделированы все эти головки грубее, чем на вне Буровой могилы, но в том же стиле. На обороте самой широкой ахтанизовской гривны царяпаны греческие буквы, означающие вес предмета, что, по мнению М. И. Ростовцева, указывает, что она сделана греческим мастером. Это заключение следует распространить и на другие таманские гривны, включая сюда и анапскую, так как стилистически они ничем существенным не отличаются друг от друга и одинаково могли выйти из боспорских ювелирных мастерских, изготовлявших вещи зарварского быта в традиционном греко-персидском стиле.

По своему стилю таманские гривны резко отличаются от сибирских и представляют другую, хотя и параллельную сибирской, но независимую от нее линию развития. Замечательно, что среди таманских нет характерных для Сибири гривен, составленных из наложенных друг на друга колец с полукольцом наверху, представляющих собой упрощение многовитковой спиральной гривны; изготовление спирали

из жесткой трубки являлось сложной задачей, требующей, очевидно, более высокой квалификации, нежели та, которой обладали сибирские мастера. По всей вероятности, сибирские и таманские гривны восходят к общим, скорее всего, иранским образцам, но создавались они совершенно независимо друг от друга в свойственном каждой из их областей художественном стиле. Таманские спиральные гривны с шарнирами датируются по времени погребальных комплексов, в составе которых они найдены, III—II вв. до н. э., что косвенным образом подтверждает указанное выше время появления шарнирного устройства в Сибири не ранее III в. до н. э. Ко II в. до н. э. шарниры полностью вытесняют втулки как способ крепления растворной части гривен. В это время шарниры применяются для соединения частей и таких предметов, как диадемы и браслеты. Широкой известностью пользуется трехчастная на шарнирах диадема Артюховского кургана, относящегося ко II в. до н. э.¹⁵. Не менее знамениты диадема и гривна Новочеркасского клада начала н. э.¹⁶. Браслеты с шарнирами получают распространение в позднейшее время. Из ранних известен только один золотой браслет этого рода из местности Дуздак Кагалинского района (бывш. Сыр-Дарьинской области) (илл. 56).

Из браслетов Сибирской коллекции особняком стоит пластинчатый браслет из трех спаянных между собой ажурных полос с изображениями борьбы животных (илл. 234 а, б): в верхней и нижней дважды повторяется нападение волка на барана, а средняя целиком занята нападением двух волков на лошадь. Все фигуры схематизированы, с перевернутой задней частью, плоские, с гравированными деталями и с мелкими ячейками для инкрустаций в виде кружочков, треугольников, запятых и других форм. По концам браслета напаяно по рельефной фигурке лежащего зверя. Следует особо отметить последовательно проведенный в изображениях всех животных на этом браслете мотив перевернутой задней части фигуры, что в других композициях борьбы зверей на вещах Сибирской коллекции встречается только на двух парах застежек — одной со сценой терзания лошади крылатым тигром и другой с геральдической композицией по сторонам дерева, а также на бляшках от пояса с последней из этих застежек и на круглой бляшке с изображением схватки тигра с лосем. Значительно больше примеров применения этого мотива дают алтайские курганы, однако все они, как и указанные изображения Сибирской коллекции, стилистически далеки от изображений на золотом пластинчатом браслете.

232
Золотой
пластинчатый браслет
со сценой борьбы
тигра со змеей.
Пакистан

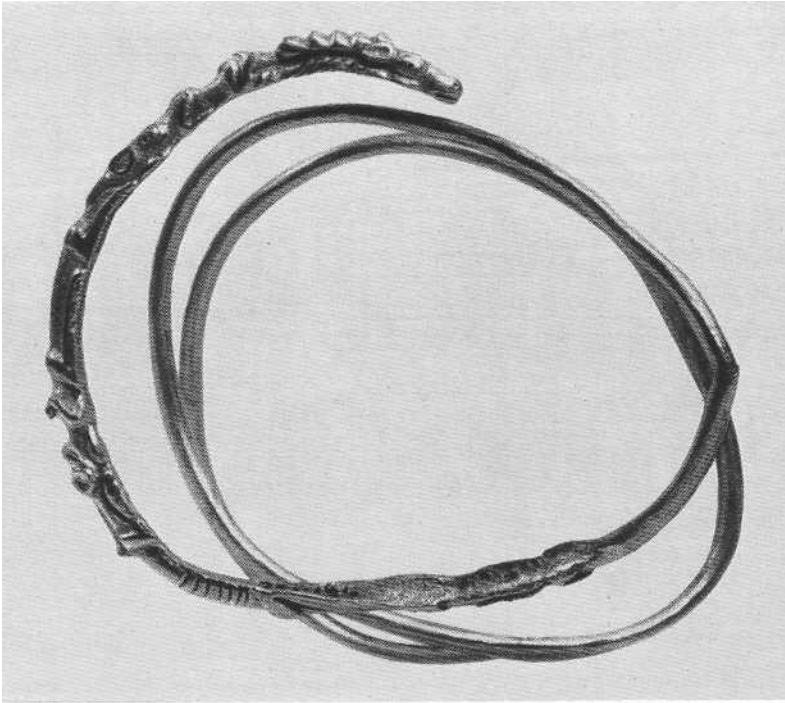
Ближе всего к нему стоит упомянутый ажурный браслет из Дуздака с фигурой лошади, лежащей с вытянутой на длинной шее головой и с перевернутой задней частью туловища. Изображения на нем отличаются такими же, как на сибирском браслете, удлинёнными формами, таким же рисунком головы и шеи, такими же острыми листовидными копытами. Однако фигуры на сибирском браслете уплощенные, с гравированными деталями и в ряде случаев с геометрическими ячейками для инкрустаций на теле, чего нет у дуздакских лошадей, более объемных и пластичных. Тем не менее как тип браслета, так и стиль изображения того и другого экземпляра близки между собой и относятся если не к одному и тому же, то близкому времени.

Подобные дуздакскому широкие ажурные браслеты известны по находкам в Северо-Западном Пакистане. Один такого рода браслет хранится в Пешаварском музее (илл.232), а другой в Кёльне (Римско-Германский музей). Так же, как и браслет из Дуздака, они состоят из двух створок на шарнирах, но ободки

у них плоские, с орнаментом из инкрустированных треугольников. На каждой створке по ажурному изображению припавшего на передние лапы, но с высоко поднятым поджарым задом зверя, вокруг поднятой головы которого обвивается змея. По узким сторонам створок рельефные головки зверей в фас, по три с каждого края. По сюжету изображения на створках напоминают сибирские застёжки со сценой борьбы волка со змеей, но стилистически они отличаются от них прежде всего совершенно необычным для сибирских застёжек обильным применением инкрустаций в их, так сказать, классических формах, а именно в виде кружка с криволинейными треугольниками на плече и на бедре животных и широкой скобки на ребрах. Такие формы инкрустаций характерны для Аму-Дарьинского клада, а в Сибири известны только у наиболее ранних гривен с фигурами грифонов и лежащих львов на концах. К. Иеттмар датировал пакистанские браслеты II в. до н. э.¹⁷, что, принимая во внимание моделировку изображений и наличие шарниров, вполне

223
Золотой браслет
с изображением оленя
и части хищника
и второго хищника
издали первого.
Сибирская коллекция

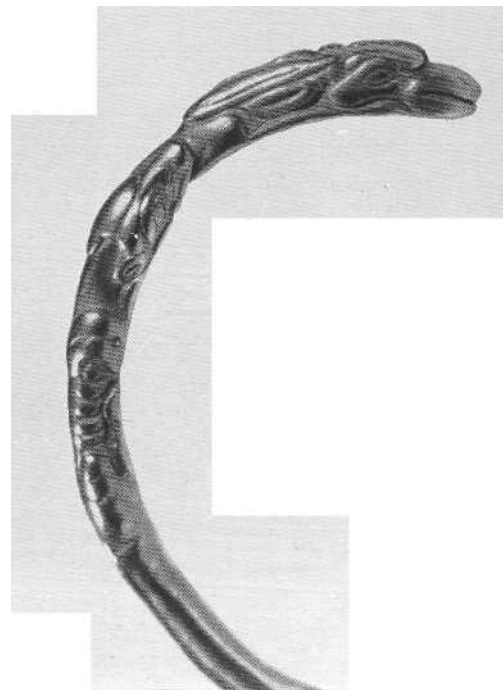
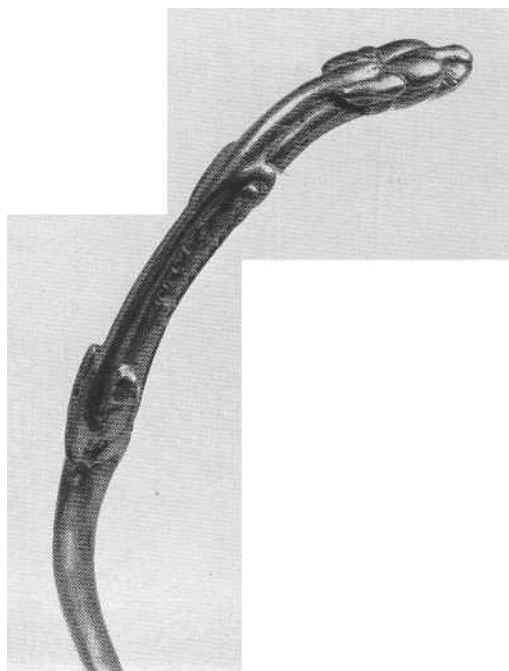
224 а, б
Золотой браслет
пластинчатый.
Сибирская коллекция

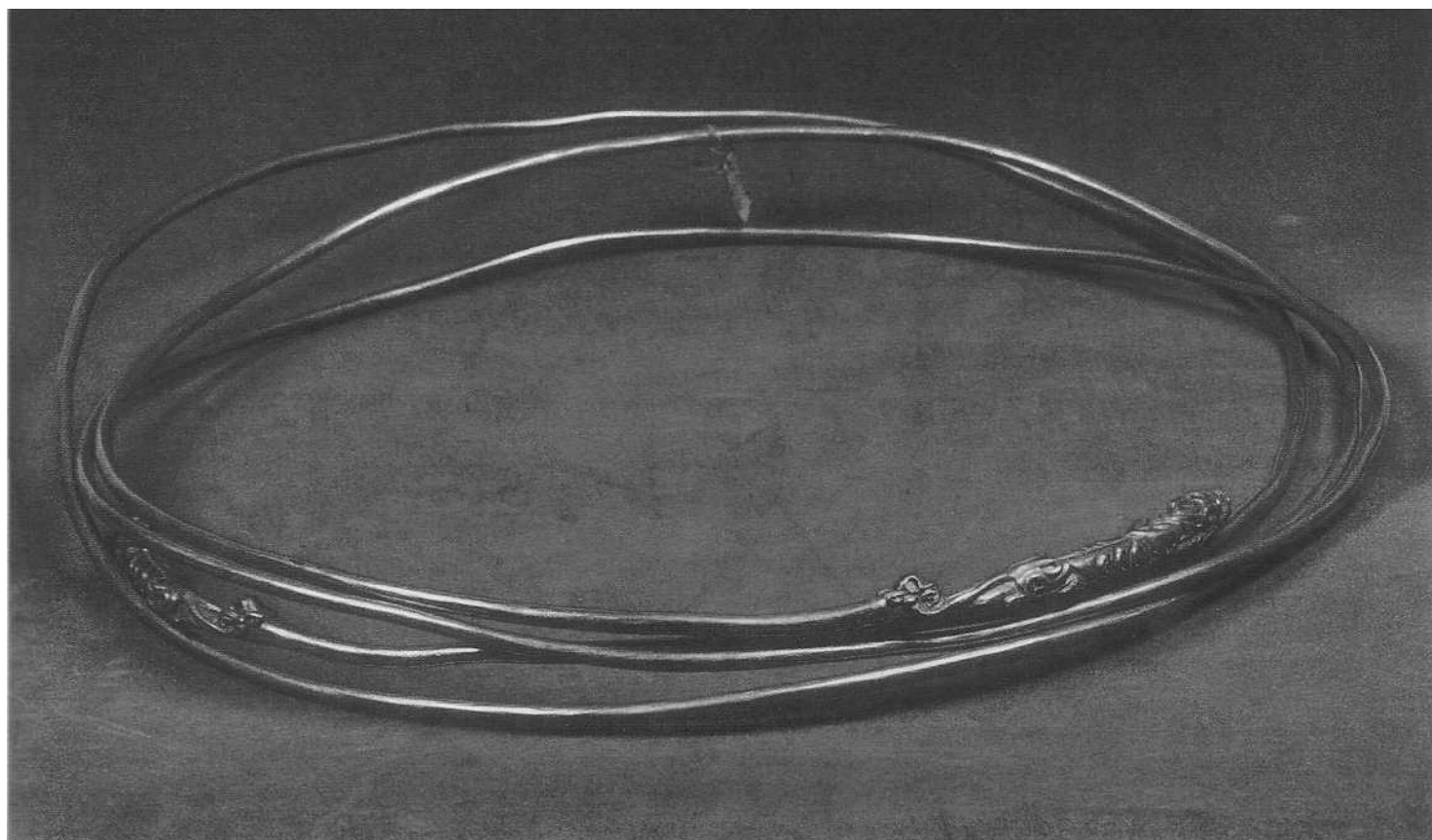
235
Деталь гривны № 238

236
Гривна со схематизированной
головкой зверя на конце.
Деталь.
Сибирская коллекция

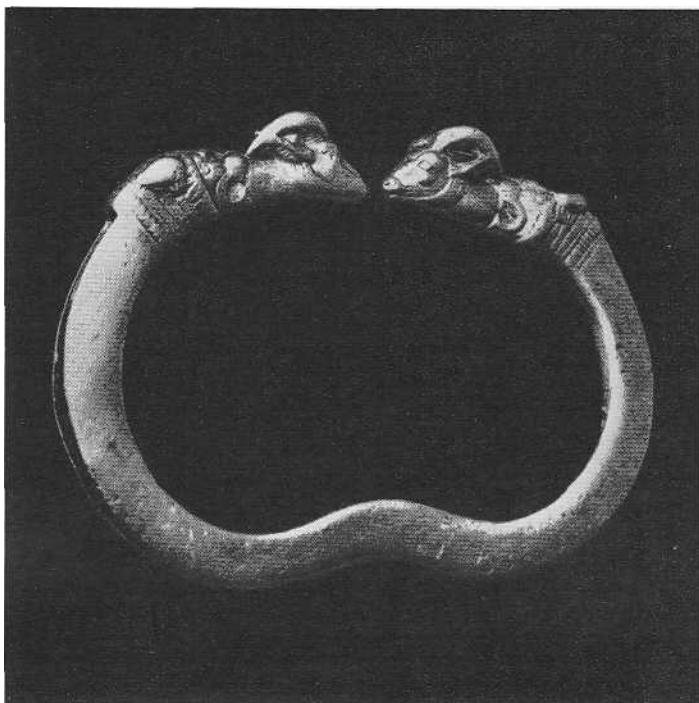
237
Золотой
спиральный браслет
с изображением головы
олени в пасти хищника.
Деталь.
Сибирская коллекция

Проволочная гривна
с фигурками львов
на концах.
Сибирская коллекция

239
Золотой браслет
с головой льва,
заглатывающего оленя.
Аму-Дарьинский клад

вероятно. Вероятна и указанная им связь этих браслетов с Греко-Бактрией с той, однако, поправкой, что эта страна была не посредником в передаче форм искусства сибирских кочевников в Индию, а частью восточноиранского очага их формирования, распространявшего свое влияние и на Индию и на степи Евразии. Важно особо подчеркнуть, что классические формы инкрустаций, созданные в этом очаге в V—IV вв., продолжали в нем применяться и позже без существенных изменений, в связи с чем найдется появление их в сарматском искусстве в то время, когда в Сибири они были уже заменены другими, с наиболее распространенными листовидными фигурами. Примером может служить единственная в сарматских памятниках ажурная пластина Р-образной золотой застежки с изображением фантастического зверя, найденная В. П. Шиловым в погребении у села Верхнее Погромное, датированным им I в. до н. э.¹⁸ Эта пластина еще в древности была переломлена, а затем тщательно скреплена штифтиками и может относиться ко времени более раннему, чем

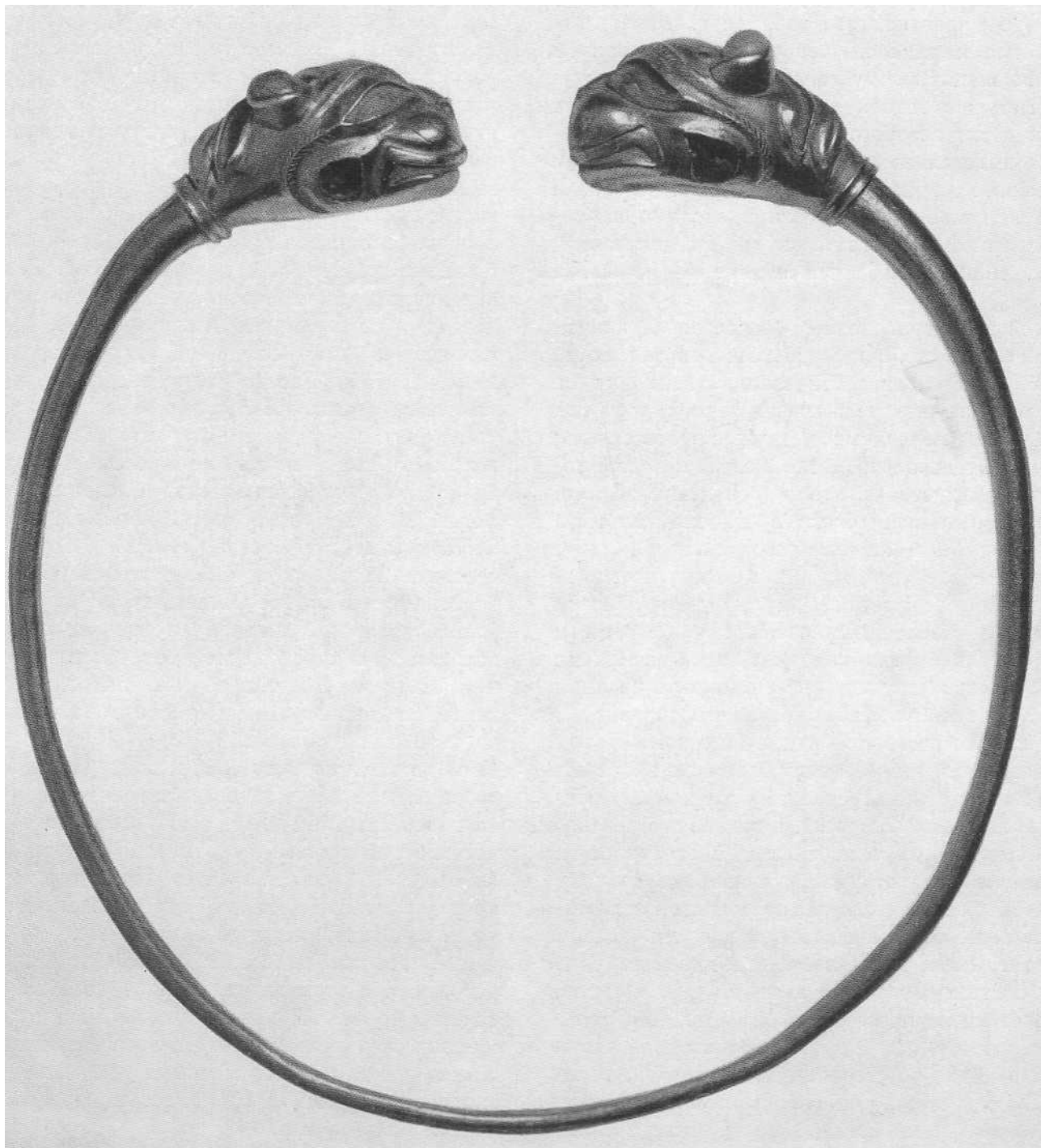
погребение, в котором она была найдена, но не древнее II в. до н. э.

Большинство браслетов и гривен в течение всего времени их существования делалось из различной толщины проволоки в виде колец с несомкнутыми и/или заходящими друг на друга концами или же спиралей с тем или иным числом оборотов. Они различаются между собой главным образом украшениями на концах, или выкованными из того же стержня, из которого они согнуты сами, или отлитыми отдельно, а затем напаянными на них. К наиболее ранним образцам проволочных гривен в Сибирской коллекции относится спиральная гривна в три оборота со скульптурой лежащего льва на каждом конце (илл. 235, 238). В соответствии с толщиной стержня гривны фигура его сильно сжата, передние лапы протянуты под длинной шеей, а задние с едва возвышающимися бедрами подогнуты под брюхо. Тело завершается длинным, раздваивающимся хвостом, заканчивающимся головкой ушастого грифа. Тупая морда хищника детализирована выделенным носом, мохнатыми губами и обведенными ободками удлиненными глазами, инкрустированными черным стеклом; сравнительно большие уши треугольной формы оформлены выемкой для инкрустации из бирюзы. Шея трактована изогнутыми прядями гривы с узкими ячейками для вставок. Выделенные плечи и бедра подчеркнуты инкрустациями, ребра показаны полукруглыми ячейками, на лапах обозначены пальцы. Стилистически фигурки на этой гривне примыкают к вышерассмотренным скульптурным изображениям львов на концах трубчатой гривны с втулкой, в свою очередь сближающейся с ахеменидской гривной, украшенной крылатыми грифонами. Основываясь на приведенных сопоставлениях, проволочная гривна с львами на концах вполне может быть отнесена к IV в. до н. э.

Того же рода скульптурными фигурками лежащих львов с утраченной у одного из них головкой украшен проволочный спиральный браслет из десяти витков (илл. 236). Фигурки тоже моделированы ячейками для инкрустаций в виде „скобок и запятых“, которые С. И. Руденко считает верным признаком произведений V—IV вв. до н. э.

Стилистически близко сходна с этими гривной и браслетом еще одна пара проволочных браслетов в виде спирали из семи витков. На концах их напаяно тоже по очень сжатой фигурке лежащего хищника с выделенными лопатками и бедрами, но с менее детализированными, чем на гривне, другими частями тела и без ячеек для инкрустаций, хотя и с нарезками вместо них на соответствующих местах.

200
Золотая проволочная
серьга с головками львов
на концах.
Сибирская коллекция

Эти браслеты, вероятно, более поздние, чем гривна, но едва ли очень далеко отстоят от нее.

Две пары проволочных спиральных браслетов отличаются тем, что концы их украшены не отдельными фигурками зверей, а сценами, состоящими из двух или трех животных. Так, на одной паре браслеты из одиннадцати витков заканчиваются очень сжатыми изображениями головы оленя, выступающей из пасти заглатывающего его хищника (*илл. 237*). Эта голова представлена в довольно детальной моделировке: мягкие губы приоткрытого рта, треугольные глаза и прижатые к длинной шее уши и рога, причем последние имеют форму лопасти с двумя треугольными выступами вдоль верхней стороны. Голова зверя, в пасти которого она находится, охарактеризована выделенным носом, удлинёнными глазами и маленькими острыми ушами. Туловище его позади гладкой шеи испещрено нарезками, скорее орнаментального, чем сюжетного характера, среди которых, впрочем, еще улавливаются намеки на поджатые ноги.

На другой паре проволочных браслетов на концах представлен тот же, но более усложненный мотив (*илл. 233*). Здесь из пасти хищника выходит не одна голова, а часть тела оленя с поджатыми под длинной шеей передними ногами с выделенными лопатками. От довольно мягко моделированной головы этого животного вдоль шеи тянутся рога. У хищника большая голова с широко открытой пастью, с загибающейся вниз верхней губой, такие же, как у оленя, глаза с веками и вытянутые остроконечные уши с завитком внутри. У него длинное туловище с выделенными плечами и бедрами и плотно поджатые лапы с намеченными нарезками когтями. Туловище между ногами покрыто редкими точками. За этим зверем помещен второй хищник, тоже с широко раскрытой пастью, с острым выступом над верхней губой, выпуклыми полукруглыми глазами и небольшими треугольными ушами. Передние лапы поджаты под шеей, а задние с отчетливо очерченными, как и плечи, бедрами вывернуты назад. Сверху вдоль них протянут хвост с загнутым кверху кончиком. По бокам туловища дугообразными нарезками показаны ребра, на лапах обозначены пальцы или когти. Сзади этого зверя имеется еще одна голова, обращенная в противоположную сторону. Из рта ее выходит стержень браслета. Она моделирована так же, как и другие головы этой сложной композиции: по сторонам пасти ноздри, удлиненные глаза с веками, уши небольшие, листовидные. Трудно сказать что-нибудь вполне определенное о времени сибирских браслетов со сценами пожи-

рания хищником оленя, но, судя по стилистическим признакам, они не могут быть много позже описанных в данной группе проволочных браслетов. Существенно отметить, что изображения на наконечниках гривен из наложенных друг на друга колец с шарнирами, относящихся, в общем, к III—II вв. до н. э., стилистически отличаются от них значительно большей орнаментальностью и схематизмом, что дает основания относить проволочные браслеты и гривны с изображениями животных на концах в целом к более раннему времени, чем эти гривны на шарнирах. Вместе с тем несомненно, что и проволочные гривны и браслеты не одновременны и что наряду с теми, которые выше отнесены нами к IV в., есть и более поздние, современные гривнам на шарнирах.

В Аму-Дарьинском кладе имеются кольцеобразные и спиральные браслеты с орнаментированными наконечниками, снабженными головками львов, ланей, баранов, грифонов и других животных. Некоторые наконечники были украшены инкрустациями в поперечных выемках или в перегородках. Но среди них нет ни одного со сценой заглатывания одного зверя другим. Однако такие изображения встречаются на других ахеменидско-персидских же браслетах не менее раннего времени. Так, например, головкой льва с торчащей из ее раскрытой пасти головкой козла украшен золотой браслет архаической формы с вогнутостью посередине кольца, хранящийся в музее в Карлсруэ (*илл. 239*). Того же рода браслеты находятся в частной коллекции в Страсбурге. Древность же мотива, кроме того, доказывается гравированным изображением на клыке, происходящем из кургана VI в. у села Цветочного (Блюменфельда) на Волге, и другими подобными находками. Он многократно повторяется в украшениях из алтайских курганов.

Хотя хронология Аму-Дарьинского клада остается спорной, все же установленное Дальтоном время находящихся в нем вещей остается наиболее обоснованным¹⁹. В составе этого клада, образовавшегося из вещей, скупленных через посредников, могли, конечно, попасть, так же как и монеты III—II вв. до н. э., ювелирные изделия того же, что и они, времени, но для выделения их пока что нет никаких оснований. В этом кладе имеется пара массивных золотых браслетов, оформленных в виде двух обращенных друг к другу зверей, которые своими сжатыми, орнаментализованными формами близки к сходны с фигурами на сибирских проволочных браслетах. Дальтон датирует их III в.²⁰, но если эта аму-дарьинские браслеты относятся к основному

составуклада, то их следует учесть как указание на хронологическую близость с ними сибирских проволочных браслетов и соответственно с этим датировать последние если не IV, то III в. до н. э. Не может быть полной уверенности в хронологии находящегося в Сибирской коллекции проволочного браслета с заходящими друг на друга концами, со скульптурной фигуркой лежащего льва на каждом из них, представленного в обобщенных формах со слегка повернутой в сторону головой.

Самыми замечательными чертами этого изображения являются, во-первых, четкая грань, отделяющая шею зверя от его туловища, причем на спине она образует двойной, заостренный и слегка изогнутый выступ, и во-вторых, раздваивающийся хвост с завитком на каждом из концов, охватывающих стержень браслета с боков. Подобная грань между туловищем и шеей имеется у волка в схватке со змеей на паре ажурных застежек Сибирской коллекции (илл. 187). По другому признаку, а именно по закругленной выемке у бедра, львов на концах браслета можно сопоставить с фигурами зверей, которых мы видели на верхнем крае гривны с шарнирами, украшенной между кольцами ажурным орнаментом из ромбов и кружков с инкрустациями (илл. 222). Раздвоенный хвост имеется у фигуры лежащего льва на концах проволочной гривны, похожей по ряду признаков на ранние трубчатые гривны Сибирской коллекции с изображениями грифонов и львов, относящиеся ко времени не позже IV в. до н. э. Принимая во внимание все эти соответствия, проволочный браслет с лежащими львами на концах может датироваться IV—III вв. н. э., хотя и без полной уверенности.

Несколько гривен и браслетов Сибирской коллекции украшено по концам одиночными головками животных. Наиболее замечательна из них гривна в виде обруча с несомкнутыми, несколько расширяющимися концами с насаженными на них крупными головками, по-видимому, львов (илл. 240). Эти головы с полушаровидными ушами, ребром вдоль лба, резкими складками вокруг удлинённых глаз, продолжающимися до конца челюсти, маленьким носом, раздвоенной верхней губой с точками, означающими усы, приоткрытой обведенной рамкой пастью с угловатыми краями и таким же образом выделенными полукружиями на концах челюстей были украшены вставками бирюзы в выемках глаз, ушей и челюстей, а также в прядях гривы, показанной двумя парами ячеек за ушами по сторонам шеи. Моделировка этих головок подобна вырезанным из дерева изображениям животных в алтайских курганах. На оконч-

нике-шее у гривны Каракольского кургана грива стилизована сходным образом. На основании этих сопоставлений сибирскую гривну с львиными головками можно отнести к IV в.

Другая проволочная гривна в виде спирали в пять оборотов украшена по концам настолько схематизированными маленькими головками животных, что даже вид их невозможно установить. Общим своим характером они напоминают головки на согнутой спиралью трубчатой гривне на шарнирах, ее концы, кроме того, украшены поперечными нарезками со вставками бирюзы.

Весьма схематичны также головки баранов, завершающие проволочный браслет в виде спирали из трех витков. У них тонкая морда и завернутые по ее сторонам рога со слегка отогнутыми кверху концами. Эти головки отдаленно напоминают бараньи же головы аму-дарьинского браслета и наконечников сибирской гривны с шарнирами между ними, хотя и сильно стилизованной, но все же относящейся, по-видимому, еще к III—II вв. до н. э. Проволочный браслет с коваными бараньими головками, вероятно, более позднего времени, судя по сарматской аналогии, может относиться ко II—I вв. до н. э.

Определение хронологии золотых вещей Сибирской коллекции встречается с большими трудностями вследствие, как уже говорилось, ограниченности сравнительного материала, к тому же, в свою очередь, остающегося в большей части хронологически не определенным. Сопоставление гривен на втулках и шарнирах с иранскими и боспорскими памятниками привело к определенным положительным результатам. Подобного же рода сопоставление проволочных гривен и браслетов с соответствующими сарматскими находками, хотя и не имеет решающего значения, также было бы не бесполезным. Однако большинство находок этого рода в сарматских курганах сами остаются строго не датированными. Да к тому же, несмотря на общее сходство сибирских и сарматских произведений искусства, между ними наблюдаются существенные различия, свидетельствующие о самостоятельном развитии каждой из этих областей скифо-сибирского звериного стиля.

В заключение данного раздела следует вернуться к упомянутому выше золотому, проволочному браслету из местности Дуздак в Средней Азии, найденному вместе с растворным браслетом на шарнирах с ажурным изображением повторенного на каждой створке коня (илл. 55). На концах этого проволочного браслета напаяно по литой сжатой фигурке фантастического зверя с вытянутым туловищем и поджатыми под длинной шеей передними лапами,

а задние лапы зверя вытянуты вдоль стержня браслета назад. На его туловище обозначены ребра в виде налегающих друг на друга полуовальных срезов-чешуек, голова его с удлинёнными глазами с веками, приоткрытым ртом, обведённым рельефными губами, с выделённым носом, трактованным в виде птичьей головки, и с острыми изгибающимися ушами. Вдоль шеи и спины протянут ряд из восьми птичьих головок с торчащими ушами, круглыми глазами и загнутым клювом. Над задними ногами изгибается длинный хвост с раздвоением и такой же, как на рогах и носу, птичьей головкой на каждом конце.

Общим своим характером и рядом деталей этот фантастический зверь сближается с изображениями, завершающими проволочные гривны и браслеты Сибирской коллекции, а по своему типу он соответствует такому же зверю, представленному в борьбе с тигром на паре ажурных застежек той же коллекции — рог этого зверя тоже составлен из птичьих головок, такими же головками у него заканчиваются хвост и нос. Сходные элементы мы видим и на другой паре застежек, где представлена борьба тигра с грифом и волком из-за добычи, а равным образом у скульптурных зверей на большой бляхе со скобкой внизу. Все эти произведения относятся ко времени не раньше III в. до н. э. Тем же или несколько более поздним временем (II в. до н. э.) следует датировать и Дуздакскую находку, чему не противоречит форма другого найденного вместе с ним двухстворчатого браслета на шарнирах (*илл. 56*).

Дуздакская находка важна еще и в другом отношении, а именно тем, что подтверждает тесную связь сибирского искусства со Средней Азией. Хотя полного тождества в произведениях, найденных в Средней Азии и Сибири, не наблюдается, искусство там и тут развивалось на общей основе и в одном и том же направлении. Тот факт, что в Сибирской коллекции относительно мало вещей, соответствующих произведениям среднеазиатского искусства, представленных в составе Аму-Дарьинского клада, нельзя не расценивать как определенное указание на то, что сибирские золотые изделия, в общем, позже аму-дарьинских находок и что хронологическая граница между ними пролегает где-то в пределах второй половины IV в. до н. э. Замечательно, что и искусство Алтая, теснейшим образом связанное с иранским искусством ахеменидского периода, представляет параллели только для наиболее ранних образцов Сибирской золотой коллекции, большинство произведений которой относится к следующему, эллинистическому периоду.

Тесные связи и зависимость сибирского искусства от Средней Азии как провинции Ирана обусловили различие искусства сибирских саков от одновременного с ними скифского искусства Северного Причерноморья, где с большой силой на развитие искусства влияла античная Греция. Воздействие греческого искусства в Сибири было опосредованным через Иран и только в эллинистическом периоде его роль усилилась благодаря возникновению Греко-Бактрии. Однако, к этому времени в сибирском искусстве уже были созданы свои особые формы, оказавшиеся достаточно жизненными, чтобы противостоять наплыву новых художественных элементов. В гуннское время — в первой половине I тысячелетия н. э. к востоку от Енисея возникло своеобразное искусство, в котором как свидетельствуют недавние находки гравированных на дереве рисунков в таштыкском склепе под горой Тепсень на Енисее²¹, получают распространение повествовательные композиции, реалистически отражающие текущие события из жизни оставившего их общества.

VII

Сибирское золото Личные и конские украшения Статуэтки и сосуды

Остается неизвестным назначение находящегося в Сибирской коллекции замечательного украшения, представляющего собой бляху в виде развернутой в фас фигуры орла или грифа с раскрытыми крыльями, поднятым кверху веерообразным хвостом и с выступающей вперед скульптурной головой на изогнутой дугой шее, держащего в когтях извивающегося козла (илл. 241). На обороте этой бляхи в верхней части крыльев припаяны две пластинки с шестью проволочными петлями у каждой, за которые она прикреплялась, как полагали еще Н. П. Кондаков и И. И. Толстой, к головному убору в качестве эгретки¹. Это украшение действительно напоминает золотую эгретку Аму-Дарьинского клада с двумя тонкими, перпендикулярно прикрепленными пластинками на обороте, которыми она закреплялась к какой-то, видимо, мягкой основе, и, сама эгретка, по всей вероятности восточноиранского происхождения. Однако такого рода украшения нигде в скифо-сибирском мире не засвидетельствованы. Какой бы цели сибирское украшение ни служило, оно великолепно по мастерству исполнения, в особенности, если представить себе его с ныне исчезнувшими разноцветными инкрустациями, сверкающими на золотом фоне.

Голова грифа, склоненная к жертве в положении готовности к удару, имеет загибающийся в открытый рот клюв, длинные припаянные уши (одно утрачено) и продолжающийся вдоль шеи зубчатый гребень. Вся шея его покрыта чешуеобразными ячейками для инкрустации, простирающимися и на грудь. Крылья в верхней части стилизованы такими же чешуеобразными ячейками, а в нижней продольными маховыми перьями в виде ряда рельефных ребер, пространство между которыми заполнено косой штриховкой. Поднятый кверху расширяющийся хвост тоже состоит из продольных перьев со штриховкой. Но здесь вдоль каждого пера идет желобок с расположенными на равном расстоянии друг от друга четырьмя петельками, в которые, вероятно, вставлялась нить с какими-то пронизками. На концах хвостовых перьев круглые ячейки для инкрустации. Обрамленные в верхней части длинными перьями, как бы штанами, ноги грифа заканчиваются охватившими туловище жертвы когтями с кружочками инкрустаций на суставах.

Козел с прижатыми к туловищу передними ногами и с перевернутой задней частью тела, с бьющимися в воздухе задними ногами представлен ревушим. Под нижней челюстью у него небольшая борода,

а над головой возвышается круто изогнутый рог с кольцами, покрытыми ячейками для инкрустации. Тело его также изобилует инкрустациями в виде треугольников, дуг, листовидных фигур и кружка с криволинейными треугольниками по сторонам на бедре.

Уцелевшие остатки инкрустации представлены в виде вставок черного стекла в глаз козла, голубой эмалью в ячейках на теле этого животного и вишнево-красной в листовидных ячейках, обводящих верхний край крыла. Отдельные элементы декорации этого замечательного произведения имеют полные аналогии с другими украшениями Сибирской коллекции, а в целом гриф сходен с фантастической птицей, борющейся за добычу с тигром, на поясных застежках того же собрания и с выполненным аппликацией изображением на седельной покрывке первого Пазырыкского кургана в сцене нападения на лося.

Особенно же большое сходство замечается с вырезанными из кожи композициями из второго Пазырыкского кургана, сохранившимися только во фрагментах, из которых на одном частично уцелела фигура барана с круто загнутым рубчатый рогом и низ вцепившейся в его спину птицы с такими же, как на золотой сибирской бляхе, лапами в „штанах“ с четко выделенными когтями (илл.242). От другой такой же композиции уцелело крыло с разделенными елочкой перьями и одна лапа в „штанах“. Все это дает основания относить сибирскую золотую бляху ко времени Пазырыкских курганов IV в.

Не ясно также назначение круглой золотой бляхи со сценой нападения хищника на лося с головой грифона (илл. 243). Это замечательное произведение по некоторым признакам действительно можно отнести ко времени, указанному С. И. Руденко (V в. до н. э.)². Здесь имеется в виду графическая трактовка внутренних контуров головы и плеч животных, напоминающая графику древневосточных изображений, удивительная жизненность композиции в целом и каждого персонажа в отдельности, в особенности хищника с его зажмуренными от удовольствия глазами, и, наконец, необычное сочетание туловища и рогов лося с головой грифона, напоминающее образ барано-птицы в раннем скифском искусстве. Приемы стилизации этих изображений с перевернутой задней частью туловища и пресловутыми точкой и скобкой на бедре характерны для таких произведений из Пазырыкских курганов, которые не могут датироваться позже IV в. Ближе всего к этой бляхе стоит серебряное украшение пояса в четырехугольной рамке из второго Пазырыкского кургана, где изображен зверь (лев или львица), с широко раскрытой

пастью, нападающий на козла, с орнаментально-графической разделкой фигур (илл. 71).

В Сибирскую коллекцию входит еще одна золотая четырехугольная бляшка с гладкой рамкой и ажурным изображением передней части фигуры в фас и повернутой в профиль головы хищника, более всего похожей на льва (илл.244). Венчающие ее рога представляют собой части крылатого грифона, клювообразная морда которого вплотную прижата к голове льва. По-видимому, грифону же принадлежит и изогнутый хвост с головкой грифа на конце, находящийся возле шеи льва сбоку. Нижняя часть бляшки решена в виде орнаментально трактованной пары ног во фронтальном положении. Каждая из них вверху заполнена спиральным завитком, а внизу рядом зубчиков, означающих когти. По всей вероятности, это такая же поясная бляшка, как и четырехугольные пластины с геральдическими изображениями фантастических зверей, но относящаяся к более раннему времени.

Очень интересна двусторонняя золотая бляха в виде кольца с широким ободком, над которым поставлены друг за другом пять уток, каждая своим клиновидным клювом соединенная с хвостом находящейся впереди нее птицы (илл. 245). Круглые глаза их обозначены черной вставкой, а клюв, перья и подгузки инкрустированы кораллами и бирюзой. О назначении этой бляхи трудно судить, так как нет никаких следов ее прикрепления.

Особую группу в коллекции составляют серьги и перстни. Среди многочисленных и разнообразных серег многие представлены парами экземпляров. Наиболее распространенный тип серег состоит из проволочного кольца, согнутого в виде восьмерки с обращенной книзу маленькой петлей, к которой на цепочках подвешены разнообразные, более или менее сложные украшения. Это может быть колпачок с контурами человеческого лица, человеческий зуб в оправе, очкообразная проволочная фигурка обведенная зернью лунница с круглыми выступами сверху и снизу (илл. 246) и т. п. У некоторых серег листовидные или овальные пластинчатые подвески прикреплены к висающему на нижней петле обвитому проволочкой стерженьку с напущенными на него бусинами. У других серег в виде восьмерки подвески прикреплены к колпачку из лепестков или к украшенному сканью цилиндрику. У одной из серег такое промежуточное звено имеет вид треугольника, составленного из биконических фигурок с поясками из зерни и с пирамидками зерни по краям. К этому треугольнику снизу подвешены на цепочках шарики разной величины (илл. 247).

отая бляха — гриф
этом в когтях.
ирская коллекция

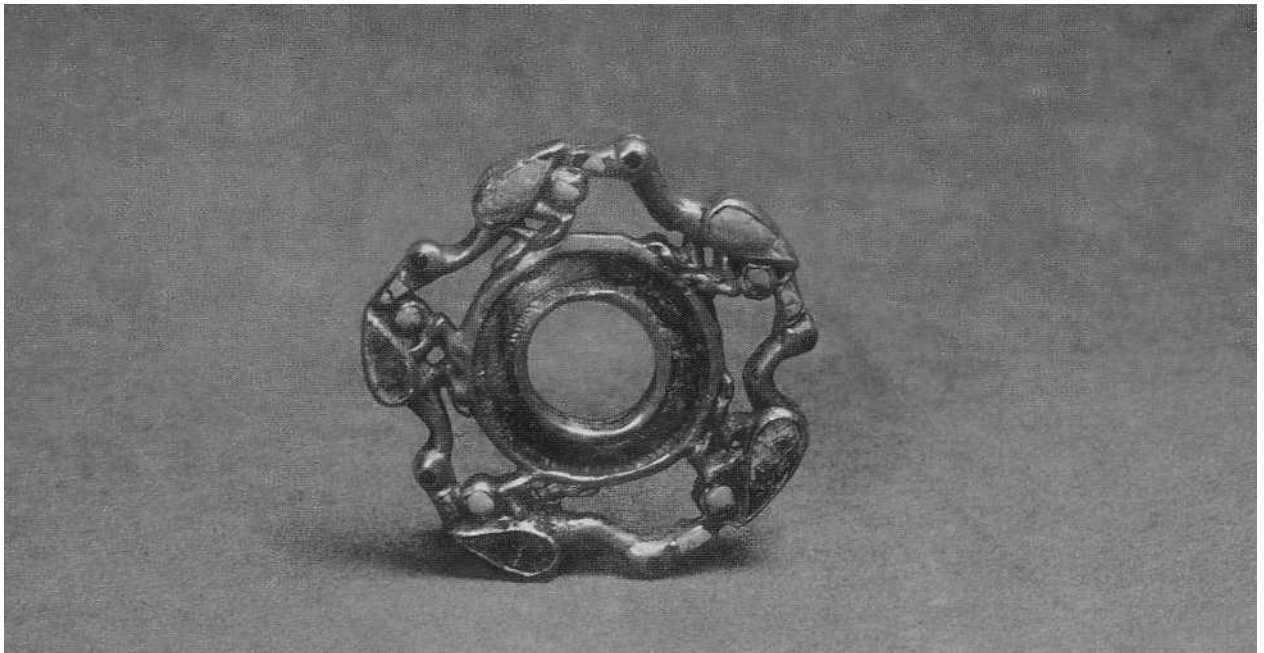
242
Фрагменты кожаного
изображения птицы
с козлом в когтях.
Пазырык, второй курган

243
Золотая круглая бляха
со сценой нападения
хищника на лося
(увеличено).
Сибирская коллекция

244
Золотая
четырёхугольная бляшка
со стоящим в фас зверем
с профильной головой.
Сибирская коллекция

195
Золотая бляха
в виде кольца с утками
по краям.
Сибирская коллекция

246
Золотое кольцо
с лунницей (увеличено).
Сибирская коллекция

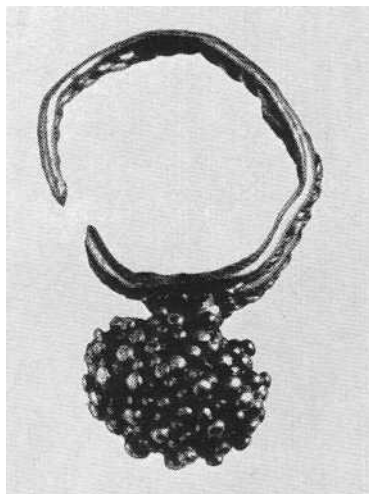
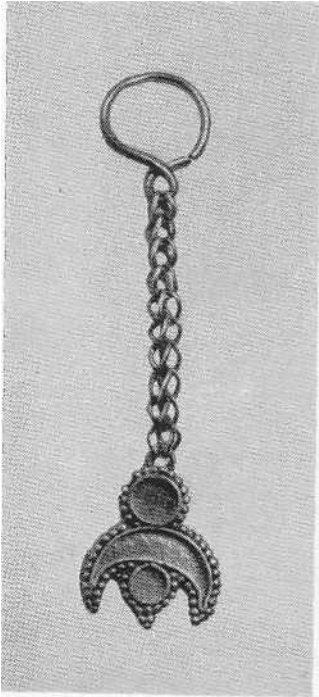
247
Золотое кольцо
с подвеской
в виде треугольника (увеличено).
Сибирская коллекция

249
Золотая серьга
с шариками (увеличено).
Сибирская коллекция

250
Золотая серьга
с бусиной из зерни (увеличено).
Сибирская коллекция

248
Золотая серьга
со стерженьками
и бусинами (увеличено).
Сибирская коллекция

251
Золотая лунница (увеличено).
Сибирская коллекция

У другой группы серег с основой в виде простого кольца украшения припаяны к этому кольцу и имеют вид или маленького колечка, или колечка с подвеской из стерженька с напущенными на него бусинами. Иногда к серьге припаяна оправа с цветным камнем, к которой снизу прикреплено колечко с тремя пирамидами зерни или стерженьки с бусинами (илл. 248). Оправа у одних серег сделана по форме камня, у других же она круглая или круглая с зубчиками из зерни по краям. В некоторых случаях к серьге припаяна бусина из зерни (илл. 250) или полых шариков (илл. 249), подчас имеющая форму сосуда. Одна серьга, выделяющаяся своей величиной, согнута из перевитой проволоки; на кольце у нее надета зерневая обойма с припаянной к ней снизу усеченно-конусовидной трубкой, заканчивается она ажурной бусиной из перевитой проволоки с пирамидками зерни на перекрестьях, а ниже кольцом обведенным по ободку шнурком с такими же зерневыми пирамидками.

Частями серег, по-видимому, являются лунницы, украшенные зернью и различной формы вставками из цветных камней. Снизу к ним прикреплены гроздь шариков с зерневыми пирамидками (илл. 251). Того же назначения, вероятно, и разнообразной формы бусины и подвески, покрытые зернью, сканным орнаментом и иногда со вставками из цветных камней. Среди них выделяются пронизка в виде ежа очень тонкой работы, с телом, покрытым мельчайшей зернью (илл. 252), и ряд подвесок в форме миниатюрных сосудиков (илл. 253—256). Одна из подвесок имеет форму человеческой стопы, а другая представляет собой звериный клык в оправе. Есть подвеска в виде конуса (илл. 257).

Подвески, подобные находящимся в Сибирской коллекции, известны по находкам в Минусинской котловине в собраниях Лопатина и Клеменца, Из второго Пазырыкского кургана происходит часть замечательной серьги, состоящая из украшенного зернью цилиндрика с призматической подвеской, стороны которой покрыты перегородчатой эмалью (илл. 72). Снизу к этой подвеске прикреплены на колечках заполненные эмалью пластинки в форме цветков, а по сторонам ее от краев цилиндрика свешиваются три круглые пластинки, тоже с эмалью. Описывая эту подвеску, С. И. Руденко уже отметил ее близость к украшениям с эмалями, находившимся в погребении знатной женщины в Сузах, открытом Морганом, и признал ее произведением переднеазиатского происхождения³. Подвески Сибирской коллекции в целом грубее пазырыкской, среди них нет украшенных перегородчатой эмалью, но общий

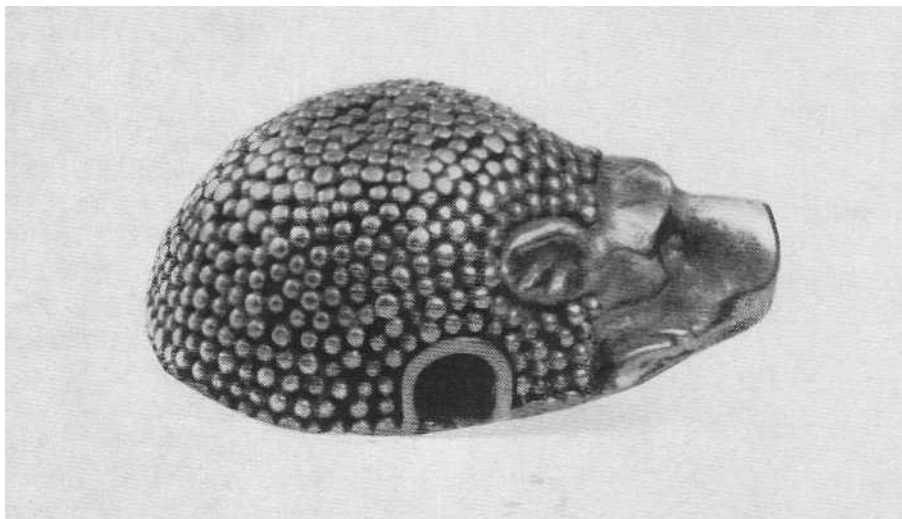
их характер тот же, что и у подвесок из Пазырыка, и в большинстве своем они относятся, по-видимому, к тому же времени, что и пазырыкские и так называемые сарматские в курганах Южного Приуралья и Поволжья.

Серьги с припаянным маленьким колечком найдены в Каракольском и Арагольском курганах пазырыкского типа. В сарматских курганах известны серьги и восьмеркообразные и в виде кольца с припаянным к нему маленьким колечком. В кургане у села Сара на золотом восьмеркообразном кольце оказалась надетой фигурка козла, а золотые серьги в виде кольца с припаянным колечком с подвешенной к последнему золотой же цепочкой с шариком или иной подвеской на конце происходят из погребений раннего V в. в кургане № 9 Ново-Курмакского могильника, из кургана в урочище Лапасина у села Любимовка, из кургана у села Ак-Булак и из кургана № 9 Пятимары⁴. Каменная подвеска в виде клыка хищника в золотой оправе найдена во втором Покровском кургане. К сожалению, число серег из закрытых погребальных комплексов не велико, и это обстоятельство затрудняет хронологическое определение отдельных находок.

Это относится и к перстням Сибирской коллекции. Их немного, и из них всего два с несомкнутыми концами, все остальные со сплошным кольцом. На узком щитке одного из перстней с несомкнутыми концами выгравировано изображение рыбы—мотива, очень редкого в изобразительных памятниках сибирского искусства. Один из целиком отлитых перстней имеет жуковину в виде рельефной фигурки свернувшегося козла. У других перстней щиток напаян на кольцо и представляет собой оправу для цветных камней или эмали, у некоторых экземпляров украшенную, кроме того, зернью. Для вставок использованы в одном случае крупное жемчужное зерно, в другом сердолик, в третьем какой-то красный камень (агат?). В последнем случае жуковина, в середину которой вставлен камень, имеет полушаровидную форму и украшена орнаментом из кружков, спиралей и сердцевидных фигур, выполненных псевдозернью. Круглый щиток одного перстня, обведенный крупной зернью, заполнен вихревой розеткой в технике перегородчатой эмали (илл. 259), а у другого—крестообразной фигурой с кружком посередине в той же технике (илл. 260). Интересна печать с фигуркой яка (илл. 258).

В Сибирскую коллекцию входит несколько миниатюрных статуэток, по большей части изображающих оленей с характерными выгнутыми в противоположные стороны ногами. У некоторых из них под ногами

252
Золотая фигурка ежа (увеличено).
Сибирская коллекция

253
Золотая подвеска —
сосудик (увеличено).
Сибирская коллекция

255
Золотая подвеска —
сосудик (увеличено).
Сибирская коллекция

256
Золотая подвеска —
сосудик (увеличено).
Сибирская коллекция

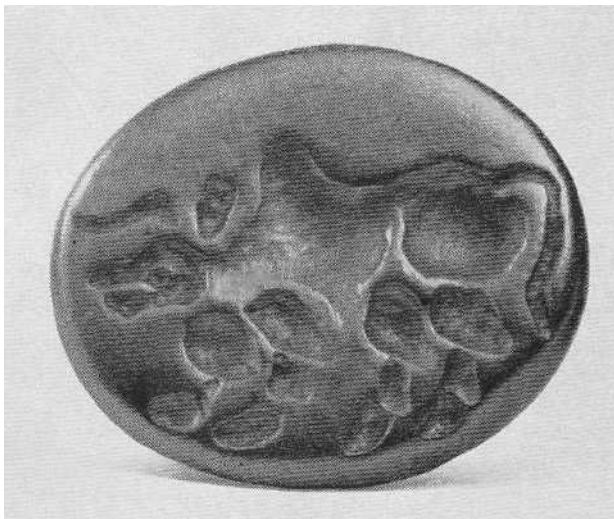

Сокровища саков

257
Золотая подвеска —
конус.
Сибирская коллекция

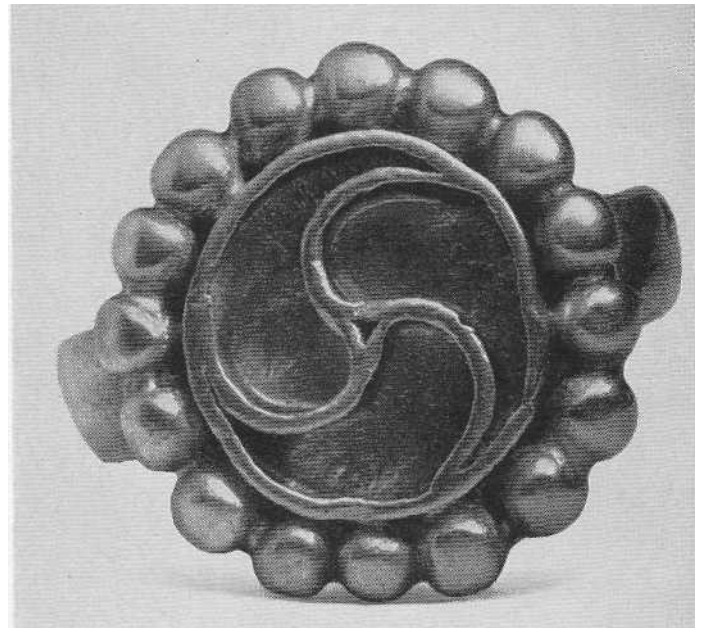

258
Золотая печатка
с фигурой яка (увеличено)
Сибирская коллекция

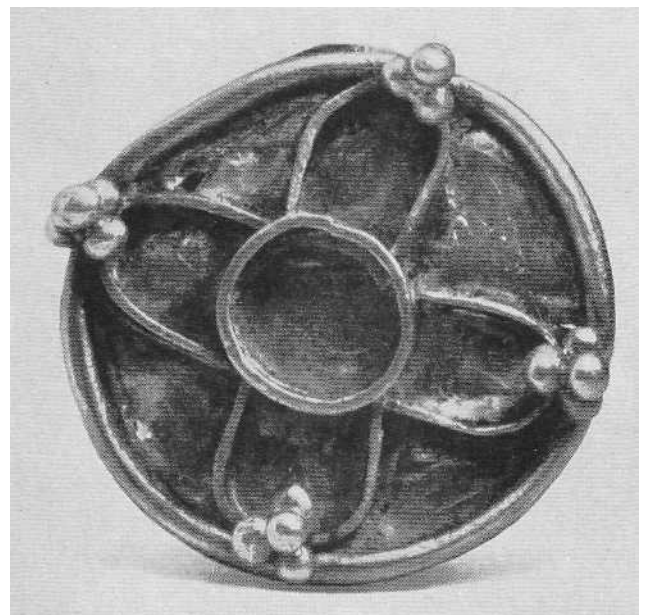

198

259
Золотой перстень
с вихревой розеткой (увеличено).
Сибирская коллекция

260
Золотой перстень
с крестообразной фигурой
(увеличено).
Сибирская коллекция

бирское золото.
 ные и конские украшения.
 статуэтки и сосуды

аяны пластинки с дырочками, посредством кото-
 они прикреплялись к краю какого-то предмета.
 более реалистична и лучше других моделиро-
 1 самая крупная по размерам статуэтка, пред-
 ляющая бегущего оленя с большими ветвистыми
 ми (один обломан) (*илл. 262*). У животного вы-
 утая вперед голова с открытым ртом, из кото-
) высовывается язык, висящая под шеей шерсть
 широко расставленные ноги, под каждой парой
 рых напаяно по горизонтальной пластинке. На
 е схематически обозначены ребра и мускулы —
 плече в виде S-образной фигуры, а на бедре
 юрме кружка и длинной скобки. Две фигурки
 ней более схематичны (*илл. 263*). У них изогну-
 дугой рога с отростками, обозначенными посред-
 ом напаянной сверху зигзагообразной проволоки,
 обно тому как изображен хвост у лежащего
 оя на концах одной из шейных гривен того же
)ания, а по форме соответствующие рогам оленя,
 атываемого хищником, на конце гривны.

проволоки же сделаны и выгнутые ноги, схема-
 ески воспроизводящие тот же бег, в котором
 дставлен олень с высунутым языком. Коротко-
 дая головка у них, однако, поднята кверху; на
 вище намечены ребра. Того же рода и напаян-
 на горизонтальную пластинку фигурка живот-
) с торчащим кверху коротким рогом с несколь-
 и отростками (*илл. 264*), хотя ноги у него отлиты
 те с туловищем, а напаяны, как у других, только
], хвост и рога.

этой же группе изображений относятся статуэтка
 блюда — на горизонтальной подставке, находив-
 ся в коллекции Н. Витзена⁵, — и включенные
 ибирскую коллекцию, но несколько позже до-
 ленные из Сибири Г. Миллером две статуэтки:
 1 — реалистически изображенной, хорошо моде-
 рованной, вероятно, лани с повернутой назад го-
 ой (*илл. 261*) и вторая — всадника на лошади
 л. 265) с такими же выгнутыми ногами, как у
 ней, хотя и моделированных лучше, чем у тех
 них, у которых они не отлиты вместе с тулови-
], а сделаны из проволоки и напаяны. Всадник
) же типа, что и другие человеческие фигуры
 ирской коллекции. Он без головного убора,
 одстриженными волосами, усатый, но без бороды,
 т в короткий кафтан, перетянутый поясом, в
 аны и мягкие сапоги. В руках у него лук со стре-
], которую он направляет вниз перед лошадью.
 к и стрела, так же как и поводья, сделаны из
 кой проволоки, у лошади подстриженная грива
 елкой, седло с высокой передней лукой и обозна-
]ные гравировкой нагрудный и подхвостный ремни.

Под каждой парой ног лошади припаяно по гори-
 зонтальной пластинке. Этот всадник вместе со своей
 лошадью напоминает охотника в лесу, представлен-
 ного на паре застежек Сибирской коллекции.

Кроме этих статуэток Г. Миллером была доставлена
 в 1735 г. золотая статуэтка, найденная на реке Буконь
 (в бывшем Зайсанском уезде Семипалатинской обл.)
 в Восточном Казахстане, то есть в той же части
 Сибири, из которой происходят и многие другие
 вещи Сибирской коллекции. Она представляет собой
 скульптурное изображение кабана, бегущего с рас-
 крытой пастью, из которой торчат мощные изогну-
 тые клыки (*илл. 266*). У него острые уши, подни-
 мающаяся над головой щетина, короткий раздвоен-
 ный хвостик и туловище, сплошь покрытое полосами
 тонкой параллельной насечки. Фигура его хорошо
 моделирована с обозначенной складкой на шее,
 с ребрами, мускулами ног и копытами. Под ногами
 кабана припаяны горизонтальные пластинки, как и
 у других скульптурных фигурок Сибирской коллек-
 ции. Заметим, что грива у оленя, бегущего с высу-
 нутым языком, из этой коллекции трактована таки-
 ми же рядами параллельных черточек, как и туло-
 вище кабана.

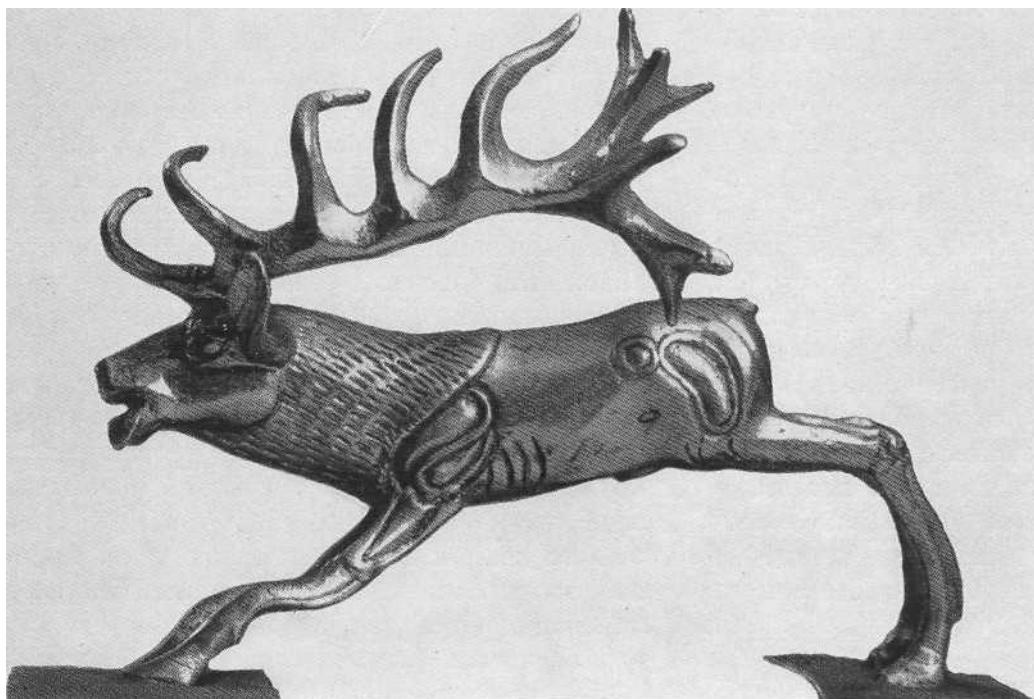
Статуэтки, изображающие орлов, одного стоящего на
 горизонтальной пластинке со сложенными крыльями
 (*илл. 267*), а другого такого же, но держащего в
 когтях лебедя (*илл. 270*), близко сходны с другими
 изображениями птиц Сибирской коллекции. Шея
 первого из этих орлов покрыта чешуеобразным опе-
 рением, а перья крыльев и хвост разделены косой
 штриховкой так же, как на бляхе в виде грифа,
 схватившего козла. Еще больше сходства с послед-
 ним у второго орла, сплошь инкрустированного би-
 рюзой. По краям хвоста у него имеется ряд петелек,
 таких же, как на хвосте у грифа с козлом.

К числу того же рода произведений относится отли-
 тая вместе с основанием фигурка грифона с козли-
 ными, оканчивающимися шариками рогами, с коз-
 линой же бородкой, но с оснащенной клыками
 пастью хищника (*илл. 268*). Лапы у него с большими
 когтями, а длинный загнутый кверху хвост оканчи-
 вается тремя листовидными кисточками, из которых
 верхняя примыкает к основанию хвоста, превращая
 его в замкнутую фигуру. Над туловищем подни-
 маются изогнутые вперед крылья, трактованные в
 виде пера с продольным ребром и расходящимися
 от него косыми рельефными полосками. Такими же
 полосками обозначена шерсть на шее. Бедро и плечо
 заполнены кружками с завитком внутри. Работа
 грубая, но тип фантастического зверя, как и анало-
 гичных образов в других произведениях сибирского

261
Золотая фигурка лани
с повернутой назад головой.
Сибирская коллекция

262
Золотая статуэтка —
бегущий олень.
Сибирская коллекция

Сибирское золото.
Личные и конские украшения.
Статуэтки и сосуды

201

233
золотая фигурка оленя
с напаянными рогами.
Сибирская коллекция

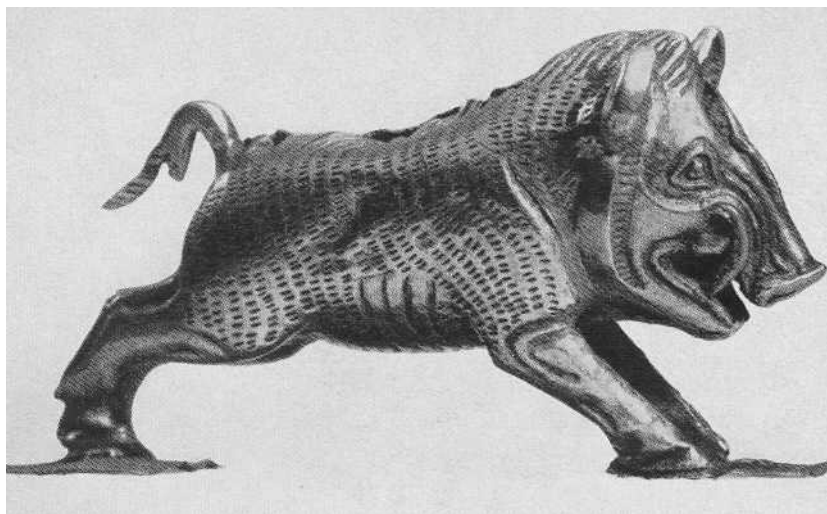
264
Золотая фигурка лани
с торчащими рогами.
Сибирская коллекция

265
Золотая фигурка
всадника на лошади
(увеличено).
Сибирская коллекция

266
Золотая статуэтка —
бегущий кабан.
Сибирская коллекция

Золотая статуэтка орла
(увеличено).
Сибирская коллекция

Золотая статуэтка
орна.
Сибирская коллекция

269
Золотая бляха с ониксом.
Сибирская коллекция

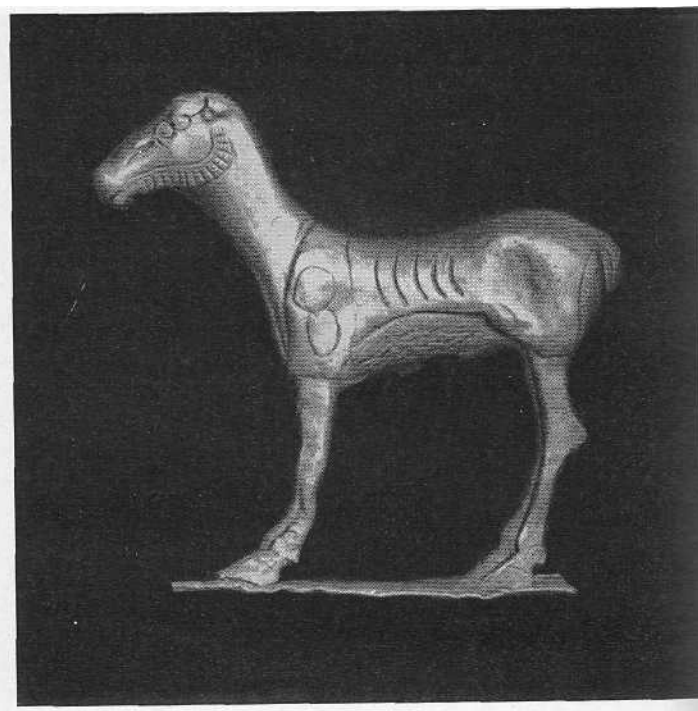

Золотая статуэтка орла
с добычей в когтях.
Сибирская коллекция

271
Золотая статуэтка лани.
Аму-Дарьинский клад

272
Золотая статуэтка барана.
Аму-Дарьинский клад

углам (илл. 275). На верху этого ствола пучок веток в виде плоских дуг с подвешенными на концах каждой вырезанными из тонких пластинок широкими листьями. У двух других деревьев нижних частей не сохранилось, ветки к стволу прикреплены на разной высоте, а листья другой, более сложной формы—с фигурными краями (илл. 274, 276). О назначении этих

искусства, несомненно восходит к ахеменидско-иранскому протооригиналу, так как только в иранском искусстве встречаются козлиные рога с шариками на концах.

Небольшие статуэтки, напаивавшиеся на различные вещи, появляются еще в Луристане; они известны по находкам в Хамадане и в особенно близких формах к сибирским в Аму-Дарьинском кладе (илл. 271, 272). Так же как и более крупные и совершенные произведения иранского искусства, они попадали из Средней Азии к кочевникам Сибири, вызывая здесь местные подражания. Бронзовые статуэтки того же типа в Ордосе представлены всего одним экземпляром барана с вытянутой головой (илл. 166).

Возможно, что скульптурные фигурки животных и птиц на подставках связываются со скульптурными же изображениями деревьев, имеющих в Сибирской коллекции в числе трех экземпляров. Одно из них, самое большое, представляет собой четырехгранный суживающийся кверху ствол, укрепленный на горизонтальной пластинке с четырьмя дырочками по

золотых деревьев, как и статуэток, судить трудно, однако, предположить, что они стояли в алтаре в окружении фигурок зверей или людей, воспроизводя хорошо известные на Ближнем Востоке культовые композиции примерно таким же образом как на верхнем крае золотой новочеркасской дна думы или на семиреченских жертвенниках и селитильниках с их скульптурными фигурками животных, расставленными по бортам и в середине чаши. Эти предметы, вероятно, сделанные не из золота, и находившиеся на них статуэтки, не заинтересовали ни кладоискателей, ни коллекционеров и поэтому не сохранились в целом виде.

В Минусинском крае найдены три экземпляра (один из кургана № 1 у горы Самохвал, раскопанно Адриановым в 1898 г.) оригинальных бронзовых | верший в виде дуг, сходящихся к основанию с втулкой, а вверху и посередине скрепленных двумя оброчками. Над верхним концом каждой дуги по скульптурной фигурке козла, стоящего со сближенным ногами на специальной пластинке. С. В. Киселев п

Сибирское золото.
Личные и конские украшения.
Статуэтки и сосуды

лагал, что известные бронзовые колпачки с фигуркой козла наверху имели то же назначение и снабжались втулкой внутри, над которой и помещалась фигурка животного со сближенными ногами⁶. Однако сибирские статуэтки на пластинках явно предназначены для установки не на вершине какого-либо предмета, а на прямой или изогнутой горизонтальной поверхности, в соответствии с чем они имеют, как на минусинских навершиях, одну или две пластинки и представлены со сравнительно широко расставленными ногами.

Пару золотых круглых блях со сплошь усеянными инкрустациями изображениями животных С. И. Руденко отнес к числу застёжек, но это украшения конской сбруи—фалары, которые в большом числе появляются в сарматских комплексах в последние века до н. э., а в Сибирской коллекции, кроме того, представлены еще двумя парами серебряных образцов. Одна из них состоит из совершенно гладких дисков, а на двух других серебряных фаларах изображен боевой слон с воинами, что, как показано К. В. Тревер, позволяет отнести их к греко-бактрийским произведениям середины II в. до н. э.⁷. Замечательно, что в алтайских курганах пазырыкского типа, несмотря на хорошую сохранность многих конских уборов, фаларов не обнаружено. Вырезанное из дерева полушаровидное украшение с изображением маски тигра в центре, окруженной борющимися зверями, из Катандинского кургана не является фаларом так же, как и другие фигурные и круглые умбовидные бляхи из других алтайских курганов, относящиеся к украшениям узды. Из этого можно заключить, что фалары появляются позже времени сооружения алтайских курганов пазырыкского типа, то есть не ранее III в. до н. э. Можно еще добавить, что, за исключением фаларов, находящихся в Сибирской коллекции, этого рода принадлежности конской сбруи не известны по находкам в Сибири, что вызывает сомнение в сибирском происхождении фаларов Сибирской коллекции, тем более что золотые фалары этой коллекции близко сходны с золотыми же фаларами, найденными на Дону, и стилистически связываются с памятниками типа Новочеркасского клада. Так как в степях Волго-Донья, кроме того, найден ряд серебряных фаларов греко-бактрийского происхождения, можно подозревать, что как серебряные, так и золотые фалары попали в Сибирскую коллекцию из находок не в Сибири, а в сарматских курганах Волго-Донских степей.

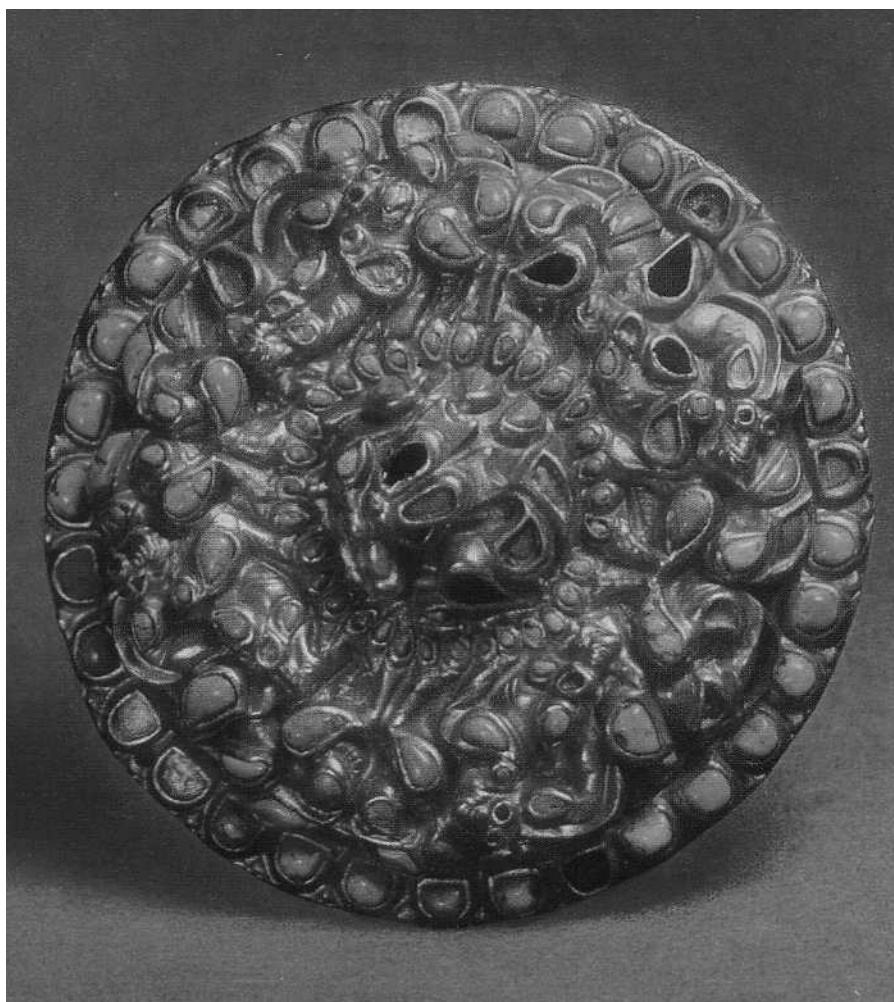
Каждый из двух золотых фаларов Сибирской коллекции украшен горельефными изображениями: в

центре—свернувшегося рогатого животного (оленья) с реалистически трактованной головой и передней частью туловища, представленного в сложном ракурсе в три четверти сверху, а по окружности—четырьмя повторяющимися сценами нападения хищника на кабана (*илл.* 273). Хищник с повернутой в фас головой перегрызает хребет своей жертвы. Фигуры животных сильно схематизированы и усыпаны вставками из бирюзы, что, несмотря на высокий рельеф, различаются с большим трудом. Оснащенные листовидными вставками копыта борющихся животных составляют обрамление центрального изображения. По краю окружности самой бляхи протянут поясик из инкрустированных „овов“ с маленькими схематическими пальметками между ними.

В Сибирской коллекции имеется несколько массивных литых блях из золота, по большей части полушарической формы, со скобкой на обороте, служивших украшениями конской узды. Все они с рельефными изображениями и вставками цветных камней. Вероятно, к одному набору принадлежат сферические бляхи со вставками оникса в центре (*илл.* 269). У двух из них по окружности оправы схематически изображены один за другим два рогатых волка с дополнительным рогом на морде и поднятым кверху носом. В глаза их вставлены черные камни, а тела заполнены ячейками с бирюзой. Четыре другие бляхи с ониксами отличаются большей величиной и отсутствием скобки на обороте. Вместо нее у них к оправе припаяны два маленьких ушка, в которые невозможно пропустить ремень, но за которые эти бляхи можно было прикрепить к любой части конского снаряжения. По окружности этих блях изображены такие же, как у описанных выше, рогатые волки, осложненные еще загнутым вперед крылом. Глаза их тоже с черными вставками, а тела сплошь усеяны различной формы ячейками с бирюзой разной величины.

На других бляхах, тоже обильно уснащенных инкрустациями, представлены в высоком рельефе головы, целые фигуры и даже сцены борьбы животных. Так, на одной изображена голова кошкообразного зверя, в зубах которого находится свернувшийся козел. На паре других скомпонована свернувшаяся в клубок лошадь (*илл.* 277), на шести бляхах представлены также свернувшиеся волки с поднимающимися головами (*илл.* 278). Далее имеются две бляхи, украшенные каждая тремя вертикально поставленными волчьими головками (*илл.* 279). Все эти бляхи близко сходны между собой не только по форме и назначению, но и по общему стилю, по деталям изображений и по обилию инкрустаций.

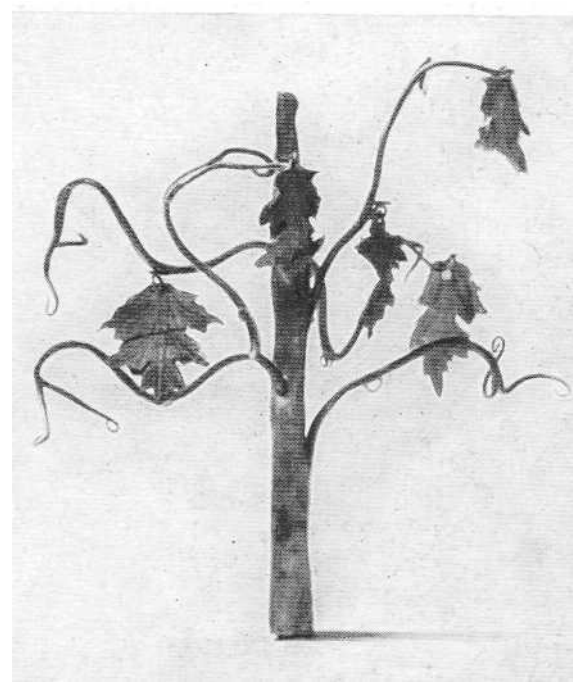
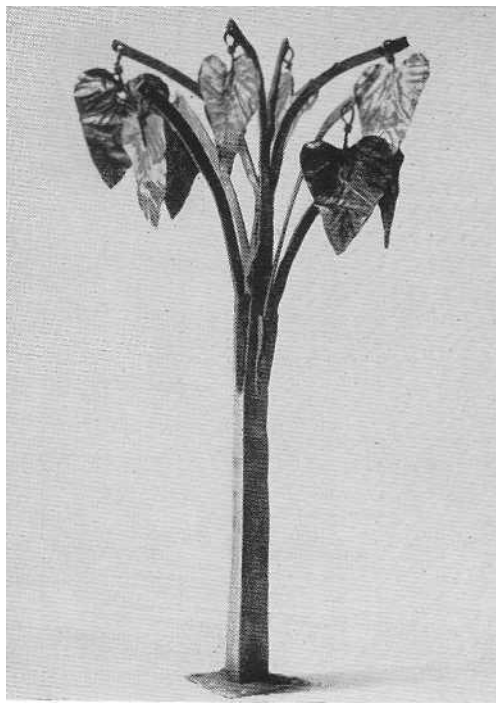
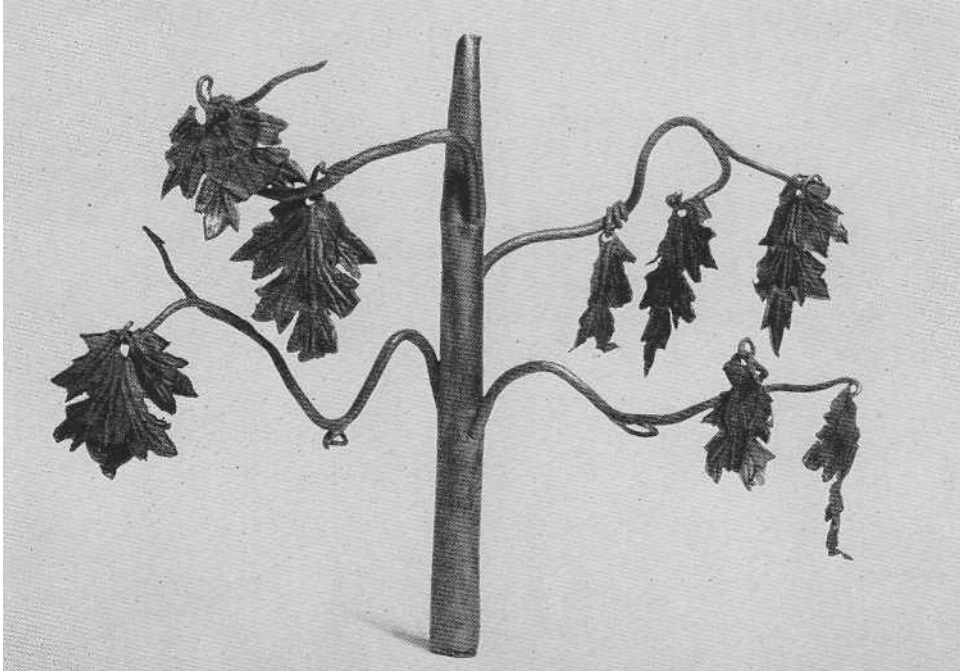
273
Золотой фалар
с инкрустациями.
Сибирская коллекция

готово дерево
фигурными листьями.
Юрская коллекция

готовое дерево
- горизонтальной
поставке.
Юрская коллекция

276
Золотое дерево
с фигурными листьями.
Сибирская коллекция

Сокровища саков

210

277
Золотая бляха
с изображением
свернувшейся лошади
(увеличено).
Сибирская коллекция

279
Золотая бляха
с вертикально
поставленными волчьими
головами (увеличено).
Сибирская коллекция

278
Золотая бляха
с фигурой свернувшегося
волка (увеличено).
Сибирская коллекция

280
Золотая бляха
с изображением лежащего
волка.
Сибирская коллекция

Ноирское золото.
Личные и конские украшения.
Статуэтки и сосуды

Возможно, к одному с ними комплекту украшений энской сбруи относятся четыре бляхи большей величины с большей прямоугольной скобой на обороте, служившие, по всей вероятности, украшением уздечки, а другой части упряжи, например, на седельного ремня (илл. 280). На этих бляхах помещены скульптурные фигурки лежащих волков с характерным загнутым кверху носом и добавочными головками грифов на голове и кончике хвоста. Довольно изображение на голове зверя, вероятно, означает рога, которые у других изображений того же фантастического зверя тоже состоят из головок грифов, но имеют большее развитие. Уши и почти волков оформлены ячейками для инкрустаций. В том же характерном стиле выполнены имеющиеся в коллекции подвески и пронизки конской сбруи. Четыре из них представляют хищника, вцепившегося в горло козла с перевернутой задней частью туловища (илл. 282). Две имеют вид скульптурной фигурки лежащей лошади (илл. 283), две другие в виде бегущей в положении летучего галопа со стороны с открытой пастью (илл. 284), одна представляет переднюю часть фигуры хищника с лапами, протянутыми над головой и, наконец, еще две в виде разной величины головок хищника с открытой пастью (илл. 285). Имеющийся в коллекции наконечник в виде головки лошади стилистически выпадает из круга рассматриваемых произведений (илл. 281). Хотя эта головка тоже с гнездами для инкрустаций, но они не нарушают ее реалистической лепки и не искажают образ животного. По времени эта головка, видимо, относится к ранней группе памятников, собранных в коллекции.

Подвески, похожие на лежащую лошадь, напоминают серебряные подвески в виде лежащей лошади из второго Пазырыкского кургана. Однако и те и другие существенно различаются между собой. В отличие от сравнительно нормального положения лошади на пазырыкских подвесках золотые украшения Сибирской коллекции представляют лошадь с чрезмерно удлиненной головой, лежащей на вытянутых передних ногах, и с сильно сжатой задней частью фигуры, перевернутой к тому же так, что поджатые ноги оказываются у нее на боку. Моделировка головы и туловища схематичнее, а для вставок в ушах, глазах и копытах, а также на плече ячейки выполнены грубее гравированных фигур того же рода на пазырыкских подвесках.

Подвески в виде бегущей собаки с массивной головой, выступающим носом и оскаленной пастью очень отдаленно напоминают резные ножки столиков в виде вертикально стоящего на задних лапах льва

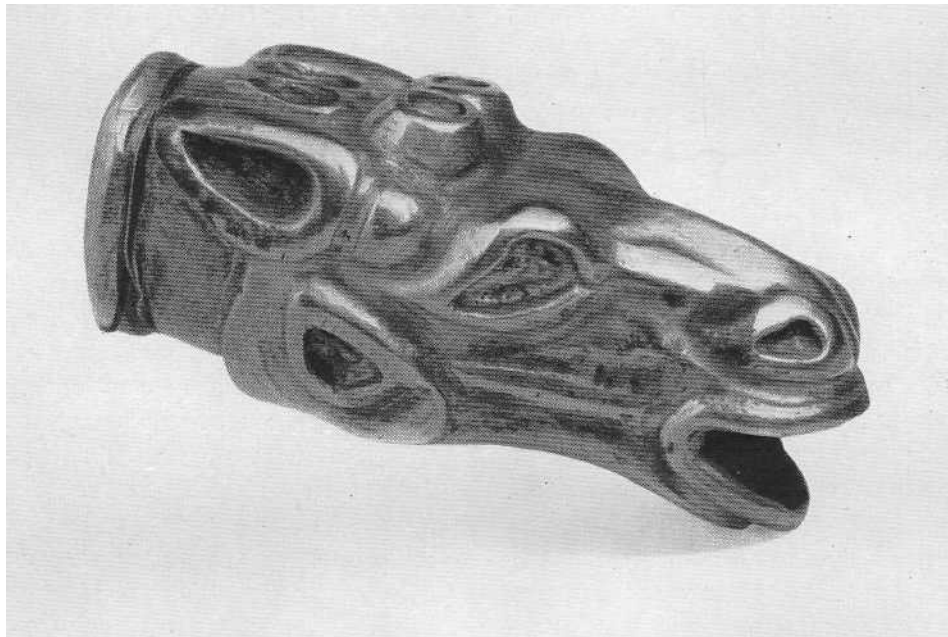
из того же Пазырыкского кургана. При ближайшем рассмотрении у них оказывается, однако, мало общего, зато подвески Сибирской коллекции стилистически хорошо связываются с горельефными бляхами от конской узды из того же собрания, представляющими голову животного на сильно сжатом и свернутом туловище, судя по сарматским аналогиям, отнюдь не раннего времени.

Шесть полых пронизок имеют форму удлиненного цилиндрика с четырьмя прорезями и насаженной на верхний конец „шапочкой“ с ячейками для бирюзы. Восемь других того же рода пронизок граничные с двумя прорезями и цилиндрическими шапочками, у одних с треугольниками, у других с прямоугольными ячейками, дополненными свешивающимися треугольниками с инкрустацией и ячейками для бирюзы у нижнего края. В списке вещей, полученных в 1716 г. от сибирского губернатора П. М. Гагарина, они названы наконечниками, „что бабы татарские надевают на концы кос своих“. Но это могли быть наконечники и пронизки уздечных ремней, к числу которых относятся и шесть пронизок с овальным отверстием, воспроизводящих форму кабаньего клыка.

В своей публикации Сибирской коллекции С. И. Руденко ни словом не обмолвился относительно времени довольно многочисленных в этой коллекции конских украшений, включая сюда пару описанных выше золотых фаларов. А между тем значительная часть этого рода вещей настолько близка друг к другу в стилистическом отношении, что может происходить из одного и того же погребального комплекта. Это круглые бляхи с горельефными изображениями. К одному с ними набору украшений конской упряжи могут принадлежать и четыре большие бляхи со скульптурной фигуркой волка на лицевой стороне и большой скобкой на обороте. Они были присланы Гагариным вместе с указанными выше бляхами со скульптурными же изображениями волчьих головок и явно общего с ними происхождения. В одну стилистическую группу со всеми ими входят и полусферические бляхи со вставкой из оникса в середине и изображениями волков по окружности, по мнению С. И. Руденко, относящиеся к украшениям одежды⁸. Они тоже поступили в коллекцию через Гагарина.

Поскольку возможны сомнения в сибирском происхождении золотых фаларов Сибирской коллекции, они распространяются и на сходные с ними другие конские украшения из того же собрания. В этой связи важно отметить, что сибирское происхождение большей части украшений документировано — они

281
Золотая головка
лошади (увеличено).
Сибирская коллекция

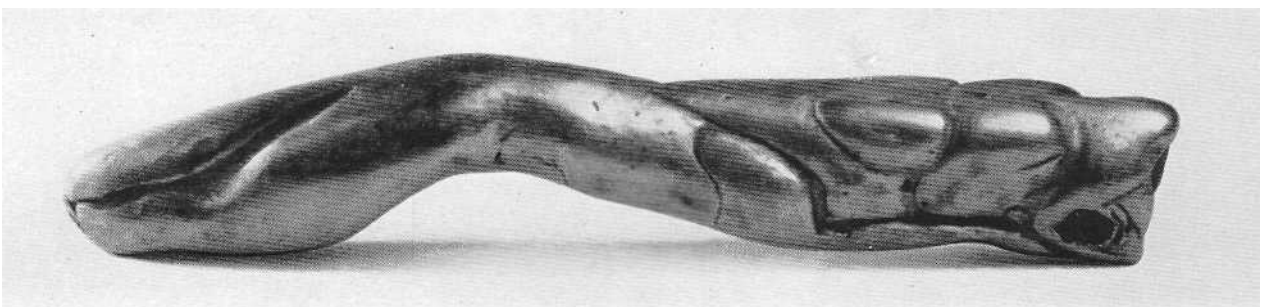
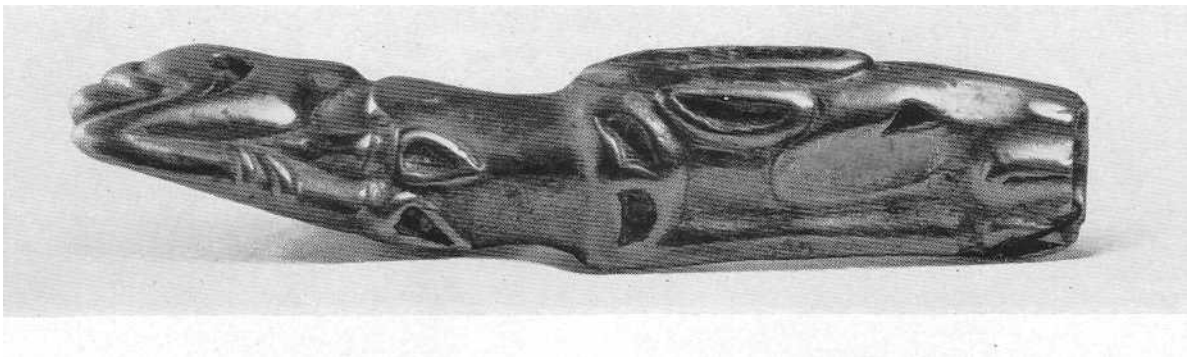
Сибирское золото.
Личные и конские украшения.
Статуэтки и сосуды

213

Золотая подвеска —
щник терзающий козла.
Сибирская коллекция

Золотая подвеска
В виде лежащей лошади.
Сибирская коллекция

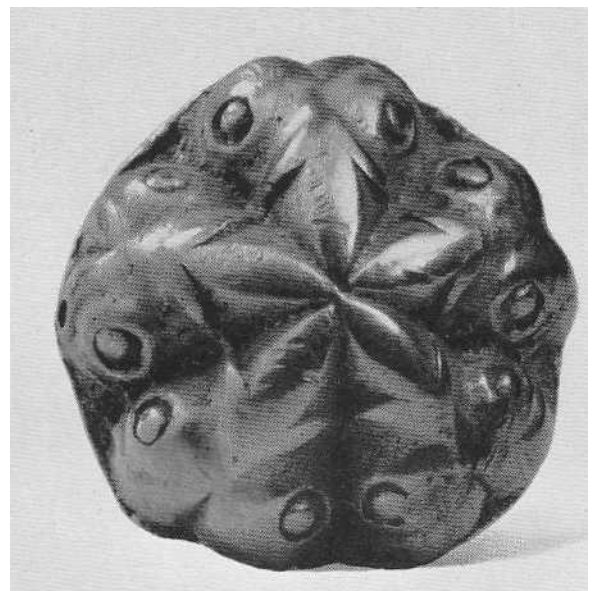
Золотая подвеска —
лежущая собака
Сибирская коллекция

285
Золотая головка
животного
с открытой пастью.
Сибирская коллекция

286
Золотая
горельфная бляха —
нападение барса
на козла.
Сибирская коллекция

287
Золотая бляха
с горельфными
птичьими головками.
Сибирская коллекция

Серебряная чаша
с каннелюрами.
Сибирская коллекция

значатся в списке вещей, полученных от сибирского губернатора Гагарина, а также, что такие же уздечные украшения известны и по определенно сибирским находкам. Так, в собрании Лопатина из Минусинской котловины имеются золотые круглые бляхи с горельефными изображениями: на одной—нападение барса на козла, представленных с тесно переплетенными и сжатыми фигурами (*илл. 286*), а на другой—пять птичьих головок, собранные клювами в центре (*илл. 287*). Подобные же, но только бронзовые бляхи имеются среди минусинских находок и найдены в погребении у Иволгинского городища в Забайкалье (*илл. 156*).

Эти обстоятельства, казалось бы, лишают полной убедительности изложенное выше предположение о происхождении золотых фаларов Сибирской коллекции не из Сибири, а из Волго-Донских степей, так как стилистически близкие к ним другие конские украшения Сибирской коллекции оказываются определенно сибирскими, но зато свидетельствуют о большой близости ряда произведений сарматского искусства времени около н. э., к которому относятся найденные на Дону того же рода золотые фалары, с сибирским искусством, надо полагать, того же времени. Все же вопрос об „астраханских" вещах в Сибирской коллекции и возможности принадлежности к их числу золотых фаларов приходится оставить открытым, так как при всем сходстве изображений на этих фаларах с сибирскими украшениями они не полностью с ними идентичны и ближе к фаларам донского происхождения, нежели к сибирским вещам.

В заключение описания Сибирской коллекции необходимо остановиться на находящихся в ее составе сосудах и прежде всего на глубокой чаше с горизонтальными каннелюрами по тулову и с двумя ручками по бокам, оформленными в виде выгнутой полукругом удлиненной фигуры хищника, условно называемого пантерой, с повернутой назад головой и свернутым кончиком хвоста (*илл. 288*). Зверь моделирован обобщенными формами, но у него отчетливо обозначены круглые глаза, нос, рот с утолщенной верхней губой, острые уши, толстая шея, мускулы плеч, бедер и лап, когти на лапах. Только ребра орнаментально намечены рядом луновидных бороздок. Стилистически эта чаша сближается с амударьинскими находками и относится к иранским произведениям ахеменидского времени.

Кроме уже рассмотренных статуэток Г. Миллером в 1735 г. была доставлена замечательная своей грациозностью фигурка прыгающего оленя с поджатыми передними и вытянутыми задними ногами. Это ручка

серебряного сосуда, выкопанная солдатами берега реки Бухтармы на Бугровой осыпи в Южном Алтае в пределах Восточного Казахстана (близ г. Усть-Каменогорска, бывш. Семипалатинской области). На голове оленя находились ныне утраченные рожки с широкими, загибающимися вперед зубцами. Фигурка листическая животного хорошо моделирована мягкими формами, местами усиленными грациозной, а по туловищу усеяна круглыми золотыми пятнами, означающими, что это животное принадлежит к виду так называемых пятнистых оленей (собственно, ланей). Позолоченными были также рога и копытца. Пятнистый олень характерен фауны Передней и Средней Азии, а не Сибири. Уже одно это обстоятельство свидетельствует о происхождении скульптурной ручки из Ирана, подтверждается и ее стилистическими признаками, указывающими, кроме того, на время этого произведения не ранее IV в., когда на характере художественного творчества иранских мастеров сказывается влияние греко-ионийского искусства.

В составе Сибирской коллекции имеется еще одна вещь, поступившая в Кунсткамеру до 1726 г., то есть, вероятно, вместе с другими вещами этого собрания и из одного с ними источника. Из числа их отметим серебряный ритон, точнее, кубок в виде головы барана или козла с закинутыми назад рожками, с припаянными ушами, украшенным лбом, состоящим из ряда дуг бровей, особенно выделенной верхней губой, с дугами на щеках и полоской коротких прядей шерсти между ушами и внизу морды. По верхнему краю сосуда нарисована широкая полоса орнамента из чередующихся пальметок и лотосов. Этот великолепный кубок имеет близкие аналогии среди ахеменидских произведений, таких, например, как серебряный ритон четвертого Семибратнего кургана⁹ и золотой ритон с крылатым львом из музея Тегерана, датированных V—IV вв., и сам относится к тому времени.

Дополнительные данные по вопросу о происхождении различных вещей Сибирской коллекции могло бы дать исследование состава металла, которого они сделаны. К сожалению, произведенные анализы, определенно указывающие на существенные отличия в процентных соотношениях золота с серебром, медью и другими металлами в вещах этой коллекции, не могут быть сопоставлены с данными о месторождениях золота, которое могло бы быть употреблено для их изготовления.

Таким образом, состав вещей Сибирской коллекции весьма разнородный и разновременный. Здесь пре-

ставлены произведения и местные и несомненно персидского или среднеазиатского происхождения, относящиеся как к ахеменидскому, так и к позднему периоду, в течение которого особенно важную роль в развитии искусства играла Греко-Бактрия. Наряду с произведениями того же времени, что и алтайские курганы, в коллекции особенно многочисленны вещи последних трех веков до н. э., то есть того периода, в течение которого иранский этнический элемент не только в Центральной Азии, но и в Южной Сибири отступал под натиском тюркоязычных племен, во главе которых стояли хунны. Однако в это время и сама хуннская культура оставалась пронизанной иранской художественной традицией и только еще начинала создавать самобытные формы. При отсутствии достаточного числа соответствующих находок в погребальных комплексах невозможно решить, с какой этнической средой связываются те или иные вещи Сибирской коллекции или сходные с ними произведения, но их общий скифо-сибирский, или сакский характер не вызывает сомнений даже в тех случаях, когда они происходят из областей, ко времени их бытования занятых хуннами или другими тюркоязычными и монголоидными племенами.

VIII

Скифо-сибирский звериный стиль

Истоки скифского звериного стиля искали в различных местах — в Ионии (Фуртвенглер, Б. Фармаковский)¹, в горных районах на севере Передней Азии и, может быть, в Средней Азии (М. Ростовцев, А. Тальгрэн, Э. Герцфельд и многие другие), в северных областях Евразии (Г. Боровка, Д. Эдинг, Э. Миннз, 1942 г.) и, наконец, в Сибири и специально в Минусинской котловине (Э. Миннз, 1913 г.). В настоящее время нет надобности излагать и разбирать существующие гипотезы происхождения скифского звериного стиля, но зато необходимо подчеркнуть, что этот стиль во всей обширной области своего распространения в Восточной Европе и Сибири нигде не имеет непосредственных предшественников, за исключением Минусинской котловины.

Из этого, конечно, не следует, что варварские племена Южной Сибири и Восточной Европы в эпоху бронзового века не знали никакого изобразительного искусства. Зачатки искусства у них, несомненно, были, и об этом свидетельствует не только развитая геометрическая орнаментика на керамике. Всемирной славой пользуются произведения изобразительного искусства из Майкопского кургана на Северном Кавказе, известны плиты с резными

изображениями животных и человека из Усатова близ Одессы и Симферополя, наскальные изображения на реке Каче в Крыму и другие памятники энеолита и бронзового века в Северном Причерноморье. В Южной Сибири открыто значительное число наскальных изображений раннего времени, а в Минусинской котловине особое внимание привлекают каменные плиты, покрывавшие погребения окуневской культуры предшествовавшей андроновской.

На них находятся изображения быков, бычьих рогов, хищного зверя, по-видимому волка, и др. Сюда же относятся каменные изваяния с человеческими и звериными образами, каменные и костяные пластинки с выгравированными женскими лицами, вырезанные из кости и камня изображения птиц и зверей. Все это бесспорно доказывает, что в эпоху бронзы существовало изобразительное искусство с определенными сюжетами и выработанными формами, что среди его образов главное место занимали животные. Но вместе с тем очевидно, что стилистически это искусство не связано с искусством скифского времени, что оно не породило и не могло породить скифо-сибирский звериный стиль. Особенно следует подчеркнуть, что все известные

Эти памятники этого искусства, за исключением искусства Минусинской котловины, относятся ко времени, задолго предшествовавшему скифскому периоду. Только на памятниках карасукской культуры встречаются изображения животных, рядом сближающиеся со звериными образами скифского времени. Ввиду этого вопрос о роли карасукской культуры, если не в происхождении, то в формировании скифо-сибирского звериного стиля, не может быть снят с повестки дня. В настоящее время различаются три области скифо-сибирского искусства, а вместе с тем и культуры. Одну из них представляло Северное Причерноморье с Северным Кавказом, другая находилась в Средней Азии и прилегающей к ней западной части Южной Сибири, третью составляли наиболее восточные окраины скифского мира, включающие Минусинскую котловину, Забайкалье, Монголию и Северный Китай. Однако древнейшие произведения скифо-сибирского художественного стиля появляются не в какой-либо из этих областей, а в Северо-Западном Иране среди вещей так называемого Саккызского клада, точнее, богатейшего царского погребения, обнаруженного местными жителями в 1947 г. возле селения Зивие близ города Саккыза в Иранском Курдистане.

По данным Страбона и клинописных ассирийских памятников, собственно скифы, вторгшиеся в Переднюю Азию в 70-х гг. VII в., обосновались в бассейне реки Аракса севернее озера Урмия, в области, получившей по их имени у персов (саки) название Сакамена. Она находилась севернее Маннейского царства, на которое они временами распространяли свое господство. Предполагается, что город Саккыз, по имени которого находки в Иранском Курдистане стали известны как Саккызский клад, тоже называется по их имени. Возле Зивие находится городище, на нем Дейсон собрал чернокошеной керамику, сходную с северочерноморской скифского типа. Там же обнаружены курганы, в которых, вероятно, и было погребение с вещами чеповеческих и конских уборов, составляющими Саккызский клад. По обломкам ассирийского бронзового гроба с изображением горного козла на розетке К. Барнет определил время этого погребения рубежом VII—VI вв.², то есть годами, непосредственно предшествовавшими разгрому скифских племен мидянами и возвращению их в Северное Причерноморье.

Инвентарь этого погребения был расхищен, разошелся по рукам и ныне разбросан по разным коллекциям. Парижская выставка иранского искусства

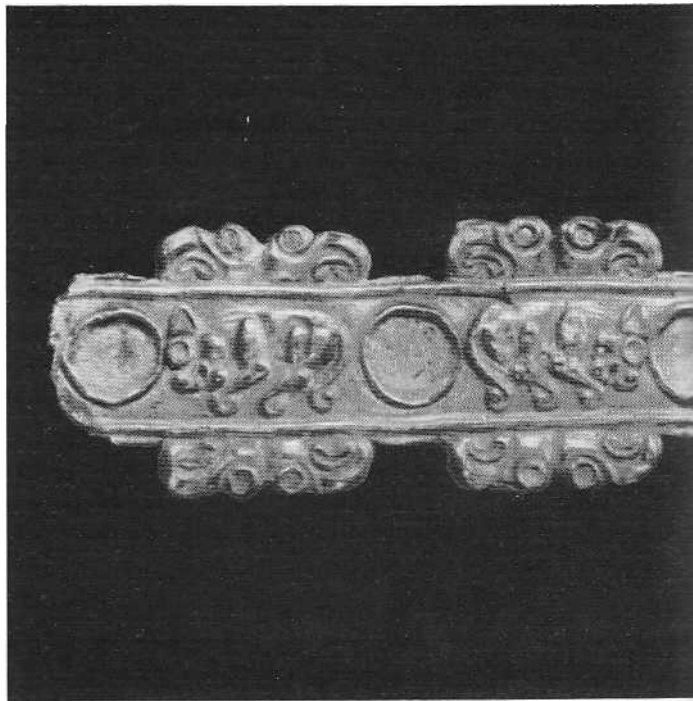
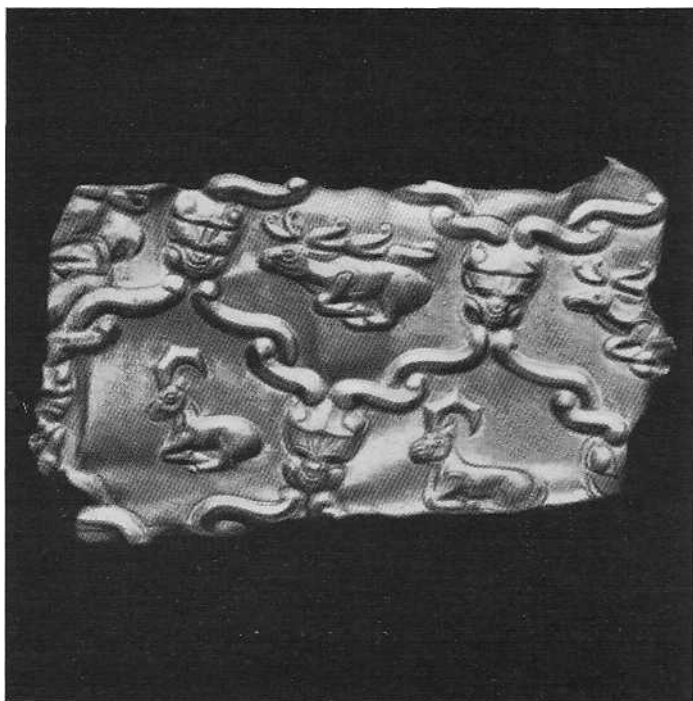
1961—1962 гг. впервые собрала уцелевшие вещи из этого погребения в одно место и дала возможность не только соединить части некоторых разломанных на куски золотых предметов, но и судить о нем в целом. Среди вещей ассирийского, урартского и маннейского происхождения в нем оказались произведения, отличающиеся специфическими признаками скифского стиля. Наряду с воспроизведениями ассиро-вавилонских и урартских образцов здесь были типичные для скифского искусства изображения лежащих с поджатыми ногами козлов и оленей (*илл. 289*), лежащих, идущих или свернувшихся в кольцо кошкообразных хищников — пантер (*илл. 290*) и головок хищной птицы — все с чертами характерной скифской стилизации, хотя еще и соединенной с преобладающими признаками древневосточного искусства, под влиянием которого эти изображения были созданы.

В настоящее время еще нет возможности восстановить процесс возникновения скифского искусства во всей его полноте, но едва ли можно сомневаться в том, что насыщение его характерными образами и создание своеобразных форм прошло длительный путь от первых контактов иранских племен с цивилизациями Древнего Востока до вхождения их самих в систему этих цивилизаций со времени утверждения на Иранском нагорье. В конце VII в. в находках из Зивие оно выступает уже в виде особого скифского стиля, в дальнейшем распространяющегося среди родственных иранских племен Северного Причерноморья, Средней Азии и Сибири. Вероятно, правильнее было бы это искусство в Передней Азии называть не просто скифским, а скифо-мидийским, так как близкое этническое родство, культурное сходство и контакты мидян и скифов явились важным условием не только его возникновения, но и распространения с одной стороны, в Северном Причерноморье, у скифов, а с другой — в Средней Азии и Южной Сибири, у саков, с которыми мидяне сохраняли прочные связи.

На первых порах существования скифского искусства доминирующее положение в нем занимали образы и формы переднеазиатского происхождения, как это можно видеть на вещах из Зивие, Келермеса или Мельгуновского клада, а его самостоятельность проявляется не столько в их трактовке, сколько в отборе сюжетов для дальнейшей переработки в соответствии с существующими потребностями. Не случайно в скифское искусство прочно вошли лишь немногие из переднеазиатских образов и притом почти исключительно в виде фигур отдельных животных или их частей.

289
Золотое налучье
с фигурами козлов
и оленей. Фрагмент.
Зивие

290
Идущая пантера
на золотой ленте.
Фрагмент. Зивие

Репертуар образов раннего скифо-сибирского искусства не велик. Из животных чаще всего изображались козел и олень, реже лось, или в виде одной головы, или в традиционном жертвенном положении — лежащими с поджатыми под туловище ногами с наложенными друг на друга передними задними копытами так, как они издавна изобража-

В искусстве Древнего Востока одиночные изображения животных встречаются относительно редко, обычно они входят в состав композиций с центром в виде фигуры божества или его символа. В скифо-сибирском искусстве такого рода композиций, если не считать немногих, не прижившихся воспроизведений восточных образцов, в раннее время почти нет, а встречаются кроме одиночных животных только их простейшие сдвоенные по принципу зеркальной симметрии изображения, которые условно можно назвать геральдическими. В раннем скифо-сибирском искусстве животные изображались в спокойном состоянии — идущими, лежащими или стоящими, иногда с повернутой назад головой, свидетельствующей, что их прототипами послужили фигуры в составе композиций. Характерных для Древнего Востока изображений антропоморфных божеств раннее скифо-сибирское искусство также не знает, что, вероятно, надо отнести за счет большей примитивности скифской религии, в которой антропоморфные божества еще не получили распространения.

Из животных этих видов встречаются значительно реже, причем для них характерны вытянутые, как бы высящие в воздухе ноги с обращенными книзу острыми концами копыт („на цыпочках“). Лошадь изображалась обычно только в виде одной головы, иногда голова снабжалась длинными ушами, показывающими, что это мул или осел. Изображения быка даже в виде одной только головы очень редки. Чаще встречаются головки барана, а также изображения кабана как в виде стоящей или бегущей фигуры, так и одной головы. Иногда изображался заяц. Из хищников для раннего скифо-сибирского искусства характерна пантера — кошкообразный зверь с гладким, гибким туловищем, представленный и идущим, и лежащим, и свернувшимся в кольцо. Много реже встречаются изображения льва и притом только в виде одной головы. Птицы представлены главным образом схематизированными головками, состоящими нередко из одного круглого глаза и изогнутого клюва. Полностью они изображались

с головой в профиль и с развернутым в фас туловищем с раскрытыми крыльями. Из фантастических образов в раннем скифо-сибирском искусстве широкое распространение получили грифоны, а в Северном Причерноморье еще и возникающая на их основе голова барано-птицы, то есть барана с тупым клювом вместо морды.

Не все эти образы заимствованы в готовом виде из искусства Востока, некоторые из них, как, например, лось, появились в скифо-сибирском искусстве в порядке приспособления изобразительных сюжетов к местной среде. Да и заимствованные образы подверглись стилистической переработке, существо которой заключалось в обобщении детализированных форм древневосточных изображений, в замене их графической разделки широкими, слабо расчлененными поверхностями. При общем сходстве скифского искусства в Причерноморье и Сибири первое отличается приемами стилизации, явно восходящими к технике резьбы по дереву, тогда как в Сибири в большей мере сохраняется мягкая моделировка. Рог, а в особенности дерево, вероятно, наиболее широко применялись скифами и саками для изготовления разнообразных украшений, которые, будучи обложены тонким золотым листком, вполне могли уподобиться изделиям из драгоценного металла и создавать видимость пышности и богатства, необходимых для поддержания социального превосходства своих обладателей, а в более скромных уборах употреблялись и без позолоты. Сохранившиеся резные роговые украшения особенно многочисленны в северочерноморских погребениях VI в., но они появляются еще в конце VII в. и уже тогда, как показывают изображения скифских типов в Саккызском кладе, до известной степени определяют стилистическое своеобразие металлических произведений скифского искусства, в которые переносятся выработанные в резьбе приемы стилизации. Близкое сходство северочерноморского и сибирского звериного стиля, с одной стороны, и некоторые различия в трактовке одинаковых сюжетов — с другой, не оставляют сомнения, во-первых, в общности происхождения того и другого, и во-вторых, в независимом друг от друга развитии искусства каждой из этих областей. И северочерноморское и сибирское искусство одинаково восходит к искусству иранских племен, сложившемуся в Передней Азии на основе древневосточного наследия. Вместе с тем особенности собственно скифского искусства определились еще в Передней Азии. Не располагая теми возможностями, какими обладали их цивилизованные соседи, скифы в Передней Азии воспроиз-

водили древневосточные в своей основе украшения в доступном для них материале и в соответствующей ему трактовке, что получило, как свидетельствует Саккызский клад, определенное отражение и в металлических произведениях. Мидяне находились в этом отношении в другом положении и перенесли свое искусство в Среднюю Азию и Сибирь без специфических скифских признаков.

С V в. до н. э. характер скифо-сибирского искусства меняется, ряд мотивов исчезает или дегенерирует, но зато появляются новые мотивы и с новыми, ранее неизвестными формами.

Из числа исчезнувших к этому времени мотивов можно назвать очень редкие в Сибири, но зато распространенные в раннескифском искусстве Причерноморья скульптурные головки барано-птиц. Древнейшие образцы этого мотива представлены на роговом псалии из Кармир-Блур в Армении и на таких же предметах из курганов в Среднем Приднепровье, на роговых пронизках из Келермеса, а также на роговых и бронзовых навершиях из Темир-Горы на Керченском полуострове и из села Великие Будки в Приднепровье³. Таким образом, этот мотив оказывается распространенным не позже конца VII — начала VI в. на весьма обширной территории и притом в сходном виде. В основе его может лежать изображение головы барана с острой мордочкой, преобразованной в клюв под влиянием образа грифона, хотя последний нигде, кроме как в скифском искусстве, не имеет бараньих рогов. Образ птице-барана, как и обычных на концах псалий и на уздечных пронизках головок просто баранов, коней и копыт, появился раньше возвращения скифов в Северное Причерноморье, что указывает на возникновение специфического скифского стиля еще до распространения в Скифии художественных произведений, принесенных ими из стран Передней Азии.

Другой древний мотив, известный как на западе — в Причерноморье, так и на востоке — в Средней Азии и Сибири, — свернувшийся в кольцо кошкообразный хищник, хотя и продолжает бытовать, в V в. становится очень редким и приобретает все признаки вырождения. Наиболее ранние образцы этого мотива представлены на золотом наконечнике рукоятки меча из Зивие (илл. 173). На этом наконечнике длинное, тонкое туловище зверя с поперечными нарезками, означающими ребра, заканчивается массивной головой с удлинненным глазом, загнутым спиралью носом и спиралью же трактованным нижним краем челюсти. Сердцеобразное ухо разделено на две части продольным ребром.

292
Тигр,
напавший на лося.
Аппликация.
Пазырык, первый курган

293
Нападение львиного
грифона на козла.
Аппликация
Пазырык первый курган

294
Налобник
в виде головы грифона
с парой гусей в клюве.
Пазырык, второй курган

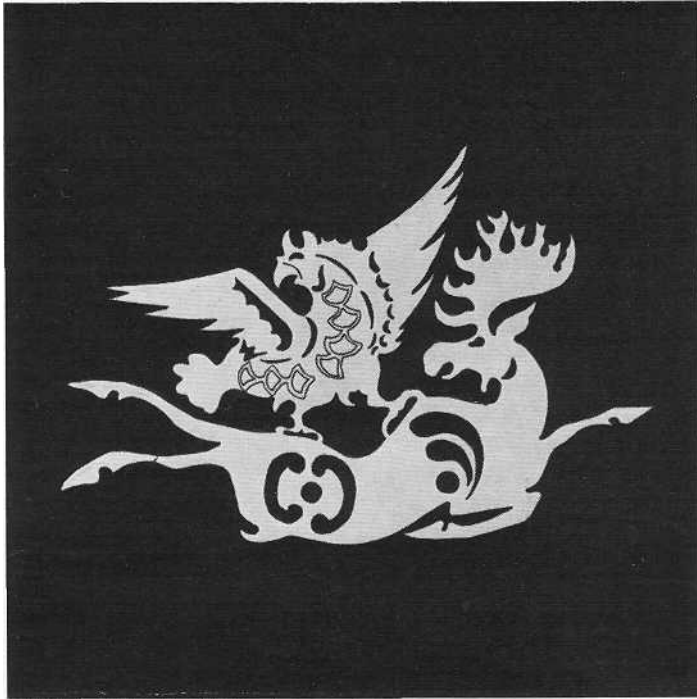

225
Деревянное украшение
спряжки — два грифона
с общей головой.
Пазырык, первый курган

1
говая накладка
лосиными головками.
Пазырык третий курган

297
Гриф, терзающий лося.
Апликация (рисунок).
Пазырык, первый курган

львином облике он так же, как и его ахеменидско-персидские образцы, имеет козлиные или бычьи рога и загибающиеся вперед крылья. Примером местной трактовки этого типа грифона могут служить грифоны в сцене нападения на барана на седельной покрышке первого Пазырыкского кургана (илл. 293) и терзания лошади на поясной застёжке Сибирской коллекции (илл. 180).

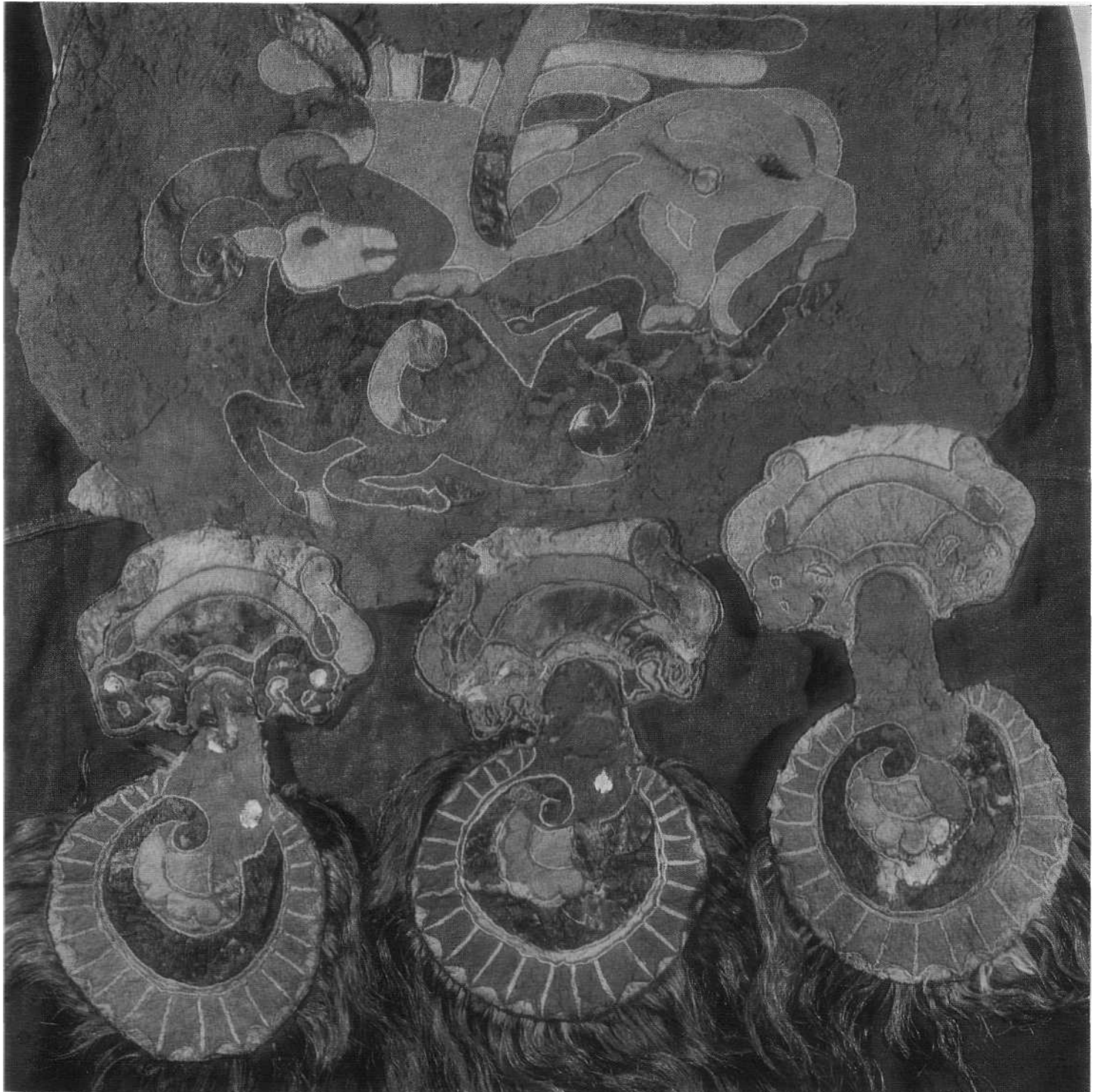
С утратой специфических львиных черт и с превращением в хищника типа тигра или волка этого рода грифон снабжается стилизованными рогами, состоящими из птичьих головок, как, например, в сценах борьбы такого зверя с тигром на сибирских застёжках и в скульптурном изображении, завершающем браслет из Дуздака. Последний пример, кстати сказать, может свидетельствовать, что процесс переработки иранского мифологического образа применительно к местным требованиям происходил не только в Сибири, но и в Средней Азии (илл. 55). Орлиный грифон ничем не отличается от львиного, кроме головы, которая у него не львиная, а орли-

ная. Те же уши и рога, такие же крылья на зверином туловище. От такого грифона существенным образом отличается гриф с туловищем хищной птицы. Фантастической здесь является только голова с длинными ушами и гребнем, тянущимся вдоль шеи. Этот образ характерен для скифо-сибирского искусства и представляет собой местную интерпретацию орлиного грифона.

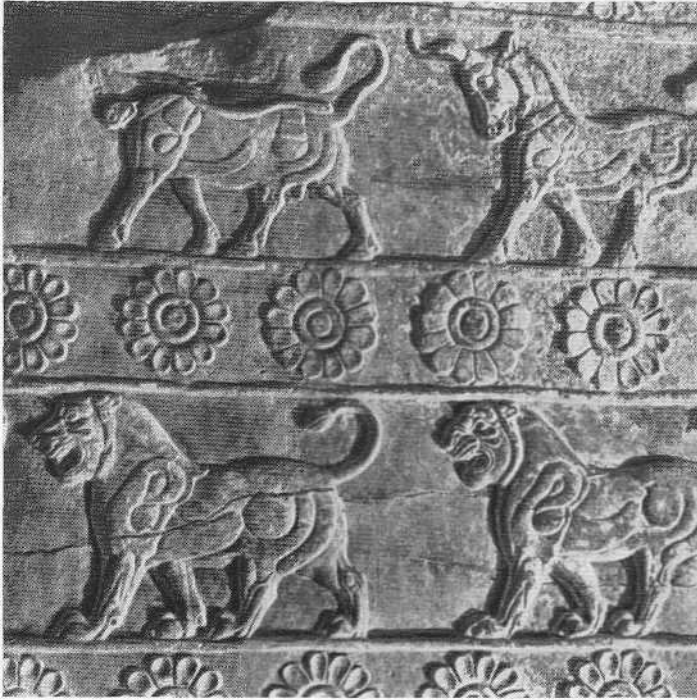
Усложнение образа животного дополнительными изображениями, вкомпонованными в те или другие его части, отмеченное еще на согнутой фигуре пантеры из Зивие и характерное для скифского искусства Причерноморья, не получило такого же развития в Сибири. Добавочные изображения здесь имеются только в виде птичьих головок на концах рогов и хвоста и притом только у фантастических зверей. Такого рода прием не характерен и для иранского искусства и может считаться специфическим скифским признаком. Размещение дополнительных изображений на самой фигуре животного например, на его плече или бедре, наблюдается в Сибири очень редко. Известен всего один пример использования приема зооморфных превращений в развитом виде, а именно золотая пластина из Верхнеудинска в Забайкалье, на которой туловище фантастического зверя целиком заполнено фигурами грифа и головы волка, пожирающего барана. Ни в одном другом сибирском памятнике этот прием не находит себе соответствия, хотя по своей форме и по общей композиции изображения эта пластина типично сибирское произведение.

В сибирском искусстве распространены симметрично развернутые фигуры не только из зеркально повторяющихся изображений, но и из образов, объединенных общей головой. В ряде случаев они получают настолько орнаментальную трактовку, что в них с трудом отыскивается реальная основа. Примеров зеркально-симметричных композиций особенно много среди уздечных и седельных украшений в алтайских курганах. Из их числа можно указать замечательный налобник из второго Пазырыкского кургана, состоящий из распластанной головы львиного грифона с парой симметрично сопоставленных мертвых гусей, висящих у пасти хищника (илл. 294). У птиц опущенные вниз головы на изогнутой шее и висящие под общим хвостом лапы. Вырезанная из рога подвеска, составленная из двух лосиных голов, из коллекции Фролова близко напоминает бронзовые пряжки Журовских курганов Приднепровья, оформленные по тому же принципу и из голов тех же животных⁴. Из третьего Пазырыкского кургана происходит роговое луновидное украшение

Орлиный грифон,
тёрзающий козла.
Апликация
Пазырык, третий курган

299
Быки и лани
на балдахине Артаксеркса. Рельеф.
Персеполь

седла, на котором вырезаны также лосиные головы, но настолько орнаментализированные, что с трудом поддаются распознаванию (илл. 296).

Примером симметричной композиции, в которой составляющая ее пара животных объединена одной головой, может служить вырезанное из дерева украшение конской упряжи из первого Туэктинского кургана (илл. 295). Обращенные друг к другу профильные скульптурные туловища двух крылатых грифонов соединены здесь общей скульптурной головой хищника, поставленной в фас. Подобного рода симметричные пары львов с общей головой особенно характерны для луристанского искусства, но геральдические композиции издавна распространены в искусстве Востока. В Ахеменидской Персии они представлены прежде всего капителями дворцов и портиков царских могил, но известны и в прикладном искусстве⁹.

В ахеменидском искусстве видное место занимает сцена нападения льва на быка, несколько раз представленная в рельефах Персеполя в одном и том же

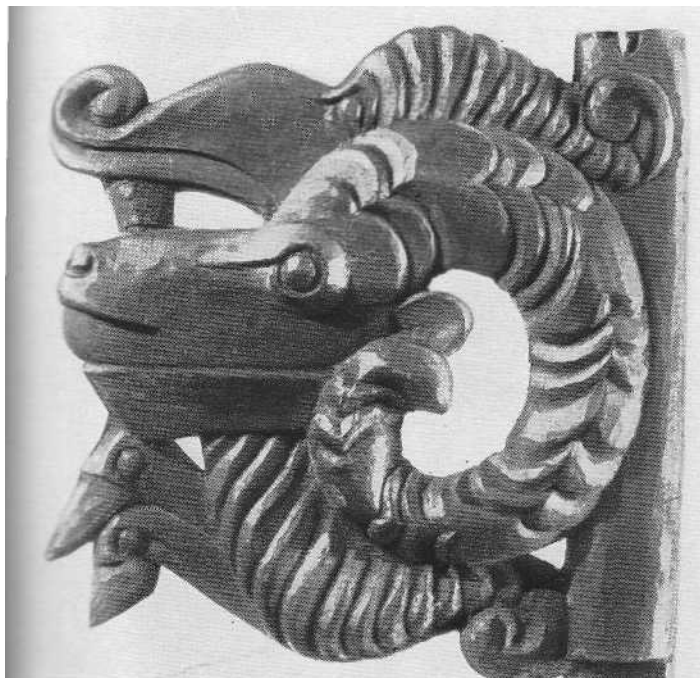
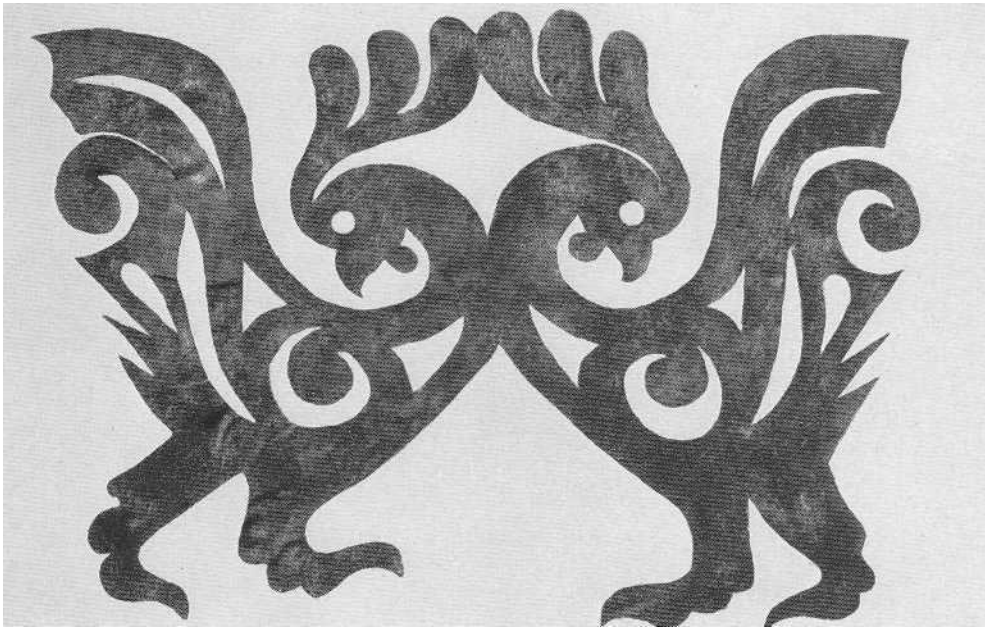
виде как на лестнице в ападану (илл. 291), так и в других частях дворца, относящихся ко времени от Дария до Артаксеркса III, то есть с VI до IV в. включительно. Известна она и в прикладном искусстве — на большом серебряном блюде в частной коллекции в Тегеране. Характерным признаком этой несомненно культовой и канонической композиции является повернутая в фас голова льва, вонзившего зубы и когти в круп своей жертвы, при полной профильности туловищ обеих фигур. Сцены нападения льва на быка или другое животное издавна распространены в искусстве Месопотамии, но в них животные обычно изображались полностью в профиль. В профиль представлены, например, козел и терзающий его лев на золотой ассирийской чаше Келермесского кургана⁶. В Причерноморье лев с повернутой в фас головой впервые появляется в Семибратнем кургане V в. на золотой треугольной оковке сосуда, вероятно, ритона, где он изображен в характерной греко-персидской трактовке вскочившим на спину павшего на согнутые ноги лося и вцепившимся зубами в его шею⁷. С таким поворотом головы представлен и в аппликации на седле из первого Пазырыкского кургана, где он впился зубами и когтями в круп бегущего лося, а задней лапой ухватился за одну из задних ног своей жертвы (илл. 292). С тем же характерным поворотом головы даны звери, в данном случае явно тигры, на сибирских золотых пластинах в сценах борьбы тигра с рога-тым волком, тигра, сражающегося с двумя фантастическими хищниками — орлиным грифоном и рога-тым волком, и, наконец, в сильно схематизированном изображении нападения тигра на лошадь. Многочисленные изображения того же мотива представлены ордосскими и забайкальскими бронзовыми изделиями.

В отличие от Северного Причерноморья в искусстве Сибири сцены борьбы зверей занимают весьма видное место. Они отличаются сложным построением и трудными ракурсами и появляются в таком виде, который требовал длительного подготовительного пути. Они не могли возникнуть самостоятельно в результате непосредственного наблюдения природы, вылившись сразу в формы, характерные для высокой художественной культуры с длинной историей развития подобных мотивов и форм. В северо-черноморском искусстве такие композиции носят все признаки греческого или греко-персидского художественного стиля и получают широкое распространение не раньше конца V — начала IV в. В Сибири они особенно многочисленны, а в искусстве Алтая занимают доминирующее положение и

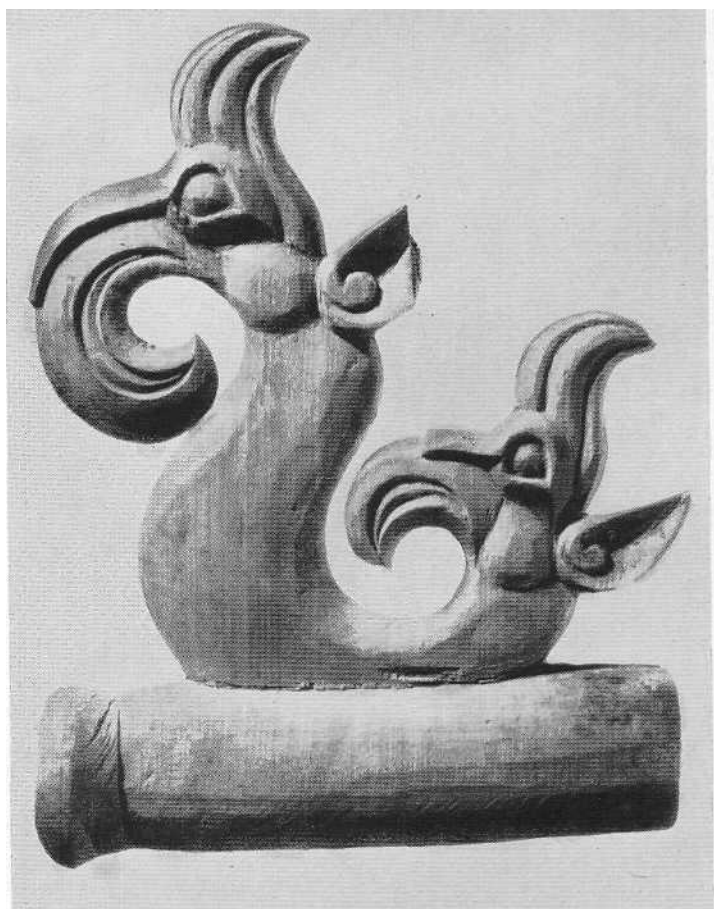
Апликация
в виде пары петухов.
Пазырык третий курган

Узловая подвеска —
голова барана в пасти хищника.
Пазырык первый курган

302
Деревянная
узловая подвеска —
пара оленей.
Пазырык. первый курган

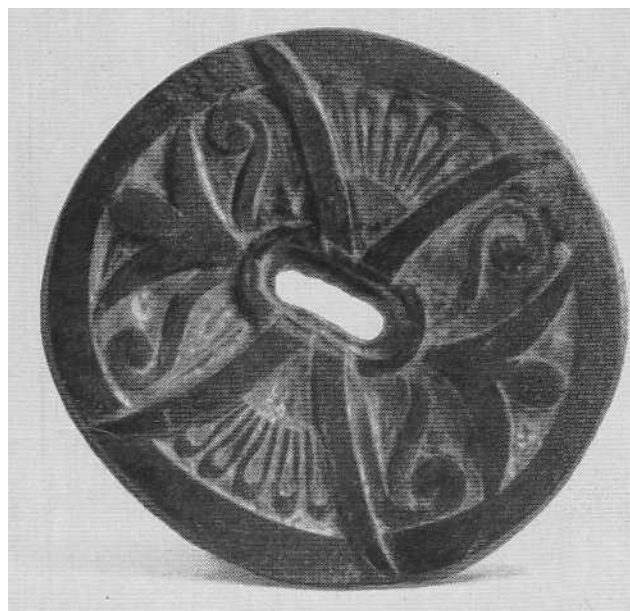
303
Деревянная подвеска —
головка грифона.
Пазырык, первый курган

304
Деревянная подвеска —
голова грифона в фас.
Пазырык, первый курган

305
Орнамент — лотос
и пальметка.
Пазырык, первый курган

196
Орнамент -
войлочный чепрак.
Тазырык, первый курган

носят признаки местного художественного стиля. В основе их, однако, лежат переднеазиатские, скорее всего, греко-персидские образцы, вошедшие в сибирское искусство в сильно переработанном виде. Переработка выразилась прежде всего в замене иноземных персонажей местными, например, льва тигром или волком, быка — лосем. Кроме этого, сцены борьбы зверей в сибирском искусстве, обогащенные реалистическими привнесениями, становятся экспрессивнее, выразительнее своих застывших в монументальной неподвижности иранских образцов. Декоративная орнаментальность, соответствующая духу сибирского искусства, оказывается в течение долгого времени не в состоянии погасить свойственное им реалистическое содержание.

Примером, можно сказать, классической композиции, известной как в Ахеменидской Персии, так и в Греции, является сцена нападения грифона на барана или козла, представленная на седельной покрывке из первого Пазырыкского кургана (*илл. 293*). Крылатый львиный грифон с рогами на голове одной передней лапой вцепился в загривок своей жертвы, а другой схватил ее за заднюю оттянутую ногу. В отличие от монументально-спокойной позы уверенного в своей силе грифона козел представлен в напряженном движении, вырывающимся из лап хищника.

В другой композиции орлиный грифон терзает поверженного козла (*илл. 298*). Жертва с повернутой назад головой и перевернутой задней частью туловища бьется в когтях торжествующего победителя. Того же рода сцена представляет ушастого орла с распушенными крыльями, когтящего лося, пытающегося освободиться от врага. У лося, как и у барана в предшествующей композиции, голова повернута назад, а туловище перекручено (*илл. 297*). Особенно большой выразительностью и реалистической экспрессией отличаются сцены нападения тигра или другого кошкообразного хищника на лося, оленя и барана.

Сценами борьбы зверей являются по своему содержанию и маски, надевавшиеся на головы лошадей, найденные в Пазырыкских курганах. Так, на одной из них скульптурная голова львиного грифона с оскаленной пастью и изогнутыми рогами с шариками на концах, поднимающаяся над теменем лошади между парой зубчатых крыльев, является частью целой фигуры этого фантастического существа, тело которого представлено двумя лопастями, свешивавшимися по сторонам лошадиной головы. Внизу оно заканчивается орнаментализованными задними лапами и закрученным хвостом. Передними лапами

грифон охватил шею тигра, распластанная фигура которого составляет переднюю часть маски, покрывавшую морду лошади. Маска в целом представляет собой сцену борьбы тигра с грифоном (*илл. 75*). Имеются и сокращенные варианты того же рода композиций в виде головы зверя, в раскрытой пасти которого помещается голова другого животного. Чаще всего барана. Одним из самых замечательных примеров этого рода изображений является вырезанная из дерева голова грифона, в раскрытом клеве которого находится голова оленя. Гребень на шее грифона, рога и уши оленя сделаны из кожи. Шея грифона украшена рельефными фигурками птиц. Условно-декоративная разделка отдельных частей изображений сочетается с реалистической передачей образов в целом, в особенности птиц на шее грифона (*илл. 97*).

Вообще говоря, изображения животных как в композициях, так и взятых отдельно отличаются, несмотря на обобщенность и известную условность, поразительным реализмом в передаче их характерных признаков. Так, например, у лося удивительно верно передается тяжелая горбоносая голова с бородой, большими ушами и широколопастным рогом. массивное туловище с длинными ногами, заканчивающимися мощными копытами, у оленя — легкое туловище с коротким хвостиком, стройная голова с тонкой мордой, небольшими ушами и ветвистыми рогами. Превосходно показаны бараны и козлы с их характерно изогнутыми рогами, в одном случае поднимающимися над головой, а в другом закрученными по ее сторонам. Особенно же великолепны гибкие кошачьи фигуры хищников с тупомордо; головой на могучей шее, когтистыми лапами и длинным загнутым на конце хвостом.

В V в. вместо животных в статических спокойных позах появляются многочисленные изображения зверей с сильно изогнутыми телами, в бурном движении. Особенно выразительны в этом отношении животные с повернутыми в противоположные стороны передней и задней частями туловища, то есть как бы перевернутые. Этот прием передачи сильного движения, известный еще в искусстве Микен, в V в. появляется в Причерноморье, но особенно широкое распространение получает в Сибири. Он применяется в изображениях и отдельных животных и в композициях борьбы зверей вплоть до конца I тысячелетия до н. э.

Динамический характер сибирского искусства V последующих веков выражается не только в композициях борьбы зверей и представленных в бурном движении отдельных животных, но и в общей трак-

товке изображений с помощью изогнутых форм и кривых линий, сочетающихся, однако, с уравновешенной замкнутостью построения и четким, несколько тяжеловесным ритмом общей симметричной композиции. Впечатление стремительности движения создается путем резких перегибов фигур и применением в изображениях животных и в построении орнаментов S-образных и волнообразных линий. В соответствии с этим доминирующее положение в искусстве занимают не круглая скульптура, а рельеф и плоскостные живописные и графические изображения. Детали получают при этом условную орнаментальную трактовку системой криволинейных линий, фигур и контрастных цветовых пятен. Особенно широко распространяется восходящий к ассирио-вавилонскому искусству прием графического выделения частей тела специальными значками в виде восьмерок, кружков или точек, луновидных дуг или скобок, изогнутых треугольников и спиралеобразных завитков, так называемых запятых, и. т. п. Такого рода геометрическими фигурами обозначаются плечи, бедра, ребра, мускулы и другие части животных. В монументальном искусстве Ирана декоративная трактовка условными фигурами хорошо представлена в рельефах Стоколонного зала в Персеполе, в особенности в фигурах львов и быков на балдахине трона Артаксеркса I (465—424) (илл. 299), а также во многих произведениях торевтики.

Каменные или стеклянные вставки в металлических изделиях практиковались в Эламе, Ассирии, Финикии и Урарту. Великолепны инкрустированные костяные изделия из ассирийской Ниневии. В Зивие, а затем в Келермесе, Чиликты и других скифских и сакских комплексах конца VII и раннего VI в. находятся золотые украшения с цветными вставками эмали или бирюзы в специальных ячейках. В изображениях такими вставками выделялись глаза, уши, ноздри животных. С V в. инкрустации широко применяются в иранских ювелирных изделиях, о чем свидетельствуют образцы их, находящиеся в составе Аму-Дарьинского клада и в Сибирской коллекции. Цветными вставками пользуются для декоративной разделки различных частей изображений, крыльев, рогов и др., а также для выделения условных геометрических фигур, которыми обозначались выпуклости и мускулы на теле животных. Цветные инкрустации такого рода нашли яркое выражение в глазурованных рельефах с фигурами львов и фантастических животных, фризами которых украшен при Артаксерксе II (404—358 гг.) известный дворец в Сузах. Цветные аппликации из войлока, кожи и других материалов, представленные в большом числе на-

ходками в алтайских курганах, показали, что те же приемы условной передачи формы господствовали в плоскостных изображениях сибирских кочевников, находясь при этом в полном соответствии с возможностями своего материала и техники. Насколько можно судить по образцам, найденным в тех же курганах, цветные „инкрустации" особенно высокого развития достигли в ковровых изделиях и тканях. Дъвы, составляющие узор шерстяной ткани из пятого Пазырыкского кургана, повторяют львов на упомянутом балдахине из Стоколонного зала в Персеполе и близко сходны с изображениями тех же животных в глазурованных рельефах в Сузах. Не забудем, что эта ткань иранского происхождения, а также, что рельефы балдахина над тронном Артаксеркса I воспроизводят именно такого рода тканые изображения.

Особенно полюбившийся среднеазиатским и сибирским кочевникам „инкрустационный стиль" ахеменидского искусства сложился в результате взаимодействия ювелирного и коврово-ткацкого производства; приписывать его появление какому-либо одному из этих производств неправильно, как неверно и возведение его к технике аппликации, представленной преимущественно войлочными и кожаными изделиями из алтайских курганов. Эти последние появились в порядке упрощенного воспроизведения коврово-ткацких изделий, а не наоборот, и в таком же взаимодействии с местным ювелирным искусством, в каком находились ювелирное и ткацкое производство в Иране.

Нельзя не отметить и еще одно обстоятельство, а именно, что ювелирные изделия с цветными инкрустациями, столь ярко представленные Аму-Дарьинским кладом и Сибирской коллекцией, вовсе не характерны для переднеазиатских ахеменидских произведений того же рода. Из этого следует, что инкрустационный стиль ахеменидского периода получил преимущественное развитие в восточных провинциях Персидской империи, точнее говоря, в Средней Азии, включая сюда Бактрию до греческого завоевания. Широкое развитие „инкрустационного стиля" именно в Средней Азии с распространением в Сибири, вероятно, в какой-то степени было обусловлено и тем, что наиболее употребительный для инкрустации камень — голубая бирюза — добывался в Средней Азии, по Плинию, в стране саков и дахов, а по современным данным, в Бадахшане.

В соответствии с декоративным назначением художественных произведений скифо-сибирского искусства орнаментальная трактовка в ряде случаев рас-

пространяется на весь образ и подавляет его изобразительное содержание. На материалах алтайских курганов можно проследить, как изображение животного или его части схематизируется и превращается в орнаментальный мотив.

В конских уборах Пазырыкских курганов видное место занимают вырезанные из дерева подвески в виде стилизованных фигур животных или их частей, представляющие различную степень орнаментализации реалистического образа. В этом отношении интересна подвеска в форме профильной головки барана в пасти хищника (*илл. 301*). Центр композиции занимает голова барана с круто изогнутым рогом; слева от него представлена передняя часть туловища этого животного — шея и передние ноги. Справа вдоль контура бараньей головы выступает профильная головка хищника с загнутым носом. Она увенчана рогом с завитком, обращенным в наружную сторону, симметрично с таким же завитком с другой стороны фигуры, завершающим шею барана. Нижняя челюсть хищника пересекает шею барана и охватывает его голову от основания рогов до конца морды; в верхней челюсти хищника торчит клык, который соединяет ее с носом барана. В целом получается декоративная, симметричная композиция, где изображения остроумно связаны между собой и, несмотря на условность, сохраняют реалистические и притом очень живо переданные черты.

Другая такая же подвеска образована двумя симметрично сопоставленными фигурками лежащих оленей (*илл. 302*). Обращенные в противоположные стороны рога их образуют с боков фигуры очертания в виде свободных зигзагов. Пространство между фигурами оленей внизу заполнено трехлепестковой пальметкой. На третьей подвеске сопоставлены маленькие схематические головки с поднимающимися от них в противоположные стороны рогами в виде больших, совершенно подавляющих эти головки лепестков, соединенных по три вроде пальметки и в целом образующих орнаментальную фигуру, в которой изобразительные элементы теряют всякое значение.

Орнамент в виде ряда „запятых“, увенчанных зубчатым гребешком, несомненно восходит к изображениям петушков с гребнем на повернутой назад голове, а в основе особенно характерного для Башадарского кургана орнаментального мотива в виде круга или полукружия, сочетающихся с пламенивидными фигурами, лежит изображение грифона или птичьей головы (*илл. 303*). Спиралевидный узор определенно связывается с изображением профиль-

ной головы барана с закрученным сбоку рогом (*илл. 301*), а зигзагообразный орнамент в ряде случаев может быть возведен к форме стилизованных оленьих рогов (*илл. 306*). В узор превращаются головы тигров, грифонов, лосей и других животных и даже целых фигур (*илл. 304*).

Наряду с мотивами орнамента звериного происхождения в скифо-сибирском искусстве появляются и растительные формы. Сюда относятся прежде всего лотос, розетка, пальметка, бегущая спираль и изгибающаяся лоза, выступающие как самостоятельно, так и в сочетании с другими формами (*илл. 305*). Особенно многочисленны украшения в виде пальметок. В Пазырыкских курганах найден набор конских украшений, состоящий целиком из пальметок. В виде сложной пальметки оформлены хвосты птиц на кожаной сумке из Пазырыкского кургана. В других случаях форму пальметки приобретают оленьи рога, с нею же сочетаются человеческие личины.

Переднеазиатское происхождение растительных орнаментальных мотивов не вызывает сомнений, хотя некоторые исследователи ведут их через скифское искусство Причерноморья из Греции. Особенно большую роль греческим элементам в сибирском искусстве приписывает Г. Азарпей⁸, причем главным из его доводов в пользу греческого влияния на творчество сибирских мастеров выступает характерный орлиный грифон с гребнем вдоль шеи, трактованным, по его терминологии, зубцами в виде рыбьих плавников. Поскольку грифоны с таким гребнем появляются в греческом и причерноморском скифском искусстве не раньше IV в., он тем же временем датирует и Пазырыкские курганы, где такого рода гребень встречается особенно часто. По этому поводу необходимо заметить, что грива или гребень вдоль шеи грифонов известны в ахеменидском искусстве и в барельефах и на печатях. Особенно же близок к сибирским гребень на круглой золотой бляшке с фигурой львиного, а не орлиного грифона из Аму-Дарьинского клада. Эта деталь в образе грифона сохраняется в искусстве Средней Азии и позже, о чем свидетельствует бронзовая статуэтка грифона в Британском музее, которую Дальтон относит к IV в.⁹, и серебряная статуэтка, найденная в Квадратном доме парфянской столицы Старой Нисы, датируемая II в. до н. э. Таким образом, можно допустить, что этот мотив проник в сибирское искусство не из Греции, а из Ирана. С другой стороны, нельзя недоучитывать и роль греческого искусства, однако не непосредственно воздействовавшего на сибирское, а в той его форме, кото-

тая впервые выделена Фуртвенглером под названием „греко-персидской“ и в которой персидские К) происхождению произведения предстают в виде, возникшем под несомненным воздействием греческого стиля¹⁰. Как известно, греческие мастера привлекались персидскими царями к строительству дворцов еще в V в. до н. э., а в дальнейшем их влияние на персидское искусство становится все более и более значительным, а со времени завоеваний Александра Македонского греческое искусство занимает доминирующее положение во всей Передней Азии, включая сюда и области Греко-Бактрийского царства.

Орнаментализация, сказывающаяся прежде всего в строгой симметричности композиций, а затем и в схематизации образов, представленная в позднейших произведениях Сибирской коллекции и в бронзах Прибайкалья и Ордоса, в конечном счете приводит к подавлению и вытеснению не только реалистических, но и вообще изобразительных элементов скифо-сибирского искусства. В результате многократных повторений изображения животных грубеют и геометризуются; отдельные черты их в ущерб целому подчеркиваются и преувеличиваются, преобладающее положение занимают фантастические образы в орнаментальной трактовке. Цветные инкрустации из вспомогательного изобразительного средства превращаются в самостоятельный декоративный элемент и постепенно подавляют изобразительные мотивы. Листовидный узор, ведущий свое происхождение от изображений деревьев и ветвей, утрачивает свой растительный характер и абстрагируется. Его формы распространяются на все виды инкрустаций. В конце концов скифо-сибирское искусство звериного стиля уступает место новому, геометрическому полихромному стилю, в котором главную роль в ювелирных изделиях играют довольно однообразные вставки из цветных камней и стекла. Искусство этого нового стиля относится к первым векам н. э., и рассмотрение его выходит за рамки нашей темы.

Кроме художественного оформления вещей бытового назначения скифо-сибирское искусство имело еще и определенное культовое значение. Однако это была не охотничья магия палеолита, приписываемая некоторыми исследователями звериному стилю. Образы животных или их частей служили апотропеями-амулетами, с одной стороны, и воплощениями космических сил с другой, что, как известно, не противоречит одно другому. Они были тесно связаны с мифологией местного населения. В этих образах отразились представления о силах добра и

зла, жизни и смерти и борьбе этих противоположных начал, столь характерные для иранского религиозного мировоззрения. С этим значением реальные и фантастические образы вошли в быт варваров из искусства Древнего Востока и были переработаны ими в соответствии со сходными местными верованиями, в которых еще жили тотемистические традиции. Именно поэтому в культовых церемониях лошади наряжались в маски с изображением победы доброго духа над злым и сами становились носителями идеи добра и жизни. Этим же содержанием проникнуты и многочисленные композиции борьбы зверей. По той же причине заимствованный из Месопотамии образ гения превратился в местных условиях в человеко-зверя с оленьими рогами — того тотемистического предка, воплощавшего благое начало, представление о котором возникло, вероятно, еще в эпоху палеолита, но не умирало и не могло умереть до тех пор, пока родство по происхождению оставалось основной формой общественных связей, в какую обличались все или почти все социальные отношения. Антропоморфизация мифологических образов была новым явлением в скифо-сибирском искусстве и означала не только персонификацию сил природы, но и далеко зашедший процесс дифференциации общества, выделения элементов, ставших над ним в независимое положение, что было началом государственной власти.

Поскольку мифологические образы играли и еще одну немаловажную роль — украшения как средства социальной дифференциации, — их первоначальный смысл затемнялся и искажался, отступая под натиском требований декоративного, художественного порядка. Религиозное искусство становилось бытовым. В искусстве появляются жанровые сюжеты, в частности, воспроизводящие эпизоды иранских эпических произведений. Но этот естественный процесс не привел и в данных условиях не мог привести к полной утрате культово-магической функции искусства. Даже много позже, когда изобразительные мотивы почти вовсе вышли из употребления, она осталась за геометрическим орнаментом.

Мы проследили развитие скифо-сибирского искусства звериного стиля от его зарождения до конца, видели, какую роль в нем играли высокие цивилизации Древнего Востока, как варварские вкусы и потребности преобразовывали заимствованные мотивы и формы, каким путем создавались совершенные образцы звериного стиля и как они канонизиро-

вались и омертвляли в многократных повторениях, пока в конце концов блеск цветных инкрустаций почти без остатка не поглотил изобразительное содержание искусства.

В заключение мы можем сказать, что история искусства в Сибири скифского или, точнее, сакского времени может быть разделена на несколько периодов. Первый из них, представляющий зарождение звериного стиля, теснейшим образом связывается с карасукской культурой, в которой произведения изобразительного искусства ограничиваются немногими образцами. Традиции этого искусства еще некоторое время прослеживаются в минусинской татарской культуре, однако искусство последней, как и всего скифо-сибирского мира, основывается с VI в. до н. э. не на них, а на переработанных в иранской среде переднеазиатских мотивах ассиро-вавилонского периода. Древнейшие формы этого искусства возникли в Иране среди вторгшихся в Переднюю Азию мидян и скифов, поддерживавших тесные связи с породившей их средой евразийских кочевников, благодаря чему созданное ими искусство быстро распространилось от Дуная до Хуанхэ.

Следующий период V—IV вв. до н. э. с полным основанием можно назвать ахеменидским, так как развитие скифо-сибирского искусства в это время протекает под знаком персидского влияния, хотя и характеризуется большим своеобразием, обязанным творческой переработке переднеазиатских образцов в варварской среде. В дальнейшем, в эллинистическое время, то есть в последние века I тысячелетия до н. э., когда ведущее положение в Средней Азии занимает Греко-Бактрия, несмотря на продолжавшееся влияние эллинизированного Востока, реалистические традиции в скифо-сибирском искусстве отступают под натиском орнаментального схематизма.

Сокрушительные удары, нанесенные хунну юэчжам, и переселение последних в Среднюю Азию не могло не отразиться на положении ираноязычного населения всей Евразии и на состоянии его искусства. Пережиточно, в огрубевших репликах ранее созданных образцов скифо-сибирское искусство еще некоторое время живет на восточной окраине своего распространения — у хунну Забайкалья, Монголии и Ордоса, но зато в западной части Южной Сибири, по-видимому, почти полностью прекращает свое существование. Наоборот, усиливающиеся притоком новых племен из Сибири и Средней Азии исседоны Южного Приуралья и сарматы степного Поволжья, Подонья и Северного Кавказа не только расселяются по всему Причерноморью и не только сохраняют

традиции скифо-сибирского звериного стиля, но развивают его в тесных связях с эллинизированными государствами Средней Азии и в особенности с греческими городами Боспора, в свою очередь в это время тоже многим обязанными Передней Азии, включая сюда Закавказье. В этих условиях у сарматов происходит возрождение звериного стиля, античные художественные формы в течение некоторого времени еще успешно противостоят натиску чистой декорации. Тем не менее и здесь борьба изобразительного и декоративного начал к концу сарматской независимости завершается победой орнаментальной полихромии и почти полным вытеснением из искусства изобразительных элементов. Но и оттесненные геометрическими формами изобразительные мотивы не умерли, а продолжали жить не только в архаизирующем искусстве Сасанидского Ирана, но и в декоративных сюжетах варваризированной Европы, с тем чтобы вновь и на новой основе пышно расцвести в терратологии европейского средневековья.

Список сокращений

- АН Академия наук.
- АС „Археологический сборник” (Государственный Эрмитаж), Л.
- ВДИ „Вестник древней истории”, М.
- ВИ „Вопросы истории”, М.
- ВМУ „Вестник Московского университета”, М.
- Геродот Геродот, История в девяти книгах. Перевод Ф. Г. Мищенко, М., 1888.
- ГИМ Государственный Исторический музей, М.
- „Древняя культура Центрального Казахстана”
А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев.
Древняя культура Центрального Казахстана,
Алма-Ата, 1966.
- ЖМНП „Журнал Министерства народного просвещения”,
Спб.
- ЗРАО „Записки Русского археологического общества”,
Спб.
- ЗОРСА „Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества”,
Спб.
- ИАК „Известия Археологической комиссии”, Спб., Пг.
- ИАН „Известия Академии наук СССР”, М.
- ИАН КазССР „Известия Академии наук Казахской ССР”,
Алма-Ата.
- ИАН ТаджССР „Известия Академии наук Таджикской ССР”,
Душанбе.
- КСИА „Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР”, М.
- КСИИМК „Краткое сообщение Института истории материальной культуры АН СССР”, М.—Л.
- КСИЭ „Краткие сообщения Института этнографии АН СССР”, М.
- КСИНА „Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР”, М.
- Краткие отчеты „Краткие отчеты экспедиции по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова”, Л., 1925.
- Латышев В. В., Известия древних писателей
В. В. Латышев, Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. I, Спб, 1893—1900, т. II, Спб, 1904—1906.
- МАР „Материалы по археологии России”, Спб.
- МАС „Монгольский археологический сборник”, М., 1962.
- МИА „Материалы и исследования по археологии СССР”,
М. — Л.
- МЭ „Материалы по этнографии”, Спб., Л.
- МЮТАКЭ „Материалы Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции”, Ашхабад.
- Новое в советской археологии
„Новое в советской археологии. Памяти Сергея Владимировича Киселева к 60-летию со дня рождения”, М., 1965.
- Новые методы
„Новые методы в археологических исследованиях”, М. - Д., 1965.
- ОАК „Отчеты Археологической комиссии”, Спб.
- ПИДО „Проблемы истории докапиталистических формаций”, Л.
- ПИМК „Проблемы истории материальной культуры”. Л.
- РАНИОН Российская ассоциация научно-исследовательских институтов, М.
- СА „Советская археология”, М.
- САИ „Археология СССР. Свод археологических источников”, М.
- СВ „Советское востоковедение”, М.
- СГАИМК „Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры”, Л.
- СГЭ „Сообщения Государственного Эрмитажа”, Л.
- „Сибирская коллекция”
С. И. Руденко, Сибирская коллекция :Петра I, —
„Археология СССР. Свод археологических источников”, ДЗ-9, Изд-во АН СССР, М. — Л., 1962.
- СМАЭ „Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР”, Л.
- „Сокровища скифских курганов”.
„Сокровища скифских курганов”. Текст М. И. Артамонова, Прага, 1966.
- Струве В. В., Этюды
В. В. Струве, Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии, Л., 1968.
- СЭ „Советская этнография”, М.
- ТАН ТаджССР „Труды Академии наук Таджикской ССР”,
Сталинабад, Душанбе.
- ТГИМ „Труды Государственного Исторического музея”, М.

- ТИИАЭ „Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР“, Алма-Ата.
- ТОИПК „Труды Отдела истории первобытной культуры (Государственный Эрмитаж)“, Л.
- ТОРСА „Труды Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества“, Спб.
- ТУзГУ „Труды Узбекского государственного университета“, Самарканд.
- ТТувКАЭЭ „Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции“, М. -- Л.
- ТТКОПОРГО „Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Русского географического общества“, Иркутск.
- УЗТувНИИЯЛИ „Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории“, Кызыл.
- Центральный музей
Центральный музей Казахстана Алма-Ата.
- ЮТАКЭ Южно-Туркменская археологическая комплексная экспедиция.
- AfO „Archiv für Orientforschung“, Berlin.
- AJA „The American Journal of Archaeology“, Baltimore.
- AO „Ars Orientalis“.
- Arch. Anz „Archaeologischer Anzeiger“, Berlin.
- Art. As. „Artibus Asiae“, Ascona.
- BMFEA „Bulletin of Museum of Far Eastern Antiquities“ Stockholm.
- Dalton, The Treasure
O. M. Dalton, The Treasure of the Oxus with other Examples of Early Oriental Metal-Work, London 1905.
- ESA „Eurasia Septentrionalis Antiqua“. Helsinki.
- Ghirshman, Perse
R. Ghirshman, Perse, Proto-iraniens, Medes et Achéménides, Paris, 1963.
- JNES „Journal of Near Eastern Studies“. Chicago.
- JPEK „Jahrbuch für prähistorische und ethnographische Kunst“, Berlin.
- MAGW „Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft“ Wien.
- OA „Oriental Art“.
- OZ „Ostasiatische Zeitschrift“.
- Wr. Beitrage „Wiener Beiträge zur Kunst und Kulturgeschichte. Asiens
- Umschau „Die Umschau in Wissenschaft und Technik“ Frankfurt am Main.
- ZDMG „Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft“.
- ZfE „Zeitschrift für Ethnologie“, Berlin.

Примечания

Ираноязычное население Средней Азии и Южной Сибири в I тысячелетии до н. э.

Стр.

- 7 1 *R. Pumpelly*, Explorations in Turkestan, v. I, Washington, 1908, p. 149.
2 *А. Ф. Ганялин*, Теккём-тепе.—Труды Института истории, археологии и этнографии АНТаджССР", т. II, Ашхабад, 1956, стр. 86.
3 *Геродот*, кн. I, 215, сл.; *В. В. Латышев*, Известия древних писателей, т. I, стр. 7.
- 8 4 *Геродот*, кн. VII, 64.
5 *В. В. Латышев*, Известия древних писателей, т. I, стр. 254 (Стефан Византийский).
6 *В. В. Григорьев*, О скифском народе саках, Спб., 1871, стр. 58; *В. В. Струве*, Восстание в Маргиане при Дарии I. — *В. В. Струве*, Этюды, стр. 25.
7 *В. В. Струве*, Восстание в Маргиане при Дарии I.— *В. В. Струве*, Этюды, стр. 25—27.
8 *Геродот*, кн. III, 93; *В. В. Латышев*, Известия древних писателей, т. I, стр. 268.
9 *Геродот*, кн. VI 113; *В. В. Латышев*, Известия древних писателей, т. II, стр. 117.
10 *Геродот*, кн. VII, 64, 96, 184; кн. IX, 31, 71. *В. В. Латышев*, Известия древних писателей, т. II, стр. 167, 175, 218-219, 332, 352.
11 *В. В. Струве*, так же как и *В. В. Григорьев*, полагает, что название хаумаварга представляет собой персидскую этимологизацию того же этнического имени, которое греки передавали как „амюргийские" (*В. В. Струве*, Этюды, стр. 25).
- 9 12 *Геродот*, кн. IV, 67; *В. В. Латышев*, Известия древних писателей, т. I, стр. 28.
- 10 13 *У. Gullmare*, The Fragments of the Parsika of Ctesias, London, 1888.
14 *Геродот*, кн. I, 214; *В. В. Латышев*, Известия древних писателей, т. I, стр. 113.
- 11 15 *В. В. Струве*, Поход Дария I на саков-массагетов.—*В. В. Струве*, Этюды, стр. 58; *В. В. Струве*, Дарий I и скифы Причерноморья. — *Там же*, стр. 112, сл.
16 *В. В. Струве*, Этюды, стр. 109, сл.
17 *М. А. Дандамаев*, Иран при первых Ахеменидах, М., 1963, стр. 269.
18 „История народов Узбекистана", т. I, Ташкент, 1950, стр. 46; *W. W. Tarn*, The Greeks in Bactria and India, Cambridge, 1951, pp. 80—81.
19 *В. В. Струве*, Поход Дария на саков-массагетов.—*В. В. Струве*, Этюды, стр. 66, сл.; *В. В. Струве*, Дарий I и скифы Причерноморья. — *Там же*, стр. 111.
- 12 20 *Геродот*, кн. I, 201; кн. IV, 13, 16, 25, 26, 27; *В. В. Латышев*, Известия древних писателей, т. I, стр. 106, 309, 311, 315.

- 12 21 *Геродот*, кн. III, 116; кн. IV, 13, 27; *В. В. Латышев*, Известия древних писателей, т. I, стр. 277, 278, 309—310, 315.
22 *Геродот*, кн. IV, 22; *В. В. Латышев*, Известия древних писателей, т. I, стр. 113.
23 *Геродот*, кн. IV, 23; *В. В. Латышев*, Известия древних писателей, т. I, стр. 313—314.
24 *Геродот*, кн. IV, 13, 32—36; *В. В. Латышев*, Известия древних писателей, т. I, стр. 309—310, 317—319.
25 *С. П. Толстое*, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 242, сл.
26 *Н. Я. Бичурин*, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. III, М.—Л., 1953, стр. 27, 63, 70, 190—191 и др. (далее: *Н. Я. Бичурин*, указ. соч.)
27 *Там же*, стр. 190—191.
- 13 28 *Н. Я. Бичурин*, указ. соч., т. II, М., 1950, стр. 190, сл.

II Художественные памятники саков Средней Азии и Западной Сибири

- 14 1 *Г. и М. и Е. В. Зеймаль*, Еще о месте находки Аму-Дарьинского клада. — ИАНТаджССР, отд. общ. наук, вып. I, 1962, стр. 40—45.
2 *Dalton*, The Treasure, p. XIII.
3 *A. R. Bellinger*, The coins from the treasure of the Oxus — „American Numismatic Society Museum Notes", X, pp. 51—67.
- 15 4 *Dalton*, The Treasure, p. 30, fig. 60.
- 16 5 *А. Н. Бернштам*, Историко-археологические очерки центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. — МИА, № 26, 1952, стр. 324.
6 *А. Н. Бернштам*, Саки Памира. — ВДИ, 1956, № 1, стр. 130.
- 17 7 *Б. А. Литвинский*, Раскопки могильников на Восточном Памире в 1959 г. — „Археологические работы в Таджикистане", вып. VII, Душанбе, 1961.
8 *Там же*.
9 *А. М. Мандельштам*, Кочевники на пути в Индию. — МИА, № 136, 1966, стр. 158.
- 18 10 *С. П. Толстое*, *М. А. Итина*, Саки низовьев Сыр-Дарьи.—СА, 1966, № 2, стр. 154; *О. А. Вишневская*, *М. А. Итина*, Ранние саки Приаралья.—Проблемы скифской археологии, М., 1971, стр. 197, сл.
11 *К. Ф. Смирнов*, О погребениях роксолан.— ВДИ, 1948, № 1, стр. 213—219.
12 *С. П. Толстое*, *М. А. Итина*, Саки низовьев Сыр-Дарьи, стр. 169, рис. 17, 8.
- 24 13 *К. Ф. Смирнов*, Савроматы, М., 1964, рис. 80, г.
14 *О. А. Вишневская*, *М. А. Итина*, Ранние саки Приаралья, стр. 204, рис. 7, 1, 8
15 *М. П. Грязное*, Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников. — КСИИМК, вып. 61, 1956, стр. 15 (далее: *М. П. Грязное*, указ. соч.).

- 24 16 *М. К. Кадырбаев*, Памятники тасмолинской культуры. — „Древняя культура Центрального Казахстана“, стр. 397.
- 28 17 *С. В. Киселев*, Древняя история Южной Сибири, М., 1951, табл. XXX, 8, стр.334 (далее: *С.В.Киселев*, указ. соч.).
- 18 *М. К. Кадырбаев*, Памятники Тасмолинской культуры.—„Древняя культура Центрального Казахстана“, стр. 298, рис. 62.
- 19 *М. П. Грязное*, указ. соч., стр. 10—13.
- 20 „Сибирская коллекция“, рис. 1, 7—8.
- 31 21 *А. Heikel*, Antiquities de la Siberie Occidentale, Helsingfors, 1894, pl. XV, 4.
- 22 „Сибирская коллекция“, рис. 3.
- 36 23 *С. С. Черников*, Загадка золотого кургана, М., 1965, рис. 8, 1.
- 38 24 *К. А. Акишев*, Раскопки Исыкского кургана. — Археологические открытия 1970 г., М., 1971, стр. 408.
- 25 *А. С. Стрелков*, Большой Семиреченский алтарь.—Сб. „С. Ф. Ольденбургу к пятидесятилетию научно-общественной деятельности“, Л., 1934, стр. 490.
- 44 26 *Т. К. Шафрановская*, О сокровищах Петровской кунсткамеры. (По рис. XVIII в.)— СЭ, 1965, № 2, стр. 141, сл., рис. 6.
- 27 *Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель*, История искусств Узбекистана, М., 1965, табл. 13.
- 46 28 *А. С. Стрелков*, Большой Семиреченский алтарь.— Сб. „С. Ф. Ольденбургу к пятидесятилетию научно-общественной деятельности“, табл. II, 2.
- 29 *Г. С. Мартынов*, Исыкская находка.—КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 156.
- 30 *Б. Я. Ставиский*, Древнейшие бронзовые изделия Чаца в Государственном Эрмитаже, — КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 125, рис. 54, 1.
- 31 *В. М. Массон*, Страна тысячи городов, М., 1966, стр. 43.
- 48 32 *А. Н. Бернштам*, Золотая диадема из шаманского погребения на р. Каргалинке.— КСИИМК, вып. 5, 1940, стр. 28—30.
- 33 *Там же*, стр. 25, 31.
- 34 *М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова*, Парфянские ритоны. — Труды ЮТАКЭ, т. IV, Ашхабад, 1955.
- 49 35 *Г. А. Пугаченкова*, Грифон в античном и средневековом искусстве Средней Азии.— СА, 1959, № 2, рис. 5.
- 59 3 *Геродот*, кн. IV, 75; *В. В. Латышев*, Известие древних писателей, т. I, стр. 32. Нечто подобное было и у массагетов (*Геродот*, кн. I, 202; *В. В. Латышев*, Известия древних писателей, т. I, стр. 107
- 64 4 „Сокровища скифских курганов“, рис. 65, 88, 126, 132 и др.
- 5 *Там же*, рис. 20.
- 66 6 *Там же*, табл. 292.
- 7 *И. Толстой и Н. Кондаков*, Русские древности в памятниках искусства, вып. I, Спб., 1889, рис. 109.
- 8 *Н. Макаренко*, Продолжение раскопок кургана около пос. Красногорского Оренбургского уезда — „Труды Оренбургской ученой архивной комиссии“, вып. XVI, 1906, стр. 81, рис. 2.
- 9 *К. Ф. Смирнов*, Савроматы, стр. 139.
- 67 10 „Сокровища скифских курганов“, табл. 32.
- 11 *Ghirschman*, Perse, pl. 187.
- 12 *D. J. Wiseman*, Gotter und Menschen im Rolfsiege Westasiens, Praha, 1958, taf. 102.
- 13 *Ghirschman*, Perse, fig. 430.
- 14 *Dalton*, The Treasure, pl. XII, N. 32.
- 72 15 *М. П. Грязное*, Первый Пазырыкский курган Л., 1950, стр. 68.
- /9 16 *М. П. Грязное*, Связи кочевников Южной Сибири со Средней Азией и Ближним Востоком в тысячелетии до н. э. — „Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии“ М. — Л., 1959.
- 17 *С. В. Киселев*, указ. соч., стр. 389-392.
- 18 *С. И. Руденко*, Культура населения Центрального Алтая, стр. 335—336.
- 83 19 *А. Д. Грач*, Могильник Саглы-Бажи II и вопросы археологии Тувы скифского времени.— СА, 1967, № 3, стр. 215, сл.
- 20 *Там же*, стр. 230.
- 84 21 *М. П. Грязное, М. Х. Маннай-оол*, Аржан — царский курган раннескифского времени в Туве.— Археологические открытия 1971 г., М., 1972, стр. 243—246.
- IV
Минусинские
и ордосские бронзы
- 85 1 *С. А. Теплоухов*, Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. — МЭ, т. IV, вып. 2, Л., 1929, стр. 41—62.
- 86 2 *С. В. Киселев*, указ. соч., стр. 142, сл.
- 3 *Г. Ф. Дебеи*, Палеоантропология СССР, М. — Л., 1948, стр. 83.
- 4 *Д. Н. Эдинг*, Резная скульптура Урала. Из истории звериного стиля. — ТГИМ, вып. 10, М., 1940.
- 87 5 *В. И. Матющенко, А. С. Чагаева, Л. А. Павленок*, Раскопки в Омской и Томской областях. — „Археологические открытия 1966 г.“ М., 1967, стр. 153; „Наука и жизнь“, 1968, № 9, цветная вкладка
- III
Алтайские курганы
- 51 *А. А. Иессен*, Археологические памятники Кабардино-Балкарии. — МИА, № 3, 1941, рис. 5.
- С. И. Руденко*, Культура населения Горного Алтая в скифское время, М.— Л., 1953; *С. И. Руденко*, Культура населения Центрального Алтая в скифское время, М.— Л., 1960.

- к стр. 33. Авторы усматривают на ногах человеческой фигуры лыжи. Если это так, то местное происхождение ножа не требует дальнейших подтверждений. Но, возможно, за лыжи они приняли пластинки, посредством которых отдельно отлитая скульптура припаяна к ручке ножа.
- 87 6 *М. П. Грязное*, Работы Красноярской экспедиции. — КСИА, вып. 100, 1965, стр. 66.
- 88 7 *Е. Е. Herzfeld*, Iran in the Ancient East. London, 1941, p. 161.
- 8 *Ghirschman*, Perse.
- 9 *G. Dussin*, Bronzes inscrites du Luristan de la collection Foroughi. — „Iranica Antiqua“, v. II, p. 149.
- 90 10 *M. Lechr*, Weapons and Tools from Anyang and Siberian Analogies. — AJA, LIII, 2, 1949, p. 126.
- 91 11 *С. В. Киселев*, указ. соч., стр. 145.
- 94 12 *Е. Minns*, Scythians and Greeks, Cambridge, 1913, p. 226, 261.
- 106 13 *М. П. Грязное*, Боярская писаница. — ПИМК, 1933, № 7, стр. 41.
- 14 *С. А. Теплоухов*, Опыт классификации. . . — МЭ, IV, вып. 2, стр. 48; *Е. Н. Minns*, Scythians and Greeks, p. 6.
- 116 15 *Н. В. Нащюкин*, Косогольский клад. — Археологические открытия 1966 г., М., 1967, стр. 163—165.
- 117 16 *С. В. Киселев*, указ. соч., стр. 270—273.
- 118 17 *Л. Н. Гумилев*, Динлинская проблема. — „Известия Всесоюзного географического общества“, 1959, № 1.
- 18 *К. Donner*, Beitrage zur Frage nach dem Ursprung der Jenissei-Ostjaken. — „Journal de la Societe finno-ougrienne“, t. XXXVII, 1916—1920; *К. Donner*, Ethnological notes about the Jenisey-Ostyak, Helsinki, 1933.
- 119 19 *А. V. Davydova*, The Jvolga goroditchhe. — Acta Archaeologica, 20, Budapest, 1968, p. 209.
- 120 20 *Ю. Талько-Грынцевич*, Древние памятники Западного Забайкалья. — „Труды XII археологического съезда“, т. I, Харьков, 1902, стр. 492, сл.
- 121 21 *А. Н. Бернштам*, Гуннский могильник Ноин-Ула и его историко-археологическое значение. — ИАН, отд. общ. наук, 1937, № 4.
- 122 22 *Вэнь'у*, 1960, № 12, стр. 30, сл. (на кит. яз.).
- 23 *В. Laufer*, Chinese Clay-figures, Part I, „Prologomena on the History of defensiv armours“, 1914, p. 217.
- 128 4 „Сибирская коллекция“, стр. 13.
- 132 5 *Там же*, стр. 31.
- 6 *Там же*, стр. 32—33.
- 7 *Там же*, стр. 32.
- 8 *Там же*, рис. 1.
- 134 9 *Там же*, стр. 32.
- 10 „Сокровища скифских курганов“, табл. 62, 64.
- 142 11 *V. Griessmaier*, Entwicklungsfragen der Ordoskunst. — Art. As., v. 7, fasc. 1—4.
- 143 12 *A. Salmony*, Sino-Siberian Art, Paris, 1933, pl. XXII, I.
- 146 13 *W. Ginters*, Das Schwert der Skythen und Sarmaten in Sudrussland, Berlin, 1928, S. 81.
- 148 14 *В. В. Латышев*, Известия древних писателей, т. I, стр. 628—630.
- 152 15 *М. М. Кузланов*, Золотая бляшка из Чмырева кургана. — КСИИМК, вып. 58, 1955, стр. 127, рис. 52.
- 16 *М. П. Грязное*, Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири. — „Археологический сборник“, вып. 3, Л., 1961, рис. 2.
- 17 „Сокровища скифских курганов“, табл. 162—176.
- 18 *Там же*, табл. 195, 196, 198, 226—229, 232, 233.
- 19 *К. В. Тревер*, Памятники греко-бактрийского искусства, М.—Л., 1940, табл. 15—17, 22—26.
- 156 20 *Dalton*, The treasure, p. 46.
- 159 21 *A. Salmony*, Sino-Siberian Art, pl. XXIV, 2—5. Такая же бляха в Британском музее. См.: *Talbot Rice*, The Scythians, London, 1957, fig. 55.
- 22 *A. Salmony*, Sino-Siberian art, pl. XXIII, 5.
- 162 23 *С. И. Руденко*, Культура хуннов и ноинулинские курганы, М. — Л., 1962, табл. LXX, 2.
- 24 *Там же*, табл. XXXIV, 3.
- 166 25 *А. Н. Бернштам*, Золотая диадема из шаманского погребения на р. Каргалинке. — КСИИМК, вып. 5, 1940, стр. 31.
- 26 *С. И. Руденко*, Культура хуннов и ноинулинские курганы, рис. 60.
- 27 *Там же*, рис. 59.
- 28 *М. Г. Мошкова*, Раннесарматские бронзовые пряжки. — МИА, 1960, № 78, М., рис. 1, 2.

VI

Сибирское золото.

Гривны и браслеты

Сибирское золото.

Поясные застежки

- 26 1 Название трудов перечисленных здесь и далее авторов см. в списке литературы к данной главе.
- 2 „Сибирская коллекция“, стр. 15.
- 28 3 „Сокровища скифских курганов“, табл. 22, 35, рис. 7, 9.
- 169 1 *Е. М. Придик*, Мельгуновский клад 1763 г. — МАР, № 31, Спб., 1911, стр. 11.
- 171 2 *С. В. Киселев*, указ. соч., табл. XXXII, 7, 8.
- 3 *Там же*, стр. 192.
- 4 *К. Ф. Смирнов*, Савроматы, рис. 71, 16.
- 5 *К. Ф. Смирнов*, Вооружение савроматов. — МИА, № 101, 1961, стр. 73, рис. 4, 19.
- 6 *К. Ф. Смирнов*, Савроматы, стр. 144.
- 7 *Там же*, стр. 145.
- 175 8 *A. U. Pope and Th. Ackerman*, A Survey of Persian Art, London—New York, 1938—1939.
- 9 *F. Sarre*, Die Kunst des Alten Persiens, Berlin, 1922, Taf. 56.

- 175 10 *A. Champdor*, *Kunst Mesopotamiens*, Leipzig, 1964, S. 193.
- 11 В Археологическом музее в г. Софии (Болгария) имеются серебряные фалары II в. до н. э.,— один с бюстом женщины, другой с всадником из с. Галиче. Оба персонажа с многовитковой гривной на шее.
- 178 12 ОАК, 1882—1888 гг., Спб., 1893. Атлас, табл. 1, 12.
- 13 *М. И. Ростовцев*, Скифия и Боспор, Л., 1925, стр. 556.
- 14 ОАК, 1900, стр. 105, 107, рис. 192, 193, 210; А. С. [Спицын], Фалары Южной России.— ИАК, вып. 29, Спб., 1908, рис. 10, 12, 6.
- 179 15 *И. Толстой* и *Н. Кондаков*, Русские древности в памятниках искусства, вып. I, Спб., 1889, рис. 71.
- 16 *Там же*, вып. 3, Спб., 1890, рис. 152—153.
- 180 17 *K. Jettmar*, *Die frühen Steppenvölker*, Baden-Baden, 1964, S. 184.
- 184 18 *В. П. Шилов*, Погребения сарматской знати I в. до н. э.— I в. н. э.— СГЭ, вып. IX, Л., 1956, стр. 44.
- 186 19 *Dalton*, *The Treasure*, p. 1.
- 20 *Ibid.*, pp. 38—39.
- 21 *М. Н. Грязное*, Миниатюры таштыкской культуры.— Археологический сборник, 13, Л. 1971, стр. 94, сл.
- 226 4 „Сокровища скифских курганов“, рис. 28.
- 228 5 „Sept mille ans d'art en Iran“, Catalogue, 1961 pl. LI, 159.
- 6 „Сокровища скифских курганов“, табл. 41.
- 7 *Там же*, табл. 120.
- 234 8 *G. Azarpay*, *Some Classical and Near-Eastern Motifs in the Art of Pazyryk*.— Art. As. XXII, 1959.
- 9 *Dalton*, *The Treasure*, p. 49.
- 235 10 *A. Furtwangler*, *Die antiken Gemmen*, III, Berlin—Leipzig, 1900; *М. Maximova*, *Über griechisch-persische Kleinkunst in Kleinasien nach den Perserkriegen*.— Arch. Anz., 1928; *Т. Н. Книпович*, Греко-персидские резные камни Эрмитажа.— Сб. „Государственный Эрмитаж“, III, Л., 1926.

VII

Сибирское золото.

Личные и конские украшения.

Статуэтки и сосуды

- 189 \ *И. Толстой* и *Н. Кондаков*, Русские древности в памятниках искусства, вып. III, стр. 46
- 190 2 „Сибирская коллекция“, стр. 34.
- 195 3 *С. И. Руденко*, Культура населения Горного Алтая, стр. 132—133.
- 4 *К. Ф. Смирнов*, Савроматы, стр. 142.
- 199 5 „Сибирская коллекция“, рис. 3.
- 207 6 *С. В. Киселев*, указ. соч., стр. 232.
- 7 *К. В. Тревер*, Памятники греко-бактрийского искусства, М.—Л., 1940, стр. 48.
- 211 8 „Сибирская коллекция“, стр. 16.
- 216 9 „Сокровища скифских курганов“, табл. 117, 119.
- 10 *Ghirshman*, *Perse*, pl. 290.

VIII

Скифско-сибирский

звериный стиль

- 218 1 Названия трудов указанных в скобках авторов приведены в списке литературы к главе 8.
- 219 2 *R. D. Barnett*, *The Treasure of Ziwiye*.— „Iraq“, XVIII, 1956.
- 221 3 *В. А. Ильинская*, Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля.— СА, 1965, № 1, рис. 10; „Сокровища скифских курганов“, рис. 7, 15, 26; *Б. Н. и В. И. Ханенко*, Древности Приднепровья, вып. VI, Киев, 1907, табл. 1, 433.

Литература

Список не претендует на полноту. В нем отобраны наиболее важные, по мнению автора, работы, причем предпочтительно богато иллюстрированные и снабженные подробной библиографией. Работы, хотя бы и относящиеся не к одной, а к двум или больше главам данной книги, указаны только один раз в связи с той главой, для которой они представляют наибольшее значение.

I

Ираноязычное население
Средней Азии и Южной Сибири
в I тысячелетии до н. э.

И. Алиев,
История Мидии, Баку, 1960.

„Древние авторы о Средней Азии“, Под ред. Л. В. Баженова,
Ташкент, 1940.

А. Н. Бернштам,
Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня.
СА, вып. XI, 1949, стр. 337—384.

Я. Я. Бичуран (Иакинф),
Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии
в древние времена, тт. I—III, М. — Л., 1950—1953.

Геродот,
История в девяти книгах. Перевод Ф. Г. Мищенко, изд. 2,
М., 1888.

В. В. Григорьев,
Греко-Бактрийское царство, — ЖМНП, 1867, СXXXVI,
стр. 321-359.

В. В. Григорьев,
О скифском народе саках, Спб., 1871.

М. П. Грязное,
Некоторые вопросы истории сложения и развития
ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири.—КСИЭ,
вып. XXIV, 1955, стр. 19—29.

М. П. Грязное,
Этапы развития хозяйства скотоводческих племен
Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы.—КСИЭ,
вып. XXVI, 1957, стр. 21—28.

М. А. Дандамаев,
Поход Дария против скифского племени тиграхауда,— КСИНА,
вып. 61, 1963, стр. 175—187.

Г. Ф. Дебец,
Палеоантропология СССР, М.—Л., 1948.

И. М. Дьяконов,
История Мидии с древнейших времен до конца IV в. до н. э.,
М.—Л., 1956.

М. М. Дьяконов,
Очерк истории древнего Ирана, М., 1961.

М. А. Итина,
Степные племена Среднеазиатского Междуречья во второй
половине II—начале I тысячелетия до н. э.—Международный
конгресс Востоковедов. Доклады делегации СССР.

Г. А. Кошеленко,
Культура Парфии, М., 1966.

Е. Е. Кузьмина,
О южных пределах распространения степных культур
эпохи бронзы в Средней Азии.—„Памятники каменного
и бронзового веков Евразии“, М., 1964, стр. 141—158.

В. В. Латышев,
Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии
и Кавказе, т. I, Спб., 1893.—ВДИ, 1947—1948.

Б. А. Литвинский,
Археологические открытия на Восточном Памире
и проблема связей между Средней Азией, Китаем и Индией
в древности.—„Доклады XXV Международного конгресса
востоковедов“, М., 1960.

Б. А. Литвинский,
Саки, которые за Согдом.—ТАН ТаджССР, т. СХХ, 1960,
стр. 91—96.

А. М. Мандельштам,
Материалы к историко-географическому обзору Памира
и припамирских областей с древнейших времен до X в. н. э.,
Сталинабад, 1957.

В. М. Массон,
Древнеземледельческая культура Маргианы.—МИА, № 73, 1959.

В. М. Массон,
Средняя Азия и Древний Восток, М.—Л., 1964.

В. М. Массон,
Страна тысячи городов, М., 1966.

С. И. Руденко,
К вопросу о формах скотоводческого хозяйства
и о кочевниках.—Материалы по этнографии,
Географическое общество Союза ССР, вып. I, Л., 1961,
стр. 2—14.

„Средняя Азия в эпоху камня и бронзы“.
Под ред. В. М. Массона, М.—Л., 1966.

Страбон, География в 17 книгах, перевод Г. А. Стратановского, „Наука“, 1964.

В. В. Струве,
Поход Дария I на саков-массагетов.— ИАН, „серия истории и философии“, т. III, № 3, 1946, стр. 231—250. — *В. В. Струве*, Этюды, стр. 51, сл.

В. В. Струве,
Восстание в Маргиане при Дарии I.— ВДИ, 1949, № 2 — *В. В. Струве*, Этюды, стр. 24, сл.

В. В. Струве,
Родина зароастризма.— СВ, вып. V, 1948, стр. 5—34.— *В. В. Струве*, Этюды, стр. 125, сл.

С. П. Толстое,
Основные вопросы древней истории Средней Азии.— ВДИ, 1938, № 1, стр. 176—203.

С. П. Толстое,
Древний Хорезм, М., 1948.

С. П. Толстое,
По следам древнехорезмийской цивилизации, М.—Л., 1948.

С. П. Толстое,
По древним дельтам Окса и Яксарта, М., 1962.

С. П. Толстое,
Среднеазиатские скифы в свете новейших археологических открытий.— ВДИ, 1963, № 2, стр. 23—45.

К. В. Тревер,
Александр Македонский в Согде.— ВИ, 1947, № 5, стр. 112—123.

Г. А. Трофимов,
Основные итоги и задачи палеонтологического изучения Средней Азии.— СЭ, 1960, № 2, стр. 110—122.

R. M. Boehmer,
Zur Datierung der Nekropole B. von. Tepe Sialk.— Arch. Anz, 1965, N 4, S. 802 ff.

O. Franke,
Beiträge aus Chinesische Quellen zur Kenntnis der Turkvölker und Skythen Zentralasiens, Berlin, 1904.

H. Frankfort,
The Art and Architecture of the Ancient Orient, Harmondsworth, 1955.

R. Ghirshman,
Fouilles de Sialk pres de Kashan, vol. I, Paris, 1937; vol. II, Paris, 1939.

J. Gillmore,
The Fragments of the Persika of Ctesias, London, 1888.

J. J. M. de Groot,
Die Hunnen der vorchristlichen Zeit, Teil I und 2, Berlin — Leipzig, 1921, 1926.

R. Grousset,
L'empire des steppes, Paris, 1938.

G. Haloun,
Zur Ue-tsi-Frage.— ZDMG, 91, 1937.

A. Herrman,
Die Saken und der Skythenzug des Daries.— AfO, Bd 9, 1933—1934

E. Herzfeld,
Archaeological History of Iran, London, 1935.

E. Herzfeld,
Iran in the Ancient East, London — New York, 1941.

K. Jettmar,
Archäologische Spuren von Indogermanen in Zentralasien.— „Paideuma“, v. V, 1952, S. 236—254.

O. Janse,
L'empire des steppes et les relations entre l'Europe et l'Extrême Orient dans l'antiquité.— „Revue des arts asiatiques“, t. IX, № 1, Paris, 1935.

O. Maenchen-Helfen,
The Yueh-chih Problem Reexamined.— „Journal of the American Oriental Society“, v. 65, New Haven, 1945, pp. 71—81.

O. Maenchen-Helfen,
A Chinese Bronze with Central-Asiatic Motives.— BMFEA, v. 30, 1958, pp. 167—175.

W. McGovern,
The Early Empires of Central Asia.— A study of the Scythians and the Huns and the Part they played in World history with special reference to Chinese sources, New York, 1939.

E. D. Phillips,
The Legend of Aristeas. Fact and Fancy in Early Greek Notions of East Russia, Siberia and Inner Asia.— Art. As, XVIII, 2, 1955, pp. 161—177.

E. D. Phillips,
A Further Note on Aristeas.— Art. As., XX, 2—3, 1957, pp. 159—162.

E. D. Phillips,
New Light on the Ancient History of the Eurasian Steppe.— AJA, v. 61, pp. 269—280.

A. H. Pope (Ed),
A Survey of Persian Art from Prehistoric Times to the Present, London — New York, 1938—1939.

R. Pumpelly,
Explorations in Turkestan. Expedition of 1904.— „Prehistoric Civilisation of Anau“, 2, vols, Washington, 1908.

F. Sarre und E. Herzfeld,
Iranische Felsreliefs, Berlin, 1910.

- E. F. Schmidt*,
Persepolis, t. I: Sturcutres, Reliefs, Inscriptions;
t. II: Contents of the Treasury and other Discoveries,
Chicago, 1953—1957.
- H. Schorpa*,
Die Darstellungen der Perser in der griechischen Kunst
bis zum Beginn des Hellenismus, Heidelberg, 1933.
- W. W. Tarn*,
The Greeks in Bactria and India, Cambridge, 1951.
- L. Vanden Berghe*,
Archeologie de l'Iran ancien, Leiden, 1959.
- II
Художественные памятники
саков Средней Азии
и Западной Сибири
- К. А. Акишев, Г. А. Кушаев*,
Древняя культура саков и усуней долины реки Или,
Алма-Ата, 1963.
- А. Н. Бернштам*,
Чуйская долина.— „Труды Семиреченской археологической
экспедиции”, МИА, № 14, 1950.
- А. Н. Бернштам*,
Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня
и Памиро-Алая — МИА, № 26, 1952.
- А. Н. Бернштам*,
Саки Памира.— ВДИ, 1956, № 1, стр. 121—133.
- О. А. Вишневецкая, М. А. Итина*, Ранние саки Приаралья.—
Проблемы скифской археологии, М., 1971, стр. 197, сл.
- М. Воеводский, М. Грязное*,
У-суньские могильники на территории Киргизской ССР.
—ВДИ, 1938, № 3 (4), стр. 162—179.
- М. П. Грязное*,
Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников.—КСИИМК,
вып. 61, 1956, стр. 8—16.
- М. М. Дьяконов*,
Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана
(Кобадиян) 1950—1951 гг.— МИА, № 37, 1953, стр. 253, сл.
- Т. М. и Е. В. Зеймаль*,
Еще о месте находки Аму-Дарьинского клада,—
ИАН ТаджССР, Отд., общ. наук, вып. I, 1962, стр. 40—45.
- Б. М. Зимма*,
Исыкульские жертвенники, Фрунзе, 1941.
- А. Д. Калмыков*,
Аму-Дарьинский клад и греко-бактрийское искусство.—
„Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии”,
т. 13, Ташкент, 1909.
- Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель*,
История искусств Узбекистана с древнейших времен до сере-
дины девятнадцатого века. М., 1965.
- Б. А. Литвинский*,
Раскопки могильников на Восточном Памире в 1959 г.—
„Археологические работы в Таджикистане”, вып. УП,
Душанбе, 1961, стр. 50—62.
- А. Г. Максимова*.
Предметы эпохи ранних кочевников в Центральном музее
Казахстана [г. Алма-Ата].— ТИИАЭ, т. 1, 1956, стр. 253—261.
- А. Г. Максимова*,
Курганы сакского времени могильника Джувантобе.—
КСИИМК, вып. 80, 1960, стр. 60—64.
- А. М. Мандельштам*,
Кочевники на пути в Индию.— МИА, № 136, 1966.
- А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев,*
А. М. Оразбаев,
Древняя культура Центрального Казахстана, Алма-Ата, 1966.
- Г. С. Мартынов*,
Иссыкская находка.— КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 150—156.
- С. П. Толстое*,
Результаты историко-археологических исследований 1961 г.
на древних руслах Сыр-Дарьи.—СА, 1962, № 4, стр. 124—148.
- С. П. Толстое, Т. А. Жданко, М. А. Итина*,
Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
АН СССР в 1958—1961 гг.—„Материалы Хорезмской экспеди-
ции 1958—1961 гг.”, вып. 6, М., 1963.
- С. П. Толстое, М. А. Итина*,
Саки низовьев Сыр-Дарьи (по материалам Тагискена).— СА,
1966, № 2, стр. 151, сл.
- С. С. Черников*,
Восточно-Казахстанская экспедиция.— КСИИМК, вып. XXXVII,
1951, стр. 144—150.
- С. С. Черников*,
Загадка Золотого кургана, М., 1965.
- О. М. Dalton*,
The Treasure of the Oxus with other Examples of Early Oriental
Metal-Work, London, 1905.
- А. R. Bellinger*,
The Coins from the Treasure of the Oxus.— „American
Numismatic Society. Museum Notes”, N. X, pp. 51—67.
- III
Алтайские курганы
- А. В. Адрианов*,
К археологии Западного Алтая.— ИАК, вып. 62, 1916.
- В. П. Алексеев*,
Палеоантропология Алтая эпохи железа.
„Советская антропология”, I, М., 1958, стр. 45—49.

*В. В. Артемьев, С. В. Бутомо, В. М. Дрожжин,
Е. Н. Романова,*
Результаты определения абсолютного возраста ряда
археологических образцов по радиоуглероду (C^{14}).—СА,
1961, № 2, стр. 3—11.

С. В. Бутомо,
Применение радиоуглеродного метода в археологии.—
„Новые методы“, стр. 9—31.

С. И. Вайнштейн,
Некоторые итоги работ археологической экспедиции
Тувинского НИИЯЛИ, в 1956—1957 гг.—„Ученые записки Ту-
винского научно-исследовательского института литературы и
истории“, вып. VI, Кызыл, 1958.

С. И. Вайнштейн,
Памятники казылганской культуры.—ТТувКАЭЭ, II, М.—Л.,
1966, стр. 143—184.

Е. С. Видонова,
Катандинский халат.—ТГИМ, № 8, 1938, стр. 169—178.

В. С. Ватт,
Лошади Пазырыкских курганов.—СА, вып. XVI, 1952,
стр. 163—205.

А. А. Гаврилова,
Раскопки второго Катандинского могильника.—СА,
вып. XXVII, 1957, стр. 250—268.

А. Д. Грач,
Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования
в Центральной Туве.—ТТувКАЭЭ, I, М., 1960, стр. 7—17.

А. Д. Грач,
Могильник Саглы-Бажи II и вопросы археологии Тувы
скифского времени.—СА, 1967, № 3, стр. 215, сл.

М. П. Грязное,
Раскопки княжеской могилы на Алтае.—„Человек“, Л.,
1929, № 2—4, стр. 217—219.

М. П. Грязное,
Пазырыкское княжеское погребение на Алтае.—„Природа“,
1928, № 11, стр. 971—985.

М. П. Грязное,
Древние культуры Алтая, Новосибирск, 1930.

М. П. Грязное,
Пазырыкский курган, М.—Л., 1937.

М. П. Грязное,
Раскопки на Алтае.—СГЭ, вып. 1, Л., 1940, стр. 17—21.

М. П. Грязное,
Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников
на Алтае.—КСИИМК, вып. XVIII, 1947, стр. 9—17.

М. П. Грязное,
Работы Алтайской экспедиции.—КСИИМК, вып. XXI, 1947,
стр. 77—78.

М. П. Грязное,
Первый Пазырыкский курган, Л., 1950,

М. П. Грязное,
Колесница ранних кочевников Алтая.—СГЭ, вып. 7, 1955,
стр. 30—32.

М. П. Грязное,
Войлок с изображением борьбы мифических чудовищ
из пятого Пазырыкского кургана на Алтае.—СГЭ, вып. IX,
1956, стр. 40—42.

М. П. Грязное,
Связи кочевников Южной Сибири со Средней Азией
и Ближним Востоком в I тысячелетии до н. э.—„Материалы
второго совещания археологов и этнографов Средней Азии“,
М.—Л., 1959, стр. 136—142.

И. М. Замоторин,
Относительная хронология Пазырыкских курганов.—СА,
1959, № 1, стр. 21—30.

А. А. Захаров,
Материалы по археологии Сибири Раскопки акад. В. В. Радлова
в 1865 г.—ТГИМ, вып. I,
1926, стр. 71—106.

С. В. Киселев,
Алтай в скифское время (майэмирская культура).—ВДИ,
1947, № 2, стр. 157—172.

С. В. Киселев,
Древняя история Южной Сибири, М., 1951.

В. В. Радлов,
Сибирские древности (7-я гл.). Перевод А. Бобринского.—ЗРАО,
VII, т. 3—4, Спб., 1895, стр. 7, сл.

С. И. Руденко,
К палеоантропологии Южного Алтая.—Сб. „Казачи“,
Л., 1930.

С. И. Руденко,
Скифское погребение Восточного Алтая.—СГАИМК, 1931,
№ 2, стр. 25—31.

С. И. Руденко,
Скифская проблема и алтайские находки.—ИАН.
Серия истории и философии, 1944, т. I, № 6 стр. 266—275.

С. И. Руденко,
Второй Пазырыкский курган, Л., 1948.

С. И. Руденко,
Предварительное сообщение о раскопках в Улагане 1947 г.—
СА, вып. XI, 1949, стр. 261—270.

С. И. Руденко,
Культура Алтая времени сооружения Пазырыкских курганов.—
КСИИМК, вып. XXVI, 1949, стр. 97—109.

С. И. Руденко,
Древнейшая скифская татуировка.—СЭ, 1949, № 3,
стр. 133—143,

С. И. Руденко,
Раскопки Пазырыкской группы курганов.—КСИИМК,
вып. XXXII, 1950, стр. 11—25.

С. И. Руденко,
Пятый Пазырыкский курган.—КСИИМК, вып. XXXVII, 1951,
стр. 106—116.

С. И. Руденко,
Башадарские курганы.—КСИИМК, вып. XLV, 1952, стр. 30—39.

С. И. Руденко,
Горноалтайские находки и скифы, М.—Л., 1952.

С. И. Руденко,
Культура населения Горного Алтая в скифское время,
М.—Л., 1953.

С. И. Руденко,
К вопросу о датировке и историко-культурной оценке
горноалтайских находок.—СА, вып. XXVII, 1957, стр. 301—306.

С. И. Руденко,
Культура населения Центрального Алтая в скифское время,
М.—Л., 1960.

С. А. Семенов,
Обработка дерева на Древнем Алтае (по материалам
Пазырыкских курганов).—СА, вып. XXVI, 1956, стр. 204—226.

С. М. Сергеев,
О резных костяных украшениях конской узды
из „скифского кургана" на Алтае.—СА, вып. VIII, 1946,
стр. 289—292.

А. Уманский,
Памятники культуры Алтая, Барнаул, 1959.

В. И. Цалкин,
К изучению лошадей из курганов Алтая.—МИА, № 24,
1952, стр. 47—156.

М. I. Artamonov,
Frozen Tombs of the Scythians.—„Scientific American",
v. 212, N. 5, may, 1965, pp. 100—109.

М. P. Grijaznov,
Fürstengräber im Altaigebiet.—„Wiener Prahistorische
Zeitschrift", XV, Wien, 1928, S. 120—123.

М. P. Grjaznov and E. A. Golomshtok,
The Pazirik Burial of Altai—AJA, XXXVII, 1933, I,
pp. 30—45.

F. Hancar,
The Eurasian Animal Style and the Altai Complex.—Art.
As., XV, 1952, 1—2, pp. 171—194.

J. F. Haskins,
Pasyruk. The Valley of the Frozen Tombs.—„Bulletin
of the Needle and Bobbin Club", vol. 40, 1—2,
New York, 1957.

K. Jettmar,
The Altai before the Turks.—BMFEA, v. 23, 1951,
S. 135—223.

K. Jettmar,
Die Pferdmasken des I. Pazyryk-Kurgans.—
„Veröffentlichungen der Urgeschichtlichen
Arbeitsgemeinschaft in der Anthropologischen Gesellschaft
in Wien", Bd. I, Wien, 1952, S. 63—66.

K. Jettmar,
Die Fürstengräber der Skythen im Altai. „Umschau",
Jg. 61, H. 12, 1961, S. 368—371.

K. Jettmar,
Zum „Spielteppich" aus dem V. Pazyryk-Kurgan.—
„Central Asiatic Journal", v. VIII, I, 1963, S. 47—53.

P. W. Meister,
Ergebnisse der Grabungen im Altai 1939.—OZ, 18,
1942—1943, S. 62—64.

M.-Th. Ricard,
Quelques observations sur costume scythique.—„Studia
Antiqua. Antonio Salač Septuagenario Oblata", Prag,
1955, pp. 152—155.

A. Zakharov,
Antiquities of Katanda (Altai).—„Journal of Anthropol.
Institute", v. LV, 1925.

A. Zakharov,
Ancient Wood and Bone Work from the Altai.—
„The Antiquaries Journal", v. VI, № 4, London, 1926.

A. Zakharov,
Materials on the Archaeology of Siberia.—ESA, III, 1928.

IV

Минусинские и ордосские бронзы

В. П. Алексеев,
Палеоантропология Хакасии эпохи железа.—СМАЭ, т. XX,
1961, стр. 238—327.

М. И. Артамонов,
К предьстории скифо-сибирского звериного стиля.—
„Melanges offerts a K. Michalowski, Warszawa, 1966,
pp. 239—251.

А. Н. Бернштам,
Изображение быка-яка на бляхах из Ноин-Улинских
курганов.—ПИДО, 1933, № 5—6,
стр. 127—130.

А. Н. Бернштам,
Гунский могильник Ноин-Ула и его историко-археологическое
значение.—ИАН, Отд. общ. наук, 1937, № 4.

А. Н. Бернштам,
Очерк истории гуннов, Л., 1951.

И. В. Богданова-Березовская,
Химический состав металлических предметов из Минусинской котловины.—„Новые методы”, стр. 115—158.

Г. Боровка,
Культурно-историческое значение археологических находок экспедиции.— „Краткие отчеты”, стр. 23—40.

К. Васильев,
Археологические исследования во Внутренней Монголии.— ВДИ, 1959, № 3, стр. 163-170.

В. В. Волков,
Бронзовый кинжал из Гоби.—СА, 1961, № 4, стр. 260—262.

К. В. Вяткина,
Археологические памятники в Монгольской Народной Республике.— СЭ, 1959, № 1, стр. 93—106.

Ю. С. Гришин и Б. Г. Тихонов,
Очерки по истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа.—МИА, № 90, М., 1960.

М. П. Грязное,
Боярская писаница.— ПИМК, 1933, № 7—8, стр. 41—45.

М. П. Грязное,
Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане.— СА, вып. XVI, 1952, стр. 129—162.

М. П. Грязное,
Работы Красноярской экспедиции.—КСИА, вып. 100, 1965, стр. 62—71.

М. П. Грязное,
О чернолощенной керамике Кавказа и Сибири в эпоху поздней бронзы.— КСИА, вып. 108, 1966, стр. 31—34.

М. П. Грязное и М. Н. Пшеницына,
Курганы IV—III вв. до н. э. на оз. Сарагаш.—КСИА, вып. 107, 1966, стр. 62—69.

Л. Н. Гумилев,
Динлинская проблема.—„Известия Всесоюзного географического общества”, № 1, 1959.

Л. Н. Гумилев,
Хунну, М., 1960.

А. В. Давыдова,
Иволгинское городище.—СА, вып. XXV, 1956, стр. 261—300.

А. В. Давыдова и В. П. Шилов,
К вопросу о земледелии у гуннов.— ВДИ, 1953, № 2, стр. 193—201.

Н. Н. Диков,
Бронзовый век Забайкалья, Улан-Удэ, 1958.

Ц. Доржсурен,
Раскопки могил хунну в горах Ноин-Ула на р. Хуни-гол (1954—1957).—МАС, стр. 36—44.

А. П. Дульзон,
Былое расселение кетов по данным топонимики.— „Вопросы географии”, 1962, № 58.

А. П. Дульзон,
Древние топонимы Южной Сибири индоевропейского происхождения.— „Доклады на VII Международном конгрессе антропологов и этнографов”, М., 1964.

М. А. Дэвет,
О культурных связях тагарских племен.— „Новое в советской археологии”, стр. 240—242.

М. А. Дэвет,
Большая Боярская писаница.— СА, 1965, № 3, стр. 124, сл.

М. А. Дэвет,
К вопросу о тагарско-таштыкских взаимоотношениях.—СА, 1961, № 4, стр. 78—83.

С. В. Киселев,
Тагарская культура.—„Труды секции археологии РАНИОН”, т. IV, 1928, стр. 257-267.

С. В. Киселев,
Монголия в древности.— ИАН, серия истории и философии, IV, 4, 1947, стр. 355—372.

С. В. Киселев,
Неолит и бронзовый век Китая.—СА, 1960, № 4, стр. 244—266.

Д. А. Клементи,
Древности Минусинского музея, Памятники металлических эпох, Томск, 1886.

И. Кузнецов,
Минусинские древности. Медно-бронзовый век и переходный период, вып. 1, Томск, 1908.

Л. Р. Кызласов,
Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960.

Л. Р. Кызласов,
Этапы древней истории Тувы.— ВМУ, серия историко-филологическая, вып. 4, 1958, стр. 71—99.

В. Е. Ларичев,
Бронзовый век Северо-восточного Китая.—СА, 1961, № 1, стр. 3—25.

В. П. Левашева и Э. Р. Рыгдалон,
Шаболинский клад бронзовых котлов, хранящийся в Минусинском музее.— КСИИМК, вып. 43, 1952, стр. 132—137.

Е. Лубо-Лесниченко,
Древние китайские шелковые ткани и вышивки в V в. до н. э.—III в. н. э., в собрании Государственного Эрмитажа. Каталог. Л., 1961.

- М. Х. Маннай-оол,*
Новые материалы скифского времени в Туве.—
„Ученые записки Тувинского научно-исследовательского
института языка, литературы и истории”, т. XI, Кызыл, 1964,
стр. 280, сл.
- В. Ф. Минорский,*
Луристанские бронзы.—ВДИ, 1959, № 1, стр. 220—222.
- Д. В. Наумов,*
Производство и обработка древних медных и бронзовых
изделий Минусинской котловины.— „Новые методы”,
стр. 159—190.
- Э. Новгородова,*
Ножи карасукского времени из Монголии и Южной Сибири.—
МАС, стр. 11—17.
- А. П. Окладников,*
Олений камень с р. Иволги.—СА, вып. XIX, 1954,
стр. 207—220.
- А. П. Окладников,*
Работы Бурят-Монгольской арх. экспедиции в 1947—1950 гг.—
КСИИМК, вып. XLV, 1952, стр. 40—47.
- С. И. Руденко,*
Культура хуннов и Ноинулинские курганы, М.—Л., 1962.
- Г. П. Сосновский,*
Нижне-Иволгинское городище.—ПИДО, 1934, № 7—8,
стр. 150—156.
- Г. П. Сосновский,*
Дэрестуйский могильник.—ПИДО, 1935, № 1—2,
стр. 168—176.
- Г. П. Сосновский,*
Ранние кочевники Забайкалья.—КСИИМК, вып. VIII, 1940,
стр. 36—42.
- Г. П. Сосновский,*
Плиточные могилы Забайкалья.—ТОИПК, вып. I, Л., 1941,
стр. 273—309.
- Г. П. Сосновский,*
Раскопки Ильмовой пади.—СА, вып. VIII, 1946,
стр. 51—67.
- Г. П. Сосновский,*
О поселении гуннской эпохи в долине р. Чикоя
(Забайкалье).—КСИИМК, вып. XIV, 1947, стр. 35—39.
- А. Спицын,*
К вопросу о хронологии золотых сибирских блях
с изображениями животных.—ЗРАО, т. XII, вып. 1—2,
1901, стр. 277, сл.
- Ю. Талько-Грынцевич,*
Суджинское доисторическое кладбище в Ильмовой пади.—
ТТКОПОРГО, т. I, вып. 2, 1899.
- Ю. Талько-Грынцевич,*
Материалы по палеозтологии Забайкалья.—ТТКОПОРГО,
т. III, вып. 2—3, Иркутск, 1902; т. IV, вып. 2. Иркутск, 1900.
- Ю. Талько-Грынцевич,*
Древние памятники Западного Забайкалья.—„Труды XII
археологического съезда”, т. I, Харьков, 1902, стр. 492—505.
- С. А. Теплоухов,*
Древние погребения в Минусинском крае.—МЭ, т. III, 1927,
стр. 57—112.
- С. А. Теплоухов,*
Опыт классификации древних металлических культур
Минусинского края.—МЭ, т. IV, вып. 2, 1929, стр. 41—62.
- С. А. Теплоухов,*
Раскопки курганов в горах Ноин-Ула.—„Краткие отчеты”,
стр. 13—22.
- Н. П. Толль,*
Скифы и гунны, Прага, 1928.
- В. И. Федоров,*
Древнее искусственное орошение в районе Минусинского
понижения.—МИА, № 24, 1952, стр. 137—146.
- П. П. Хороших,*
Олений камень из Забайкалья.—СА, 1962, № 3,
стр. 291—292.
- Н. Л. Членова,*
Об оленных камнях Монголии и Сибири.—МАС, стр. 27—35.
- Н. Л. Членова,*
Основные вопросы происхождения тагарской культуры
Южной Сибири.—„Вопросы истории Сибири и Дальнего
Востока”, Новосибирск, 1961, стр. 255—268.
- Н. Л. Членова,*
Место культуры Тувы скифского времени в ряду других
„скифских” культур Евразии.—УЗТувНИИЯЛИ,
т. IX, 1961, стр. 133—155.
- Н. Л. Членова,*
Памятники переходного карасук-тагарского времени
в Минусинской котловине.—СА, 1963, № 3, стр. 48—66.
- Н. Л. Членова,*
Первые комплексы раннескифского времени из Тувы.—
КСИА, вып. 107, стр. 47—53.
- Н. Л. Членова,*
Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры,
М., 1967.
- Я. А. Шер, А. М. Прокофьева,*
Каменка I — могильник начала тагарской культуры на Енисее
(предв. сообщение).—КСИА, вып. 107, 1966, стр. 47—61.

D. H. Эдинг,
Резная скульптура Урала. Из истории звериного стиля.—
ТГИМ, вып. 10, М., 1940.

Ph. Ackerman,
The Luristan Bronzes, New York, 1940.

J. G. Andersson,
Der Weg über die Steppen.—BMFEA, I, 1929.

J. G. Andersson,
Hinting Magic in the Animal Style.—BMFEA, 4, 1932,
pp. 221—317.

J. G. Andersson,
Selected Ordos Bronzes.—BMFEA, 5., 1933, p. 143 ff.

J. G. Andersson,
Researches into the Prehistory of the Chinese.—BMFEA,
15, 1943.

H. d'Ardenne de Tizac,
Les bronzes du Luristan. —„Art et Décoration“, 1931, Jan.,
pp. 13—20.

T. J. Arne,
Luristan and the West.—ESA, IX, 1934.

G. Boroffka,
Griechische Stickerein aus der Mongolei.—„Die Antike“,
III, 1927.

G. O. Boroffka,
Die Funde der Expedition Kosloff in der Mongolei.
1924—1925.—Arch. Anz., 1926, S. 341—368.

P. Calmeyer, Datierbare Bronzen aus Luristan und Kirmanschah,
Berlin, 1969.

D. Carter,
Four Thousand Years of China's Art, New York, 1951.

G. Contenau,
Les tablettes de Kerkouk et les origines
de la civilisation assyrienne, Paris, 1926.

K. Donner,
Beitrage zur Frage nach dem Ursprung der Jenissei-Ostjaken.—
„Journal de la Societe Finno-Ougrienne“, XXXVII, Helsinki,
1916—1920.

K. Donner,
Ethnological notes about the Jenissey-Ostyak.— „Memoires
de la Societe Finno-Ougrienne“, LXVI, Helsinki, 1933.

N. Egami and S. Mizuno,
Inner Mongolia and the Region of the Great Wall.—
„Archaeologia Orientalis“, ser. B, I, 1935.

J. H. Gaul,
Observations on the Bronze Age in the Yenisei Valley,
Siberia.—„Papers of the Peabody Museum“, XX, Cambridge,
1943, pp. 149—186.

A. Godard,
Les bronzes du Luristan.—Ars Asiatica, XVII, Paris, 1931.

V. Griessmaier,
Sammlung Baron Eduard von der Heydt, Wien. Ordos-Bronzen.
Bronzen aus Luristan und dem Kaukasus, Wien, 1936.

F. Hancar,
Kaukasus-Luristan.—ESA, X, 1934, S. 47—112.

C. Hentze,
Fruhchinesische Bronzen und Kultdarstellungen,
Antwerpen, 1937.

O. Janse,
Le style du Houai et ses affinites.—„Revue des Arts
Asiatiques“, VIII, 3. p. 159ff.

K. Jettmar,
The Karasuk Culture and its South-eastern Affinities.—
BMFEA, 22, 1950, pp. 83-126.

K. Jettmar,
Hunnen und Hsiung-nu — ein archaologisches Problem.—
„Archiv fur Volkerkunde“, VI—VII, 1951—1952.

L. Jisl,
Nekolik novych „ordoských“ bronzů a jejich postavni
v rámci eurasijského zverneho stylu.—„Filipův Sbornik“,
Praha, 1962, S. 195—206.

B. Karlgren,
Some Weapons and Tools of the Yin Dynasty.—BMFEA, 17,
1945, pp. 101-144.

B. Karlgren,
Some Bronzes in the Museum of Far Eastern Antiquities.
Postscript — BMFEA, 21, 1949, pp. 1—22 and 22—25.

B. Karlgren,
Ordos and Huai.—BMFEA, 9, 1937.

K'wang-chih Chang,
The Archaeology of Ancient China, New Haven and London,
1963.

S. Langdon,
Some Inscriptions.—„A Survey of Persian Art“, I, 1938.

M. Loehr,
The Earliest Chinese Swords and the Akinakes.—
„Oriental Art“, v. I, N 3, 1949, pp. 132—142.

- M. Loehr*,
Weapons and Tools from Anyang and Siberian Analogies.—
AJA, LIU, 2, 1949, pp. 126-144.
- M. Loehr*,
Ordos Daggers and Knives. First Part: Daggers.—
Art. As., XII, 1-2, 1949; Second Part: Knives.—Art.
As. XIV, 1-2, 1951, pp. 77-162.
- If. Loehr*,
Zur Ur-und Vorgeschichte Chinas.— „Saeculum“, III, I,
1952, S. 15-55.
- O. Maenchen-Helfen*,
Die Trager des Tierstils im Osten.— „Wr. Beitrage“, IX,
1935, S. 61 ff.
- O. Maenchen-Helfen*,
The Ting-ling.— „Harvard Journal of Asiatic Studies“,
.. 4, N I, 1939.
- F. R. Martin*,
L'âge du bronze au Musée de Minoussinsk. 1893.
- O. von Merhart*,
Bronzezeit am Jenissei, 1926.
- G. von Merhari*,
Beitrage zur Urgeschichte der Jenissei-Gubernie.—
„Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja“, XXXIV,
1923, S. 3-46.
- E. Minns*,
Small Bronzes of Northern Asia.— „The Antiquaries
Journal“, X, I, 1930.
- A. Moortgat*,
Bronzezeit am Jenissei, Berlin, 1932.
- H. Potratz*,
Bar und Hase in der Bildkunst des alten Luristan.—
AIO, 17. [1954-1955], S. 121-128.
- H. Potratz*,
Das „Kampfmotiv“ in der Luristan Kunst.
— „Orientalia“, 21, Rom, 1952, S. 13-36.
- P. Reinecke*,
Über einige Beziehungen der Altertümer Chinas zu denen
des skythisch-sibirischen Volkerkreises.— ZfE, 29, 5,
1897, S. 141-163.
- M. Rostovtzeff*,
Some Remarks on the Luristan Bronzes.—JPEK, v. 7, 1931.
- M. Rostovtzeff*,
L'art greco-sarmate et l'art chinois a l'époque
de Han.— „Arethuse“, 1924, april.
- 5. Roudenko*,
Les sépultures de l'époque des Kourganes de Minoussinsk.—
„L'Anthropologie“, XXXIX, Paris, 1929.
- A. Salmony*,
Die alte Kunst Sibiriens und ihre Beziehungen zu China.—
„Sinica“, VI, 4, Frankfurt am Main, 1931
- A. Salmony*,
Sino-Siberian Art in the Collection of C. T. Loo,
Paris, 1933.
- A. Salmony*,
The Small Finds of Noin-Ula.— „Parnassus“, VIII, 2, 1936.
- Z. Takacs*,
Chinesisch-Hunnische Kunstformen.— „Известия
на Българския археологически институт“, III, София, 1925.
- A. M. Tallgren*,
Collection Tovostine des antiquités préhistoriques
de Minoussinsk, Helsingfors, 1917.
- Tê-k'un Cheng*,
Archaeology in China, Bd III, Chou China, Cambridge, 1963.
- N. Toll*,
Bronze Plaque from the Collection of Count E. Zichy.—
ESA, IX, 1934, pp. 270-276.
- V. Tolmacheff*,
Les antiquités de Scythes en Chine.—ESA, IX, 1934, S. 256, f.
- K. Trever*,
Excavations in Northern Mongolia, Leningrad, 1932.
- B. Tsunoda*,
Luristan Culture and Scythian Culture.— „Ancient Art
of the Northern Eurasia“, Kyoto, 1954.
- S. Umehara*,
Studies of Noin-Ula Finds in North Mongolia,—
The Toyo Bunko Publication, Series A, N 27, Tokyo,
1960 (на японск. яз. с англ. резюме).
- L. Vanden Berghe*,
Het Archeologisch Onderzoek naar de
Bronscultuur van Luristan, Brussel, 1968 (с франц. резюме).
- J. Werner*,
Zur Stellung der Ordosbronzen.— ESA, IX, 1934,
S. 259-269.
- W. P. Yetts*,
The Cull Chinese Bronzes, London, 1939.
- W. P. Yetts*,
The Horse: a Factor in Early Chinese History.—
ESA, IX, 1934, S. 231 ff.
- W. P. Yetts*,
Chinese Contact with Luristan Bronzes.—
„The Burlington Magazine“, 59, 1931, p. 76 ff.
- P. Yetts*,
Chinese Bronzes, London, 1925.

V

Сибирское золото.
Поясные застёжки

VI

Сибирское золото.
Гривны и браслеты

VII

Сибирское золото.
Личные и конские украшения.
Статуэтки и сосуды

А. В. Виноградов, С. В. Лопатин, Э. Д. Мамедов,
Кызылкумская бирюза (Из истории добычи и обработки).—
СЭ, 1965, № 2, стр. 114—134.

М. П. Грязное,
Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной
Сибири.—АС, вып. 3, 1961, стр. 7—31.

Е. Н. Дмитриева, В. П. Левашева,
Материалы из раскопок сибирских бугровщиков.—СА,
1965, № 2, стр. 225—236.

В. В. Радлов,
Сибирские древности.—МАР, № 3, 1888; № 5, 1891,
№ 15, 1902.

„Раскопки в Фэнси (1955—1967)“, Пекин, 1962 (на китайском яз.).

С. И. Руденко,
Сибирская коллекция Петра I.—САИ, вып. ДЗ-9,
М.—Л., 1962.

Я. И. Смирнов,
Восточное серебро. Атлас, Спб., 1909.

А. А. Спицын,
Сибирская коллекция Кунсткамеры.—ЗОРСА, т. VIII, вып. I,
Спб., 1906, стр. 227, сл.

И. И. Толстой и Н. П. Кондаков,
Русские древности в памятниках искусства, вып. 3, Спб.,
1890.

К. В. Тревер,
Памятники греко-бактрийского искусства, М.—Л., 1940.

Т. К. Шафрановская,
О сокровищах Петровской кунсткамеры (по рис. XVIII в.).—
СЭ, 1965, № 2, стр. 141—156.

P. Amandry,
Orfèvrerie Achéménide.—„Antike Kunst“, 1, 1958.

P. Amandry,
Torevtique Achéménide.—„Antike Kunst“, 2, 1959.

D. Carter,
The Symbol of the Beast: The Animal-Style Art of Eurasia,
New York, 1957.

E. Dittrich,
Das Motiv des Tierkampfes in der altchinesischen Kunst.—
„Asiatische Forschungen“, Wiesbaden, 13, 1963.

E. Dittrich,
Das Altai-Gold und China.—„Zeitschrift der Deutschen
Morgenlandischen Oesellschaft“, III, 2, Wiesbaden,
1962, S. 498—511.

IV. Fettich,
Zur Chronologie der Sibirischen Goldfunde der Ermitage.—
„Acta Archaeologica“, II, Budapest, 1952, S. 251—269.

N. Fettich,
Die Tierkampfszene in der Nomadenkunst.—„Recueil
d'etudes dediees a la memoire de N. P. Kondakov“, Prag,
1921, pp. 81—92.

T. G. Frisch,
Scythian Art and Some Chinese Parallels.—„Oriental Art“,
I—II, 1949.

W. Ginters,
Das Schwert der Skythen und Sarmaten in Südrussland, Ber.
1928.

V. Griessmaier,
Entwicklungsfragen der Ordos Kunst.—Art. As., VII,
1—4, 1937, S. 122—257.

J. F. Haskins,
Sarmatian Gold Collected by Peter the Great.—Art. As.,
XXII, 1-2, 1959, pp. 64-78.

J. F. Haskins,
Targhun — the Hero, Ag-Zhunus — the Beautiful and Peter's
Siberian Gold.—„Ars Orientalis“, 4, 1961.

L. Jisl,
K technice zlatých sibiřských plaket.—„Památky
archeologicke“, LII, I, 1961.

H. Kühn,
Chronologie der Sino-Sibirischen Bronzen.—JPEK, XII,
1938, S. 162—165.

Ch. de Linas,
Les origines de l'orfèvrerie cloisonnee, t. II,
Paris, 1878.

P. W. Meister,
Zur Technik der sibirischen Goldarbeiten.—
„Pantheon“, XXX, 1942, S. 225—227.

P. W. Meister,
Zur Datierung einer Gruppe von Tierstilbronzen
der Nach-Han-Zeit.—„Ostasiatische Zeitschrift“, N. F.,
v. 1, 6, 1935, S. 264-265.

- J. Minns*,
The Art of the Northern Nomads.—„Proceedings of the British Academy“, XXVIII, London, 1942.
- J. de Morgan*,
Découverte d'une sépulture achéménide à Suse.—„Mémoires de la Délégation en Perse“, VIII, 1905.
- P. Pelliot*,
Quelques réflexions sur l'art „sibérien“ et l'art chinois à propos de bronzes de la collection David-Weill.—„Documents“, I, Paris, 1929.
- J. Talbot Rice*,
The Scythians, London, 1957.
- M./J. Rostovtzeff*,
Unlaid Bronzes of the Han Dynasty in the Collection [C. T. Loo, Paris — Bruxelles, 1927.
- M./J. Rostovtzeff*,
The Great Hero Hunter of Middle Asia and his Exploits.—„Art. As.“, IV, 2—3, 1930—1932.
- S. I. Rudenko*,
The Mythological Eagle, the Gryphon, the Winged Lion and the Wolf in the Art of Northern Nomads. „Art. As.“, XXI, 2, 1958, S. 101—122.
- L. Salmony*,
Sarmatian Gold Collected by Peter the Great.—„Gazette des Beaux-Arts“, Ser. XXXI, I, 1947, pp. 5—14; XXXIII, I, 1948, pp. 321—326; XXXV, I, 1949, pp. 5—10, XL, 2, 1952, pp. 85—92.
- L. Salmony*,
Antler and Tongue.—„Art. As., Supplementum“, XIII, 1954.
- L. Salmony*,
Der waagrechte Standenabschluss an der nordchinesischen Grenze und in China.—„Seminarium Kondakovianum“, VI, 1933, pp. 131—136.
- I. Takács*,
Some Irano-Helinitic and Sino-Hunnic Art Form.—„OZ.“, Jg., № 4, 1929.
- III**
Скифо-сибирский
звериный стиль
- М. И. Артамонов*,
К вопросу о происхождении скифского искусства.—„Comagiul lui George Oprescu“, București, 1961, pp. 31—46.
- М. И. Артамонов*,
К вопросу о происхождении скифского искусства.—СГЭ, (XII, 1962, стр. 30—35.
- М. И. Артамонов*,
Антропоморфные божества в религии скифов.—АС, 2, 1961, стр. 57—87.
- М. И. Артамонов*,
Происхождение скифского искусства, СА, 1968, № 4.
- М. И. Артамонов*,
Куль-Обский олень. Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья, Л., 1968, стр. 9—16.
- М. И. Артамонов*,
Скифо-сибирское искусство звериного стиля.—Проблемы скифской археологии. М. 1971, стр. 24, сл.
- Э. Б. Вадецкая*,
Изображение зверя-божества из Хакасии.—„Новое в советской археологии“, стр. 174—176.
- Э. Б. Вадецкая*,
О каменных стелах эпохи бронзы в Хакасско-Минусинской котловине.—СА, 1965, № 4, стр. 211—219.
- М. И. Вязьмитина*,
Ранние памятники скифского звериного стиля.—СА, 1963, № 2, стр. 158—170.
- В. В. Гольмстен*,
Из области культа древней Сибири.—„Из истории докапиталистических формаций. Сб. к XLV-летию научной деятельности Н. Я. Марра“, Л., 1933, стр. 100—124.
- М. П. Грязное*,
Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами.—СА, вып. XII, 1950, стр. 128—156.
- М. П. Грязное, Е. Р. Шнейдер*,
Древние изваяния Минусинских степей.—МЭ, т. IV, вып. 2, Л., 1929, стр. 63—90.
- М. Грязное, А. Булгаков*,
Древнее искусство Алтая, Л., 1958.
- В. А. Ильинская*,
Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля.—СА, 1965, № 1, стр. 86—107.
- Г. А. Максименков*,
Окуневская культура в Южной Сибири.—„Новое в советской археологии“, стр. 168—174.
- Б. Б. Пиотровский*,
Скифы и Древний Восток.—СА, вып. XIX, 1954, стр. 141—158.
- Б. Б. Пиотровский*,
Ванское царство (Урарту), М., 1959.
- Б. Б. Пиотровский*,
Искусство Урарту, Л., 1962.
- Н. Н. Погребова*,
К вопросу о скифском зверином стиле.—КСИИМК, вып. XXXIV, 1950, стр. 129—141.
- Н. Н. Погребова*,
Грифон в истории Северного Причерноморья в эпоху архаики.—КСИИМК, вып. XXII, 1948, стр. 62—67.

- Г. А. Пугаченкова,*
Грифон в античном и средневековом искусстве
Средней Азии.—СА, 1959, № 2, стр. 70—84.
- С. И. и Н. М. Руденко,*
Искусство скифов Алтая, М., 1949.
- С. И. Руденко,*
Искусство Алтая и Передней Азии (середина I тысячелетия
до н. э.), М., 1961.
- „Сокровища скифских курганов“. Текст М. И. Артамонова,
Прага, 1966.
- А. А. Формозов,*
Материалы к изучению искусства эпохи бронзы юга СССР.—
СА, 1958, № 2, стр. 137—142.
- А. А. Формозов,*
Памятники первобытного искусства на территории СССР,
М., 1966.
- Н. Л. Членова,*
Скифский олень.—МИА, № 115, 1962, стр. 167—205.
- Н. Л. Членова,* К вопросу о первичных материалах предметов
в зверином стиле.—Проблемы скифской археологии, М., 1971,
стр. 208, сл.
- А. Alföldi,*
Die geistigen Grundlagen des hochasiatischen Tierstiles.—
„Forschungen und Fortschritte“, VII Jg. №20, 1931, S. 278-279.
- А. Alföldi,*
Die theormorphe Weltbetrachtung in den hochasiatischen
Kulturen.—Arch. Anz., Bd. 46, 1931, 1—2, S. 394—418.
- А. Alföldi,*
Die iranische Weltreise auf archeologischen Denkmälern.—
„Schwaizerische Gesellschaft für Urgeschichte“, XL, I,
1949—1950.
- P. Amandry,*
Un motif „scythe“ en Iran et en Grèce.—JNES, XXIV, 3,
1965, July.
- P. Amandry,*
L'art scythe archaïque.—Arch. Anz., 1965, N 4.
- H. Appelgren-Kivalo,*
Die Grundzüge des permisch-skythischen Ornamentstiles.—
„Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja“, XXVI,
I, 1912.
- H. Appelgren-Kivalo,*
Vogelkopf und Hirsch als Ornamentmotive in der Vorzeit
Sibiriens.—„Finnisch-Ugrische Forschungen“, XII, 1912,
S. 294 ff.
- G. Azarpay,*
Some Classical and Near Eastern Motives in the Art
of Pazyryk.—Art As., XXII, 4, 1959, pp. 313—339.
- K. D. Barnett,*
The Treasure of Ziwiye.—„Iraq“, XVIII, 2, 1956,
pp. 111—116.
- K. D. Barnett,*
Median Art.—„Iranica Antiqua“, II, I, 1962, pp. 77—95.
- R. Bleichsteiner,*
Zum eurasitischen Tierstil.—„Berichte des Asien-Arbeitskreises
H. 2, 1939, Juni, S. 9-64.
- G. Borovka,*
Der skythisches Tierstil.—Arch. Anz., Bd. 41, 1926.
- G. Borovka,*
Scythian Art, London, 1928.
- G. Borovka,*
Kunstgewerbe der Skythen, Berlin, 1928.
- G. Borovka,*
Wanderungen eines archaisch-griechischen Motives über
Skythien und Baktrien nach Alt-China.—„25 Jahre Römisch-
Germanischen Kommission“, Berlin, 1929, S. 52—81.
- M. V. Christian,*
Vorderasiatische Vorläufer des eurasitischen Tierstils.—
„Wiener Beiträge“, XI, 1937, S. 11—31.
- R. Dussaud,*
Le trésor de Zywiye (Azerbeïdjan).—„Syria“, 27, 1950, p. 196.
- R. H. Dyson,*
Iran, 1956.—„University Museum Bulletin“, 21, N. 1,
march, Philadelphia, 1957.
- C. J. Edmonds,*
A tomb in Kurdistan.—„Iraq“, 1934.
- K. Erdmann,*
Eberdarstellung und Ebersymbolik in Iran.—
„Bonner Jahrbücher“, Bd. 147, S. 345—382.
- M.-L. und H. Erlenmeyer,*
Cerviden-Darstellungen auf altorientalischen und
agaischen Siegeln.—„Orientalia“, 25, 1956, S. 149—153;
26, 1957, S. 321—339.
- M. Falkner,*
Der Schatz von Ziwiye.—AfO, XVI, 1952, p. 129—132.
- R. Ghirshman,*
Notes iraniennes IV. Les trésor de Sakkiz. Les origines
pe l'art mede et les bronzes du Luristan.—Art.
As. XIII, 3, 1950, pp. 181—206.
- R. Ghirshman,*
Perse. Proto-iraniens, Medes, Achéménides,
Paris, 1963.
- A. Godard,*
Le Trésor de Ziwiye (Kurdistan), Haarlem, 1950.

- A. Godard,*
A propos du tresor de Ziwiye.—Art. As., XIV, 3, 1951,
pp. 240—245.
- B. Goldman,*
Achaemenid chapes.—AO, 2, 1957.
- F. Hancar,*
Zum Problem des „kaukasischen“ Tierstil.—„Wiener
Beitrage“, IX, 1934, S. 3—34.
- F. Hancar,*
Probleme des kaukasischen Tierstils.—MAGW, LXV, 1935,
S. 367—385.
- C. Hentze,*
Beitrage zu den Problemen des eurasischen Tierstils.—OZ,
Neue Folge, VI, 3—4, 1930, S. 150—169.
- K. Jettmar,*
Die Entstehung des skythischen Tierstils.—„Umschau“,
55, H. 7, 1955, S. 203—205.
- K. Jettmar,*
Ausbreitungsweg und sozialer Hintergrund
des eurasiatischen Tierstils.—MAGW, XCII, 1962,
3. 176—191.
- K. Jettmar,*
Die friihen Steppenvolker. Der eurasiatische Tierstil.
Entstehung und sozialer Hintergrund, Baden-Baden, 1964.
- H. J. Kantor,*
Goldwork and Ornaments from Iran.—„The Cincinnati Art
Museum Bulletin“, 5, 2, 1957.
- H. J. Kantor,*
A fragment of a Gold Appliqué from Ziwiye and Some
Remarks of the Artistic Traditions of Armenia and Iran
during the Early First Millenium B. C.—JNES, XIX, 1, 1960,
pp. 1—14.
- M. Loehr,*
The Stag Image in Scythia and the Far East.—„Archives
of Chinese Art Society of America“, IX, 1955.
- O. Maenchen-Helfen,*
Trenelated Mane and Scabbard Slide.—„Central Asiatic
Journal“, III, 2, 1957, pp. 85—138.
- M. I. Maximova,*
Griechisch-persische Kleinkunst in Kleinasien nach den
Persekriegen.—Arch. Anz., 1928, S. 647—678.
- E. H. Minns,*
Scythians and Greeks, Cambridge, 1913.
- 4. Moortgat,*
Hellas und Kunst der Achaemeniden.—„Mitteilungen
der Altorientalischen Gesellschaft“, II, 1926.
- H. Potratz,*
Die Skythen und Vorderasien.—„Orientalia“, 28, I, 1959,
S. 57—73.
- H. Potratz,*
Skythische Kunst.—„Orientalia“, 29, 1960, S. 46—62.
- /s. A. H. Potratz,*
Die Skythen in Sudrussland, Basel, 1963.
- C. M. A. Richter,*
Late „achaemenidian or graeco-persian“ Gems.—
„Hesperia“, Supplement, VIII, 1949.
- A. Roes,*
Achaemenid Influence upon Egyptian and Nomad Art.—
Art. As., XV, 1—2, 1952, pp. 18—30.
- M. I. Rostovtzeff,*
The Animal Style in South Russia and China, Princeton,
1929.
- H. Schmidt,*
Skythisches Kunstgewerbe in seiner Beziehung zu Alt
Europa und zum Alten Orient.—Arch. Anz., Bd 35, 1920.

„Sept mille ans d'art en Iran“. Catalogue, 1961—1962.
- A. M. Tallgren,*
Zum Ursprungsgebiet des sogenannten skythischen
Tierstils.—„Acta Archaeologica“, IV, K0benhavn,
1933, 258—264.
- A. M. Tallgren,*
Some North-urasian Sculptures.—ESA, XII, 1938.
- N. Tchlenova,*
L'art animalier de l'époque scythique en Sibirie et en
Pontide, „VI Congres international des sciences préhistoriques
et protohistoriques“, M., 1962.
- C. Wilkinson,*
More Details in Ziwiye.—„Iraq“, XXII, 1960,
pp. 213—220.
- C. K. Wilkinson,*
Assirian and Persian Art.—„Bulletin of the Metropolitan
Museum of Art“, 1954—1955, march.
- C. K. Wilkinson,*
Treasure from the Mannean Land.—„Bulletin.
The Metropolitan Museum of Art“, 1963, april,
pp. 274—284.

СПИСОК

упомянутых в книге мест находок
в Средней Азии и Сибири
с указанием современного местонахождения
памятников и основных публикаций

Абакано-Перевоз—село на р. Енисее, Красноярский край.

Боярская писаница.

М. П. Грязное, Боярская писаница. — ПИМК, 1933, № 7—8, стр. 41., сл.; *М. А. Дэвет*, Большая Боярская писаница, — СА, 1965, № 3, стр. 124, сл.

Акбеит—могильник в урочище Кызыл-Рават, Горно-Бадахшанская авт. обл., Таджикская ССР.

Могильник. Раск. А. Н. Бернштама 1952 г.

Государственный Эрмитаж.

А. Н. Бернштам, Саки Памира. — БДИ, 1956, № 1, стр. 125, сл.; *А. И. Бернштам*, В горах и долинах Памира и Тянь-Шаня.— „По следам древних культур. От Волги до Тихого океана“, М., 1954, стр. 276, сл.

Актюбинск—город, Казахская ССР.

Случайные находки.

Актюбинск.

М. П. Грязное, Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников.— КСИИМК, вып. 61, 1956., стр. 13, сл., рис. 4.

Аличур II — могильник на р. Гунт, Горно-Бадахшанская авт. обл., Таджикская ССР.

Раск. Б. А. Литвинского, 1960 г.

г. Душанбе.

Б. А. Литвинский, Археологические открытия на Восточном Памире. — „Доклады XXV Международного конгресса востоковедов“, М., 1960, рис. 2.

Алма-Ата — город, Казахская ССР.

Случайные находки начала 80-х гг.

Семиреченский алтарь.

Государственный Эрмитаж.

ОАК, 1883—1884, стр. VII; *А. С. Стрелков*, Большой Семиреченский алтарь. — „Сб. С. Ф. Ольденбургу к пятидесятилетию научно-общественной деятельности“, стр. 477, сл.

Случайные находки. 1887 г.

Центральный музей,

ОАК, 1887, стр. СС; *А. С. Стрелков*, Большой Семиреченский алтарь, стр. 489.

Случайные находки, 1912 г.

Государственный Эрмитаж.

А. С. Стрелков, Большой Семиреченский алтарь,

стр. 490.

Случайные находки, 1948 г.

Центральный музей.

Г. С. Мартынов, Иссыкская находка.— КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 155, сл., рис. 68.

Аму-Дарьинский клад — найден в 1877 г. на правом берегу р. Аму-Дарья на месте развалин Пахта-Каяд, Таджикская ССР.

Приобретен В. Фрэнксом и А. Куниным в Пешаваре в 1880 г.

Британский музей.

Dalton, The treasure; *М. М. Дьяконов*, Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиян) 1950—1951 гг.— МИА, 1953, № 37 стр. 253, сл.; *Т. И. и Е. В. Зеймаль*, Еще раз о месте находки Аму-Дарьинского клада. — ИАГТадж. ССР, отд. общ. наук, вып. I, 1962, стр. 40—45

Аржан — большой курган на лев. берегу р. Уюк в пос. Совхоз-Уюк Тувинской авт. обл.

Раск. М. П. Грязнова и М. Х. Маннай-оол в 1971 г. Лен. отд. ИА АН СССР

М. П. Грязное, *М. Х. Маннай-оол*, Аржан—царский курган раннескифского времени в Туве.— Археологические открытия 1971 г.. М., 1972, стр. 243—246.

Бадашар — урочище близ айла Кулада на р. Каракол, Горно-Алтайская авт. обл.

Раск. С. И. Руденко в 1950 г.

Государственный Эрмитаж.

С. И. Руденко, Культура Центрального Алтая в скифское время, стр. 26, сл. (курган № 1); *там же*, стр. 30, сл. (курган № 2).

Березовка — село на р. Катунь, Алтайский край

Курган № 14, Раск. С. М. Сергеева в 1930 г.

Государственный Эрмитаж.

С. В. Киселев, указ. соч., стр. 331, 334, прим. 2.

Берельская степь — в верховьях р. Бухтарма в Восточном Казахстане.

Курган. Раск. В. В. Радлова, 1865 г.

ГИМ.

В. В. Радлов, Сибирские древности. — ЗРАО, VII. 3—4, стр. 186-188; *А. А. Захаров*, Материалы по археологии Сибири. — ТГИМ, вып. I. 1926, стр. 71—106.

Бешатырский могильник — Илийская долина, Талды-Курганская обл., Казахская ССР.

Раск. К. А. Акишева в 1957, 1959—1961 гг.

Центральный музей.

К. А. Акишев, *Г. А. Кушаев*, Древняя культура саков и усуней долины реки Или, Алма-Ата, 1963.

Большой Косоголь — озеро при впадении р. Серж, Ужурский р-н, Красноярский край.

Случайные находки. 1966 г.

Красноярский краевой музей.

Н. В. Нащокин, Косогольский клад. Археологические открытия 1966 г., М., 1967, стр. 163—165.

Боровое — озеро, Кокчетавская обл., Казахская ССР.

Случайные находки.

Государственный Эрмитаж.

М. П. Грязное, Северный Казахстан... стр. 13, рис. 4, 1.

[Список
(УПОМЯНУТЫХ В КНИГЕ
МЕСТ НАХОДОК

- Боярская писаница — см. Абакано-Перевоз.
- Бугрова осыпь — на р. Бухтарма близ Усть-Каменогорска в Восточном Казахстане.
Случайные находки, доставлены Г. Миллером в 1735 г.
Государственный Эрмитаж.
В. Радлов, Сибирские древности, т. I, вып. 3. — МАР, 15, Спб., 1894, стр. 88, прим. I.
- Буконь — урочище близ оз. Зайсан в Восточном Казахстане.
Случайные находки, доставлены Г. Миллером в 1735 г.
Государственный Эрмитаж.
В. Радлов, Сибирские древности, т. I, вып. 3, стр. 123.
Случайные находки. 1920 г.
Омский краеведческий музей.
А. С. Стрелков, Большой Семиреченский алтарь, стр. 487, табл. II, I.
- Быстряное — село, Алтайский край
Курганы Раск. С. М. Сергеева в 1930 г.
Государственный Эрмитаж.
С. В. Киселев, указ. соч., стр. 332, сл., 334, прим. I.
- Верхнеудинск (ныне Улан-Удэ) — город, Бурят-Монгольская АССР.
Случайные находки. 1844 г.
Государственный Эрмитаж.
И. И. Толстой и *Н. П. Кондаков*, Русские древности в памятниках искусства, вып. 3, Спб., 1890, стр. 59.
- Джувантобе — могильник, Алма-Атинская обл., Казахская ССР.
Раск. Е. И. Агеевой 1956 г.
Центральный музей.
Е. И. Агеева, Курганные могильники сев.-вост. части Алма-Атинской обл. — ИАН Каз. ССР, серия истории археологии и этнографии, вып. 36 (11), 1956, стр. 83, сл.; *А. Г. Максимова*, Курганы сакского времени могильника Джувантобе. — КСИИМК, вып. 80, 1960, стр. 60, сл.
- Дуздак (Туздак) — урочище, Кызыл-Ординская обл., Казахская ССР.
Случайные находки, 1907 г.
Государственный Эрмитаж.
ОАК, 1907, стр. 124; „Сибирская коллекция“, табл. X, I; XII, 2.
- Душанбе — город, Таджикская ССР.
Случайные находки.
Душанбе.
В. М. Массон, Страна тысячи городов, М., 1966, стр. 42, рис. на стр. 43.
- Дэрестуйский могильник — на лев. берегу р. Джиды, Бурят-Монгольская АССР.
Раск. Ю. Д. Талько-Грынцевич в 1900—1901 гг.
Ю. Д. Талько-Грынцевич, Материалы по палеоэтнологии Забайкалья. — ТТКОПОРГО, т. III, вып. 2—3, Иркутск, 1900, стр. 21—31; т. IV, вып. 2, Иркутск, 1902, стр. 227, сл.; *Г. П. Сосновский*, Дэрестуйский могильник. — ПИДО, 1935, № 1—2, стр. 168, сл.
- Иволгинское — село, Бурят-Монгольская АССР.
„Оленный камень“.
Иркутск, краеведческий музей
А. П. Окладников, Оленный камень с р. Иволги. — СА, XIX, 1954, стр. 207, сл.
- Ильмовая падь — урочище в среднем течении р. Суджа к северо-востоку от Кяхты, Бурят-Монгольская АССР.
Судженский могильник. Раск. Ю. Д. Талько-Грынцевича в 1896—1897 гг., Г. П. Сосновского в 1934 г.
Ю. Талько-Грынцевич, Судженское доисторическое кладбище в Ильмовой пади. — ТТКОПОРГО, т. I, вып. 2, 1899; *Г. П. Сосновский*, Раскопки Ильмовой пади. — СА, вып. VIII, 1946, стр. 51—67.
- Иссык — город, Алма-Атинская обл., Казахская ССР,
Курган. Раск. К. А. Акишева в 1969—1970 гг.
Центральный музей
К. А. Акишев, Раскопки Иссыкского кургана. — Археологические открытия 1970 г., М., 1971, стр. 408.
Случайные находки 1953 г.
Центральный музей.
Г. С. Мартынов, Иссыкская находка. — КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 150—155, рис. 63—67.
- Кайранкуль — озеро, Кустанайская обл., Казахская ССР.
Курган. Раск. С. И. Руденко 1921 г.
Государственный Эрмитаж.
М. П. Грязное, Северный Казахстан... стр. 15, рис. 4, 2—3.
- Каргалы — ущелье, Алма-Атинская обл., Казахская ССР.
Случайные находки 1939 г.
Центральный музей.
А. Н. Бернштам, Золотая диадема из шаманского погребения на р. Каргадинке. — КСИИМК, вып. 5, 1940, стр. 23, сл.
- Каракольский могильник — на р. Урсул, Горно-Алтайская авт. обл.
Раск. С. В. Киселева 1934 г.
С. В. Киселев, Из работ Алтайской экспедиции ГИМ в 1934 г. — СЭ, 1935, № 1, стр. 97, сл.; *С. В. Киселев*, Древняя история Южной Сибири., стр. 354, сл.
- Карамурун — близ совхоза Экибастузский, Куйбышевский р-н, Павлодарская обл., Казахская ССР.
Раск. М. К. Кадырбаева 1962 г.
Центральный музей.
„Древняя культура Центрального Казахстана“,

- Алма-Ата, 1966, стр. 356, сл. (могильник I, курган 4А); там же, стр. 362 (курган 10); там же, стр. 364 (могильник II, курган I).
- Каргалы — урочище близ города Алма-Ата, Казахская ССР.
Случайные находки.
Центральный музей.
А. Н. Бернштам, Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. — МИА, № 26, М. — Л., 1952, стр. 44, рис. 20.
- Каркаралинск — город, Карагандинская обл., Казахская ССР.
Случайные находки близ колхоза „Комсомолшины“.
Карагандинский музей.
М. П. Грязное, Северный Казахстан... рис. 4, 5—6;
Е. И. Агеева, Хроника археологических раскопок и находок в Казахстане в 1948—1949 гг. — ИАН КазССР, № 108, 1951, табл. II.
- Катанда — село на левом берегу р. Катунь, Горно-Алтайская авт. обл.
Большой курган. Раск. В. В. Радлова 1865 г.
ГИМ.
В. В. Радлов, Сибирские древности. — ЗРАО, т. VII, стр. 147, сл. *А. Zakharov*, Antiquities of Katanda (Altai). — „Journal of the Antrop Inst.“, v. LV, 1925, pp. 37—57; 1925, pp. 37—57; *А. Захаров*, Материалы по археологии Сибири. — ТГИМ, вып. I, 1926, стр. 72; *Е. С. Видонова*, Катандинский халат. — ТГИМ, вып. VIII, 1928, стр. 169, сл.; *А. А. Гаврилова*, Раскопки второго Катандинского могильника. — СА, вып. XXVII, 1957.
- Кок-Су I — левый приток р. Аргут, Горно-Алтайская авт. обл.
Могильник. Раск. С. С. Сорокина в 1965—1966 гг.
Государственный Эрмитаж.
С. С. Сорокин, Исследование могильника Кок-Су I на Южном Алтае. — „Археологические открытия 1966 г.“, М., 1967, стр. 156, сл.
- Кокзэль — урочище, Тувинская АССР.
Курганный могильник. Раск. С. И. Вайнштейна в 1959—1960 гг.
С. И. Вайнштейн, Памятники казылганской культуры. — ТТувКАЭЭ и вып. I, М. — Л., 1966, стр. 157, сл.
- Куйлуг-Хем I — Тувинская АССР.
Курганный могильник. Раск. А. Д. Грача в 1966 г.
Ленинградское отделение Института Археологии АН СССР.
А. Д. Грач, Исследования на Куйлуг-Хемском плато. — „Археологические открытия 1966 г.“, М., 1967, стр. 131, сл.
- Кумуртук на р. Чулышмане, Горно-Алтайская авт. обл.
Случайная находка
Барнаульский краеведческий музей
С. В. Киселев, Древняя история... стр. 333, сл., табл. XXX, 1—11.
- Курай, Кошагачский аймак, Горно-Алтайская авт. обл.
Курганы. Раск. С. В. Киселева, 1935 г.
ГИМ
К. А. Евтюхова и *С. В. Киселев*, Отчет о работах Саяно-Алтайской экспедиции 1935 г. ТГИМ, XVI. М., 1941, стр. 88, рис. 6—11; *С. В. Киселев*, Древняя история... стр. 328, 352, сл.
- Курота на р. Урсуле, Горно-Алтайская обл.
Курган. Раск. С. В. Киселева 1937 г.
ГИМ
С. В. Киселев, Древняя история... стр. 21
- Майэмирская степь по р. Майэмиру, лев. притоку р. Нарыма в Восточном Казахстане
Курганы. Раск. А. В. Адрианова в 1911 г.
МАЭ
А. В. Адрианов, К археологии Западного Алтая. — ИАК, вып. 62, 1916, стр. 8, сл.; *М. П. Грязное*, Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае. — КСИИМК, вып. XVIII, 1947, стр. 9, сл.; *С. В. Киселев*, Алтай в скифское время (Майэмирская культура). — ВДИ, 1923, № 2, стр. 157—172.
- Мирзашоки под городом Каркаралинском, Карагандинская обл., Казахская ССР.
Случайные находки.
Центральный музей.
А. И. Агеева, Хроника археологических раскопок и находок в Казахстане в 1948—1949 гг. — ИАН КазССР, № 108, 195, табл. II; *М. П. Грязное*, указ. соч. стр. 14—15, рис. 4.
- Нижне-Иволгинское — городище и могильник на р. Селенге в 14 км от города Улан-Удэ, Бурят-Монгольская АССР.
Раск. В. П. Шилова в 1949—1950 гг., А. В. Давыдовой в 1966—1968 гг.
Ленинградский Государственный Университет.
Г. П. Сосновский, Нижне-Иволгинское городище. — ПИДО, 1934, № 7—8, стр. 150—156; *А. П. Окладников*, Работы Бурят-Монгольской археологической экспедиции 1947—1950 гг. — КСИИМК, вып. XLV, 1952, стр. 40; *А. В. Давыдова*, Иволгинское городище. — СА, вып. XXV, 1956, стр. 261—300; *А. V. Davydova*, The Ivolga Gorodische. — „Acta archaeologica“, 20, 1968, S. 209—245.
- Ноин-Ула (Цзун-модэ), горы в Северной Монголии.
Курганы.
Раск. экспедиции П. К. Козлова в 1924 г.
Государственный Эрмитаж.
С. И. Руденко, Культура хуннов и Ноинулинские курганы, М., 1962; *G. Boroffka*, Die Funde der Expedition Koslow in der Mongolei 1924/25 — Arch. Anz., 1926 3/4., S. 343—368; *C. Trever*, Excavations in Northern Mongolia, Leningrad, 1932.
Е. Лубо-Лесниченко, Древние китайские шелковые ткани и вышивки V в. до н. э. — III в. н. э. в собрании Государственного Эрмитажа, Л., 1961.

Нурманбет — на р. Шидерты, Павлодарская обл., Казахская ССР.
Раск. М. К. Кадырбаева 1962 г.
Центральный музей.
„Древние культуры Центрального Казахстана”, стр. 365, сл., рис. 56, 65 (могильник I, курган № 2); *там же*, стр. 339, сл.; рис. 35 (могильник II, курган № 3); *там же*, стр. 343, сл., рис. 37, 3—4; 38, 39, 2 (могильник IV, курган № 1).

Пазырык — урочище в долине р. Большой Улаган, Горно-Алтайская авт. обл.

Курганы.
Раск. С. И. Руденко в 1929, 1947—1949 гг.
Государственный Эрмитаж.
С. И. Руденко, Культура населения Горного Алтая в скифское время, стр. 362, сл. (курган № 1); М. П. Грязное, Первый Пазырыкский курган, Л., 1950; С. И. Руденко, Культура населения Горного Алтая, стр. 365, сл. (курган № 2); С. И. Руденко, Второй Пазырыкский курган, Л., 1948; С. И. Руденко, Культура населения Горного Алтая, стр. 369, сл. (курган № 3); *там же*, стр. 371 (курган № 4); *там же*, стр. 372, сл. (курган № 5); С. И. Руденко, Пятый Пазырыкский курган. — КСИИМК, вып. XXXVIII, 1951.

Ростовка — село, Омский р-н, Омская обл.

Случайные находки. 1965 г.
Могильник. Раск. 1966 г.
В. И. Матющенко, А. С. Чагаева, Л. А. Павленок, Раскопки в Омской и Томской областях. — „Археологические открытия 1966 г.”, М., 1967, стр. 153.

Саглы-Бажи II — Тувинская АССР.

Курганы. Раск. А. Д. Грача в 1960—1962 гг.
Ленинградское отделение Института Археологии АН СССР
А. В. Грач, Могильник Саглы-Бажи II и вопросы археологии Тувы скифского времени. — СА, 1967, № 3, стр. 215, сл.

Самохвал-гора — Красноярский край.

Курган № 1, Раск. А. В. Адрианова 1898 г.
ГИМ.
С. В. Киселев, указ. соч., стр. 232.

Семеновское (Кырчин) — село на северном берегу оз. Иссык-Куль, Киргизская ССР.

Случайные находки 1937 г.
Государственный Эрмитаж.
Б. Зимма, Иссык-кульские жертвенники, Фрунзе, 1941; А. И. Бернштам, Историко-археологические очерки, стр. 40—43, рис. 18—19.

Семиреченский алтарь — см. Алма-Ата.

Солонечный Белок — гора Нарымского хребта близ ст. Алтайская в Восточном Казахстане.
Курган. Раск. А. В. Адрианова 1911 г.
МАЭ.

А. В. Адрианов, К археологии Западного Алтая, стр. 18, сл.

Старая Ниса — городище близ Ашхабада, Туркменская ССР.
Раск. ЮТАКЭ под рук. М. Е. Масона.
Ашхабад.

М. Е. Масон и Г. А. Пугаченкова, Парфянские ритоны. — Труды ЮТАКЭ, т. IV, Ашхабад, 1955; Г. А. Пугаченкова, Грифон в античном и средневековом искусстве Средней Азии. — СА, 1959, № 2, стр. 70, сл.

Тагискен — Кызыл-Ордынская обл., Казахская ССР.

Могильник. Раск. М. А. Итиной 1961 г.
Институт этнографии АН СССР.
С. П. Толстое, Результаты историко-археологических исследований 1961 г. на древних руслуах Сыр-Дарьи. — СА, 1962, № 4, стр. 124—148; С. П. Толстое, По древним руслуах Окса и Якста, М., 1962, стр. 80—86; С. П. Толстое, Т. А. Жданко, М. А. Итина, Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1958—1961 гг. — „Материалы Хорезмской экспедиции”, вып. 6/1, М., 1963, стр. 36—47; С. П. Толстое, М. А. Итина, Саки низовьев Сыр-Дарьи (по материалам Тагискена). — СА, 1966, № 2, стр. 151—175; О. А. Вишневецкая, М. А. Итина, Ранние саки Приаралья. — Проблемы скифской археологии. М., 1971, стр. 197, сл.

Тамды (Памирская I) — в верховьях р. Памир, Горно-Бадахшанская авт. обл., Таджикская ССР.

Курган № 10. Раск. А. Н. Бернштама 1948 г.
Государственный Эрмитаж.
А. И. Бернштам, Историко-археологические очерки, стр. 295, рис. 127—129, цветная вкладка, рис. 7—10; А. И. Бернштам, Саки Памира. — ВДИ, 1956, № 1, стр. 121—134.

Тасмола — на р. Шидерты, близ поселка Экибастузский, Павлодарская обл., Казахская ССР.

Курганы. Раск. М. К. Кадырбаева 1959, 1961 гг.
Центральный музей.
„Древняя культура Центрального Казахстана”, стр. 311, сл., рис. 3—5, 6, 1; 7, 1—2, 5; 8, 1, 5, 7—8, 10—14; 16, 20 (могильник 1, курган № 19); *там же*, стр. 319, сл., рис. 11; 12, 1—2; 13; 14, 1; 15—19, 1—4 (могильник V, курган № 2); *там же*, стр. 324, сл., рис. 19, 6; 20, 3—4; 21—24; 62; 63, 3 (курган № 3); *там же*, стр. 325, сл., рис. 25, 3—4; 63, 4 (курган № 4); *там же*, стр. 328, рис. 26, 1—2, 5, 7; 63, 1—2 (курган № 6).

Тегерман-Су II — Восточный Памир, Горно-Бадахшанская авт. обл., Таджикская ССР.

Курган № 7. Раск. Б. А. Литвинского 1959 г.
Душанбе.
Б. А. Литвинский, Раскопки могильников на Восточном Памире. — „Труды Института истории им. Ахмада Донише”, т. XXXI, 1961, стр. 54, 58—60, рис. 7; Б. А. Литвинский, Археологические открытия на Восточном Памире и проблема связей между Средней Азией, Китаем и Индией. — „Доклады XXV Международного конгресса Востоковедов”, М., 1960, рис. 2,

Тулхарский могильник — в Бишкентской долине, Таджикская ССР.

Раскопки А. М. Мандельштама 1955—1959 гг. Душанбе.

А. М. Мандельштам, Кочевники на пути в Индию. — МИА, № 136, М. — Л., 1966.

Турбат — близ города Ташкента, Узбекская ССР.

Случайные находки, покупка Н. И. Веселовского 1885 г.

Государственный Эрмитаж.

Б. Я. Ставиский, Древнейшие бронзовые изделия Чача в Гос. Эрмитаже. — КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 125-126.

Тургайская страна — Кустанайская обл., Казахская ССР.

Хищнические раскопки 1901 г.

Государственный Эрмитаж.

ОАК, 1901, стр. 143, рис. 256—257; *М. П. Грязное*, Северный Казахстан. ..., стр. 15; *А. М. Tallgren*, Collection Tovostine, Helsingfors, 1917, рис. 73—74 и табл. XI, 26.

Туэкта — село на р. Урсул, Горно-Алтайская авт. обл.

Курганы. Раск. С. В. Киселева 1934, 1937 гг. ГИМ.

С. В. Киселев, Древняя история..., стр. 292, сл. 355, сл. Раск. С. И. Руденко 1954 г.

С. И. Руденко, Культура населения Центрального Алтая, стр. 96. сл. (курган № 1); стр. 106, сл. (курган № 2).

Уйгарак — Кызыл-Ординская обл., Казахская ССР.

Могильник. Раск. О. А. Вишневской 1961 г.

Институт археологии и этнографии АН СССР.

С. П. Толстое, По древним дельтам, стр. 106;

С. П. Толстое, Среднеазиатские скифы в свете новейших археологических открытий. — СЭ, 1963, № 2, стр. 38, рис. 11; *С. П. Толстое*, *Т. А. Жданко*, *М. А. Итина*, Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, стр. 50—52, рис. 22.

О. А. Вишневская, *М. А. Итина*, Ранние саки Приаралья.—Проблемы скифской археологии, М. 1971.

Ферганская обл., Узбекская ССР.

Случайные находки при рытье Большого Ферганского канала в районе села Тюячи в 1939 г.

Музей истории Уз. ССР, Ташкент.

Г. А. Пугаченкова, *Л. И. Ремпель*, История искусств Узбекистана. ..., М., 1965, стр. 30, рис. 14;

Л. М. Рутковская, Бронзовый котел из Ферганы. — „Труды Среднеазиатского государственного университета", вып. XXXI, Ташкент, 1965, стр. 41—42;

Ю. А. Заднепровский, Древнеземледельческая культура Ферганы. — МИА, № 118, М. — Л., 1962, стр. 162—163, табл. XXXIII, 3.

Хумсан — село севернее города Ташкента, Узбекская ССР.

Случайные находки.

Музей истории Узб. ССР, Ташкент.

Г. А. Пугаченкова, *Л. И. Ремпель*, История искусств Узбекистана..., стр. 29, рис. 7.

Черновая — деревня на р. Бухтарма, Западный Алтай, Восточный Казахстан.

Курган. Раск. А. В. Адрианова, 1911 г. МАЭ.

А. В. Адрианов, К археологии Западного Алтая, стр. 30, сл.

Чиликтинская долина — Восточный Казахстан.

Курганы. Раск. С. С. Черникова 1949, 1960 гг. Государственный Эрмитаж.

С. С. Черников, Загадка Золотого кургана, М., 1965; *С. С. Черников*, Золотой курган Чиликтинской долины. — КСИА, вып. 98, 1964, стр. 29 сл.; *С. С. Черников*, Восточноказахстанская экспедиция. — КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 144, рис. 47 (курган № 7).

Шибе — на р. Урсул, Горно-Алтайская авт. обл.

Курганы. Раск. М. П. Грязнова 1927 г.

Государственный Эрмитаж.

М. П. Грязное, Раскопки княжеской могилы на Алтае. — „Человек", 1929 № 2—4, стр. 217—219; *М. П. Грязное*, Древние культуры Алтая. — „Материалы по изучению Сибири", вып. 2, Новосибирск, 1930; *М. P. Grijaznov*, Fürstengräber im Altaigebiet, — „Wiener Prahistorische Zeitschrift", XV, 1928. S. 120—123.

Яконур — Усть-Канский аймак, Горно-Алтайская авт. обл.

Курган. Раск. М. П. Грязнова 1939 г.

Государственный Эрмитаж.

М. П. Грязное, Раскопки на Алтае. — СГЭ, вып. I. 1940, стр. 17; *С. В. Киселев*, Древняя история..., стр. 351, сл., 356, сл.

Список иллюстраций

Стр.	№	
8	1	Вотивная пластинка с изображением мужчины с цветком и копьём в руке. Аму-Дарьинский клад. Лондон, Британский музей
	2	Вотивная пластинка с изображением мужчины в башлыке с закрытой нижней частью лица. Аму-Дарьинский клад. Лондон, Британский музей.
9	3	Саки, подносящие дары. Рельеф на лестнице в ападану в Персеполе.
Ю	4	Маг с прутьями в руке. Вотивная пластинка. Аму-Дарьинский клад. Лондон, Британский музей.
11	5	Рельеф на Бехистунской скале. Последний справа сак Скунха.
16	6	Золотой браслет с грифонами на концах. Аму-Дарьинский клад. Лондон, Музей Виктории и Альберта.
	7	Золотая эгретка. Аму-Дарьинский клад. Лондон, Британский музей.
18	8	Золотой браслет с инкрустациями на концах. Аму-Дарьинский клад. Лондон, Британский музей.
19	9	Бронзовая бляшка — горный козел. Тамды, курган № 10. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
	10	Бронзовая бляшка — протома медведя. Тамды, курган № 10. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
	11	Бронзовая бляшка — медведь. Тамды, курган № 10. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
20	12	Золотые серьги с амфоровидной подвеской. Тулхарский могильник. Душанбе, Институт истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР.
	13	Золотая подвеска в виде птицы. Тулхарский могильник. Душанбе, Институт истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР.
21	14	Железный меч с бронзовой рукояткой с изображением животных. Акбеит. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
	15	а, б, в, г, д, е Бронзовые бляшки из могильника Акбеит. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
22	16	Латунная пряжка с протомами фантастических животных. Тулхарский могильник. Душанбе, Институт истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР.
23	17	Золотая обкладка перекрестия меча с изображением головы барана. Тагискен, курган № 53. Фонды Хорезмской экспедиции. Институт этнографии АН СССР.
	18	Золотая обкладка ножен меча с изображением волков. Тагискен, курган № 53. Фонды Хорезмской экспедиции. Институт этнографии АН СССР.
	19	Золотая бляшка — лежащий козел. Тагискен, курган № 66. Фонды Хорезмской экспедиции. Институт этнографии АН СССР.
	20	Золотая бляшка — лежащий лев с головой в фас. Тагискен, курган № 53. Фонды Хорезмской экспедиции. Институт этнографии АН СССР.
	21	Золотая бляшка — лежащий лев с профильной головой. Тагискен, курган № 53. Фонды Хорезмской экспедиции. Институт этнографии АН СССР.
	22	Золотая бляшка — идущий лев. Тагискен, курган № 31. Фонды Хорезмской экспедиции. Институт этнографии АН СССР.
	23	Бронзовая пряжка из пары лошадиных головок. Тагискен, курган № 55. Фонды Хорезмской экспедиции. Институт этнографии АН СССР.
	24	Бронзовая пряжка — стоящий олень. Уйгарак, курган № 41. ГИМ.
	25	Бронзовая бляшка с выступом в виде лежащего зверя. Тагискен, курган № 45. Фонды Хорезмской экспедиции. Институт этнографии АН СССР.
	26	Бронзовая пряжка из пары бараньих головок. Уйгарак, курган № 66. Фонды Хорезмской экспедиции. Институт этнографии АН СССР.
	27	Бронзовая пряжка с головкой барана. Уйгарак, курган № 66. Фонды Хорезмской экспедиции. Институт этнографии АН СССР.
	28	Бронзовая скульптура козла, стоящего на кольцах. Тасмола, курган № 2. Алма-Ата, Археологический музей АН Казахской ССР.
	29	Бронзовый баран на обушке чекана. Озеро Боровое. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
30 а, б		Золотые бляшки — фигуры лежащего льва. Тасмола, курган № 3. Алма-Ата, Археологический музей АН Казахской ССР.
	31	Бронзовая бляшка — голова лося. Тасмола, курган № 19. Алма-Ата, Археологический музей АН Казахской ССР.
	32	Роговая пронизка с протомой кабана. Нурманбет II, курган № 3. Алма-Ата. Археологический музей АН Казахской ССР.
	33	Золотая пронизка — голова сайги. Тургайская страна. Ленинград, Государственный Эрмитаж,

- 33 34 Бронзовая ажурная бляха со сценой нападения тигра на верблюда. Карамурун И, курган № 1. Алма-Ата, Археологический музей АН Казахской ССР.
- 35 Бронзовая накладка с птицами. Нурманбет I, курган № 2. Алма-Ата, Археологический музей АН Казахской ССР.
- 34 36 а, б Золотые бляшки — фигурки кабана. Чиликты, курган № 5. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 37 Золотая бляшка — свернувшаяся пантера. Чиликты, курган № 5. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 38 Золотая бляшка — голова птицы с отростками. Чиликты, курган № 5. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 35 39 Золотая бляшка — лежащий олень. Чиликты, курган № 5. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 37 40 Золотая бляшка — птица с раскрытыми крыльями. Чиликты, курган № 5. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 41 Золотая бляшка — лежащий козел (штриховой рисунок). Чиликты, курган № 7. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 42 Золотая обкладка в форме рыбы. Чиликты, курган № 5. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 39 43 Семиреченский алтарь. Общий вид. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 44 Семиреченский алтарь. Деталь — крылатый зверь.
- 40 45 Квадратный светильник. Алма-Ата, Центральный музей.
- 46 Четырехугольный светильник. Село Семеновское. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 47 Круглый светильник с фигурками животных по борту. Село Буконь, Восточный Казахстан. Омск, Омский областной Краеведческий музей.
- 48 Светильник со скульптурами человека и лошади. Поселок Иссык. Алма-Ата, Центральный музей.
- 41 49 Бронзовая фигурка крылатого хищника. Алма-Ата, Центральный музей.
- 50 Бронзовая фигурка лежащего яка. Село Семеновское. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 42 51 Светильник с двумя верблюдами посередине и восемью хищниками по борту. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 43 52 Котел с тремя ножками в виде протом архара. Каргалы. Алма-Ата, Центральный музей.
- 53 Бронзовое навершие с фигурой зверя, кормящего детенышей. Хумсан. Ташкент, Музей истории народов Узбекистана.
- 44 54 Золотой браслет с орнаментированными фигурами зверей на концах. Аму-Дарьинский клад. Лондон, Британский музей.
- 45 55 Золотой браслет с фигурой волка на конце. Дуздак. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 45 56 Золотой пластинчатый браслет на шарнирах. Дуздак. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 57 Золотой перстень с фигуркой лежащего верблюда Каргалы. Алма-Ата, Центральный музей.
- 47 58 Золотая диадема(?) с ажурными изображениями Фрагмент. Каргалы. Алма-Ата, Центральный музей.
- 52 59 Деревянная бляшка — профильная голова зверя. Алтай, коллекция Фролова. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 60 Деревянная головка хищника. Алтай, коллекция Фролова. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 61 Деревянная бляха из двух стилизованных головок лося. Алтай, коллекция Фролова. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 53 62 Деревянная пластина с рельефной фигурой лося. Алтай, коллекция Фролова. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 63 Деревянная фигура лошади. Катандинский курган-ГИМ.
- 55 64 Золотые обкладки с изображением свернувшейся пантеры с когтистыми лапами. Майэмир. Ленинград, Музей антропологии и этнографии АН СССР.
- 65 Золотые обкладки с изображением свернувшейся пантеры с лапами, заканчивающимися кружками. Майэмир. Ленинград, Музей антропологии и этнографии АН СССР.
- 66 Бронзовое зеркало с гравированным изображением оленей. Алтай. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 56 67 Саркофаг с резными изображениями животных. Башадар, второй курган. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 68 Фигура лося, вырезанная из кожи. Пазырык, второй курган. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 69 Татуировка по коже погребенного. Пазырык, второй курган. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 57 70 Фигурки грифонов на концах медной гривны. Пазырык, второй курган. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 71 Серебряная поясная бляха. Пазырык, второй курган. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 72 Золотая серьга (штриховой рисунок). Пазырык, второй курган. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 58 73 Реконструкция гривны с грифонами. Пазырык, второй курган.
- 60 74 Конская маска с оленьими рогами. Пазырык, первый курган. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 75 Конская маска с фигурой крылатого грифона. Пазырык, первый курган. Ленинград, Государственный Эрмитаж.

- 78 98 Скульптурная фигура оленя с большими рогами. Пазырык, второй курган. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 99 Бронзовая скульптура птицы с распахнутыми крыльями. Берельский курган. ГИМ.
- 100 Деревянная подвеска — голова барана в фас. Пазырык, первый курган. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 80 101 Кожаная фигурка лося. Пазырык, второй курган. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 102 Силуэтная фигурка петуха. Пазырык, второй курган. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 103 Кожаная фигурка рогатого тигра. Туэкта, первый курган. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 81 104 Бронзовое зеркало со сценой борьбы зверей. Саглы-Бажи, курган № 13. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 105 Роговая пластинка в виде лежащей лошади. Саглы-Бажи, курган № 13. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 105 Роговая пластинка с фигурами двух лошадей. Саглы-Бажи, курган № 8. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 107 Роговая пластинка с фигурами двух баранов. Саглы-Бажи, курган № 8. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 82 108 Золотая бляшка — тигр. Куйлуг-Хем. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 109 Бляшка — пара головок косули. Куйлуг-Хем. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 110 Бляшка с головой косули. Куйлуг-Хем. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 87 111 а, б Ножи и кинжалы карасукских типов. Минусинский краеведческий музей им. Н. М. Мартянова.
- 88 112 Бронзовый нож с фигурками лошадей. Сейминский могильник. Горьковский краеведческий музей.
- 113 Бронзовый нож с фигурками баранов. Турбино. Ранее Пермский краеведческий музей.
- 89 114 Бронзовый нож с фигурками лошади и человека. Деревня Рословка. Музей истории материальной культуры Томского Государственного Университета.
- 91 115 а, б, в, Минусинские бронзовые ножи. Ленинград, Государственный Эрмитаж; Минусинский краеведческий музей им. Н. М. Мартянова.
- 116 Бронзовый нож с шипами. Минусинская степь. Минусинский краеведческий музей им. Н. М. Мартянова.
- 92 117 Бронзовый псалий с головками птицы. Минусинская степь. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 118 Бронзовый чекан с козлом на втулке. Минусинская степь. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 93 119 Бронзовый кинжал с бабочковидным перекрестием. Минусинская степь. Ленинград, Государственный Эрмитаж.

- 95 120 Бронзовая конусовидная бляха с изображением волка. Минусинская степь. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 121 Бронзовая бляха с изображением барана. Минусинская степь. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 122 Бронзовая бляха с изображением двух конских головок. Минусинская степь. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 123 Бронзовая пряжка с изображением двух животных. Минусинская степь. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 96 124 Бронзовый налобник с головкой птицы. Минусинская степь. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 125 Бронзовая пронизка с головкой козла. Минусинская степь. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 126 Бронзовое зеркало с зооморфной ручкой. Минусинская степь. Ленинград, Музей антропологии и этнографии АН СССР.
- 127 Колоколовидное навершие с фигурой козла. Минусинская степь. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 128 Козел на колоколовидном навершии. Минусинская степь. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 99 129 Козел на колоколовидном навершии. Минусинская степь. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 130 Фигура оленя на колоколовидном навершии. Минусинская степь. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 100 131 Кабан на ручке бронзового кинжала. Минусинская степь. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 132 Кинжал со зверем на верху ручки и головками животных на перекрестье. Минусинская степь. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 101 133 Двойная протома кабана на конце ножа. Минусинская степь. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 134 Двойная протома кабана на втулке секиры. Минусинская степь. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 103 135 Бронзовая бляха со свернувшимся зверем. Сыр-Дарья. Уйгарак, курган № 33. ГИМ.
- 136 Бронзовая бляха — свернувшийся зверь. Минусинская степь. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 137 Хищник — гравировка на кельте. Минусинская степь. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 138 Фигурка тигра на рукоятке ножа с рельефным изображением оленей. Минусинская степь. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 104 139 Бронзовая бляшка — лежащий олень. Минусинская степь. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 104 140 Бронзовая бляшка — лежащий олень со сливающимися в прямую полоску ногами. Минусинская степь. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 105 141 Бронзовая бляшка — лежащий олень. Минусинская степь. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 142 Бронзовая фигурка стоящего оленя. Минусинская степь. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 107 143 Бронзовая бляшка — козел. Минусинская степь. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 144 Бронзовая бляшка — лошадь. Минусинская степь. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 145 Парные кабаньи головки с общим ухом на рукоятке кинжала. Минусинская степь. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 108 146 Фигурка козла в кольце на конце ножа. Минусинская степь. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 147 Бронзовая статуэтка — баран с тяжелыми рогами. Минусинская степь. Ленинград, Музей антропологии и этнографии АН СССР.
- 148 Бронзовая бляха — лежащий волк. Минусинская степь. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 109 149 Бронзовая бляха — тигр с головой барана в пасть. Минусинская степь. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 150 Бронзовая бляха с пламевидным выступом. Минусинская степь. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 151 Бронзовая бляха с пламевидным выступом. Минусинская степь. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 111 152 Бронзовая застежка со сценой схватки двух лошадей. Минусинская степь. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 153 Бронзовая застежка с двумя быками. Минусинская степь. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 112 154 Олений камень. Село Иволгинское. Иркутск, Иркутский областной краеведческий музей.
- Но 155 Голова козла в полуовале. Минусинская степь. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 156 Бронзовая бляха с горельефной головкой медведя. Иволгинский могильник. ЛГУ.
- 157 Застежка с орнаментом из ломаных линий. Минусинская степь. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 114 158 Серебряная пластинка с изображением яка Ноин-Ула. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 159 Серебряная пластинка с изображением оленя Ноин-Ула. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 115 160 Серебряная пластинка с изображением яка между деревьями. Ноин-Ула. Ленинград, Государственный Эрмитаж.

- 6 161 Бронзовая фигурка лани на навершии. Ордос. Вена, Музей искусства и индустрии.
- 162 Бронзовое навершие с фигуркой козла. Ордос. Вена, Музей искусства и индустрии.
- 7 163 Бронзовое навершие с фигуркой оленя. Ордос. Вена, Музей искусства и индустрии.
- 164 Бронзовая бляшка—свернувшийся зверь. Ордос. Вена, Музей искусства и индустрии.
- 8 165 Бронзовые кинжалы с фигурой животных на рукоятке. Ордос. Стокгольм, Музей дальневосточных древностей.
- 166 Статуэтка барана на пластинке. Ордос. Лондон, Британский музей.
- 9 167 Бронзовая бляшка—лежащий олень. Ордос. Стокгольм, Музей дальневосточных древностей.
- 168 Бронзовая бляшка—лежащий олень. Ордос. Вена, Музей искусства и индустрии.
- 10 169 Бронзовая бляшка с изображением лани с изогнутым вокруг головы телом. Ордос. Вена, Музей искусства и индустрии.
- 170 Бронзовая бляха в виде тигра. Ордос. Бывшая коллекция Лоо.
- 171 Бронзовая бляха—голова тигра в фас. Ордос. Бывшая коллекция Лоо.
- 21 172 а, б Бронзовые бляшки—головы птиц. Ордос. Бывшая коллекция Лоо.
- 26 173 Свернувшийся зверь на золотом набалдашнике меча. Зивие. Тегеран, Археологический музей.
- 27 174 Золотая застежка—свернувшаяся пантера. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 29 175 Золотая застежка—схватка тигра, волка и грифа из-за добычи. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 10 176 Золотая застежка со сценой нападения грифа на яка. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 177 Резное изображение тигра на саркофаге. Деталь. Башадар, второй курган. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 31 178 Золотая застежка с изображением борьбы тигра с фантастическим зверем. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 179 Золотая застежка со сценой нападения тигра на верблюда. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 33 180 Золотая застежка со сценой терзания лошади львиным грифоном. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 34 181 Золотая круглая бляха с изображением грифона. Аму-Дарьинский клад. Лондон, Британский музей.
- 36 182 Золотая застежка со сценой нападения тигра на лошадь. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 183 Золотая застежка со сценой борьбы волка со змеей. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 36—137 184—185 Пара золотых застежек со сценой охоты в лесу. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 138 186 Золотая четырехугольная застежка со сценой схватки волка со змеей. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 187 Золотая застежка со сценой борьбы волка со змеей. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 139 188 Золотая застежка со сценой борьбы двух фантастических зверей с тигром. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 140- -141 189—190 Пара золотых застежек со сценой отдыха в пути. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 142 191 Бронзовая застежка со сценой единоборства богатырей. Ордос. Лондон, Британский музей.
- 144- -145 192а, б, в, г. Золотая оковка со сценой возвращения воинов из набега. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 147 193 Золотая застежка со сценой нападения тигра на фантастическое животное. Верхнеудинск. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 194 Золотая застежка—волк с древовидными рогами. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 148 195 Бронзовая застежка со сценой нападения волка на фантастическое животное. Лондон, Британский музей.
- 149 196 Деревянная пластинка—нападение тигра на оленя. Катандинский курган. ГИМ.
- 150 197 Бронзовая застежка со сценой нападения тигра на козла. Ордос. Пекин.
- 198 Бронзовая застежка со сценой нападения грифа на козла. Ордос. Стокгольм, Музей дальневосточных древностей.
- 199 Бронзовая застежка—тигр с перекинутым за спину бараном. Ордос. Стокгольм, Музей дальневосточных древностей.
- 151 200 Бронзовая застежка—тигр с загрызенным животным в пасти. Ордос. Бывшая коллекция Лоо.
- 201 Бронзовая В-образная застежка с веревочным орнаментом рамы. Ордос. Бывшая коллекция Лоо.
- 152 202 Бронзовая четырехугольная застежка с орнаментализированными звериными изображениями. Ордос. Вена, Музей искусства и индустрии.
- 153 203 Схватка фантастического волка с яком. Апликация на ковре. Ноин-Ула. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 204 Нападение грифа на лося. Апликация на ковре. Ноин-Ула. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 154 205 Бронзовая застежка с изображением схватки лошадей и протянутыми над ними ветвями. Ордос. Вена, Музей искусства и индустрии.
- 155 206 Золотая четырехугольная поясная бляшка. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.

- 156 207 Бронзовая застежка с двумя верблюдами по сторонам дерева. Ордос. Бывшая коллекция Лоо.
- 157 208 Золотая четырехугольная застежка с изображением фантастических животных по сторонам стилизованного дерева. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 158 209 Бронзовая застежка с фигурами трех козлов среди деревьев. Ордос. Вашингтон. Собрание В. М. Мейера
- 210 Бронзовая застежка с двумя козлами и деревьями. Ордос. Вашингтон. Собрание В. М. Мейера
- 159 211 Бронзовая застежка с двумя козлами и листвой. Ордос. Вена, Музей искусства и индустрии.
- 160 212 Бронзовая застежка с двумя быками. Ордос. Вена, Музей искусства и индустрии.
- 161 213 Бронзовая застежка со сценой нападения тигров на дракона. Иволгинское городище. ЛГУ.
- 162 214 Бронзовая застежка с геометрическим орнаментом змейками. Иволгинское городище. ЛГУ.
- 215 Бронзовая застежка с геометрическим орнаментом ломаными линиями. Ордос. Бывшая коллекция Лоо.
- 164 216 Бронзовая застежка в виде лягушки, окруженной змеями. Ордос. Бывшая коллекция Лоо.
- 165 217 Золотая пряжка с изображением головок птиц и ежа. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 170 218 Золотая гривна с фигурками львов на концах. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 219 Золотая гривна с фигурками зверей на чешуйчатых наконечниках. Деталь. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 220 Золотая гривна с фигурками лежащих зверей на концах. Деталь. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 172 221 Золотая гривна с грифонами на концах. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 173 222 Золотая гривна из трех колец, соединенных ромбами и кружками. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 174 223 Золотая гривна с орнаментированными львами на концах. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 224 Золотая гривна из двух колец с фигурами зверей между ними. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 176 225 Многоколенная золотая гривна на шарнирах. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 226 Золотая гривна спиральная на шарнирах со звериными головками на концах. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 177 227 Золотая гривна с фигурками баранов. Фрагмент. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 228 Золотая гривна на шарнирах из двух колец с полукольцом, с львиными головками на концах. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 178 229 Парфянская монета с изображением царя с многовитковой гривной на шее.
- 230 Шестивитковая золотая гривна с головками животных на концах. Буерова могила. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 179 231 Золотая гривна с головками лани на концах. Деталь. Анапа, курган. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 180 232 Золотой пластинчатый браслет со сценой борьбы тигра со змеей. Пакистан, Пешавар, Музей.
- 181 233 Золотой браслет с изображением оленя в пасти хищника и второго хищника позади первого. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 234 а, б Золотой браслет пластинчатый. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 182 235 Деталь гривны № 238
- 236 Гривна со схематизированной головкой зверя на конце. Деталь. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 237 Золотой спиральный браслет с изображением головы оленя в пасти хищника. Деталь. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 183 238 Проволочная гривна с фигурками львов на концах. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 184 239 Золотой браслет с головой льва, заглывающего оленя. Карлсруэ, Музей.
- 185 240 Золотая проволочная гривна с головками львов на концах. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 191 241 Золотая бляха — гриф с козлом в когтях. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 192 242 Фрагменты кожного изображения птицы с козлом в когтях. Пазырык, второй курган. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 243 Золотая круглая бляха со сценой нападения хищника на лося. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 244 Золотая четырехугольная бляшка со стоящим в фас зверем с профильной головой. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 193 245 Золотая бляха в виде кольца с утками по краям. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 194 246 Золотое кольцо с лунницей. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.

- 194 247 Золотое кольцо с подвеской в виде треугольника. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 248 Золотая серьга со стерженьками и бусинами. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 249 Золотая серьга с шариками. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 250 Золотая серьга с бусиной из зерни. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 251 Золотая лунница. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 196 252 Золотая фигурка ежа. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 197 253 Золотая подвеска — сосудик. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 254 Золотая подвеска — сосудик. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 255 Золотая подвеска — сосудик. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 256 Золотая подвеска — сосудик. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 198 257 Золотая подвеска — конус. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 258 Золотая печатка с фигурой яка. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 259 Золотой перстень с вихревой розеткой. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 260 Золотой перстень с крестообразной фигурой. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 200 261 Золотая фигурка лани с повернутой назад головой. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 262 Золотая статуэтка — бегущий олень. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 201 263 Золотая фигурка оленя с напаянными рогами. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 264 Золотая фигурка лани с торчащими рогами. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 202 265 Золотая фигурка всадника на лошади. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 266 Золотая статуэтка — бегущий кабан. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 203 267 Золотая статуэтка орла. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 268 Золотая статуэтка грифона. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 204 269 Золотая бляха с ониксом. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 205 270 Золотая статуэтка орла с лебедем в когтях. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 206 271 Золотая статуэтка лани. Аму-Дарьинский клад. Лондон, Британский музей.
- 272 Золотая статуэтка барана. Аму-Дарьинский клад. Лондон, Британский музей.
- 208 273 Золотой фалар с инкрустациями. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 209 274 Золотое дерево с фигурными листьями. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 275 Золотое дерево на горизонтальной подставке. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 276 Золотое дерево с фигурными листьями. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 210 277 Золотая бляха с изображением свернувшейся лошади. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 278 Золотая бляха с фигурой свернувшегося волка. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 279 Золотая бляха с вертикально поставленными волчьими головами. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 280 Золотая бляха с изображением лежащего волка. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 212 281 Золотая головка лошади. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 213 282 Золотая подвеска — хищник, терзающий козла. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 283 Золотая подвеска в виде лежащей лошади. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 284 Золотая подвеска — бегущая собака. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 214 285 Золотая головка животного с открытой пастью. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 286 Золотая горельефная бляха — нападение барса на козла. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 287 Золотая бляха с горельефными птичьими головками. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 215 288 Золотая чаша с каннелюрами. Сибирская коллекция. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 220 289 Золотое налучье с фигурами козлов и оленей. Фрагмент. Зивие. Тегеран, Археологический музей.
- 290 Идущая пантера на золотой ленте. Фрагмент. Зивие. Тегеран, Археологический музей.
- 222 291 Нападение льва на быка. Рельеф из Персеполя.

- 223 292 Тигр, напавший на лося. Пазырык, первый курган. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 293 Нападение львиного грифона на козла. Аппликация. Пазырык, первый курган. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 224 294 Налобник в виде головы грифона с парой гусей в клюве. Пазырык, второй курган. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 225 295 Деревянное украшение упряжи — два грифона с общей головой. Туэкта, первый курган. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 296 Роговая накладка с лосиными головками. Пазырык, третий курган. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 226 297 Гриф, терзающий лося. Аппликация (рисунок). Пазырык, первый курган. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 227 298 Орлиный грифон, терзающий козла. Аппликация. Пазырык, третий курган. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 228 299 Быки и лани на балдахине Артаксеркса. Рельеф. Персеполь.
- 229 300 Аппликация в виде пары петухов. Пазырык, третий курган. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 301 Уздечная подвеска — голова барана в пасти хищника. Пазырык, первый курган. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 302 Деревянная уздечная подвеска — пара оленей. Пазырык, первый курган. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 230 303 Деревянная подвеска — головка грифона. Пазырык, первый курган. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 304 Деревянная подвеска — голова грифона в фас. Пазырык, первый курган. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 305 Орнамент — лотос и пальметка. Пазырык, первый курган. Ленинград, Государственный Эрмитаж.
- 231 306 Орнамент — войлочный чепрак. Пазырык, первый курган. Ленинград, Государственный Эрмитаж.

Summary

The Iranian Speaking Population of Soviet Central Asia and South Siberia in the 1st Millennium B.C.

In the 1st millennium B.C. Iranian-speaking peoples inhabited all of Soviet Central Asia and a large part of South Siberia. Their culture, known as Andronovo culture, spread over that vast area. It reached the Minusinsk lowland in the east, merging in the west with the kindred timbered-grave culture of the south of Eastern Europe; its southern border in Central Asia was the Kopet-Dagh, and in the north it was bounded by the taiga forest belt.

According to Greek and Persian sources, the nomadic and semi-nomadic population of Soviet Central Asia went under the name of Saka. The Persians distinguished Haumavarka Saka (probably identical with the Amyrgeian Saka of Herodotus) who lived in the south of the territory; Saka Tigrakhauda — "beyond Sogd", in the east of Soviet Central Asia; and Saka Taradaraya (living "beyond the sea or river") in the steppes stretching north-east of the Jaxartes (Syr Darya River). The north-western part of Central Asia along the Aral Sea was inhabited by tribes which Herodotus called Massagetae; their neighbours further north-west, around the Southern Urals, were the Issedonae. Chinese sources mention the Saka as the Yüeh-chih of North-Western China and Western Mongolia.

The Persian conquest of Central Asia began under Cyrus II, but it was only in the reign of Darius I (in 519 B.C.) that part of the Taradaraya tribes were finally subjugated. When Alexander the Great destroyed the Persian Empire, Persian possessions in Central Asia were taken over by the Greeks. Later the southern lands became part of the Graeco-Bactrian Kingdom which formed around 250 B.C. The Yüeh-chih, pressed by the Huns, migrated westward. In 128 B.C. they conquered the Graeco-Bactrian Kingdom to set up several independent lands on its territory, which ultimately were joined to the Kushan Empire. In the south-west of Central Asia the Parthian Kingdom arose in the 3rd century B.C., and it brought under its sway Iran and Mesopotamia.

II *Works of Saka Art from Soviet Central Asia and West Siberia*

So far but a few archeological relics of the Saka have come to light on the territory of Soviet Central Asia. Of paramount importance among these is the treasure of the Oxus — a hoard of gold objects discovered by chance in Tajikistan, on the right bank of the Amu Darya (Oxus) near the Afghan border. This was most probably a temple treasure buried in the ground at the approach of Alexander's forces in 329 B.C. It comprises votive plaques depicting Persians, Saka and also animal figures; sculptured figurines and heads; armlets, rings and other temple offerings which represent Iranian art in the 6th-4th centuries B.C.

Of special interest are the objects with coloured inlay, e.g. the armlet terminating in gryphons, the aigrette and other objects where stylized, geometricised forms of inlay are used in place of relief.

The present review of Saka works of art opens with an analysis of finds from the upper reaches of the Amu Darya in the Pamirs. From one of the burial mounds came bronze plaques in the shape of a bear and the protome of a bear (6th century B.C.); from another mound, dated later (5th or 4th century), came a sword hilt with a goat figure and goats' heads. Jewellery with turquoise inlay from the Tulkhar burial ground, south-western Tajikistan, is dated in the end of the 1st millennium B.C.

Two burial grounds, Tagisken and Uigorak, were excavated in the Aral Sea area, in the old delta of the Syr Darya. Found in the former (earlier) burial were parts of a gold sword casing with the head of a mountain ram and two recumbent wolf figures. Among the finds were a gold plaque in the shape of a recumbent goat, gold plaques in the shape of walking and recumbent lions and bronze buckles made up of pairs of horses' heads. A similar buckle from the Uigorak burial site is shaped as a deer in side-view. Other annular buckles from Uigorak are decorated with ornamental designs and have projection in the shape of a stylized ram's head or a scroll. The animal-style objects from Tagisker were made not earlier than the 6th century B.C.; those from Uigorak can be dated in the 5th-4th centuries B.C.

A boulder-and-earth burial mound in Central Kazakhstan yielded two goat figures cast in solid bronze, dated in the 6th century B.C. (Mound 2, Tasmoly V burial). Hollow-cast goat figures decorate two handles from Murzashoka near Karakalinsk. A remarkable figurine of a ram occurs on an embossed bronze battle pick from Borovoye Lake area. In addition to a bone clasp shaped as a gryphon's head (engraved on it is a deer surrounded by heads of other animals), Mound 3 at Tasmoly yielded gold plaques in the shape of a lion in side-view. Similar gold plaques were discovered in two other mounds of the same site. These images closely resemble the plaques from Tagisken and are dated in the end of the 6th century B.C.

Found in the Tasmoly I burial was a bronze plaque in the shape of an elk's head; from a mound at Nurmanbet came the figured portions of a bridle (the protome of a wild boar carved from the horn of the Siberian stag). There is a full figure of a wild boar or a bronze plaque discovered near Karakalinsk together with the above-mentioned goat-shaped handles. There are many other finds from Central Kazakhstan with representations of animals, e. g. two bronze plaques made up of two goats' heads (the mound near Lake Kairankul), the gold portion of a harness in the shape of the head of the saiga antelope (from the Turgai steppe), which is remarkably like the antelope figure from the Witsen Collection of Siberian relics. This collection, which has not come down to us, was amassed in the early 18th century, at the same time as the collection of Peter I. Another remarkable find is a cast bronze clasp with a crude representation of a beast of prey attacking a camel, which resembles somewhat the clasps with animals in conflict from the collection of Peter I. This clasp, found in a mound at Karamurun II burial ground, resembles in style the open-work bronze plate with birds from Mound 2 at Nurmanbet I. Both are dated in the end of the 1st millennium B.C.

The most striking finds in eastern Kazakhstan are those from the burial ground in the Chilikta valley, the northern foothills of the Tarbagatai Range. The mounds have wooden burial chambers. Mound 5 yielded gold plaques in the shape of a recumbent deer, a coiled beast of prey, the head of a bird of prey, a bird with open wings, wild boar figures punched in outline, and a fish-shaped gold casing. Found in Mound 7 was a gold plaque (a recumbent goat), plaques with birds' heads resembling those from Mound 5, and a fish figurine punched in outline. S. S. Chernikov dates the former mound in the 7th century B.C., and the latter in the middle of the 5th century B.C. Analogous finds from the Northern Black Sea area lead us to date Mound 5 in the early 6th century, and Mound 7 in the second half of that century.

Several sets of cultic objects were discovered in Alma-Ata Region, Eastern Kazakhstan and in Kirghizia around Lake Issyk-Kul. These include so-called altars — miniature bronze tables with legs, and lamps — trays on higher or lower supports. Placed along the edges of both are figurines of animals, sometimes locked in combat. The lamps carry figures of animals or people and have a tube for the wick in the middle of the tray. Special mention should be made of the Semirechye altar found near Alma-Ata, a lamp with a square tray from the same area, two altars and a pair of lamps from the village of Semenovskoye on the northern shore of Issyk-Kul, and a hoard found near the settle-

ment of Issyk, Alma-Ata Region (three bronze and one iron cauldrons and an iron altar). There are other finds of a similar nature. Two cauldrons from around Alma-Ata stand out because one is decorated with the protomes of winged goats and the other has legs in the shape of the head and shoulders of a mountain ram. These objects, connected with Zoroastrianism, are dated in the second half of the 1st millennium B.C.; they do not lend themselves to a more accurate dating. Stylistically, they resemble the bronze handle from the settlement of Khumsan (north of Tashkent) — a cylinder surrounded by figures of dancing nude women.

Two gold armlets were discovered in Duzdak (the Kara-Kum Desert). One armlet (of which only fragments are preserved) is of wire and bears a stylized figure of an imaginary creature with a horn of birds' heads. The other (fully preserved) consists of two open-work plates held together with joint-pins; the figures of horses with inlay carry on the tradition of the Oxus treasure, but the armlet is dated considerably later. Of a still later date are the objects from the burial discovered in a rock crevice in Kargalinsk gorge, Alma-Ata Region. The figures with inlay on the long gold band (diadem) display motives of Chinese origin dating from the beginning of the new era.

Two parallel trends developed in Central Asian art: one clung to the traditions of antiquity in the realistic interpretation of the images, the other was marked by schematic tendencies of the Siberian animal style. The former trend is graphically represented by finds from Old Nissa, the Parthian capital (near Ashkhabad), whereas the latter is most clearly manifested in the Duzdak armlets.

III

Altaian Mounds

In Maiemirskaya steppe, in the south of the Western Altai, bronze portions of a bridle were found back in 1911, together with gold plaques bearing stamped images of a coiled beast of prey. These are considered the oldest specimens of Siberian animal art. Another Altaian find is the bronze mirror with engraved figures of standing deer in side-view, also dated in a very early period. Figures of animals carved in wood were discovered in the Altai even in the late 18th and early 19th centuries. In 1865 V. V. Radlov dug up two of the Altaian burial mounds which contained finely preserved articles of wood and fur. But large-scale excavations of the mounds were undertaken only in the Soviet years, and they produced unique sets of articles in wood, felt, leather, textiles and other organic materials which ordinarily do not survive in graves.

That these materials were preserved in the Altaian graves is explained by the fact that the graves froze over soon after they had been constructed. The mounds, lying 1000 metres above sea level, were topped with boulders which served to condense the cold. In the course of the long rigorous winter the boulders froze so deeply that they did not thaw off during the summer. As a result, permafrost pockets formed under the boulders, encompassing the graves and their wooden burial chambers, the bodies of the deceased with the accompanying objects, as well as the bodies of horses (five to twenty-two in each burial) and the horse-trappings which were placed outside the chamber under cover of the same mound. The graves had been rifled before they were dug up; only those objects which were of no value to the plunderers, remained. The burials of horses, which were inaccessible to the plunderers, remained intact. The finds therefore consist largely of horse-trappings.

Very few metal objects were found in the Altaian mounds because the plunderers were after these very objects. There is a pair of gold earrings, parts of a tubular copper collar (necklet) terminating in gryphon figures in wood and horn covered with gold, several silver and bronze plaques and two mirrors (a bronze one and a silver one with a handle of horn).

Mound 5 at Pazyryk contained two carpets buried together with the horses: a wool carpet of Iranian origin and a local felt carpet. The latter has a recurring pattern: a seated goddess and a mounted warrior in a wide cape. The remains of another felt carpet present a combat

between an imaginary (half-animal, half-human) creature and a bird. Depicted on some of the wooden pendants of the horse-trappings from Mound I at Pazyryk are human masks, whereas the leather pendants from the same mound represent people's heads with animal ears and horns. Mound 5 also yielded fragments of Iranian textiles showing, in one case, a cultic scene and in another, a lion frieze. Found in Mound 3 were embroidered Chinese silks.

Of special interest among the numerous harness ornaments are the horses' head-dresses. These are made of different materials and depict one animal attacking other animals. The same subject occurs in the metal ornaments for bridles from the Northern Black Sea area. The ornaments for horse-trappings in horn, wood and leather represent elks, deer, rams, goats, tigers, different birds and imaginary creatures. These are depicted both as complete figures and as heads, and are often combined with one another in decorative compositions which flow into plant or geometric motives. Most widespread are sculptures and reliefs, but there are also flat figures, especially appliqués in felt and leather (on the saddle-cloths the appliqués mostly show one animal slaying another). Polychromic compositions are a characteristic feature of Altaian art: different materials and differently-coloured felt and leather are combined, gold and tin leaves and other means are employed. All the burials excavated in the Altai were constructed during a period of some 200 years and generally belong to the 5th and 4th centuries B.C.

Mounds resembling those of the Altai have been discovered in the Sayan Mts. Found in them were bronze, bone and horn objects with animal figures.

IV

Minusinsk and Ordos Bronzes

The end of the bronze epoch in the Minusinsk lowland is represented by the Karasuk culture whose appearance is linked with the penetration of a new ethno-cultural element (most probably of Central Asian origin) into the local Andronovo culture milieu. The descendants of those newcomers are the Kets speaking a Tibeto-Burman language. Simultaneously with the spread of the Karasuk culture of Minusinsk Territory, new forms of metalware appeared in West Siberia and the Volga and Kama area — forms that were identical with those of the Karasuk culture, specifically bronze knives with sculptures on their handles, discovered in the Seimino burial ground on the Volga, the Turbino burial ground on the Kama, and recently in Rostovka village near Omsk. Karasuk art as such did not know these images: the handles of the knives were decorated with sculptured heads of animals. It may be assumed, however, that the Karasuk culture and the Karasuk-type knives with sculptures on the handles have a common origin.

The Karasuk culture traditions are traceable in the Tagarskaya culture which superseded it. The Tagarskaya culture abounds in forms similar to those found in the objects of the Saka period from the Altai and East Kazakhstan, which are devoid of any carry-overs of the pictorial art of the preceding period. The specific features of the Tagarskaya culture are largely due to the steady prevalence of bronze over iron. Bronze was used to make weapons, household articles, tools and ornaments, many of which were decorated with animal figures. In the early stage, sculpture in the round prevailed, but later it was superseded by work in relief which grew increasingly lower. Among the early objects are bell-shaped handles topped with goat figures or, less frequently, with deer figures. The handles of knives and daggers and the plugs of axes and other tools were decorated with smaller sculptures. The subjects of reliefs were mostly birds' heads and coiled beasts of prey.

Nearly all the images from the Tagarskaya sites have obvious analogies in West Siberia and the Northern Black Sea area. Still, certain motives characteristic of Scytho-Sarmatian art appeared in the Minusinsk lowland at a considerably later date. Thus, the habitual early-Scythian motive of a recumbent deer is absent from both Karasuk and early Tagarskaya art; it spread in the latter not before the 5th century B.C. and acquired typically Minusinsk features. A number of other motives and details found their way into Tagar-

skaya art not before that time — moreover, showing traces of Altaian or East Kazakhstan origin. Ornamental motives that almost completely lost their representational elements—mostly stylised birds' heads—also became widespread.

These novel subjects and forms remarkable for their dynamic quality and realism (despite obvious stylization), far from ousting early Minusinsk art, existed parallel with it. They began to occur in typically Minusinsk objects. The local craftsmen thus assimilated these subjects while continuing to work in the traditional Minusinsk style.

Found in the Minusinsk lowland were several bronze clasps resembling the gold clasps from the Siberian collection of Peter I. On some of them we see animals in conflict, on others symmetrically arranged animals in repose.

Having sprung from Karasuk roots in the 7th century B.C., the Tagarskaya culture persisted till the end of the 1st millennium B.C., being gradually transformed into the Tashtyk culture which clearly incorporates Hunnic-Chinese elements; at that time Mongolian features appeared also in the physical type of the population.

The Minusinsk lowland was an outlying province of Scytho-Siberian art, but it was not the boundary of the latter, which reached as far as North China. Beyond Lake Baikal the forms of that art are traceable in the graves with boxes of stones and the "deer stones" associated with the latter, which are also found in Tuva and North-Western Mongolia. Among the Trans-Baikal finds mention should be made of the unique clasp from Verkhneudinsk (Ulan-Ude), as well as the later-period objects from the Ivolginskaya town-site and the burials belonging to the same Hunnic culture. These include several bronze clasps resembling those of Minusinsk and several objects of Chinese origin. The Noin Ula mounds of Mongolia, which belong to the same culture and are close to it in time, yielded, along with motives carrying on the Scytho-Siberian tradition, also some objects testifying to the emergence of an independent Hunnic art (oval and figured silver plaques with yaks, deer and trees).

Many of the bronze objects with animal figures from the Ordos—a Chinese province in the great bend of the Hwang-Ho—reveal a close affinity with the works of Scytho-Siberian art, especially those from the Minusinsk lowland. These include objects dating from both the Karasuk and Tagarskaya periods. The appearance of such works in North China is connected with the penetration of the Yüeh-chih, the Central Asian unit of the Saka. The Yüeh-chih, who were later driven westward by the Huns, had managed to leave a distinct mark on Hunnic culture and even on the art of China. In later-period Hunnic art the motives and forms of Scytho-Siberian origin are combined with similar motives treated in the Chinese manner.

V

Siberian Gold Objects. Belt Clasps

In the early 18th century the ancient burial mounds of West Siberia were rapaciously dug up with the only purpose of getting at the gold objects. Some of the gold articles thus obtained were collected on the orders of Peter I for his museum; thence they were subsequently transferred to the Hermitage Museum. This collection, known as Peter's Siberian collection and numbering over 250 exhibits, had not been fully published until recently; most of the objects were not scientifically dated owing to the lack of definite chronological analogies. Only after the Altaian mounds had been excavated it became possible to distinguish the objects of the Siberian collection dated in the same period from those of a later period.

Among the earliest specimens of the collection is a massive plaque in the shape of a coiled beast of prey, corresponding to the earliest works of Scythian art from the Northern Black Sea area. The plaque is accordingly dated in the 6th century B.C. There are 14 pairs of open-work clasps and one half of a clasp (the other half was in the Witsen collection). Most of the clasps have one or two semicircular projections on the lateral side and, accordingly, have a P or B-shape. Others are rectangular, still others are figured. Typologically the P and B-shaped clasps are older than the rectangular ones, though

both types coexisted for a certain period of time. The two earliest clasps of the first group depict animals locked in combat—a gryphon and a horse, a griffin and a yak. In general composition and details they resemble the figures of the Altaian burial mounds. Other clasps of the same shape are indicative of artistic decay and deformation, which points to a more or less lengthy process of copying the originals. The copies were made with the help of a model taken from the original or, more often, they were obtained by pouring wax over its impression.

The first group of clasps includes two pairs showing, respectively, people resting in the shade of a tree and a dramatic hunting scene in the woods. They stand out not only because the composition includes human figures but also because they show the landscape connected with the scene. The second pair of clasps, moreover, has abundant inlay. In a number of features both pairs of clasps approximate the representation of the seated goddess and the mounted warrior on the felt carpet from Mound 5 at Pazyryk. Genre scenes with a landscape occur on bronze clasps from North China. One of them, discovered in Funghsi in a burial dated in the last quarter of the 3rd century B.C., enables us (taking into account the above-mentioned correspondence) to date the appearance of clasps with such compositions in the 4th century B.C. The scenes depicted are episodes from heroic legends and romantic tales popular in the Iranian world; according to Charitus of Mytilene (4th century B.C.), such scenes were to be found in temples and houses. The compositions on the clasps are reproductions of such scenes.

The bronze clasps from the Minusinsk lowland, the Trans-Baikal area and North China are copies of originals in gold, although only one gold clasp was actually found in this territory (in the Trans-Baikal area). That bronze clasps are traceable to gold ones, is borne out by the cavities for inlay, common in gold objects but not in bronze ones. The large number of bronze clasps available enables us to watch the transition from F and B-shapes to a rectangular shape without a setting, and finally with a setting. The gradual change of the clasps' shape corresponds to the stylistic evolution of their images and of Scytho-Siberian art as a whole. This process can be ascertained also by comparing the scenes with animals in conflict on the appliqué patterns from the Altaian mounds and similar scenes on the carpet from Noin Ula. The trees depicted on the clasps with animal figures were stylized and gradually changed into antlers; on rectangular clasps they were shifted to the sides, changing into the plant design of the setting. The images became ornamental and schematic. Clasps with a geometric design appeared.

VI *Siberian Gold Objects. Collars and Armlets*

Collars (necklets) and armlets figure prominently among the gold objects of Peter's Siberian collection. Some of them are made of wire, others are tubular. They are either annular (with unclosed or overlapping ends) or spiral, made of several coils. The tubular collars usually have several hoops soldered together and terminating in a semi-hoop. Because the tubes are hard, special devices were needed for putting them around the neck or arm. They consist of two detachable parts, held together either with a plug or a joint-pin.

The earliest tubular collar in the shape of a hoop with overlapping ends (terminating in lion-gryphons with inlay) consists of two parts held together in the middle with tiny nails, and at the back with a plug. It is a piece of Iranian jewellery of the 5th century B.C. Another collar of the same type, terminating in flattened lion figures, is most probably also of Iranian origin and dates from the same period. A characteristic feature of other detachable tubular collars is that their back part was fixed to the front part with two plugs instead of one. These are penannular collars; instead of overlapping ends they terminate in semi-hoops with animal figures. In addition to the collars made up of a hoop plus semi-hoop, the Siberian collection includes collars made of two hoops plus a semi-hoop, with plugs to hold together the detachable parts. The primitive character of these collars is strikingly manifested in their stylized images which pass into ornamented

terminals. By analogy with finds in Altaian and Sarmatian burial mounds, these collars are dated in the 4th-3rd centuries B.C.

Collars made up of several hoops (up to ten) are held together with the help of joint-pins instead of plugs. Stylistically they do not differ from the hooped collars with **plugs**; but they appeared not earlier than the 3rd century B.C. Collars consisting of hoops **with** semi-hoops are barbaric imitations of the spiral collars widespread in Western Asia in the Parthian period and known in the Bosphoran area and Thrace. The joint-pin locks came to prevail from the 2nd century B.C. The armlet with joint-pins from Duzdak is apparently a piece of Graeco-Bactrian jewellery of the 2nd century B.C.

The greater part of the armlets are also penannular or spiral and are made of wire of different calibre. They differ largely in their terminals. There is a spiral collar of three coils with recumbent lion figures at the ends, whose forms and inlay closely resemble the tubular collar with similar figures.

Analogous sculptured figures are used to decorate wire armlet's of seven or ten coils. A number of armlets made up of several coils date from an earlier time than the collars with joint-pins. Some of them bear figures of a beast of prey devouring some animal; only the head (or head and shoulders) of that animal protrude from the jaws of the beast of prey. This motive, which does not occur on the armlets in the Oxus treasure, can be seen in other works of Achaemenian-Persian origin. In Graeco-Scythian art it began to spread in the 4th century B.C.

VII

Siberian Gold Objects. Jewellery, Horse- Trappings, Figurines and Vessels

A plaque with rich inlay, shaped as a griffin with a goat in its talons, is in all probability a work of Achaemenian-Persian art of the 5th-4th centuries B.C. Some of its details resemble the bird struggling with an imaginary creature depicted on the fragment of the appliqué felt carpet from Mound 5 at Pazyryk. The round plaque with a beast of prey attacking an elk also dates from the same period as the Altaian burial mounds.

Earrings with pendants (found apart from the earrings) and finger-rings are prominent among the objects of the Siberian collection. The most common earrings are figures of eight made of wire with a small loop to which various ornaments were attached with the help of a chain.

Another group of earrings are hoops to which ornaments were soldered (diminutive hoops with pendants or clusters of beads attached to a hard core). Both kinds of earrings occur in the Sarmatian burials beginning with the 5th century B.C. The finger-rings are not many, and most of them have a solid hoop.

Animal figurines are either one-piece, or have the legs, ears and horns soldered to the body. All have horizontal pedestals attached to the feet. There are also three models of trees with branches and leaves, which were probably used, together with animal figurines, for cultic compositions affixed to some unknown objects. Some of the figurines closely resemble their Oxus counterparts of Achaemenian-Persian origin and are dated in the same period as the treasure of the Oxus.

The horse-trappings include falars, plates, tips, etc. Since falars do not occur in West Siberian and Altaian burials, it may be assumed that both the Graeco-Bactrian silver falars and the gold falars of the Siberian collection were discovered not in Siberia but in the steppes of the Volga and Don, where several falars of the same type were found (dated in the end of the 1st millennium B.C. and the beginning of the new era). Plates with onyx inlays and figures in high relief, resembling those from the Minusinsk lowland and the Trans-Baikal area, are probably of West Siberian origin and should be dated in the last centuries before the new era.

The handle of a vessel in the shape of a galloping deer from Bugrovaya Osyp, Bukhtarma River, is of Achaemenian-Persian origin, and so are the whole vessels from the Siberian collection.

VIII

*Scytho-Siberian
Animal Style*

Three areas of Scytho-Siberian art are distinguished. One is the Northern Black Sea area with the North Caucasus, the other is Central Asia with the contiguous part of West Siberia, and the third incorporates the easternmost regions including the Minusinsk lowland, the Trans-Baikal area, Mongolia and North China. However, the earliest works of Scytho-Siberian art are traceable not to any of these areas but to north-western Iran (the Sakiz treasure). This hoard includes, in addition to Assyrian, Urartean and Mannean objects and art forms from the Ancient Orient, works bearing a distinctive imprint of the Scythian style.

Scytho-Siberian art crystallised when the Iranian tribes of Western Asia borrowed and reinterpreted the images and subjects of the art of the Ancient Orient. At first its distinctive character could be seen only in the selection, from the rich stock of Oriental art, of those images that appealed to the barbarians confronted by a superior culture, and in the reinterpretation of these images in keeping with the barbarians' requirements and technical means. This art spread rapidly among the tribes of the Northern Black Sea area, Central Asia and Siberia—tribes that were kindred to the Iranians of Western Asia. The affinity of the animal styles of the Northern Black Sea area and Siberia, on the one hand, and certain differences in the treatment of identical subjects, on the other, leave no doubt as to the common origin of both and to the independent development of art in each territory.

Scytho-Siberian art selected few animal figures out of the rich stock of the Ancient Orient: the goat and the deer (the head or whole figure) in the traditional sacrificial position, lying with turned-down legs so that the hooves of the forelegs and hind legs are superposed; standing or walking goats and deer are depicted far less frequently (with the legs seemingly suspended and the sharp ends of the hooves turned downwards). The horse was symbolised by its head; sometimes the head had long ears to indicate that a mule or donkey was depicted. Representations of the bull, even of the bull's head, are extremely rare. Much more frequent are rams' heads, heads and figures of the wild boar, and occasionally the hare. Among the beasts of prey, early Scytho-Sarmatian art favoured the panther, which was spread in the north of Western Asia and the Transcaucasus. There are walking, crouching and coiled panther figures. But the lion, so widespread in the East, does not occur frequently and is often represented only by the head. There are bird images—heads in side-view and figures of birds with closed or open wings. Among the fabulous creatures, gryphons were popular in early Scytho-Siberian art. In the Northern Black Sea area and Siberia the elk, bear and wolf were added to this gallery.

Scytho-Siberian art hardly has any compositions with two or more figures. There are only the simplest representations of pairs of animals in the reversed-image manner, which may be conventionally termed heraldic. In early Scytho-Siberian art the animals were depicted in repose—walking, recumbent or standing, sometimes with the head turned back. Neither were there any images of anthropomorphic deities characteristic of the Ancient Orient. This is most probably accounted for by the more primitive religion of the tribes among which this art was widespread. Scytho-Siberian animal art appeared in Central Asia and Siberia in the 6th century B.C., perhaps at the end of the 7th century. Works of this art were found in the burial grounds of Tamdy, Tagisken, the mounds of Central and East Kazakhstan and the Altai. They spread in the Minusinsk territory, reaching the Ordos as early as the 6th century.

From the 5th century B.C. the character of Scytho-Siberian art began to change: many motives disappeared or degenerated, with new ones taking shape. Among the extinct motives was the sculptured head of a bird-like creature with horns, extremely rare in Siberia but popular in the Northern Black Sea area. A coiled beast of prey was still depicted occasionally, but it assumed all the features of decay. The new period in the history of Scytho-Siberian art is most strikingly represented by objects from the Altai burials with frozen graves. This period is characterised by dynamic, highly expressive

images, the prevalence of compositions showing animals in conflict and also by the growing ornamentalism, with corresponding stylization of forms.

The reinterpretation of the borrowed motives which began as soon as Scytho-Siberian art took shape, resulted in the 5th century B.C. in the partial replacement of such animals as the lion and the panther by the tiger, well known in Central Asia and Siberia, and the ubiquitous wolf. Local variants of imaginary creatures appeared; these incorporated parts of bodies of different animals, but were almost invariably dominated by the Oriental gryphon. The elaboration of an animal figure with additional figures set into some part of the body, typical of Scythian art of the Northern Black Sea area, did not develop on an equal scale in Siberia. The only additional details used to enhance the main figure were birds' heads attached to the ends of horns and tails (only when imaginary creatures were depicted). There is just one case of zoomorphic transformation in a developed form from Siberia—the gold clasp from Verkhneudinsk (the Trans-Baikal area).

In contrast to the Northern Black Sea area, scenes of animals in conflict are prominent in Siberian art. These have complex compositions and involved foreshortening indicative of a long period of evolution. Such scenes were derived from Western Asian Graeco-Persian models, which Siberian art assimilated in a strongly reinterpreted form. First and foremost, the foreign images were replaced by local ones—e. g. the lion by the tiger or wolf, the bull by the elk. Moreover, scenes of animals locked in combat were enriched in Siberian art with realistic elements, and they are more expressive and dynamic than their Iranian prototypes.

The masks (horses' head-dresses) from the Pazyryk mounds also present combat scenes. There are abridged versions of these scenes, showing only the head of a beast of prey from whose jaws protrudes the head (or the head and shoulders) of another animal.

In the 5th century B.C. figures of animals with contorted bodies in violent motion replaced those in repose. The dynamic nature of Siberian art is seen also in the general treatment of images (curved forms and lines). Accordingly, the leading position was assumed not by sculpture in the round but by relief and flat painted or drawn figures. The details were treated in a conventional, ornamental manner using a system of curvilinear signs and contrasting colour patches. Particularly widespread was the technique of emphasising certain parts of the body with special signs—figures of eight, circles, dots, crescents, curved triangles and spiral scrolls, etc. These geometric figures were used to accentuate the shoulders, hips, muscles and other protruding parts of the bodies of animals. They were also popular in the art of Achaemenian Iran. On textiles, carpets and jewellery the details were accentuated with colour (in the case of jewellery, with inlay).

The "inlay style" common in Central Asia and Siberia emerged as a result of the interaction of carpet- and textile-making and the goldsmith's craft. This style, represented mostly by appliqué designs on felt and leather objects from the Altaian mounds, imitated in a simplified form the style of carpets and textiles and was influenced by the local goldsmith's craft just like the jewellery and textiles of Iran.

In keeping with the decorative purpose of Scytho-Siberian works of art, the ornamental treatment often dominated the entire scene to the detriment of the subject. Specimens of this art demonstrate how the figure of an animal or its details were stylized, resolving into an ornamental motive. In addition to animal designs, plant designs began to be used: the lotus, rosette, palmette, running spiral and creeping vine, which appeared both separately and in combination with other forms. The Western Asian origin of the plant designs in most cases is beyond any doubt.

The ornamental trend, apparent above all in the perfectly symmetrical compositions and, subsequently, in the stylized images (which can be seen in the later specimens of Peter's Siberian collection and the bronzes of Minusinsk territory, the Trans-Baikal area and the Ordos) resulted ultimately in the suppression and ousting of the realistic as well as all representational elements in Scytho-Siberian art. As a result of constant repetition, the

animal figures became increasingly crude and geometrized, with certain features emphasised to the detriment of the whole; ornamentally treated fantastic images came to the fore. Coloured inlay, which used to be auxiliary, became an independent decorative component and gradually superseded representational motives. The foliage design derived from the trees and branches in the landscape compositions, lost its plant elements and became abstract. Its forms penetrated into inlay work of every kind. Ultimately, the Scytho-Siberian animal style was superseded by the new geometric polychromic style, with jewellery dominated by diverse inlay (gems and glass paste).

Apart from the decoration of household objects, Scytho-Siberian art had a definite cultic purpose. Animal figures or parts of these figures served as amulets, and also as personifications of cosmic forces; these two purposes did not clash, however. The figures were intimately linked with the myth of the people; they reflected the ideas of good and ill, of life and death and the struggle between these opposites. In this context the barbarian tribes adopted the figures of real and imaginary animals current in the art of the Ancient Orient and reinterpreted them in keeping with analogous local beliefs, in which the totemic traditions still persisted. The anthropomorphisation of images taken from mythology was a new phenomenon in Scytho-Siberian art and it signified not only a personification of the forces of nature but also a deep-going process of social differentiation.

Mythological images played another important role as they appeared on ornaments denoting social rank; their original meaning was thus obscured and distorted under the impact of decorative, artistic requirements. Religious subjects turned into everyday subjects. There appeared genre scenes, specifically episodes from Iranian epics and poems, borrowed mainly from the monumental art of Western Asia.

The history of art in Siberia in the Scythian or, more accurately, Saka epoch can be divided into three periods. The first period, dated in the 6th century B.C., witnessed the rise of the animal style. The second period may be termed the Achaemenian period, since the development of Scytho-Siberian art at that time was dominated by the Persian impact, although it was highly distinctive because of the barbarians' creative reinterpretation of Western Asian models. Subsequently, in the Hellenistic period (the last centuries of the 1st millennium B.C.) when the Graeco-Bactrian Kingdom came to the fore in Central Asia, the realistic traditions in Scytho-Siberian art were undermined by ornamental stylization — in spite of the continued influence of the hellenised Orient.

In the eastern zone of Scytho-Siberian art, which the Huns dominated from the 3rd century B.C., this art persisted till the beginning of the 1st millennium A.D. in ever more crude copies of the earlier models and was gradually ousted by forms of Chinese origin. But in the steppes of the South Urals, the Volga and the Don, where part of the Iranian-speaking peoples of Central Asia and West Siberia migrated, Scytho-Siberian art continued to develop in close connection with the Hellenistic states of Central Asia and the Greek poleis of the Bosphorus, and for some time it was able to resist the purely decorative trend. As a new phase in the history of the animal style, it became the basis of the distinctive Sarmatian art.

Содержание

Ираноязычное население Средней Азии и Южной Сибири в I тысячелетии до н. э.	5
II Художественные памятники саков Средней Азии и Западной Сибири.	14
III Алтайские курганы.	50
IV Минусинские и ордосские бронзы.	85
V Сибирское золото. Поясные застёжки.	124
VI Сибирское золото. Гривны и браслеты.	168
VII Сибирское золото. Личные и конские украшения. Статуэтки и сосуды.	189
VIII Скифо-сибирский звериный стиль.	218
Список сокращений.	237
Примечание.	239
Литература.	243
Список упомянутых в книге мест находок в Средней Азии и Сибири с указанием современного местонахож- дения памятников и основных публикаций.	256
Список иллюстраций.	261
Summary.	269

Артамонов
Михаил
Илларионович

Сокровища
саков

Редактор

Т. Н. Гуковская

Младший редактор

В. М. Морозова

Художественный

редактор

М. Г. Ж

Художник

Ю. А. Марков

Художественно-

технический

редактор

А. А. Сидорова

Корректоры

Г. Я. Троицкая

З. П. Соколова

А 01832

Сдано в набор 16/II 1971 г.

Подписано в печать 23/IV 1973 г.

Формат бумаги 60 X 90 1/8.

Бумага мелованная.

Усл. печ. л. 35. Уч.-изд. л. 33,101

Тираж 10 000 экз. Зак. 6063

Издательский № 765.

Издательство „Искусство“,

Москва, К-51, Цветной бульвар, 25.

Ордена Трудового Красного Знамени

Ленинградская типография № 3

имени Ивана Федорова

„Союзполиграфпрома“

при Государственном комитете

Совета Министров СССР

по делам издательств, полиграфии

и книжной торговли

Ленинград, 196126,

Звенигородская ул., 11.

Цена 5 р. 55 к.

